

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы XVI Всероссийской научной конференции
молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук*

Новосибирск
2018

УДК 303.01
ББК 87
А 437

*Сборник издан по решению
Ученого совета Института философии и права НГУ
и Ученого совета Института философии и права СО РАН*

*Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке
Института философии и права НГУ
и РФФИ (проект № 18-311-10016 мол_?)*

Рецензент:
д-р филос. наук, проф. *B.C. Диев*

Ответственные редакторы:
канд. филос. наук *B.B. Петров, A.H. Артемова,*
O.A. Персидская, канд. филос. наук *A.A. Санженаков*

А 437 **Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований:**
материалы XVI Всероссийской научной конференции молодых ученых в
области гуманитарных и социальных наук / редкол.: В.В. Петров,
А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженаков; Новосибирский
государственный университет. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. —
288 с.

ISBN 978-5-4437-0840-9

В сборнике опубликованы доклады участников XVI Всероссийской
научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и
социальных исследований». Книга рассчитана на специалистов в области
философии, социальных исследований и права, а также всех интересующихся
проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований. Статьи
публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-4437-0840-9

© Новосибирский государственный
университет, 2018
© Институт философии и права
СО РАН, 2018

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.С. Бреславский

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ)
breslavsky@imbt.ru

ПРИГОРОДЫ КРУПНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ: ИСТОЧНИКИ, МАСШТАБЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ТЕРРИОРИАЛЬНОГО РОСТА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00050\18 «(Суб)урбанизация в республиках на Востоке России: траектории территориального и демографического развития в 1991–2016 гг.»

В современной России наблюдаются значимые изменения в морфологии, территориальной структуре крупных городов и их пригородных зон, их внешнем облике, структуре населения и т. д. Многоукладность экономики страны, разная степень завершенности урбанизации в регионах, региональное экономическое неравенство — все это делает карту городского и пригородного развития в современной России крайне рельефной. На одном полюсе этого развития — быстрорастущие города и городские агломерации, генерирующие масштабные процессы освоения пригородных территорий. С другой стороны — затухающие города, отдающие свое население и другие ресурсы более привлекательным центрам.

Усиливающиеся изменения в развитии пригородных территорий крупных городов после распада СССР и их место в общественном развитии вплоть до последнего времени не становились предметом широких научных обследований. Отдельные работы в обозначенном предметном поле, результаты которых опубликованы, представляют лишь первые шаги на пути освоения такой обширной темы, как пригородное развитие современной России [1]. Социальная и научная значимость данных работ обоснована уже тем, что именно пригородный рост может стать определяющим фактором в текущем и будущем развитии более половины крупных городов в России, поскольку они становятся основным местом для жизни большинства россиян. Это становится все более очевидно и в регионах на востоке страны [3], в частности, в столицах республик юга Сибири (Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия), в которых мы проводили исследование в этом году.

Источники-движущие силы роста пригородных территорий. Выстроенные преимущественно в социалистический период по вполне определенным принципам градостроительства, крупные города России сегодня постепенно, а где-то очень динамично меняются. Кардинальное изменение условий, в которых они развивались в XX в., произошло в 1990–2000-е гг. Демократизация, переход к рыночной экономике, формирование рынка земли и жилья, отказ от централизованного планирования, деиндустриализация и кризис сельских территорий, либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, развитие частного строительства, массовая внутрен-

ния миграция, нарастающий жилищный кризис и т. д. — все это предопределило рост масштабов освоения пригородных земель в разных уголках страны. На наших глазах повсеместно возникли коттеджные поселки, таунхаусы, микрорайоны домов усадебного типа, высотные дома; активно переобустраиваются под круглогодичное проживание советские городские и пригородные дачи; меняют свой облик и трудовую ориентацию села, поселки, малые города, расположенные неподалеку от крупных городских центров; формируются новые связи между большими и малыми городами в рамках крупных агломераций; в результате миграций активно перстраиваются системы расселения в регионах, в стране в целом [2; 4; 6]. Все это влечет за собой множественные положительные и отрицательные экономические, социально-демографические, экологические и другие эффекты, о которых мы знаем пока крайне мало, но актуальность исследования данных эффектов сложно переоценить.

Масштабы пригородного роста. «Постсоциалистическая пригородная революция», которую мы фиксируем и в России [7], охватила большинство крупных городов в обществах постсоциализма. Содержание этой «революции» составляет рост частной застройки в пригородах крупных постсоциалистических городов после долгих лет государственных ограничений. Собственно, с такого рода «взрывами» пригородного роста российских городов разного масштаба мы и имеем сегодня дело. Сразу стоит отметить: далеко не все крупные города России и окружающие их пригородные зоны демонстрировали бурный демографический и территориальный рост. По данным статистики в период между двумя переписями (2002 и 2010 гг.) рост численности населения пригородных муниципальных районов был зафиксирован чуть более, чем в половине (55 %) региональных столиц России, в то время как в 45 % из них его либо вообще не было, либо эти районы и вовсе теряли население. Где-то пригороды сегодня растут вместе с городами, где-то быстрее или медленнее городских центров, где-то вопреки упадку своего города [5]. В пространственно дифференциированной России процессы формирования новых сегментов пригородных зон и переустройства старых приобрели, очевидно, многоукладный характер. Различия в уровне и возможностях экономического развития регионов, климатических условиях, истоках и характере продолжающейся урбанизации, масштабах развивающейся субурбанизации — все это определяет разнообразие процессов пригородного развития в России, о которых мы пока знаем крайне мало.

Сегменты-направления пригородного роста. В отдельных регионах России пригороды крупных городов приобрели разные формы: с мало- и многоэтажной застройкой; только жилые или смешанные (промышленные, торговые, рекреационные и пр.); элитные, для среднего класса, малообеспеченного населения или смешанные; полиг- или моноэтнические; застроенные под контролем государства, частным бизнесом или самостоительно жителями, в том числе самовольно; запланированные или построенные стихийно и т. д. Где-то пригороды выстраиваются на ранее не освоенных территориях, а где-то — на основе возникших ранее сел, деревень, поселков, малых городов, путем их полной или частичной перестройки. В одних случаях пригороды формировались вследствие

продолжающейся урбанизации, демографического роста «переполненных» городов, в результате притяжения в них сельского населения, населения малых городов, в других — вследствие набирающей масштабы субурбанизации, связанной с переездом жителей из центральных городских микрорайонов в пригородные в логике классической англо-американской модели. Более конкретно говорить об источниках пригородного роста, о роли урбанизации и субурбанизации в этих процессах мы пока также, увы, не можем из-за слабости российской статистики и малого количества региональных исследований.

Но, несмотря на ощущимые различия между городами в отдельных регионах России, сегодня мы все же можем выделить основные сегменты формирующихся пригородных зон, обозначить масштабы этих процессов, указать на их текущие и возможные последствия. Последствиями в данном случае мы называем то, что обычно вызывает широкий общественный резонанс, когда речь заходит о городском и пригородном развитии на локальном уровне. Речь может идти о стихийном, нерегулируемом государством и муниципалитетами характере застройки, нерешенности проблем с транспортной доступностью, пассажирским сообщением, о развитии инженерной и социально-бытовой инфраструктуры, повышении нагрузки на города и пр. В более широком смысле стихийное стягивание населения в столичные (в том числе региональные) города, которое стало характерным явлением последних лет в России, вызывает беспокойство за будущее развитие сельских территорий и малых городов.

В России новые системы расселения в схеме «город — пригород — село» пока недостаточно изучены как в общегосударственном, так и в региональном масштабах, хотя значимые работы выходят в свет. Известные проблемы со структурой и качеством, в частности, российской статистики, уточнение, конкретизация количественных данных требуют дополнительных полевых обследований в регионах страны. В то же время специалистов, последовательно занимающихся изучением миграции населения, (суб)урбанизации, территориального развития в регионах, крайне мало. При наличии внушительных перспектив для анализа эта сфера социальных исследований пока слабо вовлекла региональных отечественных ученых, что порождает проблемы в организации сравнительных и обобщающих работ.

В этом поле сосредоточилось много не только исследовательских, но также и управлеченческих вопросов. Какова численность населения пригородных поселений в стране? Кто живет в пригородах? Следует ли регулировать демографический и территориальный рост пригородных поселений? Какими способами? С какими проблемами сталкиваются пригородные сообщества и муниципальная власть? Как пригороды влияют на городскую инфраструктуру, рынок труда, транспортные коммуникации? Стоит ли присоединять пригородные поселения к городам? Нужно ли разрабатывать специальные программы социально-экономического развития пригородных зон? Или следует рассматривать их в качестве отдельного субъекта в муниципальном, налоговом законодательстве? Формируется ли в регионах успешная практика по управлению пригородным развитием? Список можно продолжить. Кажется очевидным, что для взвешенного решения

этих вопросов важно вначале перевести их из разряда управленческих в исследовательские. Но это в регионах происходит пока редко и зависит от местных инициатив. Вышесказанное формирует лишь часть повестки пригородных исследований, социальная и научная значимость которых, как представляется, возрастает от года к году.

Литература

1. Бреславский А.С. Введение. Пригороды и пригородные исследования в современной России // Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 3–24.
2. Григорьев К.В. Между городом и селом: концептуализируя сибирский пригород // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность / отв. ред. Л.Р. Ротермель и др. Омск: Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, 2016. С. 149–162.
3. Григорьев К.В. Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 175–189.
4. Махрова А.Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Известия РАН. Сер. Географическая. 2014. № 4. С. 49–59.
5. Мкртчян Н.В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 26–37.
6. Нефедова Т.Г. Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2011. № 15. С. 161–173.
7. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe / ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Willey-Blackwell, 2014. 360 p.

В.В. Петров

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет (Новосибирск)
v.v.p@ngs.ru

УНИВЕРСИТЕТ И КВОТЫ: ПРАВО ДВОЙНОГО ВЫБОРА

Изменения, произошедшие в российском социуме на рубеже веков, выявили серьезное несоответствие отечественной университетской системы, которая сформировалась на индустриальной стадии развития общества, требованиям общества, основанного на знаниях и информации. Это несоответствие тем более ярко проявилось на фоне системного кризиса, который произошел в российском обществе в конце XX в. Существующий консерватизм системы университетского образования в современных условиях выступает как способ самосохранения — любая система сопротивляется изменениям, воспринимая их как опасность для своего существования. С другой стороны, общество на современном этапе своего развития предъявляет качественно новые требования к подготовке научных кадров в рамках университетского образования, которое оказалось не в состоянии адекватно ответить на вызов времени — отечественные университеты занимают отнюдь не лидирующие позиции в мировом образовательном про-

странстве в эпоху глобализации, что отражается в многочисленных международных рейтингах. В настоящее время существует достаточно большое количество работ как отечественных (А.М. Аблажей, А.А. Гордиенко, В.С. Диев, Н.В. Наливайко, Н.И. Паршиков, Г.Н. Петрова, Н.С. Розов, О.Н. Смолин, Я.С. Турбовской, С.И. Черных и др.), так и зарубежных исследователей (Ф. Альтбах, Б. Кларк, Б. Ридингс, И.Г. Виссема, Г. Ицкович, С. Митра, У. Ричардсон, К. Робинсон и др.), посвященных анализу возникновения данного противоречия, но по-прежнему остается неясным, как это противоречие преодолеть: многочисленная череда реформ отечественных науки и образования никак не может привести к декларируемой цели: повысить качество университетского образования для подготовки высококвалифицированных научных кадров с точки зрения вос требованности на глобальном научно-образовательном рынке.

Для достижения заявленной цели многими реформаторами предлагается обратиться к зарубежному опыту развития организационной культуры высшей школы, прежде всего, американскому — как известно, верхние строчки международных рейтингов представлены, как правило, университетами США [11]. Поскольку в основе и американской, и российской системы университетского образования лежит опыт развития европейской системы образования [5, с. 23], который был изначально адаптирован по-разному в соответствии со сложной совокупностью экономических, политических и социокультурных факторов и детерминант и, в конечном итоге, привел к созданию образовательных систем, существенно отличающихся друг от друга, мы обратимся к немецкой модели организации университетского образования, которая не только изначально была ближе к российской, чем англо-американская, но и претерпела существенные изменения в череде многочисленных социальных потрясений и кризисов за последнее столетие — Первая мировая война, Вторая мировая война, раскол Германии и последующее ее объединение. Напомним, что в XIX в. в результате революционных перемен организационная культура немецких университетов, к которым мы обращаемся в качестве примера, претерпевает серьезные изменения — происходит качественный переход от объединения преподавателей и студентов (*Universitas magistorum et scholarum*) к объединению наук (*Universitas litterarum*), начало которого связано с организацией принципиально новых университетов: Берлинского (1809–1810) и Боннского (1818) в Пруссии, Мюнхенского (1820) в Баварии [7, ch. 1–4], где профессорско-преподавательский состав — «настоящие ученые, и, наоборот, все настоящие ученые — профессора университета» [2, с. 16]. Такой подход к организации университетского образования позволил Германии сосредоточить в Берлине серьезную европейскую науку практически по всем ее отраслям, что привело к почти столетию (1831–1933) «неоспоримого мирового значения немецкоязычной науки, которая по своему существу является университетской наукой» [6, с. 76]. Первая мировая война, ослабившая Прусское государство, сложная экономическая ситуация Веймарской республики, репрессивная политика Третьего рейха и раздел Германии после Второй мировой войны привели к формированию немецкой системы высшего образования фактически заново — как известно, 1960-е гг. ознаменовались

«экономическим чудом», в котором коренным образом изменилась основная задача университетов — от них требовалась подготовка высококвалифицированных кадров, прежде всего специалистов в области естественных и технических наук, а позднее, с ростом ориентации на «экономику знаний», повысилась и роль университетских научных исследований, и объем финансирования исследований и разработок.

Трансформация модели университета привела к необходимости модификации системы отбора абитуриентов. Так, одним из главных приоритетов социального государства, на формирование которого претендовала Германия, считалась «равноценность условий жизни» на всей территории страны [8, р. 72], что находит свое отражение в первом федеральном Рамочном законе о высшей школе, регламентирующим равномерное и единообразное распределение социальных услуг. В результате система приема в высшую школу, сформировавшаяся в 1970-е гг., практически не позволяла государственным вузам производить отбор студентов, поскольку закон предусматривал право всех на свободный выбор профессии, места работы и места обучения — общий аттестат (Abitur), который в Германии получали лица, окончившие 13-й класс гимназии или общей школы и сдавшие четыре экзамена по основным предметам, позволяя его обладателю поступать в высшее учебное заведение любого типа в любом вузе ФРГ [10].

В 1990 г. после объединения Германии, произошел прирост территорий и населения почти на 20 % (64,5 млн жителей в ФРГ и 15,8 млн — ГДР) [1, с. 157], что привело к необходимости унификации вузовских систем разработки единых критериев оценки качества абитуриентов.

В августе 1998 г. принимается четвертая редакция Рамочного закона о высшей школе, которая существенно изменяет положения об общей процедуре отбора абитуриентов. Во-первых, вузам предоставлено право участвовать в этом процессе путем установления вузовской квоты. Во-вторых, академические критерии выходят на первый план. — приоритет критерия среднего балла аттестата («уровень квалификации согласно § 27» [9]) фактически был подтвержден. Кроме того, вводится новый критерий — результат проведенного вузом собеседования.

Места для абитуриентов, на которые распространялись федеральные квоты, составляют в это время около 20 % от общего числа вакансий для первокурсников, ежегодно выделяемых вузами ФРГ [3]. Остальные места должны были оставаться открытыми для всех претендентов, обладающих аттестатом гимназии. Это означает, что с 1998 по 2004 г. фактическая доля мест, допуск к которым могли контролировать сами вузы, достигла примерно 4,8 % (24 от 20 %).

В 2004 г. в седьмой редакции Рамочного закона о высшей школе появляется практическое новшество, так называемое «20 : 20 : 60»: 20 % учебных мест выделяют обладателям лучших аттестатов, 20 % распределяют в соответствии со сроком ожидания, а заполнение остальных 60 % мест федеральные законодатели доверяют вузам. Эти принципы допуска вступили в силу с зимнего семестра 2005/06 уч. г. [3]. Однако в компетенции земель сохранялось право как заметно расширить полномочия вузов, так и оптимизировать их сократить.

Таким образом, реформы Рамочного законодательства позволили немецким университетам влиять на отбор абитуриентов, используя для этого конкурсные механизмы, хотя не охватывали все учебные места.

Эти изменения, произошедшие в организационной культуре университетов, позволили им производить качественный отбор абитуриентов, определяя наиболее достойных по своему уровню подготовки, что в целом оказало положительное влияние на образовательный процесс.

Если провести аналогию с отечественной высшей школой [4, с. 68], то приходится констатировать, что с точки зрения организации отбора абитуриентов для обучения в лучших университетах, мы находимся, в лучшем случае, на уровне 1998 г. Аналог Abitur — это наш ЕГЭ, о котором много говорилось [3, с. 1405] и говорится на самых разных уровнях, поэтому не будем на этом останавливаться подробно. Безусловно, постоянно происходит модификация и изменений, и процедуры сдачи ЕГЭ, но подавляющее большинство отечественных университетов по-прежнему не имеют возможности производить самостоятельно отбор будущих студентов. Если нашу систему образования настойчиво ориентируют на «западные» стандарты, то необходимо перенимать опыт ведущих университетов не частично, а полностью — только тогда окажется возможной его вдумчивая адаптация к отечественным социокультурным условиям. Заметим, что в Германии, как и в России, по прежнему остается нерешенной проблема школьных аттестатов: общий аттестат гимназии все так же дает право прямого доступа в вуз, при этом средний балл аттестата превратился в основной критерий при отборе абитуриентов на квотируемые специальности — аттестат считается лучшим из имеющихся инструментов прогнозирования успеваемости будущего студента, а также его шансов на успешное окончание вуза. Следует отметить, что аттестаты слабо сопоставимы между собой и недостаточно отражают реальный уровень знаний. Также сложно сопоставить средний балл и квалификацию абитуриента для конкретных вузовских дисциплин. Но при этом 60 % абитуриентов немецкий университет набирает самостоятельно. Возможно ли сделать такое перераспределение квот для поступающих и в России? На наш взгляд это ничему не противоречит: при этом ущемления прав абитуриентов не происходит, социальные критерии сохраняются, а академические усиливают свои позиции.

Соответственно, необходимыми требованиями успешной реализации реформы системы высшей школы могут стать следующие: во-первых, отказ от идеи равенства всех вузов и одинаковой способности всех студентов; во-вторых — принятие права «двойного выбора», позволяющего вузам самостоятельно отбирать лучших студентов и наоборот. Проекты реформ демонстрируют, что подвижки в этом отношении есть — вводятся различные творческие конкурсы и учет индивидуальных достижений, проводятся зачисления вне конкурса по результатам олимпиад и т. д., равенство вузов перестает восприниматься, как должное, но пока еще распределение между «социальным» и «академическим» очень далеко от желаемого, а фактическая «свобода выбора» в системе отбора абитуриентов по-прежнему остается целью.

Литература

1. Водичев Е.Г. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск : Академическое изд-во «Гео», 2013. 396 с.
2. Паульсен Ф. Немецкие университеты и их историческое развитие. М., 1898. 425 с.
3. Петров В.В. Организационная культура подготовки научных кадров: свобода выбора в системе отбора // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. № 4. С. 1401–1409.
4. Петров В.В. Организационная культура производства фундаментального знания в условиях системных трансформаций: российская специфика // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, культурология. 2016. Т. 11. Вып. 2. С. 65–71.
5. Петров В.В. Университет в условиях глобализации: организация, структура, управление // Философия образования. 2016. № 4 (67). С. 20–28.
6. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5/6. С. 65–78.
7. A History of the University in Europe. L.: Cambridge University Press. 2004. V. 3. 751 p.
8. Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland Textausgabe – Stand: Juli 1998. Herausgeber: Deutscher Bundestag. Bonn, 1998. 142 s.
9. Schmoch U. Germany: The Role of Universities in Economic Growth – The German Situation [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/profile/Ulrich_Schmoch/publication/255600831_The_Role_of_Universities_in_Economic_Growth_The_German_Situation/links/54928e540cf2991ff55616e1.pdf?origin=publication_detail (дата обращения 28.05.2017).
10. Two decades of reform in higher education in Europe: 1980 onwards. Germany. National description. Eurydice – The information network on education in Europe. 2000. 570 p.
11. Worldwide University Rankings [Электронный ресурс] // URL: <http://www.topuniversities.com/university-rankings> (дата обращения 09.01.2016).

Г.И. Чернавин

НИУ Высшая школа экономики (Москва)
gchernavin@hse.ru

«НЕЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНЫЕ ЗВУКИ» ФЕНОМЕНОЛОГИИ: ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН И ТЕЗИС «НИЧТО НИЧТОЖИТ»

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-011-00582
«Метод позднего Витгенштейна: сведение (девальвация) традиционных проблем
метафизики к философской головоломке».*

В 2003 г. были опубликованы заметки Витгенштейна [5], в которых можно найти интересное пересечение с философией Хайдеггера. В какой мере возможно взаимопонимание между витгенштейнским проектом философии и феноменологией? Возможно ли взаимодействие более продуктивное, чем взаимное недоброжелательное списание со счетов?

В коротком тексте 1932 г., озаглавленном «О характере беспокойства», Витгенштейн отталкивается от хайдеггеровской формулировки «ничто ничтоожит» из лекции «Что такое метафизика?» [2]. Судя по всему, Витгенштейн не читал инаугурационную лекцию Хайдеггера и, тем не менее, стремится «отдать [фразе Хайдеггера] должное», а не дисквалифицировать ее сразу как «бессмыслицу»

или «плохую поэзию», туманное «выражение чувства жизни» как поступил в статье 1931 г. Карнап [1]. Но только с точки зрения Витгенштейна, чтобы отдать формулировке Хайдеггера должное, продуктивнее спрашивать не «что это значит?», а «почему он это говорит?» [5, р. 68–69].

Я предлагаю поступить также с текстом самого Витгенштейна и спросить: откуда у него возникает желание «обезвредить» метафизическую формулировку, почему она кажется ему чем-то опасным, беспокоящим, раздражающим? Почему философское высказывание должно рассматриваться как симптом некоторого расстройства, как навязчивая мысль, от которой нужно избавиться [4, р. 98]? Заметка Витгенштейна посвящена мотиву философского беспокойства; он пытается соотнести себя с Хайдеггером, как с тем, кто, возможно, разделяет его интеллектуальное беспокойство. Как если бы он узнавал знакомую ему самому «ментальную судорогу» и хотел помочь снять ее; при этом он ищет бессознательно действующее сравнение, чтобы проговорить и тем самым обезвредить его (см.: [5, р. 70]).

Витгенштейн проводит аналогию между своим методом понимания фразы Хайдеггера и психоанализом, а затем вводит образ острова в бескрайнем море, который кажется неслучайным — это характерная метафора, часто использовавшаяся для описания отношений между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным. (Обратим внимание на то, что образ острова бытия в океане ничто не так далеко ушел от «выдвинутости *Dasein* в ничто», о которой говорит Хайдеггер. В тексте лекции эта фраза, следующая сразу за «ничто ничтожит», но ее Витгенштейн, судя по всему, не читал.) Итак, Витгенштейн сам приводит эту географическую аналогию и сам же обеспокоен ее произвольностью, равно как и произвольностью любой другой мыслимой аналогии. Польза от нее не в ее точности или эвристической ценности, а в избавлении от «спазма» философского беспокойства (см.: [5, р. 70]).

Избавиться от глубокой философской обеспокоенности с помощью тривиальности — это своего рода стратегия, которую Витгенштейн многократно применял. Он исходит здесь из привычной для него «терапевтической» концепции философии: философский вопрос — это паразитарная, навязчивая мысль, от которой нужно избавиться [3, р. 164]. При этом не рассматривается вариант, при котором философ стремится привести читателя или слушателя в состояние интеллектуального беспокойства, стремится поставить вопрос так, чтобы от него стало «не по себе». Кажется, что в случае «ничто ничтожит» мы имеем дело со словосочетанием, которое и должно заставить нас почувствовать себя «не в своей тарелке», более того, понять, что нет никакой «своей тарелки».

Тем временем, Витгенштейн, стремясь избавиться от глубинной философской обеспокоенности с помощью тривиальности, демонстрирует как можно разрешить философское затруднение, избавившись от эквивокаций, а вместе с ней и от «чувства неуютности, относившегося языку» [5, р. 70, 72]. Глубокая философская обеспокоенность, глубокое чувство «неуютности» не так далеко отстоит от хайдеггеровского «не по себе», разница только в степени: уютной или неуютной может быть квартира или комната, но для этого, по крайней мере,

должен быть дом. Витгенштейн «на ощупь» приближается к значимой для текстов Хайдеггера аффективной тональности, пытаясь раскрыть то беспокойство, которое вызывает у него случайно услышанный тезис «ничто ничтожит». Однако затем Витгенштейн возвращается к исходной стратегии, согласно которой важно понять не что Хайдеггер говорит, а зачем он это говорит.

Ближе всего Витгенштейн подходит к смыслу лекции Хайдеггера (которую он не читал), спрашивая: «Исходя из какого опыта мы можем констатировать „ничто ничтожит“? Или вообще не из какого?» [5, р. 72] — описанию такого рода опыта и посвящена вся лекция. Как известно в своей лекции Хайдеггер затрагивает метафизический вопрос «Почему существует нечто, а не ничто?», при этом, он не столько пытается на него ответить (в формате «Потому, что...»), сколько пытается раскрыть тот фундаментальный опыт, который этот вопрос вызывает к жизни. В том же 1929 г., когда Хайдеггер читает свою лекцию, Витгенштейн читает «Лекцию об этике», в которой говорит об опыте «удивления существованию мира», говорит об опыте, о котором, по его мнению, нельзя корректно говорить. Он задает вопрос: исходя из какого опыта мы можем констатировать «ничто ничтожит»? — это, пожалуй, самый конструктивный из заданных вопросов, только Витгенштейн должен быть готов к тому, что об этом опыте нельзя будет корректно говорить. При этом не стоит считать «ничто ничтожит» настоящим высказыванием (это явное псевдо-предложение), оно скорее сопровождает «фундаментальный» опыт, к которому тщетно пытается подвести Хайдеггер, оно скорее сопровождает этот опыт, чем выражает его, примерно так же, как вскрик или всхлип сопровождает опыт боли.

Интересно то, что в обсуждаемой рукописи сам Витгенштейн вводит важный для Хайдеггера эпитет «фундаментальный» (см. «фундаментальный опыт», «фундаментальная онтология»), при этом слово «фундамент» кажется ему шатким и неопределенным, для него это двусмысленная метафора [5, р. 72, 74]. Формула вежливости, ничего не значащая формальность, ссылка на то, что потом не пригодится (таковы гипотезы Витгеништейна о значении формулировки Хайдеггера) — мало того, что это «псевдо-предложение», это еще и «псевдо-фундамент».

Ближе к концу рукописи Витгенштейна постепенно нарастает комизм происходящего; в тексте «О характере беспокойства» — философское беспокойство рассеивается благодаря юмору. Посмотрим со стороны на происходящее; что вызывает комический эффект? На наших глазах пытаются понять философский текст по одной вырванной из контекста фразе. И вот Витгенштейн решает зайти с неожиданной стороны и применить «пищеварительную» метафору [5, р. 74]. Встреча с непривычной формой философии представляется в комическом свете: мы привыкли к одному виду расстройства желудка, а с нами случилось другое. Поэтому привычное лекарство (тривиализация мнимой философской глубины) усугубляет ситуацию, а не помогает. «Ничто ничтожит» — это урчание в животе, причем это урчание в животе нового типа, непривычное для нас урчание в животе, «неартикулированные звуки» [5, р. 74].

К концу текста щедрость Витгенштейна, желание отдать должное тезису «ничто ничтожит» ожидаемо иссякает. Его последняя гипотеза: это только венецианка, словесные кружева, бесполезное украшательство. Критикуя архитектурные излишества, Витгенштейн привлекает и свой опыт строительства особняка на Кундманнгассе, окончательно возведенного в том же 1929 г. [5, р. 76]. Интересно, что в лекции Хайдеггера все «оседает», «проседает», «уходит из-под ног», «рушится», на месте «фундамента» оказывается «провал», то есть здание метафизики — это аварийное здание, которое не мы строили, но которое нам приходится перестраивать. Это совсем не та архитектурная метафора, которой хочет оперировать Витгенштейн — метафора нового, практического особняка в конструктивистском стиле. И, тем не менее, в предпоследней фразе Витгенштейн действительно «отдает должное» тезису «ничто ничтожит», говоря, что он ничего не объясняет, но только подчеркивает нечто. Из текста Хайдеггера мы можем знать, что этот тезис на самом деле призван оттенять такие темы как вопрос о бытии или фактичность *Dasein*. Итак, Витгенштейну удается списать тезис Хайдеггера со счетов как бесполезный резной карниз или горгулью и, одновременно, «отдать ему должное» как подчеркивающему или оттеняющему нечто более важное.

Подытожу: Витгенштейн перебирает варианты того, как следует понимать «ничто ничтожит», причем даже не столько, что этим хотел сказать Хайдеггер, а почему он хотел это сказать. Что может заставить философа высказать тавтологию? Симптомом чего выступает это странное словосочетание? Что оно замещает, вытесняет? Что у него болит, если у него такое странное речевое поведение?

Первая гипотеза Витгенштейна состоит в том, что автор высказывания «ничто ничтожит» хочет избавиться от философского беспокойства. Это собственный мотив Витгенштейна — смутное интеллектуальное беспокойство, «ментальная судорога», «волос на языке» от которого необходимо избавиться. «Ничто ничтожит» выступает симптомом философского беспокойства, оно замещает развернутый метафизический рассказ, в котором ничто отводится фундаментальная роль. Витгенштейн пытается реконструировать этот возможный рассказ, используя юнгианскую метафору бескрайнего моря бессознательного и островка сознания. При этом он угадывает хайдеггеровский тезис «*Dasein* выдвинуто в ничто» (ради которого и создается глагол-чудовище «ничтожить»), не читав его.

Затем Витгенштейна размышляет о том, что от словосочетания «ничто ничтожит», можно избавиться, введя такую систему записи, в которой это предложение нельзя записать. Но «выключить» предложение, которое выражает смутное интеллектуальное беспокойство — значит ли это «выключить» само беспокойство? У Хайдеггера «ничто ничтожит» — это уже метавысказывание о метафизике, это попытка выразить то смутное беспокойство, которое предположительно стоит за метафизическими вопросом «Почему есть нечто, а не ничто?» Уйдет ли экзистенциально-онтологическое беспокойство, если мы просто применим такую систему записи, в которой его выражение невозможно? Витгенштейн считает, что беспокойство уйдет вместе с несчастливым выражением и пытается

лечить «больной» глагол «ничтожить», поочередно прикладывая к нему метафоры разного рода: ландшафтно-морскую, механическую, архитектурную, декоративную, дидактическую, наконец — пищеварительную. Как ни странно, именно отсюда (от метафоры боли в желудке) Витгенштейн делает шаг к меткому замечанию о том, что «слова феноменологов представляют собой неартикулированные звуки». Как и Карнап Витгенштейн понимает, что хайдеггеровское «ничто ничтожит» — это не столько речь, сколько мычание, но в отличие от Карнапа, он не считает возможным смеяться над тем, кто мычит от боли.

Рукопись *О характере беспокойства* встраивается в более широкий контекст размышлений Витгенштейна (1929–1932) о невозможности феноменологического языка, а затем и знаменитой темы невозможности индивидуального языка. Но совершенно не очевидно (для Витгенштейна это совершенно ясно, но насколько это ясно для нас?), что феноменологический язык может быть только индивидуальным (т. е. есть в коммуникативном плане абсурдно-бесполезным) языком. Он вполне может использовать слова общего (философского, повседневного, художественного языка) и постепенно модифицировать их смысл в оговоренном определенном направлении. Язык феноменолога Хайдеггера, который на первый взгляд кажется набором неартикулированных звуков, оказывается для Витгенштейна ни таким уж непонятным. Он утверждает, что может помыслить, что имел в виду Хайдеггер под бытием и ужасом, понимает, что смысл косноязычного неологизма в том, чтобы оттенить вопрос о бытии; более того, опираясь на одно словосочетание «ничто ничтожит», он угадывает смысл следующего предложение *«Dasein* выдвинуто в ничто, которое уже больше похоже на тезис или даже аргумент.

Литература

1. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 6. 11–26.
2. *Heidegger M.* Was ist Metaphysik? Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2007.
3. *Wittgenstein L.* Philosophical Occasions, 1912–1951, J.C. Klagge, A. Nordmann, Indianapolis: Hackett Publishing, 1993.
4. *Wittgenstein L.* Wittgenstein's Lectures, Cambridge (1932–1935): From the Notes of Alice Ambrose and Margaret Macdonald, Ambrose A. (ed.), NY: Prometheus Books, 2001.
5. *Wittgenstein L., Waismann F.* The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle, Baker G. (ed.), London & NY, Routledge, 2003.

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К.С. Арутюнян

Рязанский государственный радиотехнический университет (Рязань)
Carin-dop@yandex.ru

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ УПРАВЛЕНИЕ

В данной статье анализируется категория управления в общественных науках (психологии, политологии и социологии). Раскрывается роль философии в управлении и дается авторский подход в определении управления с позиции философии.

Глобализация существенно активизировала процессы интеграции наук, тенденции к единству естественнонаучного, технического и гуманитарного знания. В этих условиях возникают, успешно исследуются и используются новые формы и средства обобщения и познания, которые, не являясь философскими, применяются в различных областях знания.

Процессы интеграции в науке изменяют границы между научными дисциплинами, образуя общенаучные проблемы, направления, понятия, принципы и методы. Их появление и развитие — выражение интеграционных процессов, синтеза научного знания [3, с. 105]. Управление связывает теорию и практику управления со всей системой научных знаний, со всеми сферами человеческой деятельности.

Сегодня особенно необходим междисциплинарный подход к управлению как единство когнитивного, ценностного, деятельностного, системного, теоретического и ситуационного подходов. Синтез предполагает диалог и взаимодополнительность подходов и концепций и является основой плюралистичности методологии управления. Объективной необходимостью междисциплинарного синтеза в исследовании управления оказывается невозможность раскрытия объема и содержания принципов и закономерностей силами одной науки [8, с. 5]. Для более полного исследования понятия управления проанализируем психологические, политологические и социологические подходы.

В психологии выделяют следующие подходы к определению управления: структурный подход основан на положении о том, что эффективность управленческой деятельности определяется соответствием структуры отношений между субъектом и объектом и стоящими перед ними задачами. Представителями структурного подхода в определении управления в психологии является разработанная теория М. Дойча о влиянии конкурентной среды на совместную деятельность субъекта и объекта управления.

Исходя из данного подхода, управление в психологии определяется как постановка групповых целей для достижения необходимых задач, изменение состава группы, их ролевой структуры [18, с. 623], [16, с. 10], разработка внутригрупповой коммуникации и системы контроля.

Культурный подход сформировался в результате развития организационной культуры в реализации стратегий, формирование общей системы ценностей, партнерства. Важную роль играет менеджер, который формирует единую систему ценностей и нормы, которые необходимы для интеграции и адаптации внутри группы [14, с. 17].

Имплицитная теория в психологии определяет управление через понятие лидерство. Согласно данной теории, эффективность управления во многом зависит от стиля руководства лидера, от восприятия его подчиненных, от совпадения единых целей для достижения поставленных задач [17, с. 536].

Сетевой подход в психологии во многом связан с изменениями, которые происходят в управлении. К факторам, определяющим изменения, относят: распущую роль информационных технологий, а также многообразие внешних контактов группы. В этой ситуации субъект управления должен представлять собой «сетевого менеджера» для объединения субъектов в единое целое. Сетевой подход в психологии рассматривает управление через понятие управление «деловыми или управленческими сетями». Исследователь К. Хаксмен определял управление «деловыми сетями» как: заинтересованность участников в совместных действиях и неопределенностью и сложностью состава сотрудников. Результатом такого управления является достижение и формирование новых целей, что связано непосредственно с изменением структуры и состава субъектов и объектов. Сетевой подход определяет управление через понятие ролевой структуры общества [15, с. 105].

Когнитивный подход в психологии определяет эффективность управления от сложно решаемых задач, а также от развития информационного общества. Управление в рамках когнитивного подхода определяет управление знаниями в организациях с опорой на психологические подходы. При этом знания — это не просто информация, это оценочные, эмоциональные, личностные компоненты, которые имеют социально-психологическую природу. Эффективность управления при этом зависит от умения руководителя управлять эмоциями, чувствами подчиненных, а также использовать необходимые ресурсы для решения поставленных задач.

Эмоциональный подход определяет управление как способность членов группы, а также менеджера в управлении эмоциями для повышения эффективности управленческой деятельности. Исходя из психологических подходов в определении понятия управления, управление складывается из целей, задач, культурных ценностей, лидерских качеств, внешнего окружения, знаний, эмоций и чувств.

Понятие управления в психологии соотносится с понятием манипуляция. Первоначально термин манипуляция подразумевал действия, производимые руками [7, с. 97]. Затем во второй половине XIX в. манипуляция представляла собой влияние на людей, управления ими. По мнению, Р. Гудина, манипуляция — это применение власти, которое противоречит воли другого. О. Йокояма называет манипуляцией воздействие манипулятора на объект. Г. Шиллер

определяет манипуляцию как скрытое воздействие на мысли, чувства, установки и отношения.

Таким образом, манипуляция — это вид психологического воздействия, исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с существующими желаниями.

По мнению А.П. Николаевой-Чинаровой, манипуляция и управление — это понятия синонимы, которые представляют собой процесс внушения, производимый без согласия индивида. Исследователь приходит к выводу, что в 30—40-е гг. XX в. манипулятивные воздействия, основанные на внушении, применялись в управлении людьми [6, с. 60].

С.Г. Кара-Мурза утверждает, что манипуляция является видом социального управления. Манипуляция — это некая технология господства, которая используется людьми, независимо от нравственных воззрений, идеологических установок, представляющая собой всепроникающий процесс, который присутствует во всех сферах общественной жизни [5, с. 16].

Г.В. Грачев и И.К. Мельник определяют манипуляцию как способ управления обществом, общественным сознанием, мнениями, интересами, а также манипуляция является базовым подходом в управлении, который предполагает использование средств и механизмов явно и неявно управляющих людьми и привлекающих к заранее запланированным действиям [2, с. 62].

Манипуляцию в психологии определяют как специфический способ управления. В рамках данного подхода с точки зрения психологии, управление представляет собой скрытое принуждение к тому или иному поведению. Управление с позиции манипулятивного подхода подразумевает психологическое воздействие, способы, методы, средства и приемы для влияния на сознание индивидов.

Теория С.Н. Бледного формирует такое понятие как «манипулятивное управление». Такое управление является частью политического управления. По мнению автора теории, манипуляция представляет собой разновидность управления процессами в политике [1, с. 88]. Как утверждает исследователь, манипуляция появляется вместе с появлением толпы, которая становится его объектом. С.Н. Бледный указывает на наличие идей, ценностей, которые необходимы для реализации манипулятивного управления.

Таким образом, в рамках психологического подхода, понятие управления находит свое отражение в процессах манипуляций. Также как и управление, манипуляция появляется в результате появления человека и общества, норм социального регулирования.

С точки зрения политологического подхода, управление соотносится с понятием власть. М. Фуко утверждает, что власть — это знания, которые необходимо использовать для объекта, нуждающегося в управлении [12, с. 69]. Политологический подход использует деятельностную модель власти, которая была предложена М. Вебером. В политологии управление представляет собой разновидность власти, которое оказывает воздействие на сознание индивида, является неотъемлемой частью нормативной регуляции, что способствует трансформации ценностей и смыслов в социуме.

Управление с позиций социологии представляет собой совокупность социальных отношений, складывающихся в организациях, а также процессы социального регулирования в современном обществе [13, с. 10]. Управление в социологии рассматривает специфику управления в разных сферах общественной жизни и на разных уровнях. Например, в рамках институционального подхода анализируются управленческие отношения в социальной структуре. Поведенческий подход предполагает изучение особенностей поведения руководителя и подчиненных в процессе управления (мотивация, лидерство, конфликты и т. д.).

Социологический подход рассматривает управление как целенаправленное организованное воздействие, на социальный организм в целом или отдельные его компоненты (В.Г. Афанасьев); управление — это особый вид деятельности, превращающий неорганизованную толпу в эффективную, целенаправленную и производительную группу (П. Друкер). Основными признаками социологического подхода является: взаимодействие субъекта и объекта, где субъектом оказывается человек или группа людей; управление рассматривается как характеристика социальных систем, т. е. связано с наличием сознания и социальной активности; управление связано с такими понятиями как: интерес, ценности и мотивация.

Психология управления — это воздействие личностей друг на друга, в рамках психологии, управление анализирует аспекты, связанные с лидерством, руководством, групповым взаимодействием. Управление с позиций социологии — это не только воздействие субъекта на объект с определенной целью, но и активное воздействие объекта на того, кто осуществляет управление. В этой ситуации можно утверждать об их взаимодействии [4, с. 9].

Г.Е. Эзборовский и Н.Б. Костина утверждают, что управление это не воздействие, а взаимодействие управляющих и управляемых субъектов в связи с выявлением проблем их жизнедеятельности в социальной сфере, разработкой и принятием решений [4, с. 36]. А.В. Тихонов рассматривает управление как социокультурный механизм регуляции социальных отношений между участниками совместной деятельности, сочетающей интересы, формальные и неформальные нормы, достижения целей и устойчивости социальных связей [9, с. 260]. В работах Ж.Т. Тошченко управление определяется как «человеческая деятельность, предполагающая решение кардинальных теоретических, методологических и методических проблем» [10, с. 66], а также как среда непосредственных исполнителей, условия стимулирования труда, возможность применения различных экспериментов по повышению эффективности производства и производительности труда [11, с. 445].

Ситуационный подход рассматривает управление как управленческие связи, которые становятся профессиональной функцией менеджера; антисистемный подход (1980—1990-е гг.) (К. Вейк, А. Петтигрю и т. д.) подразумевает под управлением совокупность целей и представлений субъектов для формирования представлений о реальности и способах деятельности (К. Вейк); экзистенциальный подход (Г. Однорие) определяет управление как соблюдение норм и правил рационального поведения для принятия управленческих решений; деятельностно-активистский подход (П. Бурдье, Э. Гидденс, П. Штомпка) открывает новые

возможности социологической интерпретации управления, где управление это согласованная система действий субъектов, поддерживающих и конструктивно изменяющих социальный порядок без манипуляции другими участниками совместной деятельности в контексте культурной среды.

Таким образом, можно утверждать, что управление в социологии рассматривается как сознательно конструируемый социокультурный процесс, включающий механизм регуляции отношений между участниками совместной деятельности, сочетающий их интересы, организацию и самоорганизацию, нормы, достижение продуктивных целей и устойчивых связей.

Понятие управления, как и сама теория управления, является результатом синтеза знаний из различных наук, имеющих дело с системами управления, а с другой — это понятие является важным средством интеграции и синтеза научного знания. В результате этого «управленческая парадигма» представляет собой определенный стиль мышления, как общенациональный подход, который открывает возможность использования общенациональных концепций, методов и методик к многообразным задачам управления.

В социальной философии управление понимается как отношение между субъектами и объектами. Современные социальные философы считают, что управление включает в себя определение целей, оценку управляемых процессов, ресурсы, выработку и реализацию поставленных задач, учет возможных препятствий, а также прогнозирование позитивных и негативных последствий управленческих решений.

Философия рассматривает управление на разных уровнях: онтология — анализирует фундаментальные, сущностные феномены управленческой деятельности. На этом уровне решаются проблемы, возникающие в сфере наиболее общих взаимоотношений между субъектами и объектами управления. Эпистемология — занимается получением целостного знания об управленческой деятельности. Аксиология — вырабатывает ценностные ориентиры, определяющие социальную и личностную программу управления.

В работах социальных философов формируется новый тип социального взаимодействия между руководителем и подчиненными, основанного на коммуникациях, средствах массовой информации, компьютеризации, которые создают мощные импульсы для качественного развития управления. Научные направления XX в. и воздействия общественных наук создали предпосылки для появления нового научного направления как философия управления. Трансформация общества и глобализационные процессы требуют более эффективного управления. Автор приходит к такому выводу, что философия интегрирует знания, полученные в общественных науках и формирует свое понятие управления. Управление представляет собой научное направление как совокупность методологического подхода (управление использует методы психологии, социологии, политологии, которые необходимы для принятия рациональных управленческих решений), гносеологического (накопление знаний, применяемых для эффективной управленческой деятельности), антропологического (процесс управления происходит при наличии объект-субъектных отношений, где важную роль играет человек) и аксио-

логического подхода в управлении (наличие ценностей, идей, правил, формирующих управленческое поведение). Данные теоретические подходы в философии управления позволяют управлять сложными социальными системами глобального общества на практике.

Литература

1. Бледный С.Н. Язык как фактор манипулятивного управления массовым сознанием в социальной философии А.А.Богданова // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2004. № 3. С. 86–97.
2. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организации, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Институт философии РАН, 1999. 235 с.
3. Егоров Ю.Л. Принцип системности: сущность и функции в познании. М.: Зело, 1997. 300 с.
4. Эзборовский Г.Е. Социология управления. М.: Гардарики, 2004. 592 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 648 с.
6. Николаева-Чинарова А.П. Управление как манипуляция в современной социокультурной ситуации // Вестник МГУКИ. 2010. № 4 (июль-август). С. 59–64.
7. Петров В.Б. Психология скрытого управления в деловых коммуникациях // Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики: коллективная монография / под ред. И.В. Андулян. Уфа: Аэтерна, 2016. 234 с.
8. Современное управление. Энциклопедический справочник. М.: Издатцентр, 1997. Т. 1. 584 с.
9. Тихонов А.В. Социология управления. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.
10. Тоценко Ж.Т. Отечественная социология управления: анализ концепций и подходов // Личность. Культура. Общество. 2016. № 1-2. С. 67–78.
11. Тоценко Ж.Т. Социология: общий курс. 2-е изд. М.: Прометей, 2001. 511с.
12. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Практис, 2002. С. 66–81.
13. Чупров В.И. Проблемы социальной регуляции в социологии управления: курс лекций. Ростов-на-Дону: Азтей, 2007. 39 с.
14. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2003. 336 с.
15. Cross R. The people who make organizations Go or Stop // Harvard Business Review. 2002. V. 80. № 6. P. 104–112.
16. Gruenfeld D.H. Group composition and decision-making. How remember familiarity and information distribution affect process and performance // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1996. V. 67. P. 1–15.
17. House R.J. Cross-cultural research on organizational leadership: a critical analysis and proposed theory// New perspectives in international organizational psychology. 1997. V. 15. P. 535–625.
18. Kerr N.L. Group performance and decision making // Annual review of Psychology. 2004. V. 55. P. 623–655.

А.С. Ашер

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
AA07101994@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ У ЖОРЖА БАТАЯ И РЕНЕ ЖИРАРА

Одной из черт, которыми можно охарактеризовать интеллектуальный ландшафт XIX в., является повышенный интерес к феномену жертвоприношения [1, с. 2]. Среди наиболее обсуждаемых концепций жертвоприношения можно выделить концепцию современного философа Рене Жирара (1923–2015), который рассматривает понятие жертвоприношения в тесной связи с понятиями насилия и священного. Однако, еще до Жирара аналогичные мотивы затронул в своем творчестве Жорж Батай (1897–1962). Обе интерпретации жертвоприношения, о которых идет речь, являются по-своему влиятельными, но при этом они почти полностью противоположны друг другу.

Отечественный исследователь творчества Жоржа Батая А.И. Зыгмонт представляет в своей диссертации схему, с помощью которой можно прекрасно продемонстрировать роль жертвоприношения в философии Батая [2, с. 25]. В схеме задействованы пять ключевых понятий: *неразличимость, инаковое, данность, переход и эффект перехода*.

Под *неразличимостью* здесь понимается представление Батая о некотором первоначальном животном состоянии, в котором отсутствуют субъект-объектные отношения, отношения господства и подчинения, представления о длительности [3]. *Неразличимости* противостоит *данность*, то есть профанный мир, в котором четко очерчены субъект-объектные отношения и который характеризуется приматом пользы, труда, разума и цели. *Неразличимость* и *данность* характеризуются по отношению друг к другу как *инаковое*. Переход из животного состояния в человеческое Батай связывает с изобретением орудий труда. Оказавшись в мире *данности*, человек, тем не менее, испытывает постоянное желание возвращения в исходное состояние.

Для того, чтобы осуществить *переход из данности в неразличимость*, согласно Батаю, субъекту необходимо разрушить свои границы и осуществить слияние с сообществом и со всем миром. Подобное разрушение границ возможно только с помощью акта насилия, направляемого субъектом на самого себя. Смех, слезы, эротический опыт, экстаз, жертвоприношение — это возможные способы *перехода*. Можно сказать, что жертва во всем противоположна орудию труда. Если орудие труда используется лишь как средство для достижения некоторой цели, то жертва в интерпретации Батая является самоценной и не выполняет никаких полезных функций. В жертву приносятся наиболее ценные вещи, здоровые животные и люди, что еще сильнее подчеркивает оппозицию между полезным орудием и расточительной жертвой. Если орудие труда используется с расчетом на достижение какой-либо цели в будущем, то жерт-

воприношение совершается экстатически. Жертва, жертвователь и их окружение поглощены текущим моментом времени, растворены в совместном акте насилия.

Итак, для Батая акт насилия во время жертвоприношения — это способ «выхода» из профанного мира и «встречи» с сакральным. Эффект перехода — это некоторое синтетическое состояние, являющееся результатом перехода от *данности* к *неразличимости*.

Интерпретация жертвоприношения Рене Жираром связана с его представлениями о насилии. Жирар подчеркивает свойство насилия перенаправляться с одного объекта на другой [4, с. 9]. Когда отсутствует возможность отомстить реальному обидчику, насилие может быть направлено на совершенно посторонний объект. Жирар считает, что подобное замещение происходит во время жертвоприношения. Сообщество людей стремится защитить себя от своего собственного насилия, поэтому оно «переводит» агрессию с членов общества на тех, кто ими не является. Свою точку зрения Жирар доказывает тем, что в жертву обычно приносятся животные, а также категории людей, которые не относятся к полноценным членам общества: военнопленные, рабы, дети, не успевшая вступить в брак молодежь, инвалиды. Как ни странно, к этой же категории относится и король: он точно так же «оторван» от общества сверху, как раб — снизу.

Для того, чтобы механизм жертвоприношения работал, жертва одновременно должна быть похожа на того, кого она замещает, и должна отличаться от него. Именно поэтому в качестве жертвенных животных всегда выбирались самые человекоподобные, самые близкие людям: коровы, козы, овцы. Еще одна важная черта жертвы — ее неспособность отомстить. При этом в процессе многих ритуалов жертву (даже если это, к примеру, просто баран) умоляют о прощении, что, по мнению Жирара, как раз и доказывает замещающий характер жертвоприношения.

Представляет интерес объяснение Жираром причин, по которым первобытным обществам требовалось совершение жертвоприношений. В обществах, где отсутствует судебная система, ничто не может противостоять желанию отомстить за обиду. Так, один акт насилия влечет за собой другой, один акт мести приводит к следующему. При таких обстоятельствах под угрозу может быть поставлено само существование общества, так как ничем не ограниченная месть может приобрести поистине катастрофические масштабы. С появлением судебной системы институт жертвоприношения приходит в упадок [4, с. 24–25]. Судебная система замещает собой месть, но замещает ее таким образом, что ответная месть становится невозможной.

Таким образом, жертвоприношение в первобытном обществе, не имеющем судебной системы, выступает в качестве своеобразной профилактической меры. Насилие, вместо того, чтобы обратиться на реального виновника преступления и тем самым положить начало нескончаемой череде актов мести, обращается на специально избранную для ритуала жертву. Этим объясняется двойственный, амбивалентный характер ритуального насилия: оно греховно, потому что является насилием, но оно и священно, потому что выполняет регуляторную функцию.

Сравнивая концепции Жоржа Батая и Рене Жирара, можно увидеть противоположность их точек зрения. Батай оценивает насилие как нечто положительное, для него это средство, позволяющее произвести десубъективацию, преодолеть границы субъекта и достичь экстаза. Жирар здесь придерживается иного мнения: насилие — это то, чего стремится избежать любое общество. У Батая жертвоприношение — это апогей насилия, которое направляет на себя субъект. Напротив, у Жирара жертвоприношение стремится «обмануть» насилие, сделать его более безобидным, перенаправив его с ценных членов общества на жертву, которая неспособна отомстить. О Батайе уместно сказать, что он откровенно выступает против рациональности. Достаточно вспомнить его образ Адефала — образ принесения в жертву разума, пользы и головы [2, с. 17]. Для него жертвоприношение — это воплощение нерационального, непрактичного поведения. Тогда как Жирар прямо указывает на то, что считает жертвоприношение таким институтом, который современному человеку только кажется абсурдным и иррациональным; на самом же деле жертвоприношение играло в первобытном обществе вполне доступную пониманию роль, аналогичную судебной системе в современности. Глядя на эти различия, можно сделать предположение о том, почему Жирар никогда не упоминает Батая в своих работах [5, с. 24].

Тем не менее, у этих двух авторов есть как минимум одна точка соприкосновения. Ни Батай, ни Жирар не расценивают жертвоприношение как акт коммуникации между человеком и божеством. Батай открыто настаивает на том, что является атеистом и материалистом. В жертвоприношении для него нет никакой сверхъестественной, трансцендентной составляющей; наоборот, это погружение в «имманентность» мира. Точно так же и Жирар прямо отрицает теологическую интерпретацию жертвоприношения. Для него этот феномен имеет исключительно социальную, рационально объяснимую природу.

Литература

1. Московский А.В. Понятие жертвоприношения в философском и антропологическом дискурсе XX века: автореферат докторской кандидатуры философских наук. СПбГУ, СПб., 2009.
2. Зыгмонт А.И. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая: автореферат докторской кандидатуры философских наук. «Высшая школа экономики», Москва, 2018.
3. Батай Ж. Теория религии // Батай Ж. Проклятая часть. М.: «Ладомир», 2006. С. 49–105.
4. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
5. Зыгмонт А.И. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая // Вестник ПСТГУ. И: Богословие. Философия. 2015. Вып. 3 (59). С. 23–38.

А.Э. Бахметьев

Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева (Самара)
arthurbalkmetiev1993@gmail.com

ПРОБЛЕМА ИНТУИТИВНОГО ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕКТИВИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Проблемный статус человеческого существования декларирует разные уровни познавательной активности. В классической гносеологии выделяются два уровня познания: интуитивный и рациональный [3, с. 102]. Интересным образом устроен интуитивный уровень познания. Одни мыслители считают интуицию автономной и независимой, а другие – вторичной по отношению к интеллекту и зависящей от него. В истории философии существует множество взглядов на соотношение разума и интуиции, но особняком стоит объективистская философия. К данному направлению можно отнести концепцию критической онтологии немецкого философа Н. Гартмана, а также концепцию объективистской эпистемологии американской писательницы и философа Айн Рэнд. Мы остановимся подробнее на сравнительном анализе систем вышеуказанных философов, не претендуя на аподиктическую достоверность.

Онтологическая система Гартмана является противопоставлением как традиционной, так и современной онтологиям. Гартман пытается создать оригинальную онтологию, фундированную теорией познания. Опираясь на гуссерлевскую концепцию, а точнее, на гуссерлевский закон интенциональности, Гартман создает критическую онтологию. В своей системе Гартман внес значительные корректировки, например, он отбрасывает гуссерлевскую феноменологическую редукцию. Это связано с тем, что, вынося за скобки мир индивидов, редукция выносит за скобки и фрагменты психофизической структуры. Гартмана не устраивал тот факт, что интенция феноменологии Гуссерля была направлена на то, как познается мир. Иными словами, Гуссерля интересовал сам процесс познания, несмотря на то, что его тезис гласил: «к самим вещам» [4, с. 64]. Гартмановская система основана на исследовании сущности и природы предмета познания. Гартман обратился к предмету и механизмам познавательной активности. Его интересовала «метафизика познания», которую он именовал «пролегоменом ко всякой теории познания» [1, с. 75]. В область ее вопросов входят вопросы о сущности познания, о «вещах в себе» в качестве предмета познания, о различии уровней познания. Основным законом «метафизики познания» Гартман делает закон предмета познания, заключающийся в том, что «предмет имеет „сверхпредметное бытие“, „в себе бытие“. Можно мыслить, фантазировать, представлять потенциальные предметы, но это не познание. Так метафизика познания переходит в онтологию» [1, с. 77].

Стоит отметить, что Гартмана интересует вопрос онтологизации предмета, а также вопрос о том, каким образом возможно познание, иначе говоря, как возможна „метафизика познания“? Гартман отводит проблеме познания роль не логической или психологической проблемы, а метафизической, ибо сущность

познания заключается «в независимости объекта от субъекта, предмета познания от самого процесса познания» [1, с. 76]. Познание, говоря словами Н. Гартмана, «есть превращение сущего в объект, его объекция в субъект» [1, с. 9]. Познание является «только познанием „бытия в себе”; сознание чего-либо, что не существует „в себе”, нельзя называть познанием» [1, с. 76]. Что касается природы процесса познания, то Гартман пишет следующее: «Процесс познания не оказывает на сущее как сущее никакого действия; оно остается самим собой. Однако, оставаясь самим собой, оно проявляется в процессе познания в двух аспектах: в качестве в-себе-сущего, независимого от меня, как познающего субъекта, и в качестве для-меня-сущего, попадая в мое сознание в виде содержания его актов» [1, с. 28]. Здесь важным является различие актов познания и актов сознания. Гартман пишет, «мышление, представления, фантазии и даже суждения могут быть актами сознания, но они не являются актами познания, если они не „схватывают” (erfassen) „в себе сущее”, не являются актами, „дающими бытие” (seingebende)» [1, с. 79]. И в качестве формы «схватывания» или познания предмета, позволяющей связать идеальное и реальное бытие, появляется онтологически обоснованная интуиция.

Познание в целом стремится изучать реальность, да и глубокого изучения реальности без интуиции вряд ли получится. Основная особенность онтологизации интуиции состоит в том, что в процессе познания она дает наиболее ясную картину о действительности. На релевантность онтологизации интуиции с точки зрения системообразования справедливо указывает Н. Гартман: «Es gibt unter geschichtlich vorliegenden Systemen der Philosophie keines, für das der Problembe-reich des Seienden Überhaupt und als solcher nicht wesentlich wäre. Die tiefssinnigeren unter ihnen haben denn auch zu aller Zeit die Seinsfrage gestellt und sie entspre-chend ihrem Gesichtskreis zu beantworten gesucht. Ja, man kann je nachdem, ob die-se Frage gestellt und behandelt ist, die Lehrsysteme in fundierte und unfundierte einteilen, und zwar wiederum ohne Unterschied des Standpunktes und der besonderen Lehtendenzen. Die bedeutenderen Leistungen aller Zeiten, schon dem oberflächli-chen Blick kenntlich durch ihre weitgreifende Wirkung, sind ohne Ausnahme fundierte Systeme» [11, с. 4] («Среди имеющихся в наличии исторических систем фи-лософии нет такой, для которой проблемная область сущего вообще и как тако-вая не была бы существенной. Наиболее глубокомысленные среди них также ставили во все времена вопрос о бытии и пытались, сообразно своему кругозору, ответить на него. Да, можно исходя из того, ставился ли этот вопрос и как решался, догматические системы подразделить на обоснованные и необоснован-ные, причем безотносительно к точке зрения и особым догматическим тенденциям. Наиболее выдающиеся достижения всех времен, различимые уже на поверхностный взгляд благодаря их далеко идущему действию, — все без исключе-ния представляют собой обоснованные системы» — перевод мой. — А.Б.). Обоснование интуитивизма как системы укладывается в фабулу онтологизации.

В своей максимальной степени онтологизация проблемы интуитивного до-стигается при критическом подходе к ее тематическому полю в наследии Н. Гартмана. Гартман использует гуссерлевскую «категориальную интуицию»

как «усмотрение сущности», скрывающую универсальную сторону предметов. Именно категориальная интуиция является локусом аподиктически достоверных истин. Гартман видит главную трудность идеального познания в том, что нет ясности, на чем же основан критерий истинности идеального познания. Выделяя в своей онтологической системе два мира — реальный (априорное и апостериорное познание) и идеальный (априорное или же интуитивное познание), Гартман вводит в качестве связующего элемента интуицию. Он отрицает непосредственность познания через ощущения и восприятия, считает чувственные образы опосредованной системой символов. Непосредственным интуитивным познанием объявляется только идеальное априорное познание. Таким образом, защищается априористическая концепция интуиции, имеющая за собой определенную историко-философскую традицию. Это традиция так называемой интеллектуальной интуиции, главными вехами на пути развития которой были учения Декарта, Спинозы, Лейбница и Гегеля.

Интуиция «с полным правом является формой схватывания (познания)» [1, с. 508]. По мысли Гартмана, интуиция есть «модус познания, т. е. некое „схватывание“, трансцендентный акт» [1, с. 14]. Он выделяет две интуиции: стигматическую и конспективную. Стигматическая интуиция есть подобие апостериорного познания: она находится в низшей плоскости наблюдаемого. Этот вид интуиции не нуждается в каких-либо символах. Эта разновидность интуиции есть созерцание целого, комплекса и базиса. Стигматическая интуиция наименее схватывает связи и отношения между комплексами объектов. Конспективная интуиция рассматривается в более масштабном взгляде. Гартман считает, что она есть «априорное понимание (*Begreifen*) идеальных отношений и зависимостей, связей и закономерностей как обусловленного, так и обуславливающего в идеальном бытии» [3, с. 102]. Эта разновидность интуиции включает чистое (логическое) мышление, но она не сводится к нему. Она не имеет четко заданного направления и проявляется в том, что охватывает разносторонние отношения, связывая одновременно и анализ с синтезом, и индукцию с дедукцией. Конспективная интуиция действует и в вертикальном, и горизонтальном направлении. Это означает, что она действует как в противоположности частного и общего, так и в многообразии связей различных структур. Интуитивное познание является высшим созерцанием, «оно не есть что-то запоздалое, а всегда совершается одновременно с эстетическим восприятием» [2, с. 86]. Следовательно, исходя из этой интуиции, раскрывается подвижность диалектического мышления. Огромное значение для этого вида интуиции имеет связь ее с законами идеального бытия, которые, по Гартману, есть законы чистого мышления, то есть существует внеопытный источник всеобщего достоверного знания. На наличие истины интуиции он указывает следующее: «Истина интуиции состоит в том, что она есть не дающий, но принимающий (рецептивный) акт, и что дающую инстанцию за ней в случае предмета необходимо найти» [1, с. 514].

Эпистемологическая концепция американской писательницы и философа Айн Рэнд аналогичным образом носит объективистский характер. Что значит объективизм, по мнению Айн Рэнд? Объективизм или «философия жизни на

земле» — есть «детище» Айн Рэнд. Ее целью было создание философского направления, объединяющего в своем ценностном инструментарии тезис о том, что разум, индивидуализм и мораль разумного эгоизма представляют собой неотъемлемые средства достижения процветания и счастья в этом мире. В философии Айн Рэнд нет места мистицизму, альтруизму и коллективизму. По ее мнению, философия — это «основная сила, фундаментальная система представлений, формирующая любую личность и культуру» [8, с. 17]. Основным разделом философии наряду с метафизикой является эпистемология или «наука о природе познания» [8, с. 18]. Познание «есть процесс понимания, оно есть не пассивное, но активное состояние, состоящее из двух значимых частей: дифференциации и интегрирования» [10, с. 14]. Данные процессы познания направлены на появление понятий. Объективизм Айн Рэнд проявляется в том, что объективно существует одна реальность, выраженная в понятиях. Последние, в свою очередь, есть мыслительная интеграция двух и более единиц, которые «изолированы в соответствии с существенными признаками и объединены указанным понятием» [10, с. 19]. В объективистской концепции Айн Рэнд объективно-существующая реальность является Абсолютом, выраженным в понятии. Понятия есть «продукты особого рода отношения между ними (субъектом и объектом)» [10, с. 145]. Аналогичным образом определяет понятие и А.Ю. Нестеров: «Понятие представляет собой способ фиксации предельных (функционирующих в качестве границы, за которую наше сознание не способно здесь и сейчас выйти) состояний сознания человека, в которых раскрывается относительность взаимодействий объекта и предмета» [6, с. 35–36]. В теории познания Айн Рэнд выделяются три стадии человеческого познания: ощущение, восприятие и концептуальная стадия осознания. Данные стадии являются собой процесс формирования понятия. Концептуальная стадия, на которой происходит акцентуация на конкретных свойствах предметов и объединение их в единицы, является ключевым моментом, *sui generis* выходом на понятийный уровень человеческого сознания. Основной же стадией в процессе познания является восприятие или рассудок — комплекс ощущений, автоматически удерживаемых и интегрируемых головным мозгом живого организма. «Именно посредством восприятия человек осознает реальность своих чувств и воспринимает действительность» [10, с. 14].

Аналогичным образом акцентировал свое внимание на рассудке и Гартман, говоря о том, что он «благодаря своей логической закономерности, согласно которой он особенное подчиняет всеобщему, соразмерен познанию природы, в которой существуют сквозные общности, в которой, таким образом, все особенное подчиняется всеобщей закономерности» [1, с. 597]. Именно это утверждение позволяет нам сказать, что концепции Гартмана и Айн Рэнд имеют схожие черты. Следующей особенностью является то, что и Гартман, и Айн Рэнд, говорят об объективном характере процесса познания, где объективная реальность (объект) существует независимо от воспринимающего субъекта. Так, например, Гартман пишет: «Сущее проявляется в процессе познания в двух аспектах: в качестве „в-себе-сущего“, независимого от меня как познающего субъекта, и в качестве „для-меня-сущего“, попадая в мое сознание в виде содержания его актов»

[1, с. 28]. Аналогично считает и Айн Рэнд, утверждая, что «сознание есть способность постигать существующее» [8, с. 21]. Наконец, существуют определенные аксиомы, на которые необходимо опираться в процессе познания. На этот факт указывает Гартман: «Нельзя начинать с любых выбранных определений и аксиом, ибо интуицией предписываются определенные; она сама есть интуиция определенных, несдвигаемых содержаний, и исключительно эти содержания можно очертить в исходных тезисах. Таким образом, не все привязано к полаганиям. Но, пожалуй, все — к первым очевидностям» [1, с. 507]. В качестве определенной аксиомы, о которой говорил Гартман, Айн Рэнд говорит об аксиоме: «существующее существует» [8, с. 20]. По ее мнению, аксиома «не говорит нам ничего о природе существований; она попросту подчеркивает факт, что они существуют» [8, с. 20]. Каким бы ни был процесс познания, но «существование и сознание являются обязательными аксиомами, невыводимыми начальными, подразумеваемыми любым возможным поступком, в каждом отдельном разделе твоего знания и в нем как целом, с первого пережитого в начале жизни луча света до широчайшей эрудиции, накопленной к концу» [8, с. 21]. Интуиция содержит в себе аксиомы (абсолютные истины), неслучайно названия трех частей ее главного романа «Атлант расправил плечи» декларируют три закона формальной логики, а именно 1 часть — «Непротиворечие» [9, с. 9] (закон непротиворечия), 2 часть — «Или-или» [9, с. 353] (закон исключенного третьего), 3 часть — «А есть А» [9, с. 689] (закон тождества). Тем самым, интуиция, локализуя данные законы, осуществляет развитие процесса аксиоматизации, а если шире, то процесса познания *in genere*.

Из сказанного становится очевидным, что интуиция в объективистской философии является переходом между ощущениями, восприятием и интеллектом. Интуитивное познание несет в себе интенцию аксиоматичности, что является ключевой чертой в объективистской философии. Интуиция, работая с опытом, непосредственно опирается на исходные положения, а именно на аксиомы. Это связано с тем, что объективизм отстаивает тезис о том, что объективная реальность (объект) существует независимо от воспринимающего субъекта. Здесь необходимо вспомнить слова американского математика М. Клейна, который считает, что «...интуицию можно было бы назвать дистиллированным опытом» [5, с. 54]. Опираясь на концепции Гартмана и Айн Рэнд, можно сказать, что интуиция в объективистской философии — это форма схватывания существующего. Интуиция фильтрует различные эмпирические данные, полученные посредством восприятия. Тем самым осуществляет работу с опытными данными, переводя их в исследования, как это было у Гартмана, или же в концептуальную стадию Айн Рэнд. Аутентичный процесс познания свойственен лишь личностям. На данный момент справедливо указывает А.Н. Отнев: «Высочайшее призвание личности состоит в том, чтобы дать ценностное решение противоречия между мыслью и жизнью, запечатлев в нем знак своего человеческого достоинства» [7, с. 56]

Таким образом, гартмановское «исследование», тождественно «категориальной стадии» Айн Рэнд. Следовательно, концепции Гартмана и Айн Рэнд,

являясь преимущественно противоположными, имеют между собой схожие моменты, а именно:

1. интуиция является связующим звеном между ощущением, восприятием (рассудком) и разумом («исследованием» или «категориальной стадией осознания»);
2. система носит объективистский характер;
3. восприятие является основной стадией в процессе познания;
4. интуиция заключает в себе аксиоматизацию.

Литература

1. Гартман Н. К основоположению онтологии. М.: Наука, 2003. 640 с.
2. Гартман Н. Эстетика. Киев: Ніка-Центр, 2004. 640 с.
3. Горнштейн Т.Н. Философия Николая Гартмана (Критический анализ основных проблем онтологии). М.: Наука, 1969. 282 с.
4. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. III. Логические исследования. М.: ДИК, Гноэзис, 2001. 584 с.
5. Клайн М. Математика. Поиск истины: М.: РИМИС, 2007. 400 с.
6. Несторов А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания: монография. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.
7. Огнев А.Н. Ценности как фактор мировоззренческого самоопределения личности. Самара: KRYPTEN – Волга, 2018. 158 с.
8. Пейкофф Л. Объективизм. Философия Айн Рэнд. М.: Астрель, 2011. 575 с.
9. Рэнд А. Атлант расправил плечи. – М.: Альпина Паблишер, 2013. 1131 с.
10. Рэнд А. Введение в объективистскую эпистемологию. М.: Астрель, 2012. 351 с.
11. Hartmann N. Neue Wege der Ontologie. Stuttgart: Kohlhammer Verlag 1942. 113 s.

S.V. Berdaus

Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
s.berdaus@yandex.ru

HUSSERL'S PHENOMENOLOGY AS A MERGING OF METAPHYSICS AND ETHICS

*The study is funded by The Council for grants of President of Russian Federation
(№ MK-589.2017.6)*

Abstract. The paper is devoted to the problem of interpretation of Husserl's early ethics. The necessity of such interpretation is explained by referring to Husserl's works in which he points out the essential correlation of the theoretical and practical structures of the mind. One of the interpretations of the early ethics belongs to Thorsten Pietrek, according to whom the early ethics of Husserl is meta-ethics. The author rejects this option and suggests understanding the early ethics as metaphysics. The main reason for such a hypothesis is the phenomenological attitude according to which the analysis of subjectivity is carried out only in the actual given, i.e. in the field of subjective practice.

Keywords: Husserl's ethics, phenomenology, metaphysics, ethics, meta-ethics.

Husserl's phenomenology is a philosophical doctrine that is not easy to understand and explain. One cannot disagree with the characterization of Husserl's style of work formulated by J. Sebestik: «His way of expressing himself is often clumsy, the sentences are sometimes badly articulated. It is as if he is searching for treasure and cautiously excavating it, bit by bit. Definitions of many fundamental concepts are not given ...» etc. The difficulty in understanding the phenomenology provides a ground for such different directions of interpretation as existentialism on the one hand, and analytical interpretation in the spirit of D. Føllesdal, J. Drummond etc. Researchers of phenomenology have become more concerned with the publication of volumes of *Husserliana* containing ethical works recently. In this situation we need to recognize two things: 1) the meaning of Husserl's ethical work is captured as well as the meaning of the whole phenomenology not immediately; 2) it is necessary to interpret and understand these works, since they, as Husserl himself notes, are in mutually conditioned relations with the whole phenomenology. One of the interpretations of Husserl's ethics (in these theses we will mostly discuss the ethics of the early period) belongs to T. Pietrek. According to this interpretation, Husserl's ethics is not a moral philosophy, but rather meta-ethics. Indeed, if we look at the content of the "Lectures of 1914," then we won't find there the usual topics for ethical discourse: definitions of the notions of good, duty, classification of virtues, parenthetic and moralizing statements, etc. Instead, we encounter with the ideas of constructing formal disciplines: formal practice, formal axiology as well as statements about the similarity or "parallelism" of ethics and logic. All this should lead us to the idea that we are really dealing with meta-ethics. However, we cannot agree with this. At least for the reason that meta-ethics in the conventional sense is a purely epistemological discipline with a narrow purpose — the analysis of ethical concepts. The tasks of Husserl's ethical work exceed the bounds of meta-ethics. Therefore, we propose another line of interpretation, namely, to characterize phenomenological ethics as metaphysics.

What is the reason for such a hypothesis? First, such canonical principles as intentionality and phenomenological attitude. As a thinker of the beginning of the twentieth century (which marked a metaphysical and a practical turns) Husserl produced a kind of elimination of the idea of objective theoretical knowledge and encouraged his followers to find the ground in the field of the particular, individual, which inevitably leads to the introduction into practice (although subjective practice). Being in this sphere, we must "realize our innate mind". For this purpose we need a "map" of the mind, which is a phenomenological psychology (which is identical with transcendental phenomenology). It is important to note that phenomenological psychology is as complex and scale by design as the concept of the soul of Aristotle, embracing both the rational and the non-rational part of the soul (feelings, emotions, sensations, instincts, unconscious, etc.).

Secondly, our hypothesis is caused by the peculiarities of the phenomenological metaphysics itself. It is a synthesis of its two hypostases: 1) metaphysics as the First Philosophy (as it was constructed by Aristotle) and 2) the metaphysics of the modern philosophy type (as, for example, Cartesian metaphysics). The VIII volume

of *Husserliana* is called the First Philosophy and is devoted to describing how the phenomenologist comes to pure psychology. The latter, according to Husserl, is an absolutely grounded philosophy (*The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*, § 72), and, most importantly, is defined as “the infinitely toilsome way of genuine and pure self-knowledge; but the latter also includes knowledge of human beings, as knowledge of their true being and life as egos or as souls” (*Ibid.*). In a purely rhetorical manner we would like to bring here the figure of Socrates and his famous statement about the need to know thyself (*gnōthi seauton*). The phenomenologist, using phenomenological reduction, breaks through in the field of pure psychology, where the need in distinguishing between theoretical, practical and axiological reason is eliminated (*The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*, § 73). Having found himself in this field, he reaches “the idea of autonomy, the idea of a resolve of the will to shape one’s whole personal life into the synthetic unity of a life of universal self-responsibility and, correlatively, to shape oneself into the true “I”, the free, autonomous “I” (*Ibid.*). Such metaphysics required the inclusion of ideas of normativity, teleology, and more, scientific seriousness. Therefore, he proposed the idea of creating formal ethical disciplines, which in the manner of logic would help philosophers not only to see the essence, but also to answer the question why they do it.

Thus, we can conclude that in phenomenological psychology, the level of metaphysics (noetic-noematic structures of the mind) is found at the same level as ethics. We emphasize that qualifying ethics as a metaphysics we do not assert that ethics becomes metaphysics abolishing it. We fix the fact of merging in the phenomenology of metaphysical and ethical discourse, since they both grow from the practical field, which phenomenology focuses on.

References

1. Drummond J.J., Embree L. (eds). *Phenomenological Approaches to Moral Philosophy*. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2002, 576 p.
2. Ferrarello S. *Husserl’s Ethics and Practical Intentionality*. London; N.Y.: Bloomsbury, 2016. 269 p.
3. Husserl E. *Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908–1914: Husserliana, Gesammelte Werke*, Bd. 28 / Hrsg. von U. Melle. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1988. 523 s.
4. Husserl E. *Erste Philosophie. Zweiter Teil 1923/24: Husserliana, Gesammelte Werke*, Bd. 8 / Hrsg. von R. Boehm. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1996. 594 s.
5. Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy* / ed. by D. Carr. Northwestern University Press, 1970. 405 p.
6. Pietrek T. A Reconstruction of Phenomenological Method for Metaethics, *New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy*, 2004, vol. 4, p. 69–108.
7. Sebestik J. *Husserl Reader of Bolzano, Husserl’s Logical Investigations Reconsidered* / ed. by D. Fisette. Dordrecht: Springer Science, Business Media, 2003. P. 59–82.

С.В. Воробьева

Белорусский государственный университет (Минск)
cherbourg@mail.ru

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ДИСКУРСИВНАЯ АНАЛИТИКА В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Критическое мышление и дискурсивная аналитика становятся ключевыми аспектами трансдисциплинарной методологии по двум причинам. Во-первых, в глобальных условиях разум становится открытым, сопряженным с «различными способами получения знания и стилями мышления» [8, с. 11], следовательно, ищет пути преодоления одномерной дисциплинарной организации знания и выход в сферу многообразных связей и отношений. Во-вторых, дискурсивные практики становятся гетерогенными и гетерономными за счет пересечений между собой и с жизненными реалиями, что имплицирует вопросы pragматической формализации сложных систем. Поэтому актуальны две методологические задачи. Первая заключается в определении способов снятия неопределенностей и уточнения оснований критического мышления в соответствии с программой логицизма, вторая — в раскрытии сущности аналитической истины и методов ее обоснования. От их решения зависит выявление скрытых функциональных и реляционных связей, определяющих размерность данных в трансдисциплинарных исследованиях многомерных объектов.

Компетенции критического мышления включают стратегии анализа, понимания, оценки и модификации рассуждений, реализуемые в соответствии с заданными объективными и субъективными обстоятельствами [1, с. 67–68]. Данные стратегии обусловливают переход от очевидности и наглядности мира к миру неопределенностей и рискованных решений. Неопределенности мира и мышления как следствия неопределенностей языка, например, в праве [3, с. 105], преодолеваются в соответствии с моделью критического мышления двумя фундаментальными способами — конструктивистским и конвенциональным.

Факторы конструктивизма — реализм и номинализм, обусловливают два прообраза аналитической истины, — гомогенный, опирающийся на однородные антипсихологические аргументы, и гетерогенный, учитывающий психологическое многообразие. Цель реалистического конструктивизма заключается в обосновании универсальности значения как неизменного сущностного начала, не имеющего пространственно-временных границ и не сопряженного с различиями культурного контекста и их влияниями. Гомогенизация сущности не предполагает высокую внутреннюю согласованность элементов. Напротив, учет способов внутренней согласованности элементов детерминирует множество образов проявления сущности. Поэтому цель номиналистического конструктивизма заключается в обосновании уникальности значения как неизменного начала в определенных границах пространственно-временного континуума, т. е. зависимости от культурного поля и привязанности к прошлому, настоящему или будущему.

Факторы конвенционализма составляют логические, этические, правовые или иные предикторы (феноменальные признаки) согласованности точек зрения,

в частности, в принятии не только правильных (верных), но и справедливых решений. Правильность решения подразумевает его обоснованность в конструктивистском контексте. Справедливость решения — умение договариваться, или готовность учитывать все имеющиеся точки зрения на основе одинаковых стандартов вне контекста личных или групповых интересов и без учета каких-либо индивидуальных или групповых преимуществ. Софистика как антитеза правильности и справедливости реализуется в пределах единственного мнения, не допуская мыслей о логических ошибках или когнитивных искажениях. Поэтому критическое преодоление софистики лежит в плоскости различия реалистических и психологических аргументов, на которые она опирается, способствуя выработке единого пути, допустим, в переговорных коммуникациях.

Дискурсивная аналитика по умолчанию полагает в качестве эпистемологического основания данность мира человеку в языковых формах знания и невозможность выйти за их границы. На этом основании сущность дискурсивно-аналитического подхода заключается в выявлении скрытого или конструировании нового референта или концепта, осуществляемых только с опорой на правила языка и с ориентацией на различие в процессе категоризации объектов. В противном случае, языковые формы знания характеризуются как неопределенные. Методологическим основанием аналитического процесса выступает исключение из дискурсивного анализа эмпирической истины и обоснование истины аналитической.

В дискурсивной аналитике различимы два разнонаправленных движения — от сущностей к вещам и именам и от вещей и имен к сущностям. Многочисленность данных движений порождает сети высказываний (идей), или дискурсы, в которых переплетаются метафизический обезличенный реализм, оторванный от своих антрополого-психологических оснований, и номиналистический психология, связанный с данными основаниями. Примером такого рода аналитической тенденции может служить юридический язык, воспроизводящий правовую реальность в двойственном контексте реалистических и номиналистических аргументов [4].

Двойственность дискурсивной аналитики требует уточнения логических оснований самого мышления и его аналитических стратегий, разработанных в трех доктринах логицизма — порядка, типов и контекста. Согласно доктрине порядка Г. Фреге — обосновать логический анализ естественного языка в той части, которая формализуема, — высказывание имеет два ракурса: концепт (мысль) и денотат (истина/ложь). Поэтому высказывание аналитически истинно вследствие своего смысла, который очевиден или нуждается в реконструкции посредством рассуждений. В обосновании аналитической истины обязательными являются отделение логического содержания от психологического, раскрытие смысла имен в только контексте высказывания и различение понятия об объекте и самого объекта [7, с. 290]. Но следствием обнаруженных Б. Расселом парадоксов в теории Г. Фреге стала ревизия второго принципа. Поэтому исходными категориями в определении смысла в доктрине типов Б. Рассела выступают не высказывания, а имена, которые связывают язык и реальность, отражая замысел об именуемом объекте.

Согласно Б. Расселу, имена и высказывания не имеют значения, если отделены от контекста. Имена в структуре высказываний, высказывания в структуре рассуждений, рассуждения в структуре ситуации образуют многоуровневые взаимодействия элементов в целостной системе (кортежи). Предметное и смысловое значение элементов определяется посредством типических связей и отношений, в которые они включены в пределах самой контекстной целостности. В частности, из разграничения двух способов снятия неопределенности вытекает требование неприменимости терминов, описывающих коллективно-агрегатные свойства системы, к описанию, например, повседневности или общества потребления, которые являются индивидуализированными.

Обоснование аналитической истины осуществляется в соответствии с принципом доминирования логической необходимости над эмпирической уверенностью, что достигается в контексте доктрин порядка или типов. В соответствии с доктринальной порядка реализуются ординальная (порядок в совокупности объектов) и кардинальная (объект как упорядоченная совокупность элементов) аналитика. Ординальный и кардинальный порядки составляют основы логических типов или когнитивных прототипов. Логические типы — уровни анализа, выделенные в соответствии с правилами деления, классификации или таксономии на основе модальности необходимости. Когнитивные прототипы воспроизводят личностную информацию о признаках и об отношениях между ними на основе эмпирического или теоретического опыта. Эмпирический опыт осуществляется посредством индуктивного накопления сведений об объектах, теоретический — посредством формулировки предположений (гипотез) и их дедуктивного доказательства или опровержения. Дискретный переход от принадлежности к не-принадлежности к классу, типу или прототипу может быть прерывным (дискретным) или непрерывным, что зависит от четкости или нечеткости отношений между первоэлементами значения и правил вывода из них. По мере роста дискурсивной непрерывности точность и практическое значение начинают исключать друг друга. Для избегания этого необходимо, например, разграничение теоретического и практического разума дополнять «выстраиванием связей» между «подвластными областями» [5, с. 56].

Методология трансдисциплинарных исследований включает критическое мышление в качестве модели открытого разума, дискурсивную аналитику — в качестве методики pragматической формализации сложных ситуаций. Трансдисциплинарный методологический поворот в науке реализуется на пересечениях между собой и с жизненными реалиями двух важнейших сфер — образования и научных исследований. С одного ракурса, дискурсивная аналитика сопряжена с критическим мышлением — «перспективной образовательной инновацией» [6, с. 129]. Инновационный характер критического мышления обусловлен его эпистемологией, различающей аналоговые и цифровые подходы и оперирующей признаковыми различиями. С другого ракурса, эпистемология критического мышления выступает основанием дискурсивной аналитики [2]. Дискурсивно-аналитическая сущность модернизации, реформирования или иного процесса заклю-

чается в конструировании формализованных моделей устойчивого развития систем с опорой на многоуровневое знание.

Например, фактическим основанием дискурсивной аналитики больших данных является огромное количество информации о пользователях, содержащейся в социальных сетях. Ее анализ в соответствии с теориями порядка и типов позволяет устанавливать различия, дифференцировать значения и выявлять в них сдвиги, распознавать влияющие на сдвиги значений факторы. Таким способом реализуется дискурсивно-социальная аналитика медиасреды. Например, контекстно-зависимые вычисления осуществляются на основе «информации об окружении объекта, его деятельности, связях и предпочтениях». Это позволяет улучшать качество взаимодействия с конечным пользователем мобильных устройств [9, с. 54].

Таким образом, стратегии критического мышления и дискурсивной аналитики составляют базовые сукцессии симультанного трансдисциплинарного подхода в снятиях неопределенностей. Конструктивистский способ обусловлен различием реалистического и номиналистического прообразов аналитической истины, конвенциональный — его дифференциацией с эгоцентричной софистикой. Данные способы снятия неопределенностей реализуются в соответствии с тремя методологическими доктринаами логицизма, раскрывающими сущность аналитической истины, — порядка (ординального / кардинального), типов и контекста (ситуации).

Литература

1. Воробьев С.В. Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов // Философия и социальные науки. 2015. № 1. С. 67–71.
2. Воробьев С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
3. Дицкин А.Б., Оглезнев Б.В. Онтология и эпистемология права: Аналитическая традиция. Новосибирск, 2012.
4. Дицкин А.Б. Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2015. № 4 (146). С. 66–72.
5. Санженаков А.А. Эпистемические понятия в контексте практического разума (на примере философии Аристотеля) // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 56–59.
6. Тягло А.В. «Наука рассуждать» в «быстром мире» // Философские науки 2013. № 3. С. 129–136.
7. Фреге Г. Логические исследования // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов М.: Аспект ПРЕСС, 2000. С. 286–374.
8. Шольц Р.В., Киященко Л., Бажанов В. Дорожная карта трансдисциплинарности // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. С. 11–30.
9. Яскевич Я.С. Социальная аналитика и цифровая экономика в контексте глобальной коммуникации и вызовы информационного общества // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018. № 3. С. 52–57.

Н.В. Головко

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
golovko@philosophy.nsc.ru

Р. БОЙД И НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРГУМЕНТА «ЧУДЕСА НЕ ПРИНИМАЮТСЯ»

Книга С. Псиллоса «Научный реализм: Как наука отслеживает истину» [Psillos, 1999] является одной из немногих книг, которые задают своеобразный канон исторического развития научного реализма. В этом смысле, фигура Р. Бойда и его концепция «экспланационистской защиты реализма» (explanationist defence of realism, EDR) (см., например: [Boyd, 1981]) являются одними из наиболее интересных объектов историко-философского исследования, посвященного вопросу генезиса современного содержания проблемы научного реализма. Вопреки сложившемуся мнению, несмотря на то, что каноническую постановку аргумента «Чудеса не принимаются» (no miracle argument, NMA) приводят Х. Патнэм («научный реализм является единственной философией, которая не принимает успешность науки как чудо» [Putnam, 1975a. Р. 73]), не-задолго до него можно обнаружить как минимум два различных варианта аргумента аналогичного NMA, которые приводят Г. Максвелл («единственное разумное объяснение успешности теорий, которое мне известно, заключается в том, что хорошо подтвержденные теории являются конъюнкциями хорошо подтвержденных общих утверждений» [Maxwell, 1962. Р. 18]) и Дж. Смарт («если мы будем интерпретировать теории реалистски, то нет нужды в космических совпадениях: не удивительно, что гальванометры и парогазовые камеры показывают то, что показывают, поскольку если электроны действительно существуют, то эти их показания — это как раз то, что мы должны ожидать» [Smart, 1963. Р. 39]). Р. Бойд — один из учеников Х. Патнэма, которому сам Х. Патнэм приписывает ставшее каноническим определение научного реализма как эмпирической гипотезы, опирающейся на два тезиса: «(1) Термины старых (mature) научных теорий, как правило (typically), являются указующими; (2) Законы теории, принадлежащей старой науке, как правило, являются приближенно истинными» [Putnam, 1978. Р. 20]. В этом смысле, стоило бы ожидать, что авторская интерпретация NMA и, в целом, стратегия, которую мог бы принять Р. Бойд, защищая научный реализм, должна была бы находиться строго в русле постановок предложенных Х. Патнэмом. Однако этого не происходит. Концепция EDR гораздо ближе логике аргументов Г. Максвеля и Дж. Смата, чем — Х. Патнэма. Влияние, которое Р. Бойд оказал на последующее развитие научного реализма значительно больше, чем можно было бы ожидать.

Цель, которую ставит перед собой Р. Бойд, — развивать и защищать *реалистскую эпистемологию науки*. При этом он радикально расходится с Х. Патнэмом, предполагая что если и возможно построение специфической «реалистской эпистемологии», то она должна быть исключительно натуралисти-

ческой. В попытках проанализировать эпистемические основания объективности научного знания, в частности, ответить на вопросы о том, почему методология науки является чрезвычайно успешной, а сам научный метод настолько уникален, что позволяет прийти к объективному знанию о мире, Р. Бойд предполагает, что «реалистская эпистемология» должна подчиняться исключительно тем методам, которые используют сами ученые. Отметим, что опираясь именно на этот тезис, буквально следя за Р. Бойдом, Ф. Китчер провозгласит «возвращение натуралистов» [Kitcher, 1982]. Формулировка NMA Р. Бойда похожа на формулировку Х. Патнэма: «наилучшее объяснение практического успеха, а также предсказательной силы научной методологии и научных теорий состоит в том, что эти теории являются приближенно истинными» [Boyd, 1981. Р. 617], но в отличии от Х. Патнэма, Р. Бойда акцентирует внимание не на понятии «истинность» и семантическом содержании научной теории, а на представлении о роли, которую в развитии научного знания играет понятие «объяснение». Вот такую реконструкцию рассуждений Р. Бойда приводит С. Псилюс: «Предположим, что базовая теория Т утверждает, что метод М достаточно надежен для того, чтобы приводить к явлению X в силу того факта, что М использует несколько причинных процессов C1...Cn, которые, в соответствии с Т, приводят к X. Предположим также, что мы отталкиваемся от Т и других вспомогательных теорий для того, чтобы закрыть (shield) наше экспериментальное исследование от различных факторов, которые, если их все таки допустить, будут вмешиваться в причинные связи C1...Cn, и, тем самым, будут препятствовать возникновению явления X. Предположим, наконец, что кто-то, следуя методу M, все же достиг X. Что еще может объяснить лучше тот факт, что ожидаемое (или предсказанное) явление X было обнаружено, чем тот факт, что теория Т, которая и утверждала причинную взаимосвязь между C1...Cn и X, действительно интерпретирует эти взаимосвязи правильно (истинно), или, по крайней мере, близко к истине? Если этот аргумент «от лучшего объяснения» принимается как бесспорный, то тогда разумно принять Т как приближенно истинную, или хотя бы истинную в том отношении, что позволяет согласно теории приходить к X. Если выражаться более точно, то для того, чтобы действительно признать Т приближенно истинной нам необходимы некоторые дополнительные условия. Например, необходимо сравнить Т с другими, альтернативными теориями и выбрать лучшую из них. Далее, Т должна предлагать «достаточно хорошее» объяснение в собственных терминах, т. е. такое объяснение, которое может адекватно охватить все значимые свойства известных экспериментальных фактов. Естественно, все подобные добавления могут являться следствием анализа каких-либо частных случаев построения объяснения. И хотя мы не всегда можем выбрать гипотезу, которая именно наилучшим образом объясняет явление, это не означает, что мы не можем сделать это в принципе» [Psillos, 1999. Р. 79]. По мнению С. Псилюса, подобное рассуждение, в частности, приводит Р. Бойда к осознанию важности следующих двух моментов, касающихся реалистской реконструкции развития научного знания: «(1) Реализм должен учитывать возможные ошибки и неудачи в отношении предсказаний. Наличие неудач в реальной научной практи-

ке не должно коренным образом сказываться на философской оценке успешности методологии научного исследования, оно также не должно угрожать объяснительной силе теорий и связи через объяснение приближенной истинности теорий и их эмпирическим успехом, особенно в том, что касается предсказания новых явлений, которые можно эмпирически проверить. (2) Обоснование реализма должен быть более локальным в историческом плане, и в меньшей степени затрагивать обоснование реализма в отношении всего научного знания в прошлом или будущем. Примеры, которые в свою пользу приводят реалист, должны касаться частных, конкретных случаев, связанных с успешностью предсказаний конкретной теории, для которых предлагается конкретное объяснение успеха» [Там же. Р. 80]. Сравните это с выводами Х. Патнэма и, в особенности, с той реконструкцией построений Х. Патнэма, которую приводит Л. Лаудан: «Утверждение Х. Патнэма, что приближенная истинность научных теорий влечет за собой то, что последующие теории будут содержать предыдущие как предельный случай, является заведомо (patently) ложным... Реальная история науки не подтверждает тезис Х. Патнэма о том, что в своем историческом развитии теории сходятся» [Laudan, 1981. Р. 39–40]. Примечательно, что именно Л. Лаудан, критикуя Х. Патнэма, формулирует «самый общий вид» аргумента в пользу научного реализма: «обратиться к абдуктивному выводу, который связывает успешность науки и [какой-то „значимый фактор”] приближенную истинность, правдоподобие или референциальный механизм (либо их [факторов] комбинацию). Этот аргумент [вывод] должен показать скептику, — что теории не построены „нечестным” (ill-gotten) путем; позитивисту, — что теорию нельзя свести к наблюдаемым следствиям; прагматисту, — что классические эпистемические категории („истина” и т. д.) являются релевантной частью мета-научного дискурса» [Laudan, 1981. Р. 45]. Очевидно, что таким «значимым фактором» у Р. Бойда является предсказательная сила научных теорий, их способность объяснять мир.

В определенном смысле, EDR Р. Бойда — это первая концепции, которая показывает, что научный реализм не обязан разделять «семантическую трактовку существования» (объекты, постулируемые теорией, существуют только поскольку теория истинна), которая является обязательной для философов, воспитанных в парадигме лингвистического поворота (одним из которых, конечно же, является Х. Патнэм). В книге «Сознание, язык и реальность» [Putnam, 1975b] он сведет реализм к проблемам философии языка). Объясняя успешность научного знания Р. Байд использует несемантический термин — «объяснение». Тем интереснее наблюдать, как расходятся линии аргументации в пользу научного реализма «после Р. Бойда»: одна, условно, «семантическая», каноническое содержание которой задает Х. Патнэм, и вторая, условно, «натуралистическая», по крайне мере значительную часть содержания которой впоследствии сформулирует М. Девитт («Байд гениально (ingeniously) показал, что антиреализм не может объяснить успешность методологии» [Devitt, 1997. Р. 116]). Сам Х. Патнэм, и в особенности Л. Лаудан, покажут, что основная проблема, которая стоит перед сторонниками научного реализма — это проблема пессимистиче-

ской мета-индукции («все теоретические объекты, постулированные на данном [историческом] этапе (молекулы, гены и т. д., также как и электроны) заведомо (invariably) не будут существовать с точки зрения более поздних теорий» [Putnam, 1978. Р. 24]). И именно попытки ее преодоления приведут к следующему серьезному сдвигу в «интеллектуальной траектории» — к структурному реализму Дж. Уоррола (см., например: [Worrall, 1989]). Но именно «натуралистический тренд» (от Р. Бойда к М. Девитту) сыграет решающую роль в развитии структурного реализма Дж. Уорролла — при переходе к структурному реализму Дж. Лэдимена («[как показал Р. Бойд] реализм является не единственным, но лучшим объяснением успешности методологии» [Ladyman et al., 2007. Р. 73]).

Литература

1. *Boyd R.* Scientific Realism and Naturalistic Epistemology / in: P. Asquith, R. Geire (eds.) Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association (PSA 1980). Volume Two: Symposia and Invited Papers. Chicago, IL: Chicago University Press, 1981, p. 613–662.
2. *Devitt M.* Realism and Truth. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
3. *Kitcher P.* The Naturalists Return // Philosophical Review, 1992, vol. 101, p. 53–114.
3. *Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.* Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
4. *Laudan L.* A Confutation of Convergent Realism. Philosophy of Science, 1981, vol. 48, p. 19–49.
5. *Maxwell G.* The Ontological Status of Theoretical Entities / in: H. Feigl, G. Maxwell (eds.) Scientific Explanation, Space and Time. Minneapolis, IL: University of Minnesota Press, 1962, pp. 3–27.
6. *Psihogios S.* Scientific Realism: How Science Tracks Truth. New York: Routledge, 1999.
7. *Putnam H.* Mathematics, Matter and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 1975a.
8. *Putnam H.* Mind, Language and Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1975b.
9. *Putnam H.* Meaning and the Moral Sciences. London: Routledge & Kegan Paul, 1978.
10. *Smart J.* Philosophy and Scientific Realism. London: Routledge & Kegan Paul, 1963.
11. *Worrall J.* Structural Realism: The Best of Both Worlds? // Dialectica, 1989, vol. 43, no. 1-2, p. 99–124.

A.V. Golubinskaya

National Research Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod)
golub@ioo.unn.ru

FROM KNOWLEDGE SOCIETY TO THE SOCIETY OF BELIEFS

*The reported study was funded by RFBR
according to the research project № 18-311-00061*

Abstract. Contemporary social scientists often describe the state of society as the knowledge society. In this article, the author suggests to analyze the analogy of knowledge society — the society of beliefs. The article reveals the Hardwig's argument in the light of information and communications technology and shows that nowadays the subject more often than ever faces the need to believe than to know and to experience. The author suggests to examine how possible is epistemic trust in the modern world and what risks it may cause.

Keywords: epistemic trust, epistemic plausibility, knowledge society, society of beliefs.

At the end of the last century, D. Hardwig noted that life is too short to require confirmation for each received information: there are infinitely many unconfirmed beliefs, and a human is finite, and that is why he inevitably faces the need to believe [2]. Trust is not only a classical philosophical issue, but obviously, it is an important aspect of social communication. Modern man is forced to cope with the excessive amount of unstructured information. In response to the redundancy of objects of experience, the expected cognitive strategy consequently manifests itself in the form of the increase in the objects of beliefs. Homo empiricus, the bearer of a unique experience, turns into homo credens, a person who believes without experience.

Ordinary people have to believe in quarks, genes, invisible hands of the market as well as in spirits and reincarnation, because there is no way for them to test this knowledge and to get first-hand experience, except to rely on a person convincing them of the truth of his experience and the reliability of the results obtained. These are invisible worlds in which the most ordinary person will never enter as a homo empiricus, and the only way to know it is to believe in it. The style of the cognitive activity in the Society of Beliefs follows from the incommensurability of the methods of confirming knowledge and the limits of human perception. Just recently, we observed how the legislator faced the need to discuss the problems associated with encryption keys, while after the meeting none of the discussants was unable to explain what it is and why it needs to be controlled. This case illustrates the situation when a person or a group have beliefs, which are not subjected to critical thinking in connection with a credible source of information.

In D. Hardwig's model, the meaning of belief in the process of knowledge acceptance is described as "one can know something if he has evidence, but also if he does not have evidence, but trusts the one who has it". Hardwig's argument in such a brief exposition examines the relationship of just two subjects. In fact, this chain

includes so many links each of which becomes the beginning of a new chain. The essence of the statement can be brought to a more interesting form:

x^1 knows that ρ , if he has evidence that ρ or also if he does not have evidence that ρ , but believes x^2 , who has evidence that ρ or also if he does not have...

If the notion of reliability is built on the concept of the third person's authority, then such trust in x^n is possible only if another x^{n+1} "knows what he is talking about," at least x^n is convinced of this. In this scheme, x^{n+1} always acts as a missionary, an information mediator from one section of the "social organism" to another, and ρ is nothing else than a black box.

The main mystery of the Society of Belief is an attempt to understand what, who and why is the subject of such trust, or is it possible to reveal the system of epistemic authorities. What does trust in authority mean? Probably, it can be defined as readiness to believe that the other person's statements are true. In this case, the plausibility of the message, the reliability of the expert [3] and the vigilance of the knowing subject [4] are the main positions in the structures of epistemic trust.

Within the framework of philosophy, the topic of trust in knowledge is still controversial. According to classical epistemology, knowledge should depend on evidence, but not on trust, and the uncritical acceptance of statements expressed by others is an act of non-compliance with the requirements of rationality. The contemporary vision of the problem is more complicated: we are not only ready to accept the idea that we believe much more often than we know from our own experience, but also significantly expand the list of participants in the process of acceptance knowledge and beliefs. Information and communication technologies play a special role for trust, since they increasingly act as intermediaries between the subjects.

For example, let us switch from the question "why does ρ^{n+1} cause ρ^n 's trust?" to the question "why does ρ^n believe ρ^{n+1} ?". It should be assumed that the very setting of them is a kind of trap about the a priori state of subjective beliefs: will the subject believe if there is no reason to the contrary, or will not believe, if — again — there is no reason to the contrary? The intention of these questions is to find who determines the degree of epistemic trust in a particular situation: the assuring one or the assured one. Even for lack of an answer, it can be decided that for the Information Society only the first option is permissible, and in order to learn something a person appears in a trap. A person must define a reliable one among countless experts and expert-like communicants, though he or she does not have enough information on the topic for such actions, which was actually the reason to search the expert information. The process of interaction is deprived of the usual intermediaries in the form of, for example, publishers.

On one hand, such action as the information search indicates that the person does not have enough knowledges. On the other hand, the person must be able to define a reliable source among countless experts and "expert-like" sources, which is possible only if the person already has some knowledges. In addition, the process of interaction is deprived of the usual intermediaries, for example, publishers. Judgments about the plausibility of information and the reliability of the expert remain to be

derived from the language indicators (vocabulary, syntax, and grammar), competency indicators (affiliations) and the reputation of the platform where the message is published. However, in most cases, it is more likely to find a good speaker than an expert. A speaker may report false information, believing it to be true or having the intention to deceive. Therefore, in addition to analyzing the source of information, direct control of the information is necessary. It turns out that within the Information Society the subject must “know” before he can find the source of knowledge, and this is actually impossible. Nevertheless, without knowing anything and completely relying on the random source of information, the subject risks being deluded.

D. Sperber designates the ability to assess the risk of misinformation in the message itself and the ability to track and guess who knows what as ‘epistemic vigilance’ [4]. He interprets the phenomenon of vigilance in analogy to the way how people walk in crowds without fear of encountering and generally trusting the trajectories of other people, except for those who at first sight create the impression of a negligent or aggressive person. In our opinion, D. Sperber offers a truly correct analogy: there is a certain calibration mechanism, due to which the subject is able (or unable) to appraise the credibility of incoming information. Negligent or aggressive information, which provokes conflicts with current knowledges, activates this mechanism, while in normal times the level of vigilance remains low.

There are suggestions [1] that trust in information is a background process, and critical comprehension of information occurs only under compelling situation; and the subject most likely prefers not to do so. If we accept this characteristic as a common property of all subjects of the Society of Beliefs, then, most likely, the level of disinformation of disinformation will be accepted as a norm. The drama of the idea lies in the fact that misconceptions grow in an obvious progression in the conditions provided by modern ICTs, but, in fact, there is really no way to protect oneself from misrepresentations, and the subject becomes more vulnerable under the influence of beliefs about the primacy of beliefs over experience.

Literature

1. *Gilbert D.T., Krull D.S., Malone P.S.* Unbelieving the unbelievable: Some problems in the rejection of false information // Journal of personality and social psychology, 1990, vol. 59, no. 4, 601 p.
2. *Hardwig J.* Epistemic Dependence / J. Hardwig // The Journal of Philosophy, 1985, no. 82 (7), 335–349 p.
3. *Hendriks F., Kienhues D., Bromme R.* Measuring laypeople’s trust in experts in a digital age: The Muenster Epistemic Trustworthiness Inventory (METI) // PloS one, 2015, vol. 10, no. 10, p. e0139309.
4. *Sperber D. et al.* Epistemic vigilance / Sperber D., Clément F., Heintz C., Mascaro O., Mercier H., Origgi G., Wilson D. // Mind & Language, 2010, vol. 25, no 4, p. 359–393.

К.Н. Евдокимова

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
namnamki@mail.ru

ПОЛЕМИКА Ж.-П. САРТРА И Р. АРОНА

Политический период философии Ж.-П. Сартра (мы определяем его примерно с 1950 г.) характеризуется попытками соединить экзистенциализм с марксизмом и сделать экзистенциализм философией освобождения и революций. Такая ситуация привела не только к критике «правых» и «левых», но и к разрыву отношений со многими друзьями философа (А. Камю, М. Мерло-Понти, Р. Арон и др.). В дальнейшем друзья Сартра (среди них были известные философы и писатели) примкнули к «левым», «правым» или же приняли позиции других политических группировок, течений и взглядов.

Мы обратимся к полемике Ж.-П. Сартра и Р. Аronа, так как считаем, что данная ситуация заслуживает внимания. Раймон Арон (1905–1983) – французской философ, социолог, политолог, друг Сартра, а в последствии один из ярых критиков его экзистенциалистко-марксистских взглядов. Рассматривая дружеские отношения между двумя французскими философами, многие исследователи (В.Н. Кузнецов, М.А. Киссель, Э.П. Юрковская, И.А. Гобозов, Э. Коэн-Солал и др.) заявляли, что хоть и Арон критиковал Сартра, но практически всегда делал это по-дружески. Сартр же в свою очередь всегда очень эмоционально отвечал на критику, но всегда приводил убедительные аргументы на критику Аronа. Вместе с тем, критика Аronа, на наш взгляд, несомненно, помогала раскрыться идеям Сартра. Вот, что отмечал в этой связи Иван Аршакович Гобозов¹: «Арон в отличие от Сартра, по собственному выражению, сильно увлекался марксизмом. Потом попал под влияние неокантианства и во Франции основал критическую философию истории. После войны их пути резко разошлись из-за политических позиций. Арон был рупором правых, ярым антисоветчиком и антимарксистом. Сартр, напротив, был левым, просоветским настроенным и хорошо относящимся к марксизму человеком. В 1968 году во время крупных массовых студенческих волнений Сартр помогал студентам, а Арон выступал против них. Примирение двух французских интеллектуалов произошло незадолго до их смерти (Сартр умер в 1980 году, а Арон в 1983 году)» [3, с. 5–6]. Попытаемся разобраться, что представляла такая дружба и полемика на самом деле.

Критикуя Сартра, Арон особенно не воспринимал, то, как Сартр критиковал материализм и пытался экзистенциализм сделать основанием марксизма. Также Арон резко реагирует на то, как Сартр негативно относится к законам

¹ Доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ, профессор кафедры социальной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, академик Международной академии информатизации, бывший главный редактор журнала «Философия и общество». Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Учился в Коллеж де Франс в Париже, писал докторскую диссертацию под руководством Р. Аronа [Электронный ресурс]. URL: https://www.socionauki.ru/authors/gobozov_i_a/ (дата обращения: сентябрь 2018).

диалектики Гегеля. Критика Р. Арон — это критика справа: «Критика справа Сартра исходила от его бывшего друга Р. Арон. Арон в книге «Мнимый марксизм», изданной в 1970 г. и переведенной на русский язык автором этой статьи, а также в других работах подверг резкой критике попытки Сартра соединить марксизм и экзистенциализм. По утверждению Арона, экзистенциализм предлагает себя в качестве философского основания марксизма. Сартр, пишет Арон, принимает революционный замысел марксизма, но не приемлет его материалистический характер, поскольку, как он считает, материализм отвергает разум, с чем он как экзистенциалист категорически не может согласиться» [3, с. 9–10]. Как видим Гобозов подчеркнул существенную особенность различия в позициях Сартра и Арона.

Если обратиться к одной из известных работ самого Раймона Арона «Мнимый марксизм» (1969 г. — первое издание и 1970 г. — второе), то можно действительно заметить его негативное отношение к попытке соединения Сартром марксизма и экзистенциализма, аргументы в пользу вывода о том, почему так не может быть и сравнение с К. Марксом. Арон критикует каждый шаг Сартра, говоря о нем не только как о философе и политике, но как о друге, который во многом не прав и довольно часто ошибается. Арон явственно относится ко всем попыткам Сартра, которые касаются марксизма: «Диалог между экзистенциалистами и марксистами, точнее говоря, между Сартром и коммунистами, находится со времени Освобождения на авансцене литературно-политической жизни Франции. Странный диалог, в котором один из собеседников заявляет о своей дружбе, но в ответ слышит только грубые окрики. Экзистенциалисты неоднократно выражали свои добрые чувства, а Сартр в одном интервью даже заявил, что спор с коммунистами носит семейный характер. Коммунисты же утверждали, что экзистенциализм — это мелкобуржуазная идеология, которая постепенно становится реакционной, даже фашистской» [1, с. 27]. В частности, Арон с неприятием относится к труду последнего периода Ж.-П. Сартра «Критика диалектического разума» (1960 г. и 1985 г.), Гобозов отмечает, относительно Арона, что согласно ему, Сартр в этой работе «решил продолжить, как ему кажется, творческое развитие марксизма. Но он повторяет те же идеи, которые высказывал ранее в других трудах. „...С одной стороны, Сартр выражает безусловную преданность марксизму, но марксизму, обединенному содержанием, а с другой стороны, снова возвращает в историю событие и индивида... а также автономию социально-политических групп и несводимость творений духа“» [3, с. 11]. Арон критикует не только данную работу Сартра, но и его работу более раннего периода творчества — «Бытие и ничто» (1943): «Однако „Бытие и ничто“ не внушает мысли о том, что история — это именно созидательный процесс, благодаря которому люди через борьбу — борьбу с природой и друг с другом — добиваются свободы и, стало быть, преодолевают противоречия. Напротив, складывается впечатление, что „каждое сознание постоянно хочет смерти другого“» [1, с. 46]. Арон отмечает здесь также, что в «Бытие и ничто» слишком много пессимизма. Сартр, как и другие экзистенциалисты, пишут о смерти и о том, что борьба с этим несправедливым миром бесконечна; и тогда

Арон, как и другие критики не видят в этом смысла. Но, на наш взгляд, Арон, как и другие критики Сартра, забывает о главном, а именно о раскрытии феномена свободы и отчуждения, в чем Сартр был силен и активно отстаивал эту свою философскую позицию.

Почему мы предприняли рассмотрение дружбы-вражды Ж.-П. Сартра и Р. Аronа? Две колоритные фигуры, сначала друзья, потом враги. Арон критиковал многие действия Ж.-П. Сартра. А именно, это касается того, что Сартр призывал студентов (грубо говоря, подрывал умы молодежи) университетов выступать против власти, выступать на референдумах с громкими лозунгами, заявлять о своей свободе, в общем, делать все как Сартр. Сартр считал Аronа — жестоким, а Аron говорил, что Сартр вообще перестал разбираться в философии, добавляя везде свой экзистенциализм.

Раймон Арон верно подмечает слабые места в политической философии Сартра при трактовке марксизма и основных его понятий в ключе экзистенциализма. Арон для Сартра был не только критиком, но и человеком, который стимулировал (на наш взгляд) развитие его политических взглядов и идей. На самом деле, такие противоречия двух философов основываются на том, что Арон и Сартр принимали две разных политические позиции и, если можно так сказать, идеи двух разных философий. Один — экзистенциалист, другой — классический либералист, антикоммунист.

Арон, несомненно, повлиял на философию Сартра, как и многие другие известные философы, такие как Гегель, Гуссерль, К. Маркс, его друзья-философы. Критика Ароном Сартра — это не только критика, но и желание помочь Сартру избавиться от тех, ошибок, которые Арон указывал. Как верно указывает И.А. Гобозов: «По утверждению Аronа, экзистенциализм предлагает себя в качестве философского основания марксизма. Сартр, пишет Арон, принимает революционный замысел марксизма, но не приемлет его материалистический характер, поскольку, как он считает, материализм отвергает разум, с чем он как экзистенциалист категорически не может согласиться» [3, с. 10]. Полемика двух философов содержит ключевые моменты, которые касаются «левых» марксистов. Арон отказался от позиции «левых», не признавал и критиковал марксизм. Но изначально, позиция Аronа была «левой» с уклоном в либерализм и против коммунизма. Сартр же был последовательным сторонником «левых» марксистов, но экзистенциализм Сартра с «левой» позицией не сочетался.

На наш взгляд, критика экзистенциализма Сартра Ароном вызвана тем, что Ж.-П. Сартр принял идеи марксизма и пытался сочетать их с идеями философии экзистенциализма. Арон всячески убеждал и писал в еще одном известном труде «Опиум интеллектуалов» (1955 г.), что все те, кто следует идеям марксизма, в скором времени разочаруются в нем, так как якобы марксизм не о демократии, а о подавлении индивидуума в обществе: «Марксистская пропаганда стремится распространить сознание фундаментальной несправедливость и подтвердить это теорией эксплуатации. Эта пропаганда не имеет успеха ни в одной стране» [2, с. 116]. Полемика двух философов имеет следующие особенности: Арон противник марксизма и экзистенциализма. Сартр же был одним из извест-

ных экзистенциалистов и в последствии увлекся марксизмом. И, на наш взгляд, скорее всего не сами идеи экзистенциализма будоражили Арон, а скорее всего то, что друг принял идеи марксизма. Вместе с тем данная критика объективно послужила раскрытию философско-политических взглядов Сартра.

Литература

1. Арон Р. Мнимый марксизм / пер. с французского. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. С. 384.
2. Арон Р. Оpiум интеллектуалов / пер. с французского Л. Боровиковой. М.: Издательство АСТ. Сер.: Философия — Neoclassic, 2015. С. 480.
3. Гобозов И.А. Сартр и марксизм // Журнал «Философия и общество». № 2 (43). 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sartr-i-marksizm>, (дата обращения: сентябрь, 2018).

А.С. Зайкова

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
zaykova.a.s@gmail.com

ЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕМПОРАЛЬНОГО ОПЫТА

Когда мы говорим про восприятие времени, мы, как правило, имеем в виду не столько восприятие времени как таковое, но восприятие изменений или событий, происходящих во времени. С другой стороны, любое восприятие каких-либо событий нагружено восприятием темпоральных отношений между событиями и внутри них.

Различными исследователями выделяются следующие типы элементарного темпорального опыта: длительность, одновременность, порядок событий, прошлое и настоящее, и непосредственно ход времени [6]. Зачастую возникает вопрос: сводимы ли подобные элементы восприятия друг к другу или являются самостоятельными? Какие элементы опыта можно назвать фундаментальными, а какие являются составными, или формируются на основании других переживаний, логики и языковых норм?

Для того, чтобы прояснить подобный вопрос, попробуем исследовать и формализовать различные элементы темпорального опыта и обратим внимание на структуру такого опыта. Для этого будем рассматривать темпоральные отношения на пространстве отрефлексированного потока сознания. Нам нужна такая модификация сознания, которая, по словам Гуссерля, «превращает Текущее, будь это первичное, или репродуцированное Текущее, в прошлое. Эта последняя модификация имеет характер непрерывного оттенения (Abschattung); так же как Текущее переходит в прошлое и более отдаленное прошлое в непрерывности градаций (sichabstuft), так и в интуитивном сознании-времени имеет место непрерывность градаций» [1]. Такой отрефлексированный поток сознания можно представить в виде прямой с заданным направлением, на котором непрерывно и неизменно будут отражаться все события, происходящие вне и внутри нас.

На указанном пространстве базовым элементом будет «Событие», представляющее собой «temporalnyy ob'ekt» [1]. Его можно определить как *явление, происшествие или любое изменение состояния мира с четко выделенными temporalnymi ramkami (началом и концом) в используемом пространстве*. Так, событие A — это некоторое явление с начальной точкой A_0 и конечной точкой A_k . Стоит отметить, что A_0 и A_k также являются событиями, но *нулевыми*, т. е. такими, что для каждого из них начальная и конечная точки совпадают.

Если у нас есть два события, мы можем сконструировать новое событие — *промежуток*. Промежутком ($B-A$) между двумя событиями A и B мы назовем событие C , такое, что его начальная точка C_0 совпадает с конечной точкой A_k события A , а его конечная точка C_k совпадает с начальной точкой B_0 события B . Любое событие можно представить как промежуток между его конечной и начальной точками.

На пространстве отрефлексированного потока сознания есть функция «непосредственное ощущение длительности, обусловленное в основном висцеральной чувствительностью» [5]. Это первичное ощущение, непосредственно связанное с нашим восприятием. Оно основано на восприятии «temporalno последовательных единиц» [1], без которого и не бывает восприятия temporalных объектов, какими являются события. Такую функцию мы обозначим функцией t , которая отражает субъективное восприятие протяженности промежутка.

Тогда мы можем утверждать, что именно эта функция, примененная к уже конституированным и отрефлексированным событиям на используемом пространстве помогает определить длительность D какого-либо события A . Это возможно через субъективное восприятие протяженности промежутка между начальной точкой события A_0 и конечной точкой события A_k : $D(A) = t(A_0, A_k)$.

В свою очередь, ритмом R для нулевых событий $\{A_1, A_2, \dots, A_k\}$ мы называем свойство такого набора событий, при котором длительность промежутков между этими событиями постоянна. Такую длительность назовем метром m , а такие события — *ритмичными*:

$$R(\{A_1, A_2, \dots, A_k\}) \Leftrightarrow \text{сущ } m = t(A_0, A_1) = t(A_1, A_2) = \dots = t(A_{k-1}, A_k)$$

При этом как ритм может быть выражен через длительность, так и длительность, в свою очередь, может быть выражена через ритм. Доказательством того, что ритм может быть выражен через длительность, является само определение ритма. При том, если нам доступно восприятие ритмичных событий, и если событие A мы можем разделить на k равных частей событиями A_1, A_2, \dots, A_{k-1} с метром $m = t(A_0, A_1) = t(A_1, A_2) = \dots = t(A_{k-1}, A_k)$, то длительность D события A можно определить как $t(A_0, A_k) = \sum m = km$.

Следующими элементами temporalного опыта можно выделить одновременность и последовательность. Б.Рассел, рассуждая об этих элементах, утверждает, что они относятся к отношениям между объектами [4]. С одной стороны, такая позиция обоснована тем, что даже без воспринимающего субъекта мы можем говорить о таких отношениях. С другой стороны, разные люди могут воспринимать события одновременно или последовательно, в зависимости

от ряда физических, нейрофизиологических и психологических причин [2]. Таким образом, можно утверждать, что одновременность и последовательность являются элементами нашего опыта, характеризующими некоторые событийные отношения.

Так, одновременность можно определить как свойство двух событий A и B , при котором и длительность промежутка между событиями ($B-A$), и длительность промежутка ($A-B$) больше либо равна нулю. Подобное определение позволяет пока не говорить о порядке событий. При этом, надо отметить, что одновременность может быть полная (события во времени полностью совпадают), вложенная (время одного события включает в себя другое) или частичная (время одного события частично совпадает со временем другого).

Конечно, если мы говорим исключительно про нулевые события, то здесь допустима только полная одновременность. Фактически, таким образом мы получаем то, что Б.Рассел называет «мгновением» — «группу событий, такую, что любые два из этих событий являются одновременными друг с другом, и все эти события не являются одновременными с чем-либо вне данной группы» [4].

Таким образом, неодновременность — это свойство двух или более неодновременных событий, т. е. таких, что если взять из этого набора событий любые два A и B , длительность промежутка ($A-B$), либо длительность промежутка ($B-A$) будет меньше нуля.

Чтобы получить последовательность, нужно на множестве неодновременных событий ввести порядок, т. е. упорядочить события A_1, A_2, \dots, A_k таким образом, что для любого $1 < i < k$ длительность промежутка (A_i-A_{i-1}) всегда будет больше нуля.

При этом как последовательность может быть выражена через одновременность (как мы видим выше), так и одновременность — через последовательность (поскольку события являются одновременными, если не существует последовательности, включающей эти два события).

Мы видим, что элементы темпорального опыта можно разделить на две части: элементы темпорального опыта первого порядка, которые характеризуют сами события и их отношение к пространству, в котором они находятся — ритм и длительность, и элементы темпорального опыта второго порядка, которые характеризуют отношения внутри определенного множества событий — последовательность и одновременность. Более того, на основе формализированного представления элементов темпорального опыта мы можем сделать вывод, что если на пространстве отрефлексированного потока сознания доступен один из элементов темпорального опыта первого порядка (длительность или ритм), то на его основе возможно сконструировать и прочие элементы темпорального опыта. Так, если бы мы взяли в качестве естественной функции первичное ощущение ритма (а некоторые исследования явно указывают, что такая функция существует [3]), мы бы также смогли выстроить прочите темпоральные аспекты.

Тем не менее, человеческое сознание временных аспектов не строится только лишь на применении логики к непосредственному субъективному ощущению длительности или даже к субъективным ощущениям длительности и ритма.

И для непосредственного ощущения одновременности, и для непосредственного ощущения последовательности, а также ряда других переживаний, связанных с восприятием временем (таких, как ощущение прошлого или будущего, дискретности или непрерывности временного потока и других) формируются особые механизмы в мозге [2,3], которые, с одной стороны, являются источниками темпоральных иллюзий [2,3], а с другой — и формируют данное нам восприятие и темпоральных объектов, и времени вообще.

Литература

1. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гноэсис, 1994.
2. Зайкова А.С. Одновременность как эпистемический конструкт // Философия науки. 2017. № 2. С. 87–96.
3. Зайкова А.С. Фундаментальные аспекты восприятия времени //Философия. Социология. Политология. 2016. С. 61.
4. Рассел Б. О восприятии времени. // Логос. 2004. № 5 (44). С. 29–44.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
6. Le Poidevin R. The Experience and Perception of Time // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2015 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2015/entries/time-experience/>.
7. Friebe C. Time order, time direction, and the presentist's view on spacetime, Kriterion—Journal for Philosophy 30.2, 2016, 91–106.

А.Л. Каулин

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
a.kaulin2011@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ НАУК О ДУХЕ В НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВЕ

Geisteswissenschaften, термин, обычно используемый в немецком языке для обозначения дисциплин, называемых «гуманитарные науки», на английском языке появился в ходе дискуссии, происходившей в девятнадцатого века, речь шла о правильном назначении для тех дисциплин, чьи темы и методологии отличались от тех, что стали преобладающими в обществе, а именно, от естественных наук (Naturwissenschaften), таких как физика, биология и химия. Второй компонент этого сложного слова — «Wissenschaften» или «науки» — указывает на то, что эти дисциплины действительно являются законными науками, однако, иного рода, чем естественные. Идея, лежащая в основе дискуссии, из которой возник этот термин, заключается в том, что существуют обоснованные научные методы изучения таких тем, как литература, искусство, история, а также философия, но что объекты этих дисциплин и их методы существенно отличаются от объектов и количественных методов, используемых в современном естествознании. Науки о Духе находят свою изначальную основу в структурах человеческого опыта, который, в свою очередь, находится в перспективе исторического процесса, то есть погружен в определенный контекст. Следовательно, Geisteswissenschaften стремятся сделать больше, чем просто описать, вместо этого они стремятся по-

нять и объяснить различные проявления человеческого опыта, помещая их в более широкие личные, социальные и исторические контексты, которые обеспечивают понимание их «смысла» [1].

Данная работа является анализом эволюции представления о гуманитарных науках, который проводится в рамках проблемы обоснования гуманитарных наук в целом. Так как эта тема очень обширная, мы будем работать с конкретными понятиями. В частности, будет произведена реконструкция понятия Абсолютного Духа, а также его обоснования, как объективной науки у Гегеля и, затем у неогегельянцев, которые разграничивали «Geisteswissenschaften» и «Naturwissenschaften», при этом обосновывая первые. И отличным примером этого является англо-гегельянская традиция. Поэтому, в данной работе будут рассмотрены некоторые из ее представителей. Принято считать, что Английская традиция «...представлена сторонниками так называемого абсолютного идеализма...» [2], которая, однако, совершенно им не исчерпывается. В связи с этим будет рассмотрен Френсис Бредли, которого можно считать основателем абсолютного идеализма, как такого и его последователь, которого, однако, не принято относить к приверженцам данного направления, хотя он и испытывал влияние своего «учителя», Робин Коллингвуд.

Имеется огромное количество зарубежных и отечественных работ по поводу интерпретации философии Гегеля, неогегельянцев и различных их идей. Однако, на данный момент не производилось углубленного объектно-предметного анализа трансформации понятия и концепции Абсолютного Духа и наук о Духе от Гегеля к неогегельянцам. Поэтому, очевидна теоретическая и практическая значимости работы с данной тематикой. Углубление знания, уточнение отдельных деталей важно для изучения истории философии.

Целью данной работы является выявление преемственности и обозначение новизны данных понятий. Для этого, во-первых, понадобится реконструкция содержания понятия Духа, как такого, и разворачивающейся из него науки о самом себе, у Гегеля; во-вторых, такая же реконструкция, но представлений о науках о духе и вытекающем из них понятии Духа, у неогегельянцев; и наконец, произвести синтез схожих моментов и их выявить новизну в контексте данной философской традиции.

В век, в котором жил Гегель вопрос обоснования гуманитарных наук, и тем более философии, еще не стоял так остро. Его приемникам же досталась нелегкая ноша. Они должны были защищать науки, которые стремятся постигнуть тайны человеческого опыта, от постоянных нападок со стороны приверженцев естественных наук, которые, в свою очередь, развивались и продолжают развиваться столь стремительно, что заполонили собой практически все пространство науки целиком. Их влияние настолько велико, что даже в исследовании по реконструкции понятий, заявленных в теме моей работы, я обнаружила некоторую тенденцию к упрощению метафизических идей, а иногда и отказу от них вовсе. Вероятно, публике, привыкшей опираться на эмпирические факты, что называется, «режут слух» понятия сродни «Духу». Тем более цennыми, в таком случае, являются попытки привлечь внимание к проблемам, заключенным в этих понятиях.

Общей тенденцией в неогегельянстве считается переход от довлеющих над индивидуальностью форм коллективного устройства к субъективистскому подходу, постулирующему личность во главу всех мировых процессов. С одной стороны, данное заявление можно рассматривать как верное, но с другой — встает вопрос, каким именно образом следует понимать индивидуальность в целом. Самосознание, по Гегелю, выступает некоторым этапом, на котором оно постулирует себя обособленным, чуждым миру. Пожалуй, его можно обозначить, как самый отчужденный этап в развитии Духа, но тем не менее: «индивиду есть абсолютная форма, т. е. непосредственная достоверность себя самого и, — если бы этому выражению было оказано предпочтение, — он есть тем самым безусловное бытие». Продвигаясь дальше по пути своего развития, самосознание открывает в себе новые способы восприятия мира, через них оно впитывает и новые смысловые интенции, которые поступают извне. Но как понять это «извне»? Конечность человека, эта помеха на пути реализации «планов» Духа. Он сам неиндивидуален в том смысле, в котором мы понимаем свою конечную индивидуальность. И поэтому, чем дальше он раскрывается, тем все более обширные формы он охватывает. Но ведь тоже самое делает и самосознание. Когда оно осмысливает себя уже не просто как отдельное существо, но как существо социальное, оно приходит к выводу, что оно часть некоторого единства, которое трудно описать, но которое интуитивно очевидно. Государства, империи, целый мир, и уж тем более история — это поток, который несет человека, возможно, куда течению вздумается, но это не означает, что тот, кто сможет соорудить плод обязательно будет грести против него, вероятно и то, что, осознавая границы горизонта и предполагая, что за ним, он, седая волна, будет свободно, то есть, по собственному желанию стремиться к нему. Вопрос ведь заключается в том, как пробиться к этому самосознанию, как вырвать его из царства отчуждения и заставить задумываться над самим собой. В это положении, конечно есть преемственность. Брэдли постулировал доминирование Абсолюта над индивидуальностью, заявляя, что только то, что частей в себе не имеет, т. е. бесконечно в каком-то смысле, может быть полностью свободным, в том числе и в доступе к познанию. Вклад его заключается в том, что индивидуальностью он наделял не только человеческое сознание, он наделял ей и саму окружающую действительность, которая сама по себе есть сущее, наполненное разного рода явлениями, которые представляются человеку не тем, чем они являются на самом деле. С одной стороны, он воспользовался принципом тождества бытия и мышления, с другой стороны, он перевернул его так, чтобы вместо помощи в познании, он напротив путал человека, порождая в его сознании связи, истинность которых, крайне сомнительна. Онтологизируя окружающий мир — действительный материальный мир — он проторил путь для следующих поколений исследователей, которые все более углубляли свою критическую позицию по поводу непрятательности ученых к собственной терминологии. Ведь, опираясь на то или иное понятие бездумно, само по себе, может завести исследователя в тупик, так как поиски будут обусловлены ложными связями внутри самого понятия. На счет индивидуальности, как таковой, Коллингвуд совершил некоторый сдвиг

от разума всеобщего, до мысли в голове у исследователя, рефлексии исследователя, то есть от познания всеобщего, которое у Гегеля происходило через самосознание, к познанию конкретному, в смысле, определенной конкретной темы, будь то история или метафизика. Мысль, через которую мы познаем она остается обособленной, как нечто метафизическое, но уже не обладает некоторой «чистотой», скорее она похожа на «коллективное бессознательное», которое является для каждого смутным воспоминанием и, так как, каждый обладает схожими познавательными способностями, любой эту мысль может выдернуть из истории и присвоить себе; для этого нужно будет отказаться от себя, в смысле своего опыта и окружающего контекста, дабы сделать историю живой, как в тот момент, когда она творилась, будто бы сам являясь очевидцем тех событий. Конечно для этого потребуется определенная методика, например, «историческое воображение».

Конечно же изменился метод. Гегель представлял метафизику, как нечто само собой разумеющееся и с логической необходимостью выстроенное. Его диалектика (тезис-антитезис-синтез), обуславливала развитие самой системы и являлась показателем того, что эта системастина. Брэдли же наоборот утверждал, что любое противоречие показывает неистинность системы, отрицательная диалектика, поэтому нужно изыскивать способы к преодолению оных. Хотя полностью преодолеваются они только в Абсолюте, который содержит в себе все, нераздельно усматривая как бы картину полностью. Очень важно отметить, что гегелевский Абсолют разворачивается из себя, порождая природу, человека и историю, Абсолют Брэдли содержит в себе все, но не существует не в каком процессе, он находится вне всего, хотя, по-видимому, отражается в мире и если научиться усматривать его, то некотораястина будет доступна. Коллингвуд в своих работах, связанных с религией (практически во всех), постулирует ее, как знание, которое выше философии, а Дух преобразует в некоторый атрибут Бога, Его Волю. Постулируя и разум, и философию, и даже сам Дух, как промежуточные этапы познания, которое может осуществиться полностью только в Боге. А метод, касательный метафизики, Коллингвуд делает историческим, даже постулирует, что он всегда был таким, просто никто до него не обращал на это внимание. Исторический метод — метод абсолютных предпосылок. То есть всегда сначала задается вопрос, зачем, то или иное действие было совершено, или почему была поставлена та или иная проблема. Всегда нужно заглянуть чуть раньше, чем само событие происходит, чтобы понять причины, которыми оно обусловлено. Хотя одно, и для Гегеля, и для неогегельянцев, все же остается неизменным. Метод для Гегеля — это «орудие, находящееся на субъективной стороне средства». Вместе с тем «субъективная сторона» с помощью этого средства «соотносится с объектом». Кроме того, для Гегеля метод возникает, как само собой знающее понятие, имеющее своим предметом себя как столь же субъективное, сколь и объективное. Сам умозрительный метод является уже существующим, как нечто объективное, но скрытым в человеческом мышлении. Чтобы он раскрылся нужно усмотреть его внутри. Каким бы путем потом не шли исследования, изначально нужно чтобы человек запустил в себе процесс

рефлексии, которая приводит его и к методу, и к осознанию его значимости. Опыт человека должен развиваться не односторонне, то есть не только внешне, но и внутренне. Каждый обладает определенными способностями, которые призваны эти свойства раскрыть, главное, чтобы пробудилось желание сделать это.

Гегеля отличает и «идея универсального процесса и развития как общей, всепроникающей связи частных явлений» [4]. Это идея преемственна и для Брэдли, и для Коллингвуда. Все события связаны, все понятия или явления, охвачены всепроникающими нитями отношений. Частные явления несут в себе кусочки, из которых складывается цельное полотно. Вопрос только в их интерпретации. Для Коллингвуда, как и для Брэдли изначально, но несколько в разных смыслах; все соединено посредством некоторых «абсолютных предпосылок», чего нет у Гегеля в открытом виде. Хотя идея развития Духа по определенным четко выверенным онтологическим правилам, тоже может считаться некоторой предпосылкой, которая всегда на немного, но впереди явления или мысли. Для Брэдли же, это некоторые закономерности, которые нерушимы, причем они распространяются как на природные явления, так и на ход исторических событий. Это есть просто определенный процесс, хотя конечно и не соизмеримый, но тем не менее схожий. Это так называемая «абсолютная предпосылка существенного единства природы и хода событий» Полагаю, что этой предпосылкой Брэдли считал Абсолют, который содержит в себе все, но не разворачивается в мир, а проецирует на него какие-то свои части. Брэдли понимал Абсолют в более платоновском смысле идей, для него Абсолют никак не может выразиться в реальном мире, он чисто «духовное» проявление, чьи отголоски мы можем усматривать в объектах, но сделать это очень трудно, так как на действительность насложился некоторый понятийный аппарат, порожденный, с одной стороны самой действительностью, с другой стороны, неправильно воспринятый нами; который несет в себе поганницу, а не достоверность.

Наука ставит разные задачи, хотя цель едина для всех. «По Гегелю, например, движение от простого к сложному, от абстрактного к конкретному есть логический процесс реконструкции абсолютной реальности в «Науке» [3]. Наука сама по себе является гарантом достоверности, так как она основана на логике, которая обусловлена системой, и задача ее заключается в том, чтобы преодолеть далекие от истины «вещи» и раскрыть их естественную суть. По Брэдли философское мышление призвано обеспечить такой уровень рефлексии, который позволит заглянуть за грань человеческого мышления и некоторым мерилом Абсолюта отсечь от действительности все лишние навороты, хотя цель остается той же: познать суть. И по Коллингвуду, задача исторического, а затем и метафизического мышления, распутать клубок связей, проблем, событий, которые ведут к той же истине или абсолютной реальности, что невозможно сделать посредством перебора разрывных между собой фактов. Только посредством предпосылок и их изначальных связей можно усмотреть саму суть, т. е. некоторую идеальность, к которой обречено стремится все конечное. Однако, к которой оно способно пробиться, поднимаясь все выше и выше по «лестнице рефлексивных уровней».

Литература

1. Encyclopedia of Philosophy. Volume 4, Second Edition Donald M. Borchert, Editor in Chief. © 2006 Thomson Gale, a part of the Thomson Corporation. P. 874.
2. История философии: Запад—Россия—Восток (книга третья: Философия XIX—XX в.). 2-е изд / под ред. проф. Н.В. Мотрошиловой и проф. А.М. Руткевича М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1999. 448 с.
3. Киссель М.А. Метафизика в век науки: опыт Р. Дж. Коллингвуда / М.А. Киссель. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2002. 301 с.
4. Кэрд Э. Гегель. М., 1898. С. 306.

И.С. Кудряшов

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
ioann1983@yandex.ru

ОНТОЛОГИЯ МЕДИА: ПОЗИЦИЯ ПЕТЕРА СЛОТЕРДАЙКА И ДИТЕРА МЕРША

Взгляд на актуальность вопроса об онтологии медиа во многом уже определен той теоретической рамкой, которой мы пользуемся чтобы определить, что такое медиа.

С одной стороны, философия едва ли не с самого зарождения говорит о «посредниках», т. е. тех медиумах, медиаторах и носителях, которые участвуют или делают возможными изменения. Философы изучают язык и символы, объективные и субъективные корреляты, а для Гегеля и вовсе едва ли не вся реальность — это формы Духа, служащие ему посредниками в самопознании. Но специфическое рассмотрение медиа (как информационных средств и носителей) в философии возникает лишь в середине XX в.

С другой стороны, значительный вклад в понимание медиа сделали представители наук — от кибернетики до психологии и социально-экономических дисциплин. У каждой группы теорий медиа (а то и у каждого исследователя) уже имеются имплицитные онтологические построения насчет своего объекта. В этом смысле мы получаем двойную проблему: существуют и философия медиа, и научные теории медиа (со своей онтологией), но в четко выраженном виде онтология медиа практически нигде и никем не заявлена. Только к концу XX в. философия медиа начинает подходить к повороту от чисто практических (как влияет? как управлять?) и методологических вопросов (как изучать? как различать?) к фундаментальным онтологическим проблемам — что есть медиа? И как что они существуют (при всем их разнообразии)?

В значительной степени вопрос об онтологии медиа и возможности медиафилософии был остро поставлен в 1990–2000-е гг. в рамках дискуссий и семинаров современных кафедр исследования медиа, сосредоточенных или идеино связанных с новыми немецкими университетами. Ламберт Визинг, изучив существующие подходы, предложил увидеть шесть решений этого вопроса [1].

Однако для нас важнее обратить внимание на то, что среди множества позиций хорошо заметно три отношения к вопросу о самой онтологии медиа. На наш взгляд, это следующие позиции.

1. Не существует единой онтологической рамки для медиа, в силу чего и философия медиа невозможна (эта позиция присутствует уже у такого авторитета в теории медиа как Фридрих Киттлер).

2. Вопрос о медиа — это вопрос методологии и дискурса, а не онтологии. Медиафилософия является скорее «философской областью консультирования других исследователей и в особенности медиапрактиков» [1] (эта позиция озвучена Майком Сандботе).

3. Онтология медиа возможна и необходима, прежде всего, как продолжение антропологического вопрошания.

В связи с подобного рода расхождением, мы решили сравнить позиции двух авторитетных авторов в современной теории медиа. Это Петер Слотердайк, создавший концепцию Сферологии, в которой вопрос о медиации напрямую вписан в онтологию человека и культуры, и Дитер Мерш, относящийся уже ко второму поколению теоретиков медиа немецкой школы и представляющий скептическое отношение к попыткам выстроить какую-либо онтологию медиа.

Пессимизм в отношении построения онтологии медиа в значительной степени связан с пониманием принципиальной сложности выхода из круга опосредования. Все, что дано нам — дано в форме чего-то, посредством чего-то или в ряду чего-то. С появлением философии медиа обнаружилось, что медиа вездесущи, и всякий разговор о них принципиально задействует образы перевода, перевода, воплощения. Именно по этому поводу Фридрих Киттлер прокомментирует ключевое выражение Маршалла Маклюэна («medium is the message»): «содержанием одного медиума всегда является другой медиум» [2, с. 25]. В таком случае любой вопрос об основаниях или началах оказывается проблематичным, т.к. мы всегда уже в середине.

Собственно, обращение к Слотердайку и связано с тем, что большинство теоретиков и философов медиа обошли вопрос об онтологии. Слотердайк напрямую не принадлежит к этой традиции, однако его интерпретация базовых элементов онтологии человеческого мира (сфера) напрямую связана с пониманием медиальности. По его мысли человек существует благодаря поверхности виртуальной сферы, образованной сплетением социальных и человеческих связей, в которых субъекты коммуникации не предшествуют самой коммуникации, но возможны только при условии ее стабильности. Человек «пребывает в сфере — в замкнутом закрученном психическом поле, как полюс среди других полюсов» [3]. Сферология довольно точно описывает формирование субъекта в его первом диадном взаимодействии с матерью, вместе с тем она оказывает весьма актуальна для понимания новых медиа (особенно социальных сетей). Человек формируется медиа, однако если прежде это давало человеку ощущение защиты (иммунология) и самостоятельности (аутопоэзис), то современное общество медийно фабрикует людей, неспособных жить «вне подключения».

Сферология Слотердайка состоит из трех теорий. Теория пузырей является «археологией интимного» и интересуется структурами и процессами, делающими соединения, соития и стыковки возможными. Мы живем не как монады, но как диады, заявляет Слотердайк. Потому что любая сфера начинается с истории любви, то есть с создания «внутреннего пространства». Теория глобусов представляет мир политического в качестве естественного разрастания глобального пузыря единой коммуницирующей с самой собой круглой, то есть планетарной цивилизации, которая, кроме этого, является сферой жизни и смерти. Глобализация, то есть превращение в глобус, начинается, с его точки зрения, с геометризации неба Платоном и Аристотелем и заканчивается кругосветными путешествиями кораблей, капитала и сигнала. Теория пены имеет дело с поэтикой плюрального и изучает острова, их образование и изоляцию.

Общество пены затмняет вопрос о том, как мы становимся индивидами, пользующимися медиа. Кроме того, оно лишает нас иммунной защиты, создаваемой культурой и философией. В силу этого Слотердайк считает важным обратиться к идеям киников и Ницше, а также искать философские средства против доминирующих сегодня теорий нехватки (описывающих человека через негацию, а не нечто позитивное — например, страсть [см.: 4]).

В качестве оппонента Слотердайку нами был избран Дитер Мерш по той причине, что он является одним из последовательных критиков аппаратных теорий в области медиа (или еще их можно назвать медиаматериализм). Позиция медиаматериалистов строится на серьезной ошибке сведения языка к цифровым и математическим моделям теории информации. Как заметит по этому поводу Георг Кристофф Толен: «структура взаимозаменяемости, присущая языку, — это нетехническая недостижимая предпосылка технических медиа» [цит. по: 5]. Само собой, что недооценка языка является одним из препятствий для построения онтологии, а потому позицию Слотердайка стоит сравнивать с другим подходом, получившим название метафорология медиального.

Позиция Мерша на первый взгляд выглядит довольно скептической, так как в любой попытке универсализации вопроса о том, что считать медиа или как однозначно понимать медиальность ему видится старая проблема метаязыка. Он ставит вопрос о том, как воспринимать трансцендентальное (то, что скрывается от нас, т.к. это условие восприятия), т. е. при каких условиях рефлексия медиа возможна? По мнению Мерша язык нельзя превзойти, альтернативы ему нет. Но его можно менять и изобретать новое в нем, особенно искусство помогает в этом (он называет его «мотор мысли», « побег из нашей языковой тюрьмы»). Кризис культуры для него не в заваленности информацией, а в принуждении, содержащемся в технике, использовать медиа только одним способом. Рассматривая проблему современного человека («Я существую если я подсоединен»), он видит выход из давления в аскетизме, уходе в себя, развитии практик автономии.

Понятие медиа, говорит Мерш, хронически не полно, фрагментировано пятью пониманиями, исторически сложившимися от Аристотеля до наших дней (он упоминает следующие: материальное, недостаток чего-то, нематериальное, вроде

среды или окружения, перенос и передача информации). Ко всем этим понятиям сегодня обращаются философы, но это постоянная игра перевода. По Мершу возможна только негативная онтология медиа: есть и медиальное, и внемедиальное, но второе дано только через конфликт и представительство в первом.

Для более четкого понимания его позиции стоит помнить, что Мерш неоднократно прибегает к метафоре искусства, где ключевым значением для него обладает театр с его перформативностью. Искусство открыто и изменчиво, нельзя, например, точно сказать, что нечто совершенно нетеатральное завтра не будет использовано для того, чтобы что-то (через некоторые практики и посредники) «пред-ставить». Именно поэтому в одной из своих работ он пишет:

«То есть медиальное функционирует не как первичная гипотеза, а в постоянной зависимости от тех практик и материальности, «ис-пользование» которых каждый раз по-новому изменяет его. Орфографическая пропасть между корнем и приставкой в «ис-пользовании» указывает на его бесконтрольность, утрату независимости. Чем является медиа сказать невозможно, у медиативного нет онтологии, оно уклоняется от хронологической определяемости, однако возможно частично реконструировать его «движение», которое дано нам в момент его «изменения» [5]. Медиа — не «вещь», это гипотеза или лучше сказать метафора, которой мы способны пользоваться в силу своей укорененности в языке.

В качестве итога стоит обратить внимание не только на точки расхождения, но и на возможность общего у этих авторов. Довольно любопытно, что их теории не остаются глухи к актуальным проблемам общества, связанным с новыми медиа (демократия сегодня, пассивное и некритичное потребление контента, переизбыток информации и т. п.). Хотя предлагают они немного разные объяснения и решения. Несомненно, что и попытка создать новую онтологию (у Слотердайка), и решительный отказ от нее (у Мерша) хотя бы частично продиктованы их представлением о том благе, которое может принести подобное решение. В этом плане Слотердайк считает очень важным обращение назад, дающее понимание того, как раньше работали медиа, в т.ч. во благо человека (иммунная функция культуры). Мерш напротив скорее устремлен вперед (несмотря на детальный анализ того, как прежняя философия говорила о медиа, и что она пропустила). С его точки зрения у нас нет другого выбора, кроме как продолжать изобретать способы жить и говорить об этом. В то же время и Мерш, и Слотердайк по сути пытаются опереться на классическую идею о том, что человек способен к самопричинности и самоконструированию. Для обоих теоретический фокус смещается с вопроса о вещах на вопрос о том, как как говорить о вещах, чтобы они работали правильно. В этом по сути обнаруживается некоторый консенсус большинства современных теорий медиа: медиа — это прежде всего способ пользования медиа, и только рефлексия этого «ис-пользования» способна прояснить «жизненный мир» существа, экзистирующего в мире современных медиа.

Литература

1. Визинг Л. Шесть ответов на вопрос «что такое медиафилософия?». [Электронный ресурс] URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/ (дата обращения: 28.09.2018).
2. Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. М., 2009.
3. Слотердайк П. Сфера. Микросферология. М.: Наука, 2005. Т. 1: «Пузыри».
4. Sjoerd van Tuinen. A Thymotic Left? Peter Sloterdijk and the Psychopolitics of Ressentiment [Электронный ресурс] URL: <http://repub.eur.nl/res/pub/23451/Thymotic%20Left.pdf> (дата обращения: 28.09.2018).
5. Мersh Д. Мета/Диа. Два различных подхода к медиальному [Электронный ресурс] URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/mersh_dia/ (дата обращения: 28.09.2018).

Д.К. Маслов

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
denn.maslov@gmail.com

РАВНОВЕСИЕ АРГУМЕНТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

*Работа выполнена при поддержке
Российского научного фонда (проект № 18-78-10082)*

В рамках аналитической традиции возникла новая эпистемологическая субдисциплина, получившая название «социальная эпистемология». Традиционная эпистемология рассматривает контексты обоснования мнений с точки зрения единичного познающего агента, вырванного из социального контекста. Данное обстоятельство не принимает в расчет эпистемологически важные моменты, характерные для ситуации познания в социальном отношении, когда обоснованность мнения определяется при учете мнений других познающих агентов. Именно эту проблематику с теоретической и прикладной точек зрения рассматривает социальная эпистемология (см.: [10; 11]).

Одной из ведущих проблем социальной эпистемологии является проблема разногласия, которая берется в диалектическом контексте столкновения противоречащих мнений по одному вопросу. Данная проблематика получила название «эпистемология разногласия» [2; 3; 4; 5; 7; 9]. В частности, рассматривается вопрос о том, при каких обстоятельствах можно говорить о рациональном разногласии, если вообще данный концепт имеет право на существование. Существует точка зрения, предлагающая считать два противоречащих мнения равными по силе (так называемое «equal weight view»). Некоторые утверждают, что самого факта разногласия достаточно для того, чтобы считать спорящие мнения равными. В качестве основания принимается предпосылка, что каждый агент является эпистемически добросовестным, то есть следует рациональной этике принятия эпистемических решений и не выносит суждения при недостаточном обосновании [12], а также обладает достаточными когнитивными навыками для вынесения суждения (т. е. является «эпистемическим ровней»). Таким образом,

рациональный познающий агент при столкновении с противоречащим мнением должен считать свое мнение равнообоснованным наряду с мнением оппонента.

Прилегающей темой является исследование того, при каких обстоятельствах одна из противостоящих сторон будет иметь рациональные основания для того, чтобы нарушить данное равновесие в свою пользу. В частности, выдвигается аргумент доверия своему собственному мнению, потому что оно собственное [9, с. 166; 6, с. 299–300]. Однако, сама по себе принадлежность мнения не говорит в пользу его принятия с точки зрения рациональности (в условиях эпистемического равенства) и для этого требуются дополнительные аргументы. В качестве такового используется аргумент учета принятия эпистемических решений в прошлом (см.: [8]), согласно которому предпочтение следует отдать мнению того познающего агента, который чаще оказывался прав. С точки зрения здравого смысла данное решение кажется верным, поскольку шансы говорят в пользу того, что тот, кто чаще оказывался прав, будет прав и в следующий раз. Можно вспомнить сцену из пьесы Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстern мертвы», когда один из героев подбрасывал монету и более ста раз подряд выпадал один и тот же вариант (допустим, решка). Если провести аналогию, то было бы рационально отдать предпочтение тому, кто все эти сто раз предсказывал, что выпадет решка, и кто утверждает, что в следующий, $n+1$ раз, снова выпадет решка. Однако, эпистемически (если эпистемология все-таки отличается от здравого смысла и эпистемической привычки), данное мнение не будет более обоснованным, чем противоположное, поскольку каждый следующий момент шансы высказать истинное мнение равны (при условии эпистемического равенства). Каждый следующий раз вероятность выпадения решки будет такой же, что и выпадения орла. Иначе говоря, такой учет прошлых эпистемических достижений не гарантирует что именно в этот раз тот, кто чаще оказывался прав в прошлом, окажется прав снова, поскольку каждый последующий раз этот агент может ошибиться и невозможно предсказать заранее, когда это случится.

Наконец, если два познающих агента будут придерживаться точки зрения предпочтения собственного мнения в силу того, что оно их собственное, или вооружившись статистикой, согласно которой они чаще оказывались правы, нежели их оппонент, то каждый будет настаивать на истинности своей точки зрения, то они просто сохранят свои наличествующие мнения. В таком случае, каждый останется «при своем», то есть будет считать свое мнение истинным, а мнение оппонента — ложным. Эта ситуация отличается от той, при которой познающие агенты согласятся разделить вероятность истинности своих мнений, однако при таком раскладе их мнения не получат действительного подтверждения. Если представить, что за нашими двумя познающими агентами наблюдает третий, который желает принять точку зрения того из них, кто продемонстрирует собственную правоту, то наблюдатель не сможет принять решение и заключит, что спорящие стороны предлагают равные по убедительности аргументы, даже если познающие агенты все еще придерживаются собственных мнений (см. также: [1]).

Таким образом, данные способы «притягивания собственного мнения за уши», а именно самодоверие и учет эпистемической истории, не в состоянии придать большую убедительность одному из противоречящих мнений с точки зрения внешнего наблюдателя.

Литература

1. *Маслов Д.К.* Критика свидетельского знания с позиции внешнего наблюдателя: аргумент от удачи и проблема разногласия // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3. С. 76–82.
2. Disagreement and Scepticism / ed. by D. Machuca. New York: Routledge, 2012.
3. *Elga A.* Reflection and Disagreement // Social epistemology. Essential readings / ed. by A. Goldman and D. Whitcomb. New York: Oxford University Press, 2011. P. 158–182.
4. *Feldman R.* (2006). Epistemological puzzles about disagreement // In S. Hetherington (Ed.), Epistemology futures. Oxford: Oxford University Press.
5. *Kölbl M.* Faultless Disagreement // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series, 2004, vol. 104, p. 53–73.
6. *Lackey J.* A Justificationist View of Disagreement's Epistemic Significance // Social epistemology. Ed. by A. Haddock, A. Millar, D. Pritchard. New York: Oxford University Pres, 2010. P. 298–325.
7. *Lammenranta M.* Scepticism and Disagreement // Pyrrhonism in ancient modern and contemporary philosophy.
8. *Pritchard D.* Disagreement, Scepticism and Track-Record argument // Disagreement and Scepticism. Ed. by D. Machuca. New York: Routledge, 2012. P. 150–168.
9. *Ribeiro B.* Philosophy and Disagreement // Crítica: Revista Hispanoamericana de Filosofía, 2011, vol. 43, no. 127, p. 3–25.
10. Social epistemology. Essential readings / ed. by A. Goldman and D. Whitcomb. New York: Oxford University Press, 2011.
11. Social epistemology / ed. by A. Haddock, A. Millar, D. Pritchard. New York: Oxford University Pres, 2010.
12. *Wood A.* The Duty to believe according to the Evidence // Ethics of Belief. Essays in Tribute of D. Z. Phillips. Eds. E. T. Long, P. Horn, 2008. P. 7–24.

А.Ю. Моисеева

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
ajumo@yandex.ru

Х. ПАТНЭМ, ИСТИНА И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-311-00113 «Скептицизм и метаэпистемология:
познание истины в условиях принципиальной погрешимости знания»*

Если сравнить современную теорию познания с классической, то в первую очередь бросается в глаза то обстоятельство, что в современном мире эта старейшая философская дисциплина, которая всегда была изолированной по своей проблематике от прочих областей знания и стояла в некотором смысле над ними (поскольку в них трансформировалась сформированная полностью внутри этой дис-

циплины концепция знания), стала смыкаться с множеством других дисциплин — этикой, философией сознания, философией языка, социальной философией, а также непосредственно с наукой. Спор рационализма с эмпиризмом, определивший, по сути, весь облик философии Нового времени, в современной эпистемологии трансформировался в спор интерналистов с экстерналистами, причем экстерналистами называют себя не те, кто полагает, что знание приобретается субъектом от самого познаваемого объекта, но те, кто считает знание детерминированным некоторыми факторами, внешними по отношению к собственно субъект-объектным познавательным отношениям. В целом все эти факторы можно назвать факторами практики или pragматическими факторами.

Например, можно вспомнить о социальной эпистемологии — бурно развивающемся в последние десятилетия подходе, сочетающем в себе традиционную философскую проблематику и современные научные методы. Основным способом изучения познания в социальной эпистемологии является реконструкция подобная той, которую производят этнологи и историки культуры, а результаты познания оцениваются исходя из того социального контекста, в котором они были сформированы. В качестве одной из наиболее радикальных версий этого подхода можно назвать сильную программу в социологии знания Д. Блуря, который призывает противопоставить классическому подходу, основанному на принципе автономии знания, такую эпистемологию, где закономерностям познавательного процесса давалось бы каузальное объяснение по образцу естественных наук. Блур критикует предшествующую социологию науки за то, что она добровольно ограничивает свою область, занимаясь только той частью научного познания, которая ретроспективно была признана «искаженной» различными не относящимися к объекту исследования факторами. «Данная теория строится на предположении, согласно которому истина, рациональность и обоснованность являются естественной целью человека, а также направленностью определенных природных склонностей, которыми он наделен» [1, с. 172]. Д. Блур не берется доказывать ложностьteleologического подхода, но утверждает, что каузальный подход обещает лучшие результаты, поскольку не вносит в наши представления о познании систематических искажений, продиктованных нашими ценностями.

Следует сказать, что подобная анти-нормативная установка характерна не только для социологии знания, но и для всей социальной эпистемологии. Пожалуй, основная отличительная черта этого направления в теории познания состоит именно в том, что оно позиционирует себя как преимущественно дескриптивный подход, а некоторые его представители считают возможным даже совсем отказаться от таких традиционных для эпистемологии нормативных понятий как истинность, рациональность и обоснованность. Однако эта точка зрения является, по-видимому, неприемлемой. Ведь что такое знание? Помимо значения теоретического, репрезентативного, о котором в данный момент мы не будем говорить, этот термин имеет еще и следующее значение: знание представляет собой фрагмент описания мира, который имеет ценность с точки зрения нашей жизненной практики, поскольку он достоин нашей веры в него и надежен в качестве

руководства к действию. Отсюда следует, что хорошая теория познания должна давать нам, по крайней мере, практические критерии отличия знания от прочих продуктов познавательной деятельности, причем желательно, чтобы эти критерии можно было применить до того, как произведен выбор действия. Но как называть такие критерии, если не критериями обоснованности? Отсюда ясно, что теория познания не может избежать разговора об обоснованности, по крайней мере, в смысле практического благоразумия. То же и с истиной: неизвестно, можно ли постичь истину, но чтобы разговоры о знании имели какой-то смысл, следует предполагать, по крайней мере, ее существование. Наша когнитивная организация такова, что мы мыслим мир как стабильный в своих фундаментальных свойствах и непротиворечивый. Конечно, никто еще не доказал, что он действительно таков, но если бы мы исходили из предположения об обратном, то должны были бы немедленно заключить, что никакая теория познания не может помочь нам, имея данную когнитивную организацию, получить какой-нибудь фрагмент описания мира, который был бы достойным веры и надежным руководством к действию. Игра была бы проиграна еще до начала, а значит, ее не следовало бы и затевать.

Таким образом, контекстуализм в эпистемологии выглядит вполне естественным, но крайний релятивизм и скептицизм — позиции для эпистемолога явно самоподрывные. Поэтому нам более близка точка зрения, которой придерживаются некоторые отечественные философы, в частности, И.Т. Касавин, утверждающий, что в эпистемологии необходимо восстановить классический идеал истины в его регулятивном качестве [2, с. 14]. Нашей целью обоснование регулятивного определения истины — в одном из возможных его вариантов — с точки зрения философии pragmatизма. Подчеркнем, что речь здесь вовсе не идет о возврате кteleологической, по выражению Д. Блура, эпистемологии. Мы не исходим из постулата, что человек от природы склонен познавать истину, а также обосновывать свои веры, и тем более мы не наделяем эту природу моральным значением. Но мы считаем, что *правила игры* под названием «эпистемология» состоят в том, чтобы принять в качестве предпосылок для действия (рассуждения) и то, что истина существует, и то, что нужно пытаться познать ее, и то, что стоит иметь обоснованные веры, когда это возможно. Характерно, что именно принятие этих предпосылок влечет за собой, кроме всего прочего, стремление избежать необоснованного оптимизма по поводу своих познавательных способностей — то стремление, которым, по всей видимости, изначально руководствовались сторонники социальной эпистемологии в своих попытках ослабить и релятивизировать классическое понятие истины. Мы лишь предлагаем иначе реализовать это стремление, а именно путем поиска (или создания) такой теории истины, которая является минимумом, необходимым для существования эпистемологии, и свободна от посторонних, действительно необоснованных, предпосылок. А поскольку концепция внутреннего реализма Х. Патнэма является едва ли не первой в истории философии попыткой зафиксировать этот минимум, на наш взгляд, она заслуживает если не принятия, то пристального и благосклонного внимания.

Эпистемологические воззрения Х. Патнэма можно кратко изложить так. Мир является объективным в том смысле, что признается его независимое от наблюдателя существование, однако он не является объективным в смысле независимого существования определенных объектов. Объекты — совместное порождение мира и нашего ума и тех концептуальных схем, «внутри» которых мы их определяем [3, с. 73]. Именно поэтому реализм Патнэма называется внутренним. Всегда существует больше одного описания, правдоподобно применимого к некоторому фиксированному положению дел или комплексу ощущений, и, наоборот, всегда существует больше одного положения дел, которое может быть правдоподобно описано с помощью определенной концептуальной схемы. (Эти тезисы хорошо иллюстрируются мысленными экспериментами с Землей-Двойником.) На локальном уровне установление соответствия между опытом и концептуализацией можно считать в известном смысле произвольным, хотя, конечно, в глобальном плане оно детерминировано совокупностью фактов истории языка, истории мира и нашей психологической истории. Пока мы не знаем полных каузальных цепочек, приводящих к тому, что в некоторый момент мы распознаем вокруг себя такие-то и такие-то объекты, мы не можем сказать, какими свойствами должны обладать эти объекты, чтобы мы распознали их таким образом.

В связи с последним обстоятельством находится проблема следования правилу, поставленная Л. Витгенштейном. Хотя у Витгенштейна речь идет о семантике, очевидно, что его аргументы легко перевести в плоскость эпистемологии, и там они создадут не меньшую по масштабам проблему. Действительно, если мы не знаем, как, по каким «правилам» мы распознаем объекты, почему мы уверены, что всегда распознаем их одинаково и даже что вообще как-то распознаем их, а не присваиваем им ярлыки случайным образом? А если мы не можем быть в этом уверены, то как мы можем говорить о каком бы то ни было знании реальности? Ведь знание, по крайней мере, в классическом смысле этого слова предполагает известную устойчивость, твердость в том, чтобы верить в определенные вещи, но невозможно твердо верить в одно и то же, если сам предмет веры не является определенным в концептуальном плане. Больше того, если наша концептуализация может быть ни на чем не основанной, то мы в конечном счете никогда не знаем, во что верим, а во что — нет. По всей видимости, проблема следования правилу ставит эпистемолога перед нелегким выбором: признать существование жестких, в идеале врожденных, критериев распознавания, которые невозможно скорректировать, или отказаться от идеи познаваемой реальности, а по сути и вообще от идеи реальности как таковой. Первый вариант очевидно неправдоподобен, второй столь же очевидно нежелателен.

Чтобы избежать этой дилеммы, Х. Патнэм обращается к методу специфической философской экстраполяции. Глупо было бы отрицать, пишет он, что имеются некие исходные данные, которым наши веры призваны соответствовать — ограничением выступает не столько коммуникативная практика, сколько физика и физиология. Приводится пример с человеком, который, поверив, что может летать, выпрыгнул в окно и чудом остался жив: очевидно, что если он

после этого продолжит верить в это, то проживет, скорее всего, недолго и мало кому сможет передать свое заблуждение. Точно так же, пишет Патнэм, обстоит дело с человеком, который руководствуется в жизни верой во внутренне несогласованную совокупность суждений. Таким образом, эпистемический «естественный отбор» в долговременном аспекте способствует развитию наших описаний мира в сторону их большей обоснованности и внутренней согласованности [3, с. 76]. Поэтому истину можно понимать просто как *идеализацию* обоснованности и согласованности, то есть как свойство высказывания, которое было бы принято в идеальных познавательных условиях — если бы все эксперименты были проведены и все логические следствия выведены. Хотя такие условия в реальности недостижимы, мы можем бесконечно приближаться к ним и определять истину как предел такого приближения.

Ясно, что экстраполяция, предложенная Х. Патнэмом, не является логически сильным доводом в пользу познаваемости мира. Но дополнительную силу этот довод приобретает в контексте того факта, что нам *нужен* какой-то довод, нужен не столько с теоретической, сколько с практической точки зрения — чтобы обосновать возможность отличать знание от прочих продуктов познавательной деятельности и необходимость разработки критериев различия, то есть для того, чтобы оправдать занятие эпистемологией. А само это оправдание нужно нам затем, что эпистемология в конечном счете *полезна*. Даже если все те представления о знании, которых мы придерживались до сих пор, были ошибочными, они дали нам научный метод и веру в то, что этот метод будет работать, достаточную для того, чтобы применить его на практике. И независимо от признания посылок, на которых он основан, нельзя спорить с тем, что на практике во многих случаях метод действительно работает! Поэтому с pragматической точки зрения довод Патнэма обладает несокрушимой силой. Метафорически выражаясь, он подобен оси колеса, которая, хоть сама и не движется, играет важнейшую роль в обеспечении подвижности всей повозки.

Таким образом, введение в эпистемологию pragматических факторов обоснования позволяет дать этой дисциплине тот базис, в котором она нуждается, при этом избавив ее от догматизма и телеологии, которые были ей свойственны в классическую эпоху. На наш взгляд, концепция внутреннего реализма Х. Патнэма является хорошим способом задания такого базиса. Пусть она является достаточно уязвимой для логической критики и не вполне ясной с точки зрения следствий, она продвигает нас в нужном направлении. Впрочем, это лишь первый из опытов подобного рода, возможно, вскоре появятся другие pragматически обоснованные концепции истины, лишенные названных недостатков.

Литература

1. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 162–186.
2. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. № 1. С. 5–15.
3. Патнэм Х. Разум, истина и история / пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Праксис, 2002.

А.П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан)
nikitinan5891@gmail.com

ОСНОВАНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СЕМИОТИКИ ДЕНЕГ

История философской мысли по поводу сущности денег показывает, как их интерпретация смешалась в сторону семиотического осмысления. Первым шагом в этом направлении стало создание номиналистической теории денег, фиксирующей их отрыв от товарной сущности. Деньги в этой теории рассматривались как счетные единицы, используемые для проведения обменных операций. Считалось, что деньги являются лишь условными знаками, не обладающими внутренней стоимостью.

«Первые представители этой теории англичане Дж. Беркли (1685–1753) и Дж. Стюарт (1712–1780) в ее основу заложили два основных положения: — деньги создаются государством; — стоимость денег определяется их номиналом. Они рассматривали деньги в качестве счетной единицы, используемой для выражения меновых пропорций. Так появились деньги, номинальная стоимость которых выше реальной, т. е. затраченного на их производство общественного труда. К таким деньгам относятся: — металлические знаки стоимости — мелкая монета, изготовленная из дешевых металлов; — бумажные знаки стоимости, которые в процессе денежной эволюции разделились на бумажные и кредитные деньги. Таким образом, номиналистическая теория констатирует отрыв денег от их первозданной товарной сущности. Деньги становятся представителями товаров, в то же время не будучи частью товарного мира, а лишь свидетельствуя о его состоянии» [3, с. 73].

Номиналистическая теория денег и продуцированная ею количественная теория возникли на фоне изменения самих видов денег. В ходе своей эволюции деньги все более отрывались от своего материального носителя, превращаясь в чистый количественный символ. Если товарные деньги представляли собой предметы, действительно обладающие внутренней ценностью, то уже обеспеченные деньги выступали как символ этих предметов (золота, серебра, т. д.). Современная система фидуциарных денег на полном основании может считаться системой знаков, безотносительных к предметам. Это разделение видов денег (товарных, обеспеченных и необеспеченных) необходимо учитывать, когда речь заходит о сущности денег, но тем не менее функция знака обнаруживается в каждом из них.

Семиотика как учение о знаках дает богатый методологический инструментарий для рассмотрения сущности денег. Важным при этом оказывается прагматическое направление. Прагматическая семиотика большое внимание уделяет не просто значению знаков, но и их интерпретации субъектами. Заслуга прагматической семиотики заключается в выделении соответствующего уровня семиозиса знаков, который получил название прагматического. Само понятие семиозиса в его определении Ч.У. Моррисом означает «процесс, в котором нечто функционирует как знак» [1, с. 47]. Данный процесс включает в себя четыре элемента: сам знак; то, на что указывает знак (десигнат); субъект, который интерпретиру-

ет знак (интерпретатор); интерпретация знака субъектом как указания на десигнат (интерпретанта). Тем самым семиозис денежных знаков предполагает процесс функционирования денег как знаков, в котором задействованы сами денежные единицы; десигнаты, на которые они указывают; субъекты, которые используют деньги; интерпретация денег субъектами.

Постулатом семиотического подхода является признание того, что деньги есть знаки, а значением слова «деньги» являются денежные единицы. Предметы, на которых зафиксированы денежные знаки, — это не деньги. То есть деньгами являются или могут быть: «5 рублей», «20 euro», «50 dollars», «одна серебряная монета», «две золотые монеты» и т. д. Деньгами не являются и не могут быть: монета с изображением знака «5 рублей», банкнота с изображением знака «20 euro», кредитная карточка, на которой закодирована сумма «50 dollars», серебряная монета, две золотые монеты и т. д. Это отличие носителей денежной информации и денежных знаков (самых денег) имеет то же основание, что различие фотопленки и изображения на фотопленке. Сама пленка не является фотографией, фотографией является изображение на ней. Но обыденная практика такова, что люди называют фотографией комплекс предмета и фиксированного на нем знака, а деньгами называют банкноты или монеты. Ущербность данной практики осознается в тот момент, когда мы видим фотографию на экране монитора, говоря в этом случае о фотографии только как об изображении. Точно также стоит говорить о деньгах только как о знаках. Деньги не могут существовать без денежного знака (клочок бумаги по своим физическим свойствам не может выполнять денежные функции), как и фотография не может существовать без изображения (это будет просто пленка).

Для иллюстрации этого положения рассмотрим несколько примеров. Пример первый: субъект А говорит, что у него есть деньги в размере пяти тысяч рублей, но не показывает никакого предмета, на котором зафиксирована эта сумма. Невозможно, соответственно, знать, какую вещь он подразумевает — банкноту банка России, электронную запись счета или долговую расписку. При этом ни один из указанных предметов не может рассматриваться как пять тысяч рублей вне изображения на нем знака «пять тысяч рублей», зашифрованным специальными средствами. Собственно говоря, этот знак и есть деньги.

Пример второй: если бы у субъекта А в руках была одна купюра номиналом пять тысяч рублей, а у субъекта В десять купюр номиналом по сто рублей, первый с полным основанием мог бы утверждать, что денег у него больше, чем у второго, хотя денежных банкнот (самих предметов) у А меньше, чем у В. И в этом случае под понятием деньги подразумевается сам номинал, а не носитель количественного знака.

Более проблематичной выглядит ситуация, в которой деньгами являются знаки типа «30 серебряных монет» или «20 золотых монет», если эквивалентом этих выражений служат 30 серебряных монет и 20 золотых монет соответственно. Однако и в таком случае задействована знаковая природа денег, что, впрочем, не столь очевидно.

Рассмотрим ситуации, аналогичные приведенным выше примерам. Ситуация первая: субъект А утверждает, что у него есть 30 серебряных монет, но эти монеты нам не показывает. Что он может под этим подразумевать? I) «У меня есть определенное количество серебра, которое я могу использовать практически, к примеру, переплавить на украшения». II) «У меня есть деньги в размере 30 серебряных монет, за которые я могу что-то купить по соответствующей цене». Но, если в первом случае для получения серебряного украшения ему необходимо будет представить именно 30 серебряных монет, то во втором смысле он может продемонстрировать другие предметы. Это может произойти в случаях: а) когда одна серебряная монета приравнивается к половине золотой, и у субъекта А, таким образом, в кармане 15 золотых монет; б) когда субъект А имеет на руках долговое обязательство на сумму 30 серебряных монет.

Ситуация вторая: субъект А имеет на руках одну золотую монету, субъект В имеет на руках десять золотых монет. Не вызывает сомнений, что у субъекта В денег больше, но только в том случае, если оба собираются использовать эти монеты именно как деньги. Возможно, что субъект В, глядя на свои монеты, видит в них материал для выплавки золотой бляхи, которую он же, спустя некоторое время, продаст субъекту А за одну монету. Но тогда правомерно считать, что В, владея золотом, денег не имеет, что отличает его от А, который владея деньгами, исключает возможность использовать золото в качестве физического предмета, поскольку рассматривает его как знак стоимости.

Утверждение о семиотической сущности денег позволяет говорить о двух довольно серьезных следствиях для экономической науки. Первое следствие указывает, что споры по поводу того, являются ли электронные записи счета деньгами, — это споры беспочвенные, поскольку совершенно неважно, каким образом зафиксирован денежный знак, если только этот способ признается всеми как удостоверяющий наличие денег. Второе следствие таково, что деление денег на товарные, обеспеченные и необеспеченные выступает лишь способом типологизации денежного знака.

В данном аспекте обнаруживается интересная параллель с концепцией Ч.С. Пирса о трех типах знака. Первый тип — подобия, которые обозначают вещи, имитируя их (на основе этого отношения строится игра «Изобрази животное»); второй тип — индексы, которые обозначают вещи с помощью указания (к примеру, дорожный знак); третий тип — символы, которые обозначают идеи вещей (в первую очередь слова). В первом случае знак интересует субъекта непосредственно как вещь, сам по себе. Во втором случае знак интересует субъекта в связи с его взаимодействием с другими вещами. В третьем случае знак выступает посредником — это случай, когда он «передает разуму (mind) идею о вещи» [2, с. 89].

Деньги в историческом развитии своих форм воплощают все эти три типа. Товарные или примитивные деньги представляют собой предметы, которые используются не только по своему непосредственному предназначению, но и как эквивалент стоимости других вещей и услуг. Обеспеченные монеты и бумажные банкноты указывают уже не на самих себя, а на предметы, которые гарантируют

их стоимость. К примеру, несмотря на то, что в СССР возможности обменять рубли на золото по установленному курсу практически не существовало, тем не менее официально признавалось, что у советского рубля есть золотое содержание, которое после реформы 1961 г. составляло 0,987412 г. золота за один рубль. Один бумажный рубль, таким образом, являлся «индексом» золота соответствующей массы. Наконец, современные фидуциарные деньги (как и виртуальные деньги, и криптовалюты) являются только символом, несущим и осуществляющим идею денежной функции, но безотносительно какого-либо предмета.

Литература

1. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. С. 45–97
2. Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95
3. Фетисов С.К. Семиотическая сущность денег // Экономический журнал. 2010. № 18. С. 72–78

C.Е. Овчинников

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
step.ovch@gmail.com

НАУЧНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

*Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда
(проект № 18-78-10082)*

К. Поппер, выражает суть эволюционной эпистемологии в следующих тезисах: «Специфически человеческая способность познавать, как и способность производить научное знание, являются результатом естественного отбора» [2, с. 58] и «Эволюция научного знания представляет собой в основном эволюцию в направлении построения все лучших теорий. Это – дарвинистский процесс. Теории становятся лучше приспособленными благодаря естественному отбору. Они дают нам все лучшую и лучшую информацию о действительности. Они все больше и больше приближаются к истине» [2, с. 70]. Тезисы представляют различные направления эволюционной эпистемологии, которые М. Брэди называет «эволюцией эпистемических механизмов» и «эволюционной эпистемологией науки» [5, р. 403] соответственно.

В рамках каждого из направлений сформировался свой способ использования понятия объективности. В эволюционной эпистемологии науки речь идет об объективности научной теории, которая, по мнению К. Поппера, достигается при помощи критического отбора: «Научная объективность – это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики...» [3, с. 305]. В проекте, анализирующем эволюцию эпистемических механизмов, речь об объективности суждений восприятия, которая достигается путем естественнонаучного исследования субъекта познания: «Среди философов, чуждых биологическому мышлению,

широко распространено заблуждение, будто освободиться от всего личного, субъективного и возвыситься до уровня объективных суждений позволяет нам одна лишь „воля к объективности”. На самом деле для этого необходимо естественнонаучное понимание когнитивных процессов, происходящих внутри познающего субъекта» [1, с. 332]. По нашему мнению, взятые по отдельности, оба понимания объективности имеют существенные недостатки. К. Поппер ограничивает объективность науки лишь принципиальной критикуемостью теорий, но предлагаемый им способ отбора (метод проб и ошибок) не обеспечивает сходимость к истине, т.к. «это, очевидно, применимо лишь к теории с ограниченными возможностями. Можно исключать бесконечное число возможных решений проблемы, скажем, все нечетные целые числа в качестве решений диофантовой проблемы, настоящим решением которой является число восемь, — нисколько не приближаясь при этом к истине» [4, с. 213]. К. Лоренц справедливо использует естественный отбор для оправдания объективности суждений восприятия, но не осуществляет перехода от индивидуального восприятия к объективности научной теории. Таким образом, из того, что теории подвержены «естественному отбору» непосредственно не следует их объективность, а изучение когнитивных процессов человека имеет лишь косвенное влияние на формирование научных теорий.

Вывод объективности научных теорий из «естественного отбора» осуществляется К. Поппером в рамках адаптационной аналогии, радикальная интерпретация которой предполагает, что рост научного знания аналогичен процессу биологической эволюции по существу: «С эволюционной точки зрения теории (как и всякое знание вообще) представляют собой часть наших попыток адаптации, приспособления к окружающей среде... Однако и наши органы чувств, например, глаза, тоже такие же средства адаптации. Рассматриваемые с этой точки зрения, они являются теориями: организмы животных изобрели глаза и усовершенствовали их во всех деталях как предвосхищение, или теорию о том, что свет в видимом диапазоне электромагнитных волн будет полезен для извлечения информации из окружающей среды, для высасывания из окружающей среды информации, которую можно интерпретировать как показатель состояния окружающей среды — и долгосрочного, и краткосрочного» [2, с. 63]. Можно предложить другую, умеренную интерпретацию, которая, по нашему мнению, является более перспективной. В рамках умеренного подхода предполагается, что наука и эпистемические стандарты эволюционируют путем проб и ошибок, но механизм эволюции не может быть заимствован напрямую из биологии. Отбор научных теорий происходит не «естественнным», а «искусственным» путем. Влияние на процесс отбора оказывают стандарты эпистемического обоснования, принятые в научном сообществе на данном этапе развития, то есть изменяются не только теории, но и критерии их отбора. Так, например, в рамках релайбилизма А. Голдмана, эпистемическое обоснование разделяется на две стадии: на первой происходит отбор стандартов обоснования, при помощи критерия «надежности» (reliability), на второй эти стандарты применяются [6, р. 10]. При этом сам критерий зависит от вида деятельности и сообщества: «Основывать прогнозы результатов сражений на свойствах внутренностей животных считалось прием-

лемым методом в некоторых сообществах» [6, р. 11]. Подобные стандарты rationalности считались достаточными, так как оказывались лучшими на практике, т. е. предоставляли достаточную «частоту истинных предсказаний» [6, р. 11], но как только у сообщества появлялся более «надежный» стандарт, он постепенно вытеснял старый. Научное знание, в свою очередь, представляется предельным результатом эволюции стандартов обоснования, т.к. идеалом науки является абсолютная надежность, т. е. объективность, которая является главным критерием отбора в рамках научного поиска.

В свою очередь, задача естествознания, о которой говорит К. Лоренц [1], показать, что эпистемические механизмы человека позволяют использовать объективность как регулятивный критерий. Для этого необходимо, чтобы теории опирались на объективные суждения восприятия. Эмпирическая наука формирует предположения относительно реальности и любое ее утверждение в конечном счете опирается на некоторое суждение восприятия. Даже ненаблюдаемые непосредственно (т.к. не существует соответствующего эпистемического механизма) явления, например, электромагнитные волны, описываются с помощью интуитивно понятных механических моделей. Следовательно, можно составить иерархию теорий по степени их соответствия интуициям, т. е. по объективности. В пользу объективности суждений восприятия можно привести два аргумента. Первый состоит в том, что из теории биологической эволюции следует, что механизмы восприятия развивались независимо друг от друга, так как возникли на разных этапах эволюционной истории. Объективность человеческих интуиций проистекает из согласованности изменений в различных восприятиях. Ощущение тепла будет усиливаться вместе с уменьшением расстояния между рукой и горячим предметом. Второй аргумент опирается на «теорию аппаратуры» [1, с. 348], то есть на теорию о том, как работает эпистемический механизм. Данная теория позволяет критически рассматривать суждения восприятия и корректировать их.

Научные теории могут быть скорректированы и стать более объективными в результате отбора при помощи критерия объективности, т. е. наилучшего соответствия объективным суждениям восприятия, последние же, в свою очередь, могут быть скорректированы и стать более объективными в результате углубления понимания механизма их работы, т. е. при помощи теории. Таким образом, наука развивается итерационно. Сначала на основании суждений восприятия строятся теории, в свете которых затем могут быть скорректированы сами суждения, что, в свою очередь, приводит к корректировке теорий и так далее до тех пор, пока наука не наткнется на абсолютную истину либо границу познания.

Литература

1. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания. Москва: Республика, 1998.
2. Поппер К. Эволюционная эпистемология / Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000а. С. 58–74.
3. Поппер К. Логика социальных наук / Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000б. С. 299–315.

4. Решер Н. Пирс, Поппер и методологический поворот / Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 210–221.
5. Bradie M. Assessing Evolutionary Epistemology // Biology and Philosophy, 1986, vol. 1, no. 4, p. 401–459.
6. Goldman A. A Priori Warrant and Naturalistic Epistemology // Noûs, 1999, vol. 33, p. 1–28.

A.A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
 sanzhenakov@gmail.com

THE CORRESPONDENCE OF METAPHYSICS AND ETHICS OF ARISTOTLE

*The study is funded by The Council
 for grants of President of Russian Federation (№ MK-589.2017.6)*

*Abstract. The paper is devoted to the problem of correlation Aristotle's metaphysics and ethics. The author focuses on two possible relations: (1) either metaphysics affects ethics, (2) either ethics affects metaphysics. There are two ways to describe how metaphysics might affect to ethics through the concept of essence (*ousia*) and through the concept of activity (*energeia*). The second way is preferable because it describes the ethics of Aristotle more fully. As for the influence of ethics on metaphysics, there is an approach according to which Aristotle developed the concept of *phronesis* in order to enhance ontological knowledge offered in Metaphysics. The author proposes own solution which is that Aristotle's views on the essence of human activity partly predetermined his ontological picture. The crucial role in this was played by Aristotle's opinion in ethics and psychology that a human being acts voluntarily (*hekousion*) and by his/her own choice (*kata prohairesin*).*

Keywords: Aristotle, metaphysics, ethics, essence, activity, *phronesis*, *eidaimonia*.

The problem of correlation of Aristotle's metaphysics and ethics can be resolved by three ways: (1) either metaphysics affects to ethics, (2) either ethics affects to metaphysics, (3) metaphysics and ethics affect each other. (It is possible that there is a fourth option, namely some discipline (logic, for example, or biology) is the basis for both metaphysics and ethics. However, this attitude is beyond the borders of our topic). In this report I will focus on the first two ways and offer a number of commentaries. The supporters of the first approach (T. Irwin [4], E. Halper [3], D. Achtenberg [1]) believe that in Aristotle's metaphysics there are concepts and postulates that influence to his practical philosophy. These researchers mostly believe that the crucial role in this influence was played by the concept of "essence" (*ousia*). For example, T. Irwin argues that the Nicomachean Ethics begins from two 'surprising' theses (about *eidaimonia* and *ergon*) that could not be justified by ethics and required additional justification within the framework of Aristotle's Metaphysics

and Psychology. And the concept of essence occupies an important place in this justification because the implementation of a human being's "function" (*ergon*) is equal to realization of her essence. Meanwhile human happiness coincides with realization of her function. Thus, an essence and happiness are the same things. In other words when a human being is happy his essence is mostly revealed. As I suppose, this approach has one drawback, namely it cannot represent Aristotle's ethics in its completeness because it does not take into account a deontological line. This line is manifested in EN 1144a19–20: "There is a state of mind in which a man may do these various acts with the result that he really is a good man: I mean when he does them from choice, and for the sake of the acts themselves" [2]. It is obvious that the commission of acts for their own sake as a condition of human morality is nothing but a marker for deontology. There are doubts that this deontological view can be fully reflected in the essential reading of Aristotle's ethics. As an alternative to the essential reading, I propose an *energeian* reading, that is, instead of "*essence/ousia*" as the basis of Aristotle's ethics, I suggest the concept of "*actuality/energeia*". Since these notions partly coincident, it is rather extending of essential approach up to *energeian* approach than opposing of them.

Now let me turn to a second way on which Aristotle's ethics regards as a basis for his metaphysics. Some researchers on this way try to use a notion of '*phronesis*', while others appeal to '*prohairesis*'. For example, C.P. Long argues that the "the ontological conception of *praxis* developed in the middle books of the *Metaphysics* points already to the *Nicomachean Ethics* where a conception of knowledge — *phronesis* — is developed that is capable of addressing the lacuna in the account of ontological knowledge offered in the *Metaphysics*" [5, p. 121]. Therefore, some ethical postulate helped Aristotle to make a response to the universal/singular *aporia* announced in *Met.* III. Without entering into a polemic with this decision, I would like to propose my own solution to this problem. According to my point, Aristotle's views on the essence of human activity partly predetermined his ontological picture. The crucial role in this was played by Aristotle's position in ethics and psychology that a human being acts voluntarily (*hekousion*) and by his/her own choice (*kata prohairesin*). This view led to the fact that Aristotle needed to introduce an additional sphere of being, along with what happens necessarily and what happens by chance. "Of the products of man's intelligence some are never due to chance or necessity but always to an end" (Trans. by G.R.G. Mure) (*An. Post.* II 11). So, there is a region that depends on the person. In fact, man has become the creator of being. On the other hand, it should be noted that the Prime Mover of Aristotle is also a metaphysical concept influenced by his ethical attitudes. According to Aristotle, the object of human actions is *some* (apparent) good, while the Prime Mover is the real (truly) good. It is debatable which of these was primary: that any action, pursuit and choice aim at some good or that everything in the world is moving by a good mover, but I believe that if Aristotle's view of human activity were otherwise, then the concept of the unmoved mover would be different.

I would like to finish my article by addressing the question: can Aristotle's ethics be the first philosophy? I believe that Aristotle's ethics should meet three

criteria in order to be the first philosophy. Ethics has (1) to deal with the first principles and causes, (2) to give the universal knowledge and (3) to be valued above other disciplines. Although ethics really deals with principles (see: EN 1102a2–3, EN 1140b16–20), these principles are not *first*. As for the second criterion, Aristotle's ethics also does not meet him as the first. In *Nicomachean Ethics* Aristotle claims that he are seeking a highest human good and one might expect that this good was assigned for *all* human beings. In fact, “the views of Aristotle on ethics represent, in the main, the prevailing opinions of educated and experienced men of his day” [6, p. 172]. Finally, let us discuss the last criterion that implies that ethics has to have the highest value to be the first philosophy. However, as Aristotle claims that “man is not the highest thing (*mē to ariston*) in the world” (EN 1141a23), the ethics cannot be the first philosophy. Therefore, ethics does not fully meet any of these criteria. At the same time, it is possible that the inquiry was more successful if we understood by ethics only the part that concerns the dianoetic virtues.

References

1. Achtenberg D. “Human Being, Beast and God: The Place of Human Happiness According to Aristotle and Some Twentieth-Century Philosophers”, *The St. John's Review*, 1988, vol. 38, no. 2, p. 21–47.
2. Aristotle. *The Nicomachean Ethics*. Transl. by H. Rackham. Cambridge: Harvard University Press, London: William Heinemann Ltd, 1926.
3. Halper E. “The Substance of Aristotle's Ethics”, *The Crossroads of Norm and Nature: Essays on Aristotle's Ethics and Metaphysics*, ed. by M. Sim. Lanham: Rowman & Littlefield, 1995, p. 3–28.
4. Irwin T. “The Metaphysical and Psychological Basis of Aristotle's Ethics”, *Essays on Aristotle's Ethics*, ed. by A.O. Rorty. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1980, p. 35–53.
5. Long C.P. “The Ethical Culmination of Aristotle's Metaphysics”, *Epoché*, 2003, vol. 8, no. 1, p. 121–140.
6. Russell B. *A History of Western Philosophy*. New York: Simon and Schuster, 1945.
7. Sim M. “Sense of Being in Aristotle's Nicomachean Ethics”, in: *The Crossroads of Norm and Nature: Essays on Aristotle's Ethics and Metaphysics*, ed. by M. Sim. Lanham: Rowman & Littlefield, 1995, p. 51–77.

А.А. Стоян

Мурманский государственный технический университет (Мурманск)
stoyan.arsen@mail.ru

ФЕНОМЕН НАСИЛИЯ В ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Дискуссии о возможном наступлении эпохи, когда идеологическая разобщенность будет преодолена, велись еще с начала 60-х годов XX в. Проглядывались два вектора возможного развития: либо наступление всеобщей единой идеологии, которая охватит весь мир и поставит свои догматы влиять на все сферы общественной жизни, либо произойдет постепенное взаимопроникновение и «размывание» идеологических смыслов, в результате чего образуется обобщенно-нейтральная система. В ней не будет примата только одной «победившей» идеологии, будут существовать противоположные элементы, а вся цель этой нейтральной системы будет направлена на реализацию узкоспециализированных задач держателей властных полномочий. Дэниел Белл, разрабатывавший теоретические аспекты существования постиндустриального общества, придерживался взглядов на второй вектор развития, окрещенный им свыше 50 лет назад как «конец идеологии» [2, с. 36].

Но видение Белла касалось только политической составляющей: и правые, и левые идеологические течения постепенно смягчали или вообще отказывались от своих сначала второстепенных, а затем и главенствующих постулатов, приижкая свой смысл в глазах общества. Феноменально, но активными непровергателями этих постулатов являлись сами же яркие представители этих направлений, которые своим поведением явно давали понять, что давно сами в них не верят, а защищают лишь ради сохранения собственного уровня благ и власти.

Жан Бодрийяр, основываясь на изысканиях Белла, продолжил развивать понятие «пост-идеологии», в которой политическое получило второстепенную роль, а вся идеологическая подоплека начала трансформироваться вокруг базиса социально-экономического фактора. Наступающая эра «общества потребления» не нуждалась в противоборстве политического, под нее была необходима единая нейтрально-обобщенная идеология, которая бы продвигала идею показного потребления, сделав из этого основной критерий оценки общественной жизни.

Значимым изменениям подвергся институт принуждения, непосредственно связанный с контролем над уровнем насилия в обществе. Казалось бы, узловым моментом возможности реализации права на применение насилия может стать массовое несогласие с новыми базовыми постулатами общества потребления. Однако, если некоторые вспышки и проявлялись (например, события во Франции 1968 г.), то, делая общую оценку, можно сделать вывод, что новая догматика потребления вполне спокойно прижилась и оказалась принятой широкими массами. Ведь отныне новое общество – это не социум индивидов, это – социум массового человека, ведущего себя сообразно окружающим, толпе. «Человек разумный» окончательно уступил место «человеку экономическому», ставшему

элементом в системе массового потребления. Теперь такой человек является объектом информационно-идеологической обработки, которая создает ему новые потребности, а дальнейшая роль индивида сводится к участию в производственной цепочке, что обеспечивает рост экономики, а также активном потреблении произведенного в соответствии с заложенными ему нуждами.

Конечно, проблемой стал феномен «молчаливого большинства», когда массовая общность в какой-то момент перестала отвечать на сигналы производимой посредством СМИ идеологической обработки, в данном случае проявилась имплозивность массы через поглощение и принятие всего информационного потока без какого-либо отклика на него [3, с. 41].

Однако, феномен непринятия и отрицания не возник. Массовое соглашательство и отсутствие идеологически заряженных противоборствующих сторон должно было оставить в прошлом сам феномен насилия. Институт принуждения же должен был стать еще одной общественной симуляцией, носящей символический характер, но не имеющей уже ни реальной силы, ни реальной монополии на насилие по причине отсутствия необходимости его применения.

Делёз и Гваттари, анализируя современное общество потребления и его производственные механизмы, не зря назвали ее «шизофренической»: в ее основе подразумевается только рост, вне логики, вне истинной необходимости, вне обеспеченности ресурсами и их ограниченности. Рост положен в основу существования системы. Узкаяластная прослойка, реализующая свои цели, как никто другой является заинтересованной в сохранении существующего порядка вещей [6, с. 73].

Кроме провозглашения необходимости экономического роста без какой-либо альтернативы, властная машина пришла к необходимости минимизировать возможные риски для сохранения своей монополии. Так, вне здравой логики, институт принуждения трансформировался в систему точечного насилия, которая лишь привела к эскалации положения нестабильности в обществе. Возникшая пропасть в доходах, невозможность показного потребления «для всех» и начавшееся подавление недовольства обычного согласного «молчаливого большинства» лишь повысили уровень агрессии и потенциального насилия. Возникла необходимость в создании системы противовесов, внутреннего и внешнего.

Внутренний противовес должен создать государство иной реальности, в котором правовое поле и провозглашенная ранее роль индивида для участия в нем, превращены в условную абстракцию. Д. Агамбен назвал такую систему «государство-лагерь», в которой постидеологическая основа носит характер «чрезвычайного положения». Отныне массовый человек становится объектом применения скрытого насилия: его права попраны, их истинное соблюдение невозможно, все его существование переводится в законы «абсолютной биологии» — индивид соглашается исполнять свою роль в качестве части производственной системы и принимает все вводимые догматы, попутно отказываясь от части своих прав. За это к нему не применяется прямое насилие, оно носит скрытый характер. Как-либо корректировать эту систему дано лишь малой прослойке, имеющей принадлежность к хранителям власти. Эта замыкающаяся

система, называемая «зоной отчуждения», где попраны истинные права индивида в угоду контроля со стороны власти, создает необходимость постоянства существования «чрезвычайного положения». Система сохраняет свое назначение, обеспечивая рост и минимизируя риски появления сомневающихся за счет урезания их прав, под предлогом защиты от внешней угрозы [1, с. 57].

В этом качестве появляется некий внешний противовес. Эти адепты применения точечного насилия вне монополии государственных институтов принуждения появляются в нужный момент. Хотя в постидеологическом обществе уже нет противоборствующих по политическим вопросам сторон, нужна внешняя угроза. Пусть она и локальная, а применяемое ей насилие — точечное, для сохранения системы и внедрения константы «чрезвычайного положения» внутри нее, это подходит идеально. Странный феномен выходит: институт принуждения, обладающий монополией на применение точечного насилия в обществе, не способен предотвратить действия тех, кто пытается ее нарушить.

Бодрийяр задается вопросом, по какой причине в нынешнее время еще жизнеспособен терроризм и связанные с ним варварские действия, сопровождаемые точечным насилием, которое по какой-либо причине нельзя было предотвратить. Ответ кроется в общедоступности освещения этих актов насилия посредством СМИ. Теракт, ранее подразумевавший жертвенность во имя какой-либо цели, сейчас стал «зрелищем», ужасающим, символом некой внешней угрозы, но все же частью той постидеологической обработки, которая постоянно внедряется «мольчаливому большинству». Активное освещение этого ужасающего события носит противоречивый, но действенный характер. Массовый человек должен воспринимать это как внешнюю угрозу, принимая все корректировки, которые из-за этого вносятся в его жизнь. Но самое ужасное, что мнимая «зрелищность» последствий насилия становится страшным аттракционом смерти, созерцая который, бездеятельный зрителю подспудно начинает ожидать его повторения. Такая кристаллизация насилия в обществе — это не последствия деятельности противоборствующих сторон, скорее, это результат безучастности и безразличия. Насилие со стороны «внешних сил» становится частью постидеологического общества, оправдывая создание системы мнимых противовесов как оправдание для ограничения прав основной части представителей массового общества [5, с. 112].

Бодрийяр в деятельности адептов терроризма нивелирует присутствие одной деструктивной логики. Становясь частью условной системы, точечное насилие подается как зрелище в контексте вызова, дуэли. Для пассивного зрителя это — часть системы образов. Это не только отвлекает внимание, но и подает идею насилия в утрированном виде. Таким образом, картина видения условно несогласного индивида извращена некорректным отображением насилия. Любой вызов системе возможен только при помощи точечного насилия, к чему начинают прибегать условно несогласные. Для представителей института принуждения это становится действенным средством выявления и ограничения деятельности всех тех, кто оказывается вне воздействия системы постидеологического общества [4, с. 115].

Таким образом, феномен насилия, даже несмотря на появление постидеологического общества, никуда не делся, лишь видоизменив свою форму подачи и воздействия. Оно стало более точечным, но при этом к нему приковывается больше внимания со стороны средств массовой информации. Насилие становится частью образа с условной зреющейностью, который выполняет дуальное воздействие: не только отвлекает внимание и создает основание для ограничения прав, но и позволяет выявлять всех, кто не вписывается в систему, в свою очередь, создавая в их головах иллюзию необходимости насилия как единственного средства объявления вызова всей системе.

Литература

1. Агамбен Д. Homo sacer: суверенная власть и «голая». М.: Европа, 2011.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. Екатеринбург: Изд-во УГГИ, 2000.
4. Бодрийяр Ж. Дух терроризма или Войны в заливе не было / пер. с французского А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2014.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения /пер. с фр. Д. Крачекина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Э.В. Тарасенко

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
emitarasenko@gmail.com

СТАТУС СУБЪЕКТА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КИНООБРАЗОМ: КОНЦЕПЦИИ КОЛЛЕКТИВНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Кинематограф является неотъемлемой частью современной культуры. С самого начала существования феномен кинематографа был проблематичен: ускользающая сущность порождала активную реакцию, заставляя не только теоретиков искусства, но и философов размышлять о том, что такое кино. Этую проблему исследовали З. Кракауэр [4], В. Беньямин [2], Р. Барт [1], Ж. Делёз [3], Н. Кэрролл [6], С. Кавелл. Философские концепции осмыслиения феномена кардинально разнятся в своем отношении, выражают восхищение и предостережение. Однако на значимость исследования нового медиа обращают внимание и те, и другие. Несмотря на активный интерес к кинематографу с первых дней его существования, динамично развивающийся феномен и сегодня остается проблематичным.

Одной из основных проблем феноменологии кино является определение статуса субъекта в контексте взаимодействия с кинообразом. Так, субъект может пониматься как активный и пассивный, единичный и массовый. Зачастую именно местом субъекта в теории можно охарактеризовать ее специфику.

Целью данной работы является выявление и прояснение стратегий определения статуса субъекта во взаимодействии с кинообразом в концепциях Ж. Делёза, В. Беньямина, Р. Барта и К. Метца. Рассмотрим их подходы к осмыслиению феномена кинематографа с целью выделить теоретическое осмысливание статуса субъекта:

1. Согласно концепции Ж. Делёза, существуют две основополагающие категории в анализе кинематографа: образ-движение и образ-время [3]. Конституирующими отличием кино от картины, фотографии и любого другого плоскостного образа является становление. Его невозможно препарировать по кадрам, вся его сущность в целостном развитии. Отношение субъекта и кино конституировано вовлечением и отождествлением. В отличие от театра кино обладает возможностью смены ракурса. Субъект здесь не сторонний наблюдатель, посредством ракурса он включен в событийность фильма. Фильм создается как субъективное переживание. Совокупность образов, лежащих в основе фильма, конструирует субъективность. Составляющие образа-движения и образа-времени и не имеют четкого однозначного соответствия в языке. Особенность кино в отсутствии фиксированных означающих и означаемых. Кино не может достигнуть объективности знака, находясь в становлении и трансформации. Оно не статично и не сводимо к бытию «здесь и сейчас». Кино обращается к не воспринимаемым осознанно элементам образа, то есть существует на восприятие, конституируя его.

Делёз выделяет три основных типа образов-движений: образ-перцепция, образ-действие и образ-эмоция. Их совокупность порождает собственный язык кино. Для Делёза язык кинематографа строится не из субъективности каждого зрителя, но собственно из материи кинематографа: ракурса, плана, длительности, света. Кинематограф создает посредством этой материи некоторого универсального субъекта, общность восприятия, выделенную из «настоящего времени» и создающую свое собственное временное измерение. Кино для Делёза служит моделью человеческого восприятия, концентрированно передающего представление. Кинематографический образ аналогично человеческому восприятию нефиксирован, подвижен, метафоричен.

Кино полагает внесубъектное восприятие, субъект, согласно теории Делёза, развоплощен, децентрирован и деиндивидуализирован.

2. Р. Барт в работе «Третий смысл» развивает концепцию «фильмического», [1] анализируя сущностную специфику фильма. Он говорит об образах как об «обозначающих без значения». Значение для них не первично и «навешивается» уже после факта видения. Он анализирует киноязык как специфическую семиотическую систему, несводимую к вербальному тексту.

Понятие текста у Барта шире понятия верbalного текста. Спецификация киноязыка происходит посредством выделения трех уровней смысла-означивания. Первый уровень — информативный, фиксируетfabulu, сведения от декораций, взаимоотношений персонажей т. д. Второй уровень — символический. Это уровень «расслаивающегося знака». Он характеризуется несовпадением означаемого с означающим. Третий уровень смысла заслуживает особого внимания, поскольку только здесь возникает собственно фильическое. Барт остается

приверженцем «покадрового» анализа фильма, что свидетельствует о частичной соотнесенности такого подхода с лингвистической теорией.

Таким образом, субъект-потребитель мультимедиа контента различает смыслы в напряжении между образами, части которых не несут подобной нагрузки. Реагируя на некоторое невысказываемое «напряжение» субъект-зритель сам «навешивает» смыслы на означающие без значения. Субъект выступает точкой преломления и насыщения образа.

3. В концепции соотнесения психоанализа и кино К. Метц рассматривается структурное сходство фильма с фантазмом и сном [5]. С одной стороны смысл раскрывается в контексте субъективного восприятия, с другой — в нем раскрываются моменты субъективного переживания. Если у Делёза кино конструирует субъективность в неощущаемых «микро образах», то психоаналитический подход рассматривает кино как проявление субъективности.

В первую очередь необходимо понять, можно ли рассматривать киноязык как эквивалент верbalного языка. Метц отвечает — нет. Он выбирает психоанализ в качестве метода исследования феномена киноязыка. Метц анализирует не собственно кино, как целостную структуру или своего рода лингвистический аппарат, не режиссерское видение и не собственно восприятие субъекта. Предметом его интереса выступает связь всех трех компонентов этого отношения. Притом реальность фильма представляется образным конструктом, не принадлежащим ни одному из субъектов, но лежащим в области Желания. Кинематографическое означающее становится высказыванием субъекта Желания. Метц разрабатывает сферу аффективных, бессознательных образов.

Метц рассматривает отношения кино и зрителя, поскольку фильм не может представать обособленно, он существует исключительно видимым. По Метцу сущность кино в визуальности, в сочленении видящий-видимое. Метц анализирует специфику структуры фильма. Он стремится освободить фильм от лингвоцентризма, обращаясь к его собственной природе, сходной не с высказыванием, способным быть выраженным в языке, но с фантазмом или сном. Образ, используемый в кино, представляет не элемент семиотической структуры, который можно разбить на дискретные кадры, но собственно восприятие и причастность к дигезису. Благодаря специфике ракурса зритель оказывается включен в него, становится сопричастным ему, однако, сопричастным как чему-то внешнему, другому по отношению к нему.

4. Работы Э.Кракауэра [4] и В.Беньямина [2] основывают традицию производства зрителя, согласно которой индивидуальный уникальный опыт зрительского переживания нивелируется в пользу придания значимости воздействию кинематографа. Возникает концепция массового или коллективного зрителя. Кинематограф обращен к социальной потребности впечатления, вовлекающего и шокирующего. Концепция формирует взаимосвязь социальных детерминант и стратегий идентификации субъекта с кинообразами, подчеркивая возможность не только фиксировать объективную реальность, но и модифицировать ее.

Это отношение впоследствии разрабатывается в неомарксистских теориях, в частности в подходе Э. Кракауэра. Он определяет кинематограф как специфиче-

скую презентацию исторической реальности, способную, однако, благодаря средствам монтажа, ее трансформировать и «разрушать естественный фон нашей жизни». Таким образом, понимая кинеметограф в фантасмагорически-мессианском духе, Кракауэр возлагает на него функции политической критики. В этом случае зритель как субъект размыается в акте идентификации и вовлечения в перестраивающий и переосмысливающий социальную реальность кинематограф.

Соответственно, можно предположить в рамках такого подхода как трансляцию моделей поведения и идентификационных стратегий, так и критику существующего порядка. Абстрагируясь от политического подтекста, следует резюмировать статус субъекта как вовлеченного в общность посредством кинообраза и отчасти моделируемого им.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что в отношении с кинообразом субъект всегда находится в области аффективного, переживая специфический социальный, эпистемологический и рефлексивный опыт. В рассмотренных теориях усматриваются два способа взаимодействия кинообраза и воспринимающего субъекта. С одной стороны кинообраз преломляется в видении субъекта и насыщается смыслами. Так, в теории Барта смысл буквально навешивается на означающее в акте рецепции. В случае психоаналитической концепции Метца кинообраз обращен к области бессознательного зрителя. С другой стороны, кинообраз конструирует зрительский опыт. Так, концепции Беньямина и Кракауэра обращаются к модификации идентичностей и трансформации реальности посредством иллюзии. А концепция Ж. Делёза подразумевает конструирование самой субъективности в общности восприятия и разнопланении субъекта. Однако следует отметить, что все теории учитывают момент трансформации самоощущения субъекта во взаимодействии с кинообразом, обращения к сфере иррационального и наличия специфической структуры вовлечения.

Литература

1. *Барт Р.* Третий смысл. М.: Ad Marginem, 2015. 104 с
2. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизведимости. Избранные эссе / под. ред. Ю.А. Здорового. М.: Медиум, 1996.
3. *Делёз Ж.* Кино. М.: Ad Marginem, 2013. 560 с
4. *Кракауэр Э.* Природа фильма: Реабилитация физической реальности. М.: Искусство, 1974.
5. *Метц К.* Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 334 с.
6. *Carroll N.* Philosophical Problems of Classical Film Theory, Princeton, Princeton University Press, 1988.

Е.С. Хаблова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)
samotamo@yandex.ru

ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРАДИЦИЙ: СКЛАДКИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»)*

Невообразимое количество философов и исследователей стремятся найти ответ на вечный философский вопрос: что же такое философия?³ Действительно, представляется весьма трудным дать разумный, беспристрастный ответ. Границы размыты, как правило все, с чем имеет дело современный ученый — это история философии. Однако, как известно, и история философии не является простым предметом исследования — она многогранна, ее писали и переписывали, и единой системы в ней не существует. Собственно, почему так выходит? Почему представляется решительно невозможным унифицировать многовековое наследие мировой мысли? Разбирая эти вопросы со стороны методологии самой философии, мы теряем из виду нечто принципиально важное — фигуру философа, точнее, историка философии.

Действительно, существует много информации о философеах, их жизнях и системах; много написано о практиках, методологиях и школах. Такие знания мы находим как в трудах самих авторов древности, так и у историков философии. Обозначить, кто такой историк философии непросто. Во-первых, это происходит от того, что границы этого явления довольно размыты: ведь философ, не обращающийся к истории философии, рискует быть недостаточно основательным, и историк философии, не философствуя, рискует оказаться поверхностным, не понимая сути и глубины мысли, тем самым теряя возможность понять те аспекты, которые доступны философскому взгляду. Будет верным обозначить, что и для философа, и для историка философии ключевым моментом в их работе является *философская традиция*. Философ, начиная свой творческий путь непосредственно столкнется с тем, что реальность предлагает ему выбрать свой стиль, своего учителя — это может быть как непосредственно наставник, так и течение (текущее), где он будет развиваться. Ясно, что в философии связка учитель/ученик — момент системообразующий. С этого, собственно, философия и зарождалась: с небольших школ, где мудрец делился своей истиной, и те, кто эту истину внимал, в итоге сам становился мудрецом. Конечно, можно возразить в духе «*Amicus Plato, sed magis amica veritas*», но верен и тот ответ, что и в таких случаях прослеживается влияние учителя — ведь быть учеником не означает развивать учение за учителем и дальше, это не является необходимым; скорее, ученик — это тот, кто продолжает работу мысли и духа, не останавливаясь на достигнутом. Тогда, действительно, рамки для такого ученика условны, ведь он уже, как самостоятельный мыслитель, ведет свою работу и проводит свое исследование. В таком случае, необходимо понимать, как сформирован тот или иной мыслитель, строго говоря, кто и что производит на него влияние, и как

он с этим работает. Выдающийся историк философии, философ и переводчик Эмиль Брейе (фр. Emile Brehier), например, в своей статье «Как я понимаю историю философии» пишет, что для него мощным толчком к его исследованиям послужило творчество Анри Бергсона (фр. Henri Bergson). Более того, Брейе посещал семинары Бергсона в Коллеж де франс. Бергсон читал свои курсы в Коллеже, а также, увлекшись Плотином, он по утрам читал лекции по «Эннеадам». Брейе с благодарностью вспоминает сам подход своего учителя: по его словам, Бергсон мог не только прояснить самые сложные тексты, но и относиться к ним легко, дружески, как бы усматривая свое «второе я» в них [1, с. 228]. Более того, Брейе пишет, что живет в эпоху «весеннюю» для философии, когда упадочные течения мысли чахнут, а расцветают новые, полные жизни направления — интеллектуализм, рефлектирующий человеческую деятельность, который находился под влиянием Бергсона. «Так же, как и многих в то время, Бергсон научил меня «реализовывать» спиритуализм, видеть в нем не совокупность следствий, выведенных из опыта посредством более-менее достоверных умозаключений, а выражение непосредственно пережитой жизни» [2, с. 278]. Из этих слов следует, что Бергсон явился не только его наставником, но и отразил те настроения, которые царили тогда, в конце XIX в. — начале XX в. Хотя, Брейе потом вслед за Бергсоном скажет, что сама философская мысль — вневременна, т. е. не является лишь продуктом эпохи. Это значит, что философии присуща своя внутренняя жизнь и логика, которая стремится реализоваться, и поэтому проводить жесткую параллель между исторической ситуацией и самим содержанием философской мысли неверно. Мысль, выраженная в тексте философа, является живой, направленной в будущее для того, чтобы быть осмысленной спустя века, ведь сама ее форма не ограничена временем. Поэтому, выводит Брейе, историку философии требуется эту мысль понять, а также понять ее приемы, методы и форму. Так, Брейе полагает, что важнее видеть духовный порыв, интуиции, которые толкают философию к появлению тех или иных школ, традиций, учений и мыслителей (здесь видно также влияние Гегельянства). С таким подходом писал свою историю философии и сам Брейе, это отчетливо видно по его работе «философия Плотина», которая часто остается непонятой, ведь в ней изложена философия Плотина, пережитая Брейе (сам Брейе называет такой способ внутренней историей философии), и которая сильно отличается от норм плотовидения. В данном случае, не будет ошибочным выразить, что его творчество оценивается соотносительно с традицией плотовидения и философским наследием Анри Бергсона; оказываясь будто на перекрестке этих традиций, Брейе, вдохновляясь еще Гегелем, Лейбницием и другими мыслителями и концепциями, создает свою философию, которая выражается в его историко-философских работах. Поэтому такая история философии неповторима, уникальна — это плод внутренней работы автора, его видение. Тем не менее, к своей работе Эмиль Брейе подходит с пафосом историка философии, раскрывающего глубинные связи внутри самого философского движения: «Таким образом, я считаю, что труд мой, оставаясь прежде всего повествованием — настолько верным, насколько это возможно, — является тем не менее не только повествова-

нием. В конечном итоге он, как и все мои работы, как и вся моя преподавательская деятельность, стремится постепенно, во всей ее чистоте высвободить сущность философии» [2, с. 287–288].

На примере Брейе отчетливо видно, что историко-философских подходов бывает множество, что означает, что и история философии не одна, и, в зависимости от автора, меняется и содержание. И, как и в случае с Брейе, историк философии, находясь в конкретных исторических реалиях, испытывает на себе их влияние. «Весенний период» философии, который описывает Брейе, можно понимать как складку, наслаждение идей и смыслов в определенный исторический момент. «Это до крайности извилистая складка, зигзаг, изначальная нелокализуемая связь» [8, с. 208]. Так объясняется, почему верным будет говорить об историях философии, а не об истории — с разных исторических моментов раскрываются разные грани философии как единого процесса. Достоинством такого подхода является выделение самой фигуры историка философии. Необходимо не забывать, что как человек порождается своим временем, так и время испытывает его влияние, и, если быть точными в данном исследовании, историк философии испытывает влияние тех идей, которые господствуют в его времени, так и он сам порождает идеи, которые в той или иной мере оказывают влияние на будущее развитие философии и на историю философии, т. е. на понимание прошлого философии. Если задаться вопросом «почему так много различий между историями философий разных авторов?» еще тщательнее, то обнаружим, что различия мы находим в идеологиях, изнутри которых были сотворены их работы. Получается, что недостаточно сказать о времени, в котором находится автор, необходимо понимать, что историк философии испытывает влияние идеологий этого времени, вынося суждения *pro et contra* о них. Примером этому служат различные подходы Мишеля Фуко (фр.: Paul-Michel Foucault) и Пьера Адо (фр.: Pierre Hadot) в вопросе о стоической этике. Будучи современниками, учившись в одном университете и находившиеся в одном интеллектуальном кругу, разрабатывали проблематику они совершенно различным образом. Фуко, будучи увлеченным в последний свой этап творчества «историей сексуальностями» и практиками конституирования субъекта, видел в стоической дисциплине «заботу о себе» в рамках его концепции «эстетики существования». Для Фуко это практики повседневности, методики, которые позволяли древним относиться к своим жизням как к искусству, заботясь о себе и стремясь стать собой — укрепляться в своей индивидуальности. Пьер Адо подходит к стоикам с другой стороны. Во-первых, для Адо философия — способ жить, который позволяет, напротив, выйти за рамки субъективности. Так, Адо рассматривает философский образ жизни как особый, позволяющий возвыситься над суетой и обрести совершенно иной статус сознания, не скованный страстью. Одной из характеристик философского образа жизни являются «духовные упражнения», нацеленные на преобразование практикующего и реальности. Известно, что Адо посещал занятия Эмиля Брейе, учился в католической семинарии, и это во многом объясняет его историко-философскую позицию. Так становится видно, какими разными могут быть историко-философские трактовки исходя из различности идеологий.

Исходя из вышеизложенного, естественен вопрос: «Как же возможна история философии, если все историко-философские труды не создают единой науки?». А как возможно подвести черту под всем многообразием философии, не лишившись ее самобытности, не подводя ее под единую идеологию? Видимо, поэтому и существует это невообразимое множество подходов в исследованиях, чтобы существовала возможность взглянуть на философию под разными углами и вынести свое, новое суждение. Именно поэтому история философии не заканчивается на Гегеле, не заканчивается на Брёйе, и не закончится, пока существует философия.

Литература

1. Блауберг И.И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-традиция, 2003. 672 с.
2. Брёйе Э. Философия Плотина. СПб.: Владимир Даль, 2012. 392 с.
3. Блауберг И.И. Э.Брёйе и М.Геру: два подхода к истории философии // История философии. 2008. Т. 13. С. 69–88.
4. Гаджикурбанова П.А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. 2009. Вып. 9. С. 27–42.
5. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. / пер. с французского Т.Н. Титовой и О.И. Хомы. Киев: Дух и Литера, 1998.
6. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / пер. с франц. при участии В.Л. Воробьева. М.; СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 448 с.
7. Гарнцев М.А. Пьер Адо и его подход к античной философии // Адо П. Что такое античная философия? М., 1999. С. 5–12.
8. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / общая редакция и послесл. В.А. Подороги; пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Изд-во «Логос», 1997.

М.Н. Шалдяков

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)
shaldyakov@mail.ru

ПОСТМЕТАФИЗИКА ВИТГЕНШТЕЙНА И ПРОБЛЕМА СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00582
«Метод позднего Витгенштейна: сведение (девальвация) традиционных проблем
метафизики к философской головоломке».

Термин «постматафизика» или «постматафизическая философия» используется здесь для обозначения философских концепций, систем или направлений, в рамках которых происходит критика традиционной, метафизической философии и предпринимается попытка осуществлять философскую деятельность без метафизических предпосылок и амбиций, характерных для метафизики. При этом под метафизикой (данное понятие используется при этом в явно негативном смысле) понимается философия, нацеленная на изучения бытия как оно есть само по себе, его первооснов, наиболее общих законов и так далее, понятно, что такие исследования должны превосходить по своей общности любые научные исследования и иметь дело с чем-то абсолютным, существующим непосредствен-

ным образом, и обуславливающим саму структуру всего сущего. Соответственно в рамках постметафизической философии утверждается невозможность подобных исследований, необоснованность (и невозможность обоснования) метафизических спекуляций и бессмысленность или, в лучшем случае, ложность метафизических предложений (пропозиций). Саму же постметафизику характеризуют такие черты, как контекстуальность, фаллибилизм, ориентированность на различные формы практики, внимание к повседневному опыту и так далее; постметафизическая философия также традиционно связывается с так называемыми лингвистическим и pragматическим поворотами. Стоит сказать, что сказанное о постметафизической философии выше не только не задает исчерпывающего определения, но и не может быть равно применимо к различным реальным постметафизическими проектам, которые могут значительно различаться между собой, но этот набросок вполне пригоден для дальнейшего более подробного анализа постметафизики Витгенштейна.

Концепт «внутренних отношений», а также «внутренних свойств», безусловно, один из важнейших для философии Витгенштейна в любой из периодов его творчества. Можно сказать, что введение данного концепта является ключевым для постметафизического проекта данного философа. Ранний Витгенштейн утверждал, что свойство является внутренним, только если немыслимо, что объект не обладает этим свойством:

«4.123. Свойство является внутренним, если немыслимо, что его объект им не обладает.

(Этот голубой цвет и тот стоят ею *ipso* во внутреннем отношении более светлого и более темного. Немыслимо, чтобы эти два объекта не состояли в этом отношении друг к другу.)

(Здесь неопределенному употреблению слов „свойство” и „отношение” соответствует неопределенное употребление слова „объект”.)) [1, с. 94].

И далее в афоризме 4.1252: «Числовой ряд упорядочен не внешним, а внутренним отношением» [1, с. 96]. Что, в сущности, значит, что немыслимо, чтобы, например, в ряду натуральных чисел за 2 следовало не 3, а, скажем, 153, точно также немыслимо, чтобы в ряду четных чисел за 1 000 следовало 1 004, а не 1 002. Кроме того, в «Логико-философском трактате» утверждается, что внутренними отношениями связаны также возможные положения вещей и предложения, которые их выражают (см. подробнее [2]).

Сказанное о раннем Витгенштейне, в данном случае, сохраняет свою силу и для позднего, но необходимо указать на то, что с течением времени содержание понятия «внутреннего отношения» значительно расширилось. Так, важной характеристикой внутреннего отношения между двумя сущностями, согласно позднему Витгенштейну, является то, что оно не может быть представлено в виде пары отношений с некоторой третьей сущностью. Не может быть никакого внешнего им посредника. Такой посредник мог бы быть связан с опосредованными им сущностями либо внешним, либо внутренним отношением. В первом случае разрушается сама суть первоначального внутреннего отношения, во втором случае посредник просто является совершенно излишним.

Показательным в данном случае является витгенштейновский анализ отношения между желанием и его осуществлением, который связан с критикой позиции Рассела на этот счет. Взгляды последнего состоят в следующем: осознанное желание сводится к чувству дискомфорта, порождающего период поведения, который завершается с «успокоением» дискомфорта; осознанное желание сопровождается истинным убеждением относительно того состояния дел, которое приносит успокоение. В данном случае связь между желанием и тем, что его удовлетворяет (состоянием дел, которое приносит успокоение), безусловно, понимается как внешняя. Абсурдно предполагать, что то, что искренне признается кем-либо объектом какого-либо его желания, *на самом деле* может не являться таковым. В данном случае сама грамматика нашего языка не оставляет нам места для подобных предположений и гипотез о том, чего в действительности хочется человеку.

Принадлежность к грамматике также является важной характеристикой внутренних отношений. Эта характеристика очевидна, но эта очевидность систематически игнорируется сторонниками точки зрения сообщества, что с неизбежностью приводит к производству метафизической мифологии вокруг понятия «значение» и проблемы следования правилу. Защищай от такого рода метафизических спекуляций может быть только прояснение роли грамматических правил, то есть в описании способа, которым они употребляются. В соответствии с позицией позднего Витгенштейна одно и то же выражение может выполнять как роль эмпирического предложения, так и формулировки или выражением правила. Но нет ничего эмпирического, что может поставить под сомнение, опровергнуть, подтвердить или обосновать само правило и его формулировку или внутренние, то есть грамматические, отношения и свойства:

«341. То есть *вопросы*, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]. 342. Иначе говоря, то, что некоторые вещи *на деле* не подлежат сомнению, принадлежит логике наших научных исследований» [3, с. 213].

Само стремление найти в большей степени базовый, общий принцип, который мы приняли бы как оправдание грамматических предложений, является метафизическими, поскольку требует отыскать некоторую метафизическую сущность, независимую от контекста той или иной практики, вообще не зависящую от практики, и не используемую в рамках наших практик. Такая сущность не будет использоваться ни при обучении, ни при объяснении, но философ, охваченный метафизическими иллюзиями и страхами, может продолжать требовать ее для преодоления волнующего его скептицизма. Не получив такого ответа, он остается неудовлетворенным и продолжает требовать и искать. Осознав, что искомое не может быть найдено, потому что оно принципиально невозможно, он заявляет, что невозможно следование правилу, а значит и значение, и сам язык.

Одной из причин для сомнений и страхов относительно связи правила и его применений является тот факт, что это отношение зачастую менее явно проявляется в языке, чем связь между желанием и его осуществлением или ожи-

данием и его исполнением. Если связь между желанием съесть яблоко и поеданием яблока видна в самих формулировках, то связь между правилом построения ряда четных чисел и каким-либо произвольно выбранным шагом этого построения, намного менее наглядна. Сами формулировки данного правила, используемые при обучении, его объяснение и оценки того или иного действия как соответствующего или несоответствующего этому правилу вовсе не обязательно должны содержать этот шаг в построении и соответствующие ему члены ряда, на практике они, скорее всего, не будут содержать этого шага. Это рассматривается как основания для сомнения в том, что такие формулировки могут использоваться для обоснования данного шага в построение ряда. Иначе говоря, усматривается несоответствие между конечностью формулировки правила и неограниченностью области его применения. Но это только видимость, основанная на завышенных требованиях к формулировкам правил. Сама формулировка правила, применимого на неограниченной области, не должна быть «соразмерна» или равночисленна этой области: бесконечная формулировка, во-первых, невозможна, во-вторых, она была бы бесполезна, даже если бы была возможна — такая формулировка не могла бы использоваться ни при объяснении правила, ни при его использовании, ни для оценки действий как соответствующих этому правилу или идущих ему вразрез. Проводя аналогию с доказательством и пользуясь терминологией самого Витгенштейна, можно сказать, что формулировка правила должна быть обозримой для того, чтобы быть полезной какой-либо деятельности. На деле задача формулировки и не состоит в том, чтобы заранее содержать в себе все случаи применения правила (иначе формулировка правила и его применение полностью совпадали бы). Для практики объяснения и оправдания важно другое: формулировка правила должна показать ту регулярность в действиях, которая необходима для того, чтобы следовать этому правилу. Понимать правило — значит знать, что значит делать то же самое для любого объекта из области его применения. Например, записывать 1 002 после 1 000 значит делать тоже самое, что и записывая 4 после 2, если мы следуем правилу построения ряда четных чисел.

Представления о наличии посредника между правилом и его применением, безусловно, родственны представлениям о том, что математике для того, чтобы быть обоснованной и достоверной, необходимо быть сведенной или сводимой к логике. В обоих случаях стремятся найти обоснование, когда обоснования более не нужны. Пытаются найти ментальную сущность, факт-в-мире или факт-в-сознании, логический эквивалент уже существующим математическим понятиям, интерпретацию и тому подобное. При этом искомое оказывается вне практики, лингвистической, математической или какой-либо еще, за исключением, пожалуй, лишь спекулятивно-философской. Это порождает различного рода метафизику, например, математический платонизм, проблему соотношения сознания и тела, а также различные формы скептицизма, такие как скептицизм относительно чужих сознаний, относительно причинно-следственных связей, прошлого и, в том числе, скептицизм относительно следования правилу. В соответствии с позицией позднего Витгенштейна, единственным способом поиска оснований и обоснова-

ний здесь был бы отказ от такого поиска. Вместо этого следовало бы заняться описанием существующих практик и прояснением используемого языка.

Литература

1. *Бейкер Г.П., Хакер П.М.С.* Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+, 2008. 240 с.
2. *Борисов Е., Инишев И., Фурс В.* Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс: Издательство Европейского гуманитарного университета, 2008. 212 с.
3. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. 256 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К.К. Абзалутдинов, Чжан Чэнъцзи

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ КНР

Для успешного развития сильного государства необходимо, чтобы все его части развивались, вне зависимости от того, есть ли у них явные и актуальные конкурентные преимущества или нет. Достижение равномерного развития регионов, конечно, невозможно, но для уменьшения социальной напряженности и поддержания внутренней стабильности любая страна, если она нацелена на долгосрочное экономическое развитие, вынуждена искать точки роста в регионах и стимулировать их.

Рассматривая конкретно сферу туризма в таком государстве, как Китай, один из крупнейших соседей России, и пытаясь, прежде всего, представить картину целиком, приведем данные из отчета Всемирной туристической организации [8, с. 10]. Согласно цифрам, которые были представлены по итогам 2017 г., в регионе Северо-Восточной Азии наблюдался общий рост иностранного туристического потока, хотя общие финансовые поступления сократились. Общее число туристов, которые прибыли в КНР, увеличилось на 2,5 % в 2017 г., однако темпы роста уменьшились по сравнению с 2016 г. [8, с. 16]. Денежные поступления от въездного туризма также уменьшились, однако Китай, в целом, остается привлекательным туристическим направлением.

Северо-Запад Китая включает в себя провинции Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) и Нинся-Хуэйский автономный район (НХАР) [1. С. 365]. Регион покрывает большую площадь, на которую приходится 30 % общей площади страны. Население составляет 4 % от общего населения страны. Несмотря на размеры, этот район является малонаселенным, в нем преобладают плато, горы и бассейны. Деятельность человека, без должных мероприятий по рекультивации, привела к опустыниванию, уменьшению естественной растительности. В то же время в северо-западных регионах КНР развивается сельское хозяйство. Из экономических объектов важное значение имеют транспортные магистрали «Шелкового пути» [10, с. 84–86]. Говоря об экономическом развитии регионов северо-западного Китая, мы, прежде всего, должны учитывать специфику данных регионов и общий региональный дисбаланс в экономическом развитии КНР. Данные регионы являются отстающими в экономическом плане по сравнению с восточными регионами Китая, что создает различные сдерживающие факторы для развития индустрии туризма.

Кроме того, сдерживающим фактором стал продолжающийся конфликт между китайцами и уйгурами. Например, серьезный удар по туристической отрасли Запада КНР нанесли события 5 июля 2009 г., когда в городе Урумчи прошли массовые беспорядки, закончившиеся гибелью, по официальным данным,

более сотни человек [7, с. 111]. Данное событие, безусловно, понизило туристическую привлекательность и без того слаборазвитого в этом отношении региона.

Туризм конкретно в СУАР серьезно ограничен состоянием социальной стабильности и общим уровнем общественной безопасности, которые, в свою очередь, связаны с целым рядом факторов, начиная от уровня экономического развития региона и заканчивая межэтническим согласием. Очевидно, что небезопасные места мало привлекают туристов, что, в свою очередь, уменьшает возможности региона в плане развития.

Исследователями, изучавшими туристическую сферу КНР, отмечается, что также сдерживающим фактором развития туризма может служить отсутствие развитой индустрии развлечений [5, с. 33] и нехватка квалифицированных кадров [2, с. 108]. Более того, другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона усиливают, по сравнению с Китаем, свою конкурентоспособность и предлагают для туристов более комфортные условия [5, с. 33].

Все эти препятствия для развития туризма в Китае, очевидно, оказывают более серьезное влияние именно в слаборазвитых северо-западных регионах. Руководство КНР, осознавая важность подтягивания их экономических показателей до уровня развитых регионов, на протяжении последних десятилетий пыталось найти в них устойчивые точки роста, которые могли бы выступить драйвером развития.

Е.В. Савкович в своем исследовании указывает на то, что в период нахождения у власти в КНР Цзян Цзэминя такого рода драйвером стал Синьцзян-Уйгурский АР. Был предпринят целый ряд мер по преодолению отставания региона, внимание было сосредоточено на изучении его экономических проблем, которые мешают развитию. Также осуществлялись серьезные финансовые вливания, но качественных изменений в ситуации не произошло [1, с. 367].

За десятилетие нахождения у власти Ху Цзиньтао ситуация несколько поменялась. Из приведенной далее таблицы видно, что общий доход пяти северо-западных провинций и количество туристов значительно увеличились с 2011 по 2012 г.

Сами регионы также проводят различные мероприятия, направленные на развитие туризма. Так в 2016 г. в городе Пинлян, провинция Ганьсу, состоялась 27-я Конференция по сотрудничеству в области туризма. Данная конференция была направлена на улучшение скоординированного развития регионального туризма шестью областными отделами управления туризмом в Шэньси, Ганьсу, Нинся, Цинхай и Синьцзяне. Туристические комитеты и туристические бюро провинций и автономных районов согласились с тем, что Северо-Запад является важным туристическим районом с богатейшими историческими и культурными ресурсами. Участники тщательно обобщили результаты работы 26-й конференции, состоявшейся в Сиане в декабре прошлого года и также призывающей к усилению регионального взаимодействия [11]. По итогам конференции был опубликован «Отчет о совместном анализе данных по сотрудничеству в области туризма». В нем сделан вывод, что провинции Северо-Запада КНР имеют оч-

видные конкурентные преимущества, однако региональное развитие не сбалансировано, что уменьшает возможности для развития отрасли в целом [12].

Таблица 1

Анализ общих доходов от туризма и количества туристов в пяти северо-западных провинциях 2011 по 2012 г. (Источник: [9]).

Регион	Общий доход (100 млн юаней)			Прием туристов (10 000 человек)		
	2011	2012	Рост в годовом исчислении (%)	2011	2012	Рост в годовом исчислении (%)
Шаньси	1 325	1713	29.2	18 400	23 200	15.9
Ганьсу	330	471.08	42.7	5 830	7 834.46	34.3
Нинся	84	103.4	23	1 170	1 341	14.6
Цинхай	92	158.54	72.3	1 412	1 780.43	26
Синьцзян	380	576	51.5	3 830	4 860.64	26.9

Другим важным элементом становится сотрудничество северо-западных провинций с соседними регионами. При условии постоянного улучшения и углубления подобного сотрудничества в области туризма возможно расширение туристического потока [13].

В 2013 г. КНР приняла Программу развития национальной индустрии туризма и досуга на 2013–2020 гг. В нее были включены приоритеты и направления развития въездного туризма: облегчение получения виз, содействие трансграничному туризму, развитие сотрудничества в сфере туризма с соседями по Азии и со странами Европы [4, с. 109].

Как результат, в 2013 г. Китай принял в общей сложности около 137 873 300 туристов и получил доход в размере 41,919 млрд долл., что на 5,5 % и 23,5 %, соответственно, больше, чем в 2012 г. Доход от внутреннего туризма составил 777 602 млн юаней, увеличившись на 15,4 % и 24,7 %, соответственно, по сравнению с 2012 г. [9].

А.В. Островский, анализируя материалы Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва, наметившего контуры социально-экономического развития Китая на 13-ю пятилетку 2016–2020 гг., указывает на созданные целевые фонды, с помощью которых будут решаться проблемы инфраструктуры в слаборазвитых западных регионах [6, с. 16], что, безусловно, в свою очередь также должно способствовать развитию отрасли.

Особое внимание в КНР уделяется развитию внутреннего туризма. И здесь есть первые результаты. Е.О. Заклязьминская на основе выпущенного китайскими исследователями «Доклада о развитии туристического потребительского рынка КНР на 2016–2017 гг.» делает вывод о более значительных темпах роста внутреннего туристического потока в северо-западных регионах Китая по сравнению с центрами более развитых регионов, такими, как, например, Пекин [3, с. 242]. Можно сделать и другой вывод: финансовые вливания,

создание различных программ развития и другие мероприятия по улучшению обстановки в отсталых регионах дают результат в виде возросшего туристического потока из других регионов КНР. Однако в китайском докладе отсутствуют реальные цифры, которые подтверждали бы его выводы относительно туристического потока, что заставляет сомневаться в их истинности, так как значительный рост мог быть вызван лишь эффектом низкой базы.

Тем не менее, по данным сети Mama Travel Network, общее количество внутренних туристов в северо-западном регионе летом 2017 г. было в полтора раза больше, чем за тот же период прошлого года. В основном это туристы среднего и старшего возраста, которые имеют достаточно свободного времени и соответствующие экономические ресурсы. Доля тех, кто путешествует всей семьей, также увеличилась на 30 % по сравнению с 2016 г., а количество молодых туристов до 35 лет увеличилось в 1,2 раза. Уникальные природные пейзажи и культурное наследие вдоль «Шелкового пути» являются привлекательными для туристов, а новые скоростные магистрали значительно сократили пространство между западными и восточными регионами, позволяя добираться до места назначения быстрее и комфортнее, что, безусловно, стимулирует развитие туризма [14].

На основе проанализированного материала складывается впечатление, что Китай разделил задачу развития туризма на две части, очень разные по своему наполнению: внутренний туризм китайских граждан и въездной туризм иностранцев. Внутренний туризм широко поощряется и растет, этому способствует развитие инфраструктуры в государстве, общий рост экономики, который ведет к росту уровня доходов, а значит, к увеличению возможностей китайских граждан путешествовать по своей стране (чаще всего ради отдыха, реже — ради посещения родственников).

Въездной же туризм мало ориентирован на слаборазвитые регионы Северо-Запада, а прежде всего нацелен на развитый Восток и побережье. Государство этому способствует, устанавливая визовые льготы для транзитных маршрутов для более развитых городов, уменьшая их в случае, если город менее развит, как в случае с Урумчи; устанавливая в более развитых городах льготы иностранцам по НДС [4, с. 112]. Но и мероприятия по стимулированию туризма и преодолению существующих ограничений в развитии данной отрасли в слаборазвитых регионах в КНР также ведутся активно.

Так или иначе, туризм, как внутренний, так и въездной, рассматривается правительством КНР, как одна из важнейших отраслей экономики и один из факторов развития китайского государства. На основе анализа китайских источников можно сделать вывод об относительно быстром развитии туризма на Северо-Западе Китая. В целом, качественное и количественное развитие данного сегмента экономики не только способствует снижению безработицы через создание новых рабочих мест и увеличивает бюджетные поступления (а значит, ресурсы на улучшение ситуации в малоразвитых регионах), но и может косвенно подталкивать к развитию близкие к нему сегменты экономики: транспорта, сферы услуг и др. Опыт соседа по развитию его туристической сферы может в том числе быть полезен для России.

Литература

1. Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 476 с.
2. Даниленко Н.Н., Рубцова Н.В. Туризм в Китае и России после вступления в ВТО: проблемы и перспективы развития // Развитие сотрудничества приграничных регионов России и Китая. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2014. С. 103–112.
3. Заклязьминская Е.О. Развитие внутреннего туризма КНР как средство осуществления перехода к обществу малого благодеяния «сяокан» // 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) – важнейший этап построения в Китае общества малого благодеяния «сяокан». М.: ИДВ РАН, 2018. С. 230–246.
4. Заклязьминская Е.О., Чэнь Сяо. Развитие въездного туризма КНР: экономический аспект // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. С. 105–113.
5. Лапшова Л.Н., Ян Цзяо. Развитие сферы туризма в КНР // Научный форум: экономика и менеджмент. М.: Международный центр науки и образования, 2017. С. 25–33.
6. Островский А.В. Планы 13-й пятилетки: как построить общество «сяокан» в Китае к 2020 году (по материалам 4-й сессии ВСНП 12-го созыва) // Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 6–21.
7. Савкович Е.В. Развитие сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии в 2000-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4 (16). С. 107–112.
8. World Tourism Organization, UNWTO Tourism Highlights. Madrid: UNWTO, 2018. URL: <https://doi.org/10.18111/9789284419876> (дата обращения 12.10.2018).
9. 2011 年、2012 年全国各省旅游总收入排行榜 // Weste.net. URL: <http://www.weste.net/2013/8-13/93151.html> (дата обращения: 16.10.2018).
10. 薄湘平, 薛晶晶. 中国旅游业绩效评价 // 吉林工业大学自然科学发展报. 2001. № 4. С. 84–86.
11. 第 26 届中国西北旅游协作区会议在西安举行 // Travel.people.com.cn. URL: <http://travel.people.com.cn/n/2015/1210/c398847-27912218.html> (дата обращения: 15.10.2018).
12. 共推丝路旅游：《西北旅游协作区大数据分析报告》在平凉发布 // Yuqing.people.com.cn. URL: <http://yuqing.people.com.cn/n1/2016/1017/c210107-28784697.html> (дата обращения: 17.10.2016).
13. «神奇大西北 牵手大中华» 旅游推介会宁夏旅游受热捧 // Travel.people.com.cn. URL: <http://travel.people.com.cn/n1/2016/0325/c41570-28227349.html> (дата обращения: 17.10.2018).
14. 中国西北成旅游热点 // Rmfp.people.com.cn. URL: <http://rmfp.people.com.cn/n1/2017/0825/c406725-29493541.html> (дата обращения: 18.10.2018).

Т.К. Булай

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
Skripkina-BSC11@yandex.ru

ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЁ

В СССР государственная идеология играла одну из ключевых ролей в формировании повседневных практик. Это касалось не только сферы взаимодействия граждан и государства, но и семейных, а также гендерных отношений [4, с. 299].

Этот процесс происходил на протяжении всего периода существования государства. Так, А. Митрофанова называет революцию 1917 г. «первым политическим и эмпирическим проявлением так называемой „неклассической онтологии”, т. е. онтологии, в которой картина мира утратила стабильность и самоочевидные основания» [6, с. 548]. Важной чертой такой онтологии, в частности, стало разрушение бинарных оппозиций, которые ранее воспринимались как самоочевидные: «противопоставление природы и культуры, рациональности и хаоса, созидающего субъекта и самотождественного объекта» [6, с. 551]. Одной из таких оппозиций стало противопоставление маскулинного и феминного, что потребовало переосмыслиения прежних гендерных образцов.

Особое внимание советская идеология уделяла формированию новых образцов фемининности, что было продиктовано интересами государства. Так, Р. Стайтс отмечает, что «в целом направление освобождения женщин в советской России определялось совпадением некоторых женских интересов с интересами мужской правящей элиты, иначе говоря, совпадением принципов гуманистической идеологии с требованиями быстро развивающейся экономики» [7, с. 280]. Основными факторами в данном случае выступили, с одной стороны, потребность в повышении рождаемости, с другой стороны — необходимость вовлечения в промышленность новых трудовых ресурсов, что нашло отражение в тенденциях, которые будут рассмотрены ниже.

Ключевым инструментом отображения идеологических образцов, включая гендерные, в СССР был социалистический реализм, одним из проявлений которого выступала литература. Е.А. Добренко, анализируя идеологическую функцию советской культуры в целом и соцреализма как ее центрального направления, пишет следующее: «Советский читатель, зритель, слушатель никогда не был просто адресатом и потребителем искусства. Согласно „общественно преобразующей“ доктрине, лежавшей в основании соцреализма, он — объект преобразования, формовки» [3, с. 193]. В этом положении отражается тот факт, что трансляция идеологических образцов была одной из ключевых функций произведений соцреализма.

Б.В. Дубин и Л.Д. Гудков отмечают специфическую роль литературно-художественных журналов по сравнению с другими печатными изданиями. Средства массовой коммуникации (речь в первую очередь идет о газетах), согласно

их подходу, демонстрируют влияние идеологических процессов на уровне социальной среды в целом, а книги, напротив, показывают индивидуальный, ролевой или групповой уровень усвоения ценностных ориентаций [1, с. 300].

Журналы, в свою очередь, представляют собой промежуточный уровень усвоения идеологических образцов, их воспроизведение на совмещенном, институционально-групповом уровне. С одной стороны, как периодическое издание, они обладают большей актуальностью, чем книги, представляющие собой «долговременную коллективную память» [1, с. 300]. С другой стороны, журналы вводят в периодику ценностный компонент, в отличие от средств массовой коммуникации, основная задача которых — оперативно передать информационное сообщение.

В рамках данного исследования была поставлена цель — выявить нормативные образцы фемининности, которые были нацелены на отображение образа жизни советской женщины в литературно-художественных изданиях.

Существует несколько периодизаций гендерного порядка в СССР. В данной работе были использованы этапы, предложенные И. С. Коном [5, с. 66]:

— Первый этап — период с 1917 по 1930 год. На этой стадии происходили слом и переосмысление прежней системы гендерных отношений.

— Второй этап — период с 1930 по 1955 гг.: период усиления идеологического контроля и укрепления семейных отношений командно-административными методами.

— На третьем этапе, с 1956 по 1986 гг., расширяется сфера индивидуальной свободы, начинается постепенная приватизация частной жизни, включая семейные отношения.

— Наконец, последний, завершающий этап — с 1987 по 1995 г., когда происходило ослабление, а затем практическое исчезновение идеологического контроля гендерных отношений. В рамках данного исследования особое значение имеют на два последних периода, поскольку они представляют собой переходные этапы между гендерным порядком тоталитарного общества и современной системой отношений, а потому позволяют отследить произошедшую трансформацию.

В ходе работы был использован метод дискурсивного анализа, изучены публикации в журналах «Роман-газета» с 1950 по 1989 г. Анализ показал, что с каждым десятилетием менялась основная тематика произведений, а также контекст, в котором упоминались женские персонажи.

Произведения, вышедшие в 1950-е гг., приходятся на стык двух этапов советского гендерного порядка: с одной стороны, продолжается период активного административно-командного регулирования частной жизни, и, в частности, гендерных отношений, с другой стороны — в конце десятилетия происходит ослабление этого контроля и частичная приватизация семейных отношений.

В публикациях этого периода жизнь женщин, как правило, вписана в контекст более глобальных событий — революции, восстановления жизненного уклада после Гражданской войны, организации работы колхозов, и других. Здесь женщины — такая же часть советского народа, как и мужчины, и их

жизнь затронута глобальными изменениями в той же степени, а потому они — равноправные участницы событий.

Единственное значимое отличие женских персонажей от мужских в том, что если мужчины выполняют исключительно роль строителей социалистического общества, то женщины совмещают ее с ролью матери. Это иллюстрирует процесс двойной мобилизации женщин на втором этапе советского гендерного порядка: с одной стороны, женщина воспринимается как работница и участница нового общества, с другой — это жена и мать, долг которой — воспитать новое поколение советских людей.

Один из ярких примеров такого персонажа — жена антагониста Шельбицкого в повести Н.В. Шундика «Быстрононгий олень» [9, с. 6], которая уходит от мужа, поскольку он не готов принять ее стремление обрести экономическую самостоятельность и желание завести ребенка.

Таким образом, демонстрируемый нормативный образец фемининности построен на совмещении публичного и приватного: с одной стороны, демонстрируется стремление к участию в общественной (в первую очередь — экономической) жизни, с другой стороны — стремление реализоваться в материнстве. Это — яркий пример гендерного порядка «работающая мать», который сформировался в СССР в 1930-е гг. и сохранял свою значимость до начала «оттепели» [5, с. 66].

Следующее десятилетие, с 1960 по 1969 г., характеризуется сразу несколькими изменениями в государственном регулировании частной жизни граждан. В 1968 г. вышел новый Кодекс РСФСР о браке и семье, где были упрощены процедуры регистрации и расторжения брака, а также возвращена возможность установления отцовства. Кроме того, в этот период осуществляется активное жилищное строительство, что влияет на повседневные практики: теперь все большее количество семей получают возможность жить в отдельной квартире, что существенно приватизирует частную жизнь и меняет основу взаимодействий в семье [4, с. 315].

В соответствии с этим, в публикациях литературно-художественных изданий появляются новые образцы фемининности. Теперь женщина не просто существует в рамках общества, но и сама предпринимает активные действия, порой вступая в конфликт с окружением. На первый план выходят ее личные качества и стремления, которые превращают женские персонажи в самостоятельных агентов. При этом нельзя утверждать, что в данный период сфера приватного преобладает для таких персонажей: несмотря на то, что женщина рассматривается как самостоятельный агент, действует она в сфере публичного.

В качестве яркого примера типичных для этого периода образцов фемининности можно привести персонажей повести Н.С. Дементьева «Замужество Татьяны Беловой» [2]. Произведение построено на противопоставлении ценностей публичного и приватного, которые находят свое отражение в образах главной героини и ее младшей сестры. При этом мир приватного, построенный на ценностях материального благополучия, здоровья, заботы о семье, автор осуждает как «мещанский», противопоставляя ему ценности публичного — готовность

отказаться от материальных благ, стремление работать в коллективе и участвовать в жизни общества.

Оценить нормативные образцы фемининности в публикациях 1970-х гг. затруднительно, поскольку в этот период резко сокращается число публикаций, где присутствуют женские персонажи: так, в данное десятилетие в журнале «Роман-газета» вышло лишь два произведения, где центральные персонажи — женщины.

Однако, можно отметить, что в публикациях начала 1970-х гг. встречаются второстепенные женские персонажи, выполняющие роль самостоятельных агентов, действующих в сфере публичного, а в конце десятилетия демонстрируемые образцы фемининности приобретают более консервативные и патриархатные черты, что находит развитие в последующее десятилетие.

В 1980-е гг. отмечается кризис эстакратического гендерного порядка, его ослабление, а в 1990-е гг. идеология государства переориентирует женщин на сферу приватного, косвенно выступая фактором устраниния конкуренции мужчин и женщин на рынке труда [5, с. 66].

В связи с этим меняются нормативные образцы фемининности в публикациях. Теперь женские персонажи рассматриваются в первую очередь в связи с семьей — это жены, матери, реже — сестры или дочери главных героев. Эти персонажи действуют исключительно в сфере приватного, их активность практически не выходит за пределы семейных отношений.

В качестве примера можно привести сборник рассказов В.А. Степанова «Серп Земли» [8], посвященный освоению космоса в СССР. В тексте встречаются женские персонажи, но в первую очередь это матери, жены и дочери космонавтов и инженеров. В сюжете отражается их гордость и беспокойство о близких людях, но не непосредственное участие женщин в освоении космоса. Только в рассказе «Первый концерт» женщина упоминается вне связей с семьей: здесь главная героиня — участница эксперимента в сурдокамере.

Таким образом, в изученный период литература транслирует три ключевых образца фемининности и соответствующих им образа жизни: женщина как работающая мать, совмещающая активность в сферах публичного приватного, женщина как самостоятельный агент, ориентированная на сферу публичного, и женщина, включенная в семейные отношения и ориентированная на сферу приватного. Смена образцов осуществлялась по мере ослабления государственного регулирования гендерных отношений, в связи с чем каждый последующий образец демонстрирует большую ориентированность на сферу приватного по сравнению с предыдущим.

Литература:

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 353 с.
2. Дементьев Н.С. Замужество Татьяны Беловой // Роман-газета. 1964. № 5.
3. Добренко Е.А. Искусство принадлежать народу. Формовка советского читателя // Новый мир. 1994. № 12. С. 193–213.

4. Эдровомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендерса в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3/4. С. 299–321.
5. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997. 231 с.
6. Митрофанова А. Гендерная революция 1917 года // Новое литературное обозрение. 2018. № 1. С. 548–564.
7. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 616 с.
8. Степанов В.А. Серп Земли // Роман-газета. 1981. № 6.
9. Шундик Н.В. Быстрононгий олень // Роман-газета. 1953. № 3, № 4.

В.Н. Буртонова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ)
burtonova.v.n@gmail.com

ВНУТРЕННИЕ ПРИГОРОДЫ УЛАН-УДЭ: АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00050\18 «(Суб)урбанизация в республиках на Востоке России: траектории территориального и демографического развития в 1991–2016 гг.»

В настоящее время, в соответствии с постмодернистской парадигмой, в научных исследованиях города и пригорода допускается широкое толкование данных понятий. В своей работе, опираясь на исследование в городе Улан-Удэ (столица Республики Бурятия), мы ставим вопрос о возможности существования в социальном пространстве города такого явления как «внутренний пригород». Исходя из семантического, самого первого анализа слова «пригород», понятно, что подразумевается территория, близлежащая к городу. Также пригород должен быть связан с городом функциональными отношениями. Но социальное пространство города не тождественно физическому, оно существует, подчиняясь иной логике. И тут возникает интересная проблема: насколько жители центра Улан-Удэ и его пригорода, территориально разделенные, близки в пространстве социальному?

В российской науке остро стоит проблема концептуализации пригородов. Во многих исследованиях раскрытие понятия «пригород» осуществляется путем противопоставления понятий «город» и «деревня/село». Например, разница в городском и сельском стиле жизни, качестве инфраструктуры, потребительских практиках, проведении досуга и пр. позволяет вывести характерные особенности города и села. В свою очередь в пригороде, как особом пространстве встречи города и деревни, реализуется гибридный образ жизни, соединяющий городские и сельские черты.

К.В. Григоричев, изучающий иркутские пригороды, говорит об отказе от этих бинарных оппозиций и определяет пригороды как социальные локальности,

«чьи территориальные границы подвижны и лежат поверх административной черты между городом и селом» [3]. Следовательно, под пригородом можно понимать не только территорию вне административных границ города, но и внутри данных границ. Как, например, в городе Улан-Удэ микрорайоны на окраинах города и в пригородах отличаются только муниципальным статусом, в остальном же невозможно даже четко определить, где проходит граница между городом и не-городом. Мы же попытаемся использовать данную трактовку максимально широко и для этого обратимся к центральному району Улан-Удэ. Актуальность подобных исследований состоит в том, что пространство центра Улан-Удэ находится в переходном состоянии, когда старый стиль жизни со временем исчезает. Процессы реконструкции района, создание новых пространств, застройка зданий ведет к коренному изменению района.

В 2017–2018 гг. нами было проведено исследование исторической части города Улан-Удэ (расположенной в Советском районе города, от реки Уда и до ул. Балтахинова) с опорой на метод биографического интервью. Всего было собрано 11 интервью с местными жителями.

В социальных исследованиях наиболее наглядно предмет и методология влияют и видоизменяют друг друга. Соответственно, методология изучения как зарубежных, так и российских пригородов, при переносе в исследовательское поле г. Улан-Удэ, должна учитывать его специфику. Улан-Удэ – столица национальной республики (Республика Бурятия). В постсоветский период в нем происходят общие для многих российских городов процессы. Улан-Удэ вписывается в единую колею вместе с остальными сибирскими городами (Новосибирск, Красноярск, Иркутск и др.) в силу схожих эволюционных процессов. Также Улан-Удэ стоит в ряду городов – национальных столиц (Якутск, Элиста, Кызыл и др.), что связано как с этническим составом населения, так и с историческими особенностями развития данных регионов, их культурной самобытностью.

Если посмотреть на историю возникновения и развития города Улан-Удэ, мы увидим, что изначально город развивался, расширяя территорию посада, а в советские годы – за счет застройки индустриальных и спальных районов. При этом жилые дома исторического центра в силу историко-экономических причин существенно не перестраивались. В годы индустриализации строительство жилищного фонда в Улан-Удэ не поспевало за увеличивающимся населением и, как следствие, деревянные дома в центре города лишь уплотнялись, строились деревянные бараки, появлялись «нахаловки» [4; 5]. Но если в дореволюционный период «усадебный» стиль жизни был характерен для многих малых городов Сибири, и стесненные условия жизни первых лет индустриализации наблюдались по всей стране, то впоследствии изменившиеся критерии качества жилья и строительство благоустроенных домов для элиты в центре города, можно сказать, произвели джентрификацию данного района.

В настоящее время в историческом районе Улан-Удэ сохраняются жилые деревянные дома, многие из которых нуждаются в серьезной реконструкции «...в общегородском центре можно встретить участки улиц из деревянных домов малоэтажной застройки, многие из которых находятся в аварийном состоянии.

<...> В подобных условиях «деревенскими» окраинами вполне можно назвать физические границы не только Улан-Удэ, но и территории в центре» [1, с. 88]. Подобные жилищные условия отсылают нас к не городскому, деревенскому быту (топить печь, брать воду из водокачки и т. п.), но при этом эти дома находятся в самом центре города, в пешей доступности от административных и культурных центров, общих для всего города. Повседневные практики включают как бытовые действия, так и отношения людей между собой. Подобный стиль общения, когда все друг с другом знакомы, уже не характерен для городов. Как и в любом другом городе, исторический центр Улан-Удэ наделен большой долей консервативности в сохранении привычного уклада жизни, при этом люди, живущие там, парадоксально чувствуют свое особое привилегированное положение [2].

Если для жителей внешних пригородов Улан-Удэ, большинство из которых приезжает из сельских районов республики, проживание в частных домах, является способом совместить привычный образ жизни с работой в городе, то для жителей исторического района, жизнь в самом центре города также является возможностью сохранить привычный стиль жизни. Но невозможность игнорировать тяжелый «негородской» быт, заставляет их либо переезжать, либо своими силами обустраивать жилье.

Также интересная особенность этого района состоит в отношении его жителей к культурному, символическому пространству центра Улан-Удэ. Общее для всех респондентов — они мало упоминают площадь Советов (тут находятся значимые административные здания и культурные символы), как будто этого пространства нет в их жизни, на их ментальной карте города. Это связано как с идеологическими причинами, так и с повседневными практиками, когда у людей нет необходимости выходить в это публичное пространство. Можно сказать, что такие же отношения с административным, публичным центром складываются у людей, живущих в пригороде. Исследователи отмечают, что жители пригорода могут достаточно обособленно, по-деревенски жить внутри пригорода и выбираться в городской центр только для работы и, возможно, для некоторых форм проведения досуга. То же самое можно сказать о части жителей исторического центра Улан-Удэ, с той лишь разницей, что до метафорического центра в физическом пространстве им нужно сделать пару шагов.

Возвращаясь к слому бинарных оппозиций в контексте города и деревни, можно сказать, что не все так однозначно. Понятие «город» следует трактовать широко: оно может включать в себя и не-городские, сельские практики, но насколько они действительно противоречат городскому образу жизни? Можно говорить о том, что это элементы традиционного образа жизни в историческом центре Улан-Удэ являются не только противопоставлением традиционного и нового, но и одной из практик адаптации в городском пространстве.

Пригород — это место с неоднородным населением: «Именно в пригородах встречаются сельские мигранты и городские дачники, коренные селяне и жители коттеджных поселков, сюда приходят индустриальные предприятия и фермеры, но здесь же сохраняются изолированные островки старого мира» [6, с. 135]. Можно сказать, что пригород служит для интеграции новоприбывших в город

или для освоения горожанами новых форм проживания в городе. При этом центр Улан-Удэ также неоднороден по своему составу: представители бывшей советской элиты и их потомки, которым дома достались по наследству, соседствуют с мигрантами и сельскими переселенцами, которые вынуждены жить в дешевом неблагоустроенном жилье в центре города. Постоянные миграционные потоки внутри этого района, а также связанная с неблагоустроенным бытом маргинализация жителей, определяют такой же, как и во внешнем пригороде «пестрый» состав населения. Следовательно, законсервировавшиеся традиционные элементы стиля жизни во внутреннем пригороде являются генетически городскими, как часть адаптации в изменяющемся городе и определенный способ освоения в городском пространстве.

В итоге как мы видим, при всей разнице между историческим центром Улан-Удэ и улан-удэнскими пригородами, можно заметить, что многие элементы повседневных практик, стиля жизни людей похожи. В рамках постмодернистской игры мы можем назвать территорию данного района ментальным «внутренним пригородом». Но тогда возникают более глобальные вопросы — как мы определяем город? Насколько в Улан-Удэ реализуется городской стиль жизни, если на его окраинах, в пригороде и в самом центре сохраняются элементы деревенского быта?

Литература

1. Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991–2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. 156 с.
2. Буртонова В.Н. Элементы традиционного стиля жизни в историческом центре Улан-Удэ // Мир Центральной Азии-4. Иркутск: Изд-во «Оттиск». 2017. С. 77–80.
3. Григорьев К.В. Между городом и селом: концептуализируя сибирский пригород // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск, 2016. С. 149–162.
4. Иминохов А.М. История повседневности и динамика качества жизни населения Верхнеудинска / Улан-Удэ в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 25 с.
5. Хабаева Ю.В. Образ жизни горожан Бурят-Монголии (1920–1930-е годы). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. 93 с.
6. Шелудков А.В. Индустримальные деревни, спальные районы, внутренняя периферия: функциональная специализация пригородной зоны города Тюмень // Что мы знаем о современных российских пригородах? Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 135–145.

М.В. Гавриленко

Новосибирский военный институт им. генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ (Новосибирск)
maria791@ngs.ru

ВЛИЯНИЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ СТАРООБРЯДЦЕВ ВЕРХОВЬЯ ЕНИСЕЯ

Характерной чертой религиозного мировоззрения старообрядцев с древних времен и в настоящее время является строгое следование религиозным обрядам в традициях дониконовских реформ, которое предполагает следование совершенно иным жизненными принципами, чем те, по которым живет современное общество. Обособление от власти, знак равенства между государством и «антихристом», аскетический образ жизни, ожидание конца света и Второго пришествия Господа — все это является основой их эсхатологических представлений. В Верховьях Енисея в Кая-Хемском районе Республики Тыва проживают старообрядцы часовенного согласия, беспоповцы. Религиозная идеология старообрядцев Тувы является малоизученным феноменом. Среди беспоповцев в наибольшей степени сохранились черты, характерные для раннего старообрядчества: отрицание мира, в котором господствует антихрист, отказ от общения с мирскими, особенно в совместной еде, питье, молитве, стремление к изоляции, строгий аскетизм, следование старым традициям и обрядам. Общие молитвы беспоповцы проводят в специальных помещениях — «моленных домах», «молельнях», «часовнях», либо в обычных жилах, где для проведения службы имеется соответствующее помещение. Руководит службой выборный уставщик, которого выбирает вся община [4], причем не только мужчины, но и женщины. Наставник также выполняет обязанности священника при коллективных богослужениях. Он избирается всей общиной (собором) и является ее главой. Должность эта в глазах верующих весьма почетная, но неоплачиваемая. Обычно наставник — это наиболее грамотный, хорошо знающий порядок службы, уважаемый член общины, как правило, старше 40 лет. Обязательно учитывается праведность жизни наставника, его благочестивость, истовость и непреклонность в вопросах веры. Эсхатологическое мировоззрение имеет абсолютное значение для старообрядцев, все их действия происходят через призму этих идей. Уход от власти, приравнивание государства к «антихристу», аскетический образ жизни, ожидание конца света и Второго пришествия Господа — все это является частью эсхатологии. Утопия о якобы существующем райском месте Беловодье и постоянные его поиски также является следствием эсхатологических представлений.

Для мировоззрения часовенных старообрядцев Верховья Енисея характерна строгая система запретов — в пище, одежде, образе жизни. Издавна деньги считались у них «дьявольским изобретением». Любая пища, прошедшая через акт купли-продажи, считалась оскверненной. В настоящее время в селах Сизим и Эржей, согласно нашим полевым материалам, старообрядцы используют день-

ги. Многие староверы занимаются торговлей, продавая товары собственного изготовления.

Основой религиозной идеологии старообрядцев является эсхатологическое мировоззрение. Эсхатологические представления строятся на последовательном развертывании следующих стадий:

1. угроза мировой катастрофы, предугаданная Божьими избранныками;

2. гибель социума вследствие «гнева богов» (нередко при одновременном спасении «героя»);

3. последующее возрождение мира. Эсхатологическое сознание акцентирует внимание на повторном процессе зарождения мира во время конца мира, артикулирует идею цикличности, где спасительное будущее описывается как возвращение к первозданному состоянию.

Эсхатология рассматривает время как необратимый процесс, в котором что-то, случившееся единожды, остается навсегда как окончательный результат. За Страшным судом последует сотворение нового и священного мира, который будет существовать вечно.

Старообрядцы Верховья Енисея считают, что антихристов мир — это весь окружающий мир, который окружает человека, полный искушений и соблазнов. Согласно книжным текстам, последователи Антихриста имели специальный знак-печать на руке или на лбу. Своеобразным символом такой печати у старообрядцев Тувы считаются паспорта, деньги (особенно у часовенных), государственный герб. Этим же обстоятельством (боязнью Антихриста) объяснялось нежелание старообрядцев расписываться в документах. Такое отношение к подписям в официальных инстанциях у старообрядцев Тувы сохраняется до сих пор, многие не желают получать документы с ИИН, настороженно относятся к паспортам. Старообрядцы считают грехом смотреть телевизор, избегают слушать радио, считая это «бесовскими изобретениями». Долгое время старообрядцы Верховья Енисея не фотографировались, считая это грехом. Но в настоящее время этот запрет постепенно теряет свою актуальность. Часовенные с самого начала стремились строго соблюдать старообрядческие запреты на бытовые новшества, постепенно, в связи с появлением новых вещей, расширяя списки запретного. Одна из запретных сторон связана с эсхатологическими представлениями о наступлении «последних времен», когда особенно душепагубны деньги — дьявольское изобретение, и когда любую пищу, прошедшую через акт купли — продажи, следует считать оскверненной. В беспоповских толках и согласиях учение о воцарении антихриста с самого начала играло более значительную роль, чем в поповщине. У них антихрист предстает как дух зла, воплощенный в никоновских ересях и во многих явлениях реальной жизни, пронизанных этим духом. Чаще всего объяснение строится на принципе «Все, кто против Бога, кто в Бога не верит — антихрист». Все новое соблазняет человека, заставляя отказаться от старого, правильного, а значит, и от веры и Бога. Именно поэтому старообрядцы считают, что «бес сильнее Бога, все теперь пошло не из-под Бога». Общеизвестен факт неприятия электричества, радио и телевидения, железных дорог. Старообрядцы считают грехом смотреть телевизор, называя его «бесов-

ским ящиком», избегают слушать радио: «Кто-то говорит, а кто не видно — бессовское искушение»; «Телевизор — грех. Люди сейчас веруют двум иконам, эта и телевизор». Долгое время старообрядцам Верховья нельзя было фотографироваться. Даже в местном краеведческом музее, в котором, благодаря многолетней подвигнической деятельности фотографа-краеведа В.П. Ермолова, хранятся тысяча фотоснимков Тувы первой половины XX в., почти нет фотографий староверов, по-видимому, они не давали на это согласие. Вспышки эсхатологических настроений и неизбежно связанного с этим обострения религиозного фанатизма среди старообрядцев имели место в годы коллективизации и Великой Отечественной войны, но они не были характерны для старообрядчества в целом, а лишь для его наиболее крайних направлений [1, с. 48].

В Верховье Енисея расположены скиты, монастыри и мирские поселения старообрядцев часовенного согласия. Сейчас в скитах и монастырях питание стало более разнообразным. Раньше ели в основном репу: печеную, жареную, вареную, картофель. В скитах Верховья от мирян принимают только зерно. Сами его мелят, сами пекут хлеб. В отличие от старообрядцев, проживающих в скитах, расположенных на Дубчесе (левом притоке Енисея), в скитах Верховья нет «исправы» (обычай «исправлять» продукты, приобретенные в «миру») [2, с. 204–205]. По нечетным дням недели, в понедельник, среду и пятницу, не разрешается есть мясную и молочную пищу, молоко, масло, рыбу. Но и в престольные праздники, во время которых можно есть скоромную пищу, влияют на запреты в питании. «Если, например, Иоаннов день выпадает на понедельник, среду или пятницу, разрешается только постное масло» (А.П. Белова, 1937 г.р., уроженка с. Эржей). Считается, что нельзя есть много сладкого. Многие верующие из старшего поколения вообще не едят сахар и варенье, позволяя себе лишь немного меда. «Сладкое есть, прислащаться, услаждать себя — грех» (А.П. Белова). Но в некоторых семьях этого не придерживаются и покупают шоколад, мармелад и прочие сладости. Так, например, в селе Эржей в магазине можно купить и шоколадные конфеты, и варенье, и пряники. Считается, что брагу пить можно только по праздникам. Ее обычно готовят из меда, хмеля и дрожжей. Отметим, что в поселках есть семьи «крепкой веры», которые вообще не пьют даже брагу.

Таким образом, можно сделать вывод, что повседневная жизнь старообрядцев основывается на эсхатологических представлениях о конце света. Эсхатологическое мировоззрение в жизни старообрядцев часовенного согласия имеет большое значение, оказывая влияние на все сферы их жизни. Этика, быт староверов базируются на учении о конце света. В это учение входит рассуждение о последних вещах: о конце мира, о воскресении мертвых, о Страшном суде, о царстве Божием на земле. Старообрядческое учение придерживается строгой последовательности событий, которые приведут к концу света. Самым главным признаком является наступление царства Антихриста. Наступление Второго пришествия будут сопровождаться такими явлениями, как технический прогресс, природные катаклизмы. Но самое главное, что свидетельствует о скором на-

ступлении последних дней — это социальные кризисы: войны, демографические проблемы, потеря нравственности и религиозности.

Литература

1. Ерикова А.А. Религиозная идеология старообрядцев-часовенных в XX веке. Кызыл, 2015. 92 с.
2. Мурашова Н.С. Повествования священноинока Евагрия // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: АгроСибирь, 2003. С. 194–221.
3. Стороженко А.А. Старообрядчество Тувы во второй половине XIX – первой четверти XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кызыл, 2004. 23 с.

М.В. Евдокимова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
ProstoVerner@mail.ru

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ГЕНЕЗИСА ФАЛЬСЕОИНТЕРАКЦИЙ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00681 а «Реформирование системы высшего образования как фактор генезиса фальсеноинтеракций: социологический анализ»
(Соглашение № 18-011-00681\18 от 2.02.2018)*

Стремительное развитие информационных технологий изменило практически все сферы социальной жизни — от межличностных контактов до деятельности больших структур и институтов. Современная система образования не является исключением. Ее функционирование сопровождается процессом активного внедрения и использования информационных технологий. Процесс укоренения и распространения компьютерных технологий в образовательной деятельности, причем на всех уровнях, включая управлеченческий, в научной литературе определяется термином «информатизация образования» [1; 2; 5].

Наиболее ярко процесс информатизации проявляется в появлении новых (заочных) форм образовательной деятельности, таких как, например, дистанционное образование, видеоконференции, онлайн-курсы и т. д.

Но и в привычных устоявшихся образовательных практиках и процессах взаимодействия активное внедрение технологий породило значительные изменения. С точки зрения нашего исследования представляет интерес тот факт, что информатизация создает больше возможностей и благоприятных условий для возникновения симуляций и фальсеноинтеракций, как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов.

Наиболее очевидными эти возможности кажутся, конечно, для студенческого сообщества. Распространение сети Интернет и доступность новейших технологий обеспечило учащимся легкость поиска необходимой информации практически в любое время и в любом месте. В связи с этим многие образовательные практики приобретают имитативный характер:

1) процесс подготовки к практическим занятиям и контрольным процедурам значительно изменился — теперь в большинстве случаев студентам не требуется тратить много времени на поиск и проработку нескольких источников научной литературы. Найти ответы на вопросы в Интернете гораздо легче и быстрее, а потому многие практикуют скачивание материала, располагающегося по первой ссылке запроса, порой даже не анализируя его. В связи с этим утрачивается предназначение раздела «Список рекомендуемой литературы» в учебно-методическом комплексе дисциплин.

Так, процедура подготовки к семинару, предполагающая формирование у студента кругозора мнений и подходов к рассматриваемой проблеме, превращается в ее фальсификацию. И что, на наш взгляд, наиболее отрицательно сказывается на становлении специалистов и их подготовке к последующей трудовой деятельности и социальной жизни — это недостаток навыков критического осмысливания информации, располагающейся в Интернете. Такие материалы (находящиеся в первых ссылках запроса) представляются студентам как уже проанализированные, проверенные и достоверные сведения.

2) благодаря компьютеризации выполнение самостоятельных работ также имеют тенденцию к упрощению. И это связано не только и не столько с развитием технических возможностей (переход от необходимости написания работ «от руки» к машинописному тексту), но и с появлением электронных баз рефератов, контрольных, курсовых и даже дипломных работ. Такие «банки» рефератов находятся в Интернете, как правило, в открытом доступе, не требуют регистрации и авторизации, а потому пользуются большой популярностью и успешно функционируют. Кроме того, за время существования давно устоявшихся единых стандартов, в этих базах появилось по несколько вариантов шаблонных работ на классические темы по любой дисциплине. Постоянно находясь в дефиците времени в сессионный период, студенты стремятся сэкономить время и усилия и пользуются возможностью скачать материал. Такая фальсификация выполнения самостоятельных работ для многих учащихся становится устойчивой и совершенено нормальной практикой;

3) изменение способов списывания — проведенные нами ранее исследования [4] показали, что более 80 % студентов списывали на экзаменах или зачетах. Эта практика настолько давно сложилась и закрепилась в образовании, что некоторые преподаватели не только перестали с ней бороться, но и обосновывали пользу написания шпаргалок для лучшего усвоения материала. Но развитие компьютерных технологий изменило и эту практику — теперь самостоятельно изготавливать шпаргалки совсем не обязательно — можно скачать готовые в Интернете или вовсе не готовиться заранее, а списать готовый ответ с помощью мобильного телефона и Интернета, сидя на самом экзамене.

Это лишь некоторые из повседневных образовательных практик, которые в связи с информатизацией могут утратить свое первоначальное предназначение и закрепиться лишь в качестве симулятивных.

Претерпевает довольно противоречивые изменения и деятельность преподавателей. С одной стороны, повсеместная компьютеризация и информатизация

значительно расширяет возможности для научной и педагогической деятельности; с другой — осложняет ее.

Всё большее количество педагогов стараются проводить занятия с использованием демонстрационных презентаций, появляются видеолекции, дистанционные видеоконференции, образовательные онлайн-площадки и т. д. Безусловно, популяризация использования новых медиатехнологий в преподавании позволяет сделать процесс обучения более интересным и занимательным. Но вместе с тем порождает ряд трудностей и проблем.

Во-первых, активное применение новых технологий требует от преподавателей высокого уровня компьютерной грамотности, чего удается достичь далеко не каждому. Исследователи в сфере образования отмечают, что скорость информатизации образования значительно превышает уровень информационной культуры и компьютерной грамотности педагогов [3, с. 93].

По их оценкам почти десять лет назад лишь 10 % учителей регулярно использовали электронные учебные пособия [3, с. 94]. Конечно, к сегодняшнему дню доля педагогов, умело использующих компьютерные технологии в процессе обучения, значительно увеличилась, но всё же не является 100 %. Это хорошо видно по средним общеобразовательным учреждениям (чаще всего сельским школам), где было закуплено новое оборудование (интерактивные доски, мультимедийные установки), но так и не использовались, потому что у педагогов отсутствуют необходимые знания и навыки.

Во-вторых, процесс информатизации в образовании сопровождается появлением новой формы отчетности — электронной. Создание электронного документооборота могло бы облегчить труд педагогов на всех уровнях образования — школьных учителей избавить от заполнения журналов и дневников, вузовских преподавателей от многочисленной отчетности. Но в действительности, появившиеся электронные документы не заменяют их бумажные формы, а дублируют, становясь лишь их аналогами. Таким образом, вместо ожидаемого уменьшения объема работы преподавателей по факту получается его значительное увеличение — ведь то, что раньше необходимо было оформить только в привычном бумажном виде, теперь следует дублировать ещё и в электронном.

Следует отметить, что увеличение преподавательской нагрузки, обусловленное информатизацией, является характерной чертой современного образования. Преподавателям необходимо создавать демонстрационные материалы, выкладывать на образовательных порталах лекции, электронные задания, обеспечивать постоянное обновление электронных материалов и т. д. Все эти виды работ в основную нагрузку не входят, а потому при расчете часов не учитываются и оплате не подлежат. Естественно, что при таких обстоятельствах вероятность появления имитаций и фальсификаций значительно увеличивается.

В-третьих, размещение авторских лекций, учебных и методических пособий в свободный доступ на образовательных порталах и площадках влечет за собой проблему правового характера. Преподаватели всё чаще задумываются об охране своей интеллектуальной собственности. Будучи неуверенными в достаточной защите размещаемых материалов, преподаватели зачастую предпочитают не

выкладывать свои научные и научно-методические труды на сайтах университета, подменяя их другими и имитируя 100 % обеспеченность электронного УМКД.

Еще больше возможностей для возникновения имитаций и фальсекоммуникаций возникает в условиях дистанционного образования. Практически все акты взаимодействия преподавателей и учащихся в такой ситуации являются заочными, а значит, минимально контролируемыми. При такой организации учебного процесса преподаватель никогда не может быть уверен, что студенты добросовестно просматривают лекции, читают рекомендуемую литературу, изучают учебный материал, а главное, что они самостоятельно (и вообще они) выполняют все контрольные задания.

Таким образом, влияние процесса информатизации на образование нельзя оценить однозначно. С одной стороны, распространение и доступность информационных систем и сети Интернет открывает новые возможности в образовательном процессе, как для студентов, так и для преподавателей. С другой стороны, информатизация образования, обусловившая развитие его виртуализации и дистанционности, создает благоприятные условия для возникновения имитаций и фальсеконтеракций в деятельности и коммуникативных связях субъектов образовательной системы.

Безусловно, развитие информационных и компьютерных технологий является фактором распространения фальсеконтеракций, который невозможно контролировать или вовсе исключить. Это глобальный процесс и информатизация системы образования — естественная и закономерная часть этого процесса. Но существует необходимость проведения дополнительных исследований для выявления значимости этого фактора в генезисе фальсеконтеракций среди других, а также выработка рекомендаций по снижению его влияния на процессы возникновения и распространения имитаций и симуляций в образовании.

Литература

1. Блохина С.В., Варламов О.О., Тожа К.Э., Адамова Л.Е., Абрамов П.С., Варламов А.О. О проблемах образования, целевом образе «школы будущего», информатизации и перспективных информационных технологиях образования // Известия Южно-го федерального университета. Технические науки. 2007. № 2 (77). С. 195–200.
2. Виноградов П.Ю. Управление знаниями в современных условиях информатизации управления образованием // XIX Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции / под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2015. С. 119–125.
3. Галишиникова Л.Ю. Современные условия, способствующие качественным переменам в образовании в условиях информатизации и модернизации российского образования // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 5. С. 92–94.
4. Евдокимова (Кашириной) М.В. Фальсеконтеракции в системе высшего профессионального образования: социологический анализ: дисс. ... канд. социол. наук. Абакан, 2015. 148 с.
5. Лаврухина Т.В., Смоленцева Т.Е. Информатизация и использование новых информационных технологий в образовании // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2012. № 2. 48–50.

А.И. Евдокимов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
aievdokimov@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства
Республики Хакасия в рамках научного проекта № 18-411-190002 р_а*

В современной ситуации массовых перемещений людей по активно глобализирующему миру феномен миграции занимает все более важное место в работах исследователей. Стоит согласиться с Ю.В. Попковым, который отмечает, что «одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на характер этносоциальных процессов в отдельных регионах, в настоящее время является внешняя и внутренняя миграция. Под ее влиянием меняется этнокультурная мозаика, реструктуризируются региональные (локальные) межэтнические сообщества, реанимируется и модифицируется национальный вопрос» [4, с. 14].

Академическое изучение миграции начинается во второй половине XIX в. Первой классической работой считается труд «Законы миграции» Э.Г. Равенштайнера. Британский ученый рассматривал миграцию как постоянное или временное изменение места жительства человека, сформулировал одиннадцать миграционных законов на основании анализа ситуации в Великобритании и Северной Америке. Социологический подход к изучению миграции формируется на основе работ таких классиков социологии, как М. Вебер, К. Маркс, Г. Зиммель, Т. Парсонс. Первые попытки применения социологического подхода к миграции как международному феномену появляются в работе У. Томаса и Ф. Знанецки «Польский крестьянин в Европе и Америке», в которой проводится анализ последствий миграционных процессов адаптации мигрантов на основе применения качественных методов. Еще одним значимым этапом развития социологического подхода становится формирование Чикагской школы. В своей классической работе «Город» Р. Парк, Э. Берджес, Р. Макензи маркировали миграцию в качестве основного показателя и акселератора социальной мобильности городского населения [7].

Следующей вехой формирования миграционной теории стала работа Э. Ли «Теория миграции». В своей работе он выделил ряд определяющих факторов, на основе которых индивиды принимают решение о миграции: факторы, связанные с территорией выбытия мигрантов; факторы, связанные с территорией прибытия, которые действуют в одном или нескольких районах потенциального прибытия; вмешивающиеся обстоятельства; факторы, связанные с составом мигрантов [6].

Общую совокупность факторов можно разделить на два вида: факторы «отталкивания» (выталкивания) и факторы «притяжения». В случае если на территории выбытия мигрантов превалируют факторы «отталкивания», индивид принимает решение о миграции и выбирает место с наиболее сильными факторами «притяжения». Культуру в данном контексте можно считать фактором

«притяжения» как для мигрантов, так и представителей принимающего сообщества. Культура способствует идентификации всех членов социума. Миграция является каналом трансляции культуры, с помощью чего выстраивается механизм создания комфортных условий для будущих миграционных событий.

В конце XX в. развитием идей Э. Ли становится теория миграционных систем, которую постулируют в своей работе «Международные миграционные системы: глобальный подход» М. Критц, Л. Лим и Х. Злотник. Миграционные потоки между странами выезда и въезда определяются взаимосвязанными факторами. При этом создается единое пространство, изучать которое надо единым подходом. Миграционная система представляет собой совокупность устойчивых взаимосвязей, существующих между несколькими государствами. Причины этих связей могут быть связаны с историей, экономикой, культурой, колониальным прошлым и даже технологиями. Каждая отдельная страна может состоять сразу в нескольких миграционных системах, в зависимости от факторов преобладающих в отношениях с другими государствами. При этом географический фактор не обязательно определяющий и миграционная система может быть построена не на основе территориального соседства, а под давлением общих экономических или технологических интересов [5].

Подобным образом происходит формирование миграционной системы, связывающей Республику Хакасия с мигрантами из государств центрально-азиатской части постсоветского пространства (Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан). Эта миграционная система оказывает огромное влияние как на трудовых мигрантов, так и на принимающее региональное сообщество. Так томские исследователи Е.Е. Дутчак, Э.Л. Львова и И.В. Нам отмечают, что важным фактором, оказывающим воздействие на трансформацию региональной идентичности, оказывается «рост миграции в Сибирь населения из южных регионов постсоветского пространства, сопровождающийся образованием в составе ее населения, наряду с мировыми, «новых» (современных) диаспор» [1, с. 43].

Важно отметить, что влияние, которое оказывают мигранты на принимающее сообщество, не имеет выраженного позитивного или негативного оттенка. С.В. Колударова считает, что «негативные аспекты влияния обусловлены отношением россиян к мигрантам в целом, а также трансформацией социокультурных ценностей, которые вызваны «чужой» культурой мигрантов» [2, с. 106]. Кроме этого, необходимо отметить, что негативное отношение часто является следствием действия в обществе определенных стереотипов и мифологем. Однако кажется куда более важным рассмотреть тенденции, которые приводят к нормализации и укреплению отношений между мигрантами и местным населением, лежащие, на наш взгляд, в сфере социокультурных взаимодействий.

С целью определения основных трендов социокультурного влияния мигрантов из государств Центральной Азии на принимающее сообщество Республики Хакасия в 2016 г. было проведено массовое социологическое исследование, в котором приняло участие более 500 респондентов из различных муниципальных образований региона [3]. Выборка респондентов исследования была проведена с

учетом таких параметров, как пол, возраст, образование, этническая группа и уровень материального достатка.

Наиболее ощутимое влияние со стороны мигрантов из стран Центральной Азии жители Республики Хакасия испытывают в экономической сфере (ее отметили 33 % респондентов). Социальную сферу выделили 16,5 % респондентов, а культурную — 9,5 %. Таким образом, в совокупности наиболее острое влияние со стороны центрально-азиатских мигрантов в социокультурной сфере отметили более четверти опрошенных, что составляет довольно существенный показатель для региона.

В результате исследования были установлены основные причины такого достаточно высокого показателя социокультурного влияния, которое оказывают центрально-азиатские мигранты на принимающее сообщество Республики Хакасия. Так, 19 % респондентов — жителей республики отметили, что имеют в своем окружении выходцев из стран Центральной Азии. 27,1 % респондентов оказались знакомы с людьми, которые вступили в брак с выходцами из стран Центральной Азии. 28,5 % респондентов отметили, что знакомы с творчеством современных центрально-азиатских поэтов, писателей и музыкантов. Также респонденты продемонстрировали знание исторических личностей, оказавших влияние на развитие Центральной Азии. Наиболее известным в Республике Хакасия персонажем оказался герой узбекского народа — Тamerлан (Тимур), которого отметили 42,1 % респондентов. Вторым по популярности стал киргизский писатель Чингиз Айтматов — 33,5 %, третьим — средневековый ученый и естествоиспытатель Ибн Сина (Авиценна) — 26,3 % респондентов.

В заключении можно сделать вывод, что на современном этапе, характеризующемся активизацией отношений между трудовыми мигрантами и представителями принимающего сообщества во всех сферах общественной жизни, жители Республики Хакасия вступают во все более активные социокультурные отношения с мигрантами. Поддержка данного вида интеракций со стороны властей, общественности и СМИ может стать залогом успешного развития регионального социума и формирования гражданской нации на основе межкультурного диалога и социального согласия.

Литература

1. Дутчак Е.Е., Львова Э.Л., Нам И.В. Сибирская региональная идентичность — фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2-1. С. 41–44.
2. Колударова С.В. Браки с мигрантами в российском обществе // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 3 (122). С. 105–111.
3. Социологическое исследование (июнь – сентябрь 2016 г., Хакасия, Тыва, Алтай). Грант Президента РФ по теме: «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)» (проект МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность — 1 000 человек.
4. Попков Ю.В. Региональные особенности этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. С. 9–28.
5. Kritz M.M., Lim L.L., Zlotnik H. (eds.) International migration systems: A global approach. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 263–278.

6. Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966, vol. 3 (1), p. 47–57.
7. Park R., Burgess E., McKenzie R. The City. Chicago, 1925. 239 p.

А.А. Ефанов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва)
yefanoff_91@mail.ru

ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИА-ПОВЕСТКЕ

Исторически сложилось, что Россия (ранее СССР) и США – два геополитических лидера, поддерживающие разные, во многом противоположные идеологические доктрины, – являются вечными непримиримыми соперниками. Лозунг «Догнать и перегнать» из работы В.И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» 1917 г., актуализированный Н.С. Хрущевым в 1957 г., стал неким идеологическим кredo, навсегда противопоставившим Россию (русских) и США (американцев). На уровне исторического сознания в стереотипном мышлении американцев конституировалось восприятие русских как диких и невежественных (медведи бродят по улицам, люди ходят в валенках, поют фольклорные песни, пьют водку и играют на гармошке). Соответственно, в сознании русского народа американцы представляют собой примитивную и бескультурную нацию (поклонение фаст-фуду, погоня за богатством, пропаганда секса и азартных игр, откуда и пошло выражение «тлетворный Запад»). Подобные установки сложились в результате дискредитирующих стратегий репрезентации со стороны ведущих СМИ обеих стран. В современных условиях медиа США и России превратились в реальное оружие для ведения информационной войны [2, с. 217].

Впервые понятие «информационная война» было использовано в 1976 г. в отчете «Системы оружия и информационная война» для компании «Boeing». В документе обозначалось, что индустрия медиа является ключевым компонентом американской экономики. А в 1998 г. в США была принята «Объединенная доктрина информационных операций», согласно которой «информационная война – это комплекс мероприятий по достижению информационного превосходства путем воздействия на информацию, информационные процессы, информационные системы и компьютерные сети противника при одновременной защите своей информации, информационных процессов, информационных систем и компьютерных сетей» [10]. Г.В. Вирен впоследствии уточняет данное понятие, определяя информационную войну как «комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных воздействий» [1. С. 8]. Автор выделяет ряд приемов информационной войны:

- 1) полная дезинформация;
- 2) скрытие существенной информации;
- 3) преувеличение/преуменьшение с целью дезинформации;
- 4) подмена понятий;

- 5) применение пустых «позитивных» клише;
- 6) ложная увязка;
- 7) «наклеивание» ярлыков;
- 8) использованиеalogичных тезисов.

Несмотря на то, что в современном информационно перенасыщенном мире основные политические конфликты (в том числе межгосударственного характера) преимущественно протекают в глобальном медиапространстве, нельзя исключать устойчивую позицию исследователей, подчеркивающих: «Информационная война по-прежнему является лишь составной частью активной фазы геополитических противостояний, так как всегда является преддверием таких классических форм политических деструктивных действий, как государственный переворот, гражданская война или военное вмешательство извне» [11, с. 82].

Активная фаза противостояния России и США, начавшаяся в конце 2000-х гг., представляет собой долгосрочную информационную войну, протекающую на фоне ряда побочных явлений, внутри которой на сегодня можно выделить четыре основных этапа: грузино-южноосетинский конфликт; российско-украинский кризис; миротворческая миссия в Сирии; олимпийский «допинговый» скандал и «Дело Скрипалей».

Грузино-южноосетинский конфликт. Разворачивание информационной войны началось в 2008 г. во время вооруженного конфликта в Южной Осетии. На протяжении так называемых «пяти дней войны» все события активно освещались основными российскими федеральными телеканалами. Информационные программы работали в режиме моноэфира, хроникально передавая все новые подробности [3]. Каждые два — три часа выходили экстренные выпуски новостей. Помимо ретрансляции кадров военных действий, особый акцент делался на заявления политических акторов: как президентов М. Саакашвили, Д. Медведева и председателя Правительства России В. Путина, представлявших две стороны конфликта, так и условных «внешних наблюдателей» — лидеров европейских и западных государств, а также членов Совета Безопасности ООН (при этом в дискурсивных стратегиях западных политиков превалировала обвинительная риторика в адрес российских властей, якобы провоцирующих вооруженный конфликт и преследующих собственные интересы). Подобное сочетание политического и милитаристского контента усиливало общий эффект от явления, поскольку, не выключая телезрители, все пять дней аудитория пребывала в напряжении, опасаясь перехода от информационной — к реальной войне между Россией и Грузией.

Российско-украинский кризис. Очередной этап информационной войны наметился в 2014 г. во время так называемого Российско-украинского кризиса, когда «менеджеры федеральных телеканалов начали усиливать новостное вещание» [6, с. 76]. Хронометражи информационных выпусков с 30 минут были увеличены до 60 (к примеру, «Вести» на телеканале «Россия 1»). Ежедневно в течение года выходили экстренные выпуски новостей (в связи с резонансными событиями на Украине, в ДНР и ЛНР или громкими заявлениями политиков по этому поводу) [7, с. 95]. Что касается интерпретации событий со стороны за-

падных политиков, в их дискурсивных стратегиях доминировала обвинительная риторика в отношении Правительства РФ, которое якобы спровоцировало украинскую раздробленность. Как следствие, страны Запада и Евросоюза поддержали санкции против России и ограничение сотрудничества.

Результаты серии авторских онлайн-опросов «Панические социальные настроения и телевидение» (n=400) в социальной сети «ВКонтакте» [8, с. 95–96] подтвердили, что в 2014 г. при ответе на открытый вопрос: «Почему новости о событиях на Украине вызывают у вас обеспокоенность и тревожность?», 65 % опрошенных подчеркивали угрозу Третьей мировой войны: «До Третьей мировой недалеко»; «Высока вероятность мировой войны»; «Ситуация с Украиной может разжечь международный вооруженный конфликт» и т. п. 35 % делали акцент на опасность социальной дезорганизации внутри страны: «Это подрывает стабильность в обществе»; «Экономический кризис может спровоцировать социальный упадок»; «В бедной стране высок риск разгула преступности» и т. п.

Миротворческая миссия в Сирии. Однако в 2016 г. вследствие относительной стабилизации обстановки на Украине в информационных программах федеральных телеканалов в 7 раз сократилось количество эфирного времени на освещение данного вопроса. Интерес медиа был перенаправлен в сторону Сирии, где начала осуществляться антитеррористическая миссия России против ИГИЛ (запрещенной в РФ организации) [4]. При репрезентации событий в Сирии западные СМИ, в свою очередь, делали акцент на том, что Россия является выгодоприобретателем в результате осуществления миротворческой миссии, а Сирию нередко называли «очередной колонией русских». Между тем, в конце 2017 г. вследствие завершения антитеррористической операции России в Сирии наблюдалось падение медиа-интереса к данному явлению, его исключение из «повестки дня».

Олимпийский «допинговый» скандал и «Дело Скрипалей». После триумфального выступления Сборной РФ в Сочи на Олимпийских Играх в конце 2014 г. в эфире немецкого телеканала ARD вышел фильм, в котором супруги Юлия и Виталий Степановы (Юлия входила в Сборную России по легкой атлетике, но в 2013 г. была дисквалифицированная из-за употребление допинга, а Виталий ранее работал в Российском антидопинговом агентстве (РУСАДА)) обнародовали информацию, что якобы в России среди спортсменов повсеместно используется допинг, а факты его применения тщательно скрываются. Позднее, в 2016 г., бывший руководитель Московской антидопинговой лаборатории Д. Родченков для газеты «New York Times» предоставил сведения, что в 2014 г. перед зимней Олимпиадой в России была разработана целая «Допинговая программа».

После этого по результатам независимой экспертизы Всемирного антидопингового агентства (WADA) Международный олимпийский комитет (МОК) лишил Сборную Россию 13 наград Зимней Олимпиады (как следствие, наши спортсмены в общекомандном зачете опустились с первого на третье место). А несколько олимпийцев, заподозренных в употреблении запрещенных веществ, были пожизненно дисквалифицированы. В итоге Олимпийское собрание приняло

решение допустить к Играм в Пхенчхане лишь 169 российских спортсменов (из 500 заявленных) в составе команды «Сборная атлетов из России», которым предстояло выступать под нейтральным флагом.

Весь ход скандала активно освещался западными СМИ, которые оперировали не только риторикой иронии: «Загрелись с таблетками»; «Их сила — в допинге»; «А король-то голый» и проч., но и риторикой мнимой справедливости: «Пора платить по счетам»; «Спорт вне закона» и т. д. Особенно явно это проявилось после лишения российского керлингиста А. Крущельницкого медали из-за положительной допинг-пробы. В свою очередь, Д. Родченков в презентации американских СМИ стал своего рода новым героем, пострадавшим за «правду» (по аналогии с Э. Сноуденом и его медиа-героизацией в российском поле телевидения [5]).

Термин «информационная война» не случайно применяется к данному precedенту, поскольку наблюдалась спланированная медиастратегия, дискредитирующая российский спорт в целом. Успешность диффамационной тактики была обусловлена использованием как комментариев политических акторов, так и уполномоченных экспертов — сотрудников ВАДА и руководства МОК.

Параллельно с разворачиванием олимпийского «допингового» скандала в медиа-повестке появилось так называемое «Дело Скрипалей». Зарубежные СМИ стали утверждать, что бывший российский агент, осужденный за государственную измену и высланный из страны, Сергей Скрипаль и его дочь Юлия стали жертвами умышленного отравления нервно-паралитическим газом «Новичок», к чему «с большой долей вероятности» причастна Россия. Объявив бойкот, европейские государства выслали несколько десятков российских дипломатов. Однако позднее выяснилось, что обвинения были необоснованными — «отравляющее вещество А-234 по британской классификации производилось десятком западных стран».

На основании результатов проведенного исследования можно сделать вывод, что рассмотренные социальные прецеденты правомочно являются этапами одной информационной войны, поскольку развивают явление, усиливая общее противостояние. При этом основными противоборствующими силами по-прежнему остаются Россия и США. Если в конце 2016 — начале 2017 гг. в российском медиапространстве новый Президент США Д. Трамп представлял как политик-революционер — потенциальный союзник (вероятно, данная медиастратегия обусловлена внутренним желанием сближения двух вечно конкурирующих сверхдержав и более мягкой позицией кандидата в отношении России, в отличие от его оппонента — Х. Клинтон), то уже в середине 2017 г. в результате введения нового пакета санкций в отношении РФ медиаконтролеры стали оперировать риторикой опасности: «Что будет дальше? Никто не сможет предугадать, но бояться стоит» (Первый канал); «Таких неоднозначных действий политика на посту Президента в современной истории я не могу припомнить» («Россия 1»); «Думаю, этот политик, спихивая всю вину на Конгресс, а сам, оставаясь как будто в стороне, приготовит нам еще немало сюрпризов» (HTB) [9, с. 43–44].

Безусловно, феномен информационной войны не лишен полемичности и нуждается в дальнейшем изучении. Однако сегодня можно прийти к выводу, что сохранение между Россией и США деструктивной линии взаимодействия продолжит усугублять сложившуюся ситуацию, дестабилизируя geopolитическую обстановку во всем мире, представляя опасность в результате потенциального перехода в милитаристскую плоскость.

Литература

1. Вирен Г.В. Современные медиа: Приемы информационных войн: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2017. 128 с.
2. Ефанов А.А. Извечное российско-американское противостояние, или О четырех этапах одной информационной войны в новейшей истории // Информационные войны как борьба geopolитических противников, цивилизаций и различных этосов: Сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. проф. В.Ш. Сабирова; СибГУТИ. Новосибирск: СибГУТИ, 2018. С. 217–224.
3. Ефанов А.А. Инфофриллинг как технология презентации телевизионных новостей // Журналист. Социальные коммуникации. 2018. № 1. С. 127–134.
4. Ефанов А.А. Оренбуржцы в ИГИЛ (запрещенной в РФ организации), или В поисках толерантного ответа на «исламский вопрос» (опыт оренбургских СМИ) // Современные медиакоммуникации как информационная площадка межнационального и межэтнического диалога: Материалы Международной научно-практической конференции. 1-й том. Краснодар: КСЭИ, 2017. С. 130–136.
5. Ефанов А.А. Парадигмы развития современных моральных паник // В мире научных открытий. 2014. № 3-4 (51). С. 1803–1816.
6. Ефанов А.А. Примат информационно-аналитических программ в современном поле телевидения // Коммуникация в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации» 11–13 мая 2017 г. / под общ. ред. проф. В.В. Тулупова. Ч. I. Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2017. С. 76–77.
7. Ефанов А.А. Российско-украинский кризис: была ли моральная паника? // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 2. С. 93–99.
8. Ефанов А.А. Социально-психологические последствия медиавоздействия: Монография. Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс ОГУ, 2018. 219 с.
9. Ефанов А.А. Эволюция стратегий презентации политического образа Дональда Трампа на российском телевидении // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 40–44.
10. Информационное оружие, как средство ведения информационного противоборства // ВРазведка.ру. URL: <http://www.vrazvedka.ru/main/analytical/lekt-03.shtml> (дата обращения: 20.02.2018).
11. Провинцев П.М., Лепский В.Е. Глобальная конкуренция за лидерство в сфере высоких технологий и перспективы реализации парадигмы инновационного развития на пространстве ШОС. Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на Евразийском пространстве. М.: Когито-Центр, 2014. С. 79–85.

Л.Г. Зайнулина

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ (Новосибирск)
zaynulina.liliy@mail.ru

«GO KNIGHTS GO!»: МЕДИЕВАЛИЗМ В ОРГАНИЗАЦИИ СПОРТИВНОГО БРЕНДА

В широком смысле под термином медиевализм понимаются современные интерпретации убеждений и ценностей, отождествляемых с эпохой Средневековья. Если медиевистика как наука, выступает в качестве раздела, занимающегося изучением исторического периода Средних веков, то медиевализм исследует актуализированное прошлое, которое может проявляться в различных сферах общественной жизни, включая литературу, архитектуру, кинематограф, рекламу, спорт и т. д. [3]. Средневековье во все времена притягивало внимание неоднозначностью, специфичным представлением о природе, человеке и обществе. В то же время особенности функционирования механизмов включения средневековой эстетики в современную культуру, их смысл и влияние на общественное сознание всегда зависели от социальной конъюнктуры и отражали текущую систему ценностей. Каждый исторический период содержит свой образ Средних веков, понимание которого позволяет глубже понять идеологические и эстетические основы общественных отношений.

Развитие нового этапа в истории эксплуатации образов Средних веков связано с появлением новых технологий. Масштабные трансформации в способах распространения информации оказывают значительное влияние на системы убеждений, принципы функционирования общественного сознания и т. д. [4]. Как следствие, развитие цифровых технологий открывает новые области для изучения проявлений медиевализма. В качестве примера можно привести компьютерные игры, коммуникации в социальных сетях, телевизионные сериалы. В кинематографе тема Средневековья интерпретируется по-разному, каждый фильм представляет собой особый взгляд на эпоху (см.: [2, р. 196, 198, 200]). Одной из форм массового выражения социальных интересов и глобального распространения ценностей является спорт [5]. Следовательно, проявление медиевализма в спорте может позволить понять особенности современной социальной коммуникации и мобилизации.

Целью работы является анализ особенностей проявления современного медиевализма в спорте на примере хоккейной команды НХЛ «Vegas Golden Knights» (VGK). Спортивный клуб, основанный миллиардером Биллом Фоули и вступивший в североамериканскую хоккейную лигу в 2017 г., представляет штат Невада, США. Генеральным менеджером был назначен бывший хоккеист, Джордж Макфи, которому удалось сформировать состав в короткие сроки. Первый официальный матч VGK сыграли в октябре 2017 г., а весной 2018 г. клуб дошел до финала Кубка Стэнли. Недавно появившаяся команда, апеллирующая в выборе своей атрибутики к теме Средневековья, заставила говорить о себе весь мир. В связи с этим в работе анализируются: во-первых, менеджмент клуба

(идея владельца и дизайнерский проект); во-вторых, организация предматчевых шоу; в-третьих, общественная реакция, отражающаяся в комментариях на официальных и неофициальных аккаунтах клуба в социальных сетях.

Над выбором цветовой гаммы, созданием формы и эмблемы клуба работали представители из Adidas и сам владелец клуба, Билл Фоули. При выборе названия хоккейной команды авторы принимали во внимание главную задачу — достижение постоянства, создание глобального бренда на долгие годы. Необходимо было не просто придумать название спортивной команды, а создать ассоциацию, связанную напрямую с городом. По словам директора VGK, на выбор названия повлиял его личный период жизни, который прошел в военной академии [1]. В одном из своих интервью Фоули заявил, что рыцари никогда не сдаются, а сражаются. Так же он отмечает, что выбор логотипа означает доблесть, долг и благородство, присущее рыцарям Средних веков, что обязывает команду соответствовать этим характеристикам. Важно отметить, что для создателей клуба принципиальное значение имела метафора войны: «Они станут сильными, выдающимися игроками и людьми. Такими представляются хоккеисты. Хоккеисты — солдаты». (*They're going to be strong, good players and people. That's what hockey players are. Hockey players are soldiers*).

Одной из следующих задач было создание цветовой гаммы, ассоциирующейся с Лас-Вегасом, где золото — превалирующая тема штата Невады. Логотип «Vegas Golden Knights» изображен в виде барбота, итальянского шлема, с V-образным вырезом. Создание шлема дизайнерами хоккейной команды с таким вырезом напрямую связано с концепцией клуба. Так, непосредственно барбот упоминает на название команды, выражая принципы турниров, а V-образный вырез означает Вегас. Альтернативная эмблема так же ассоциируется со Средневековой тематикой и с принадлежностью к Вегасу. На ней изображены мечи в форме звезды, что символизирует известную приветствующую вывеску перед въездом в город. Использование таких методов позволяет визуально сформировать образ команды, отличить болельщиков от других и вызвать ассоциации спорта с турниром Средневековья. Спортивная форма команды продается в общем доступе через официальный сайт, а также уже стала символом штата и продается в магазинах наряду с другими сувенирами для туристов.

Наиболее эффектная эксплуатация образов средневековья происходит во время предматчевых шоу. Перед проведением игры начинается представление на тему средневековья. На лед выезжает условная команда противников в характерных плащах, после чего из декоративных ворот замка выходят рыцари в доспехах и соответствующей экипировке. Далее, в сопровождении героической музыки и световых эффектов, разыгрывается сражение с использованием стилизованных изображений средневековых карт. Защищают свою территорию рыцари с помощью мечей, стрел и даже пушек. Зрители наблюдают грандиозное по своим масштабам шоу, которое накаляет эмоции перед состязанием и настраивает их на восприятие матча в качестве настоящего рыцарского поединка. Заключительное «сражение» противоборствующих сторон завершается окружением команды противников с помощью «огня», а затем наступает «битва», где рыцари уничтожают

противника мечом и одерживают победу. Завершаются действия торжеством рыцарей.

Вместе с тем, очевидно, что подобная популярность концепции команды и различное проявление ассоциаций с ней будут отражаться в реакции болельщиков. Например, в сети Instagram есть официальный аккаунт Vegas Golden Knights, информирующий о главных событиях команды, а также созданный для общения с болельщиками. Информация об известных всему миру благотворительных акциях «Рыцарей» распространилась через их аккаунт под хештегами, которые соответствовали произошедшему событию. Просматривая повторы игр, интервью команды, болельщикам предоставляется возможность сформировать окончательный образ клуба. Инсценированные сражения перед матчами находятся в общем доступе на сайте youtube, просмотры которых с каждым днем растут. О реакции болельщиков также можно судить по комментариям на официальных аккаунтах в социальных сетях.

Главной «кричалкой» фанатов является: «Вперед, рыцари, вперед!» (GO KNIGHTS GO!). Под постами фанаты создают так называемые мемы с фотографиями игроков. Например, фотографии дополняются изображением шлемов и мечей. Также создаются GIF-изображения, где спортсмены ликуют на фоне рыцарей с конями. О вовлеченности в происходящее позволяют судить следующие отклики: «Поклонники рыцарей, поднимите вверх свои мечи, наши храбрые рыцари одержали победу над койотами» (Raise your swords knights fans our brave knights won the battle defeated the coyotes), «Есть короли..., но есть и рыцари... Они и одержат победу!» (THERE ARE KINGS... and then there are knights. They Will prevail!), «Эти сражения словно заставляют меня пройти сквозь стену» (These fights make me want to run through a wall). Интернет-пользователи активно комментируют предматчевые шоу: «Это лучшее шоу, которое я когда-либо видел(а). Оно заставляет меня гордиться нашим городом» (It was the greatest show I've ever seen. It makes me proud of our city). С точки зрения характера эмоциональной реакции болельщиков можно выделить три типа комментариев: во-первых, выраждающие чувство солидарности «Мы все гордимся нашими золотыми рыцарями» (We all are proud of our golden knights!), «Вы самая лучшая команда! Мы самая лучшая команда! Мы сделали это вместе!» (You are the best team ever! We are the best team! We make it together!) «Ваши матчи сближают всех нас» (Your games bring us...closer!); во-вторых, выраждающих чувство агрессии: «Рыцари, я знаю, что вы сможете казнить ваших врагов!» (Knights, I know you'll behead all enemies!), «Золотые рыцари уничтожат любую команду, которая будет их противником в матче» (Golden knights will kill every team, who gonna play with them); в третьих, выраждающих ощущение избранности: «Вы по-настоящему храбрые рыцари, как и ваши фанаты» (You're really brave knights! And all your fans are too.), «Это настоящая битва доблестных рыцарей» (It's a really battle of valiant knights), «Храбрые воины — чемпионы» (Brave warriors are the champions.).

Важно отметить, что американские идеи повлияли на организацию спорта, независимо от того, имеют ли сами по себе виды спорта американский вклад, не

говоря уже об изначально североамериканской игре хоккей. Мировые стадионы для проведения хоккея выглядят как те, в которых принимают у себя лучшие американские команды. Именно через американские спортивные образы происходит процесс идеологического объединения людей в области спорта [4, р. 14]. Медиевализм в эстетике клуба привлекает не только болельщиков хоккея, но также и людей, интересующихся Средневековьем, расширяя тем самым круг зрителей и увеличивая популярность. Однако посредством медевализации бренда авторы клуба не только смогли уловить глобальный интерес к средневековью. Очень органичной оказалась связь образов средневековья и спорта. Презентация спортсменов как настоящих рыцарей — воинов, которые готовы отдать свою жизнь за родину и семью, усиливает такие важные элементы состязательности как солидарность, насилие и элитарность. Метафоризация с помощью средневековых образов легитимирует милитаризированную (агрессивную и героическую) риторику, эффективно обеспечивая мобилизацию болельщиков во всем мире.

Литература

1. Котсоника Н. В Лас-Вегасе представили форму клубов НХЛ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nhl.com/ru/news/golden-knights-uniform-unveiled/c-290029898>, свободный. (дата обращения: 10.08.2018).
2. Панфилов Ф.М. Телемедиевализм: «средневековые» сериалы конца XX — начала XXI века // Логос. 2014. С. 193–208.
3. Савицкий Е.Е. «Новый медиевализм» четверть века спустя [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/27s.html> (дата обращения: 31.08.2018).
4. Louise D'Arcens The Cambridge Companion to Medievalism// Cambridge University Press. 2016. 263 р.
5. Simon R. Sports and social values/ NJ: Prentice-Hal. INC. 1985.

Е.И. Заседателева

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
e.zasedatel@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-03-00309

Изучение жизненных интересов молодежи, в том числе сельской, может позволить спрогнозировать будущие социальные процессы. Так как представители современной молодежи родились и выросли на стыке двух социально-экономических эпох, радикально отличающихся друг от друга, их ценности и особенности жизненных стратегий могут быть диаметрально противоположны жизненным стратегиям как предыдущего поколения, чье самосознание сформировалось в предыдущую эпоху, так и жизненным стратегиям последующего поколения, которое не застало переход от одной экономической системы к другой.

Актуальность исследования заключается в том, что выявление особенностей жизненных стратегий сельской молодежи в различных областях жизнедеятельно-

сти позволит лучше понять особенности самосознания сельских жителей и использовать эту информацию в процессе помощи сельским студентам в адаптации в учебных заведениях.

На современном этапе развития общества в России происходят глубокие изменения, происходящие во всех сферах жизни. Значительные преобразования затрагивают не только макроуровень, но и микроуровень жизни общества, что оказывает всестороннее воздействие на деятельность и судьбу индивидов. В связи с этими изменениями формируются новые, измененные жизненные стратегии молодежи, с том числе и сельской, которые тесно связаны с новыми ценностями общества и нормами культуры.

Процессы социальной трансформации, проистекающие в современном российском обществе, влияют на состояние системы образования и прямым образом оказывают влияние на изменение роли образования в обществе и сознании людей. В настоящее время российская система образования представляет собой постоянно трансформирующееся явление, что связано с непрерывными изменениями в школьной программе и методике обучения, программах среднего и высшего профессионального образования, фактического исчезновения такого явления как начальное профессиональное образование. Постоянное изменение ФГОСов, внедрение новых предметов, корректировка учебных планов оказывает негативное влияние на качество образования и, как следствие, снижает количество подготовленных абитуриентов, что, в дальнейшем, снижает уровень студентов университета или учреждения среднего профессионального образования. Волить спрогнозировать будущие социальные процессы. Так как представители современной молодежи родились и выросли на стыке двух социально-экономических эпох, радикально отличающихся друг от друга, их ценности и особенности жизненных стратегий могут быть диаметрально противоположны жизненным стратегиям как предыдущего поколения, чье самосознание сформировалось в предыдущую эпоху, так и жизненным стратегиям последующего поколения, которое не застало переход от одной экономической системы к другой.

Актуальность исследования заключается в том, что выявление особенностей жизненных стратегий сельской молодежи в различных областях жизнедеятельности позволит лучше понять особенности самосознания сельских жителей и использовать эту информацию в процессе помощи сельским студентам в адаптации в учебных заведениях.

На современном этапе развития общества в России происходят глубокие изменения, происходящие во всех сферах жизни. Значительные преобразования затрагивают не только макроуровень, но и микроуровень жизни общества, что оказывает всестороннее воздействие на деятельность и судьбу индивидов. В связи с этими изменениями формируются новые, измененные жизненные стратегии молодежи, с том числе и сельской, которые тесно связаны с новыми ценностями общества и нормами культуры.

Процессы социальной трансформации, проистекающие в современном российском обществе, влияют на состояние системы образования и прямым образом оказывают влияние на изменение роли образования в обществе и сознании лю-

дей. В настоящее время российская система образования представляет собой постоянно трансформирующееся явление, что связано с непрерывными изменениями в школьной программе и методике обучения, программах среднего и высшего профессионального образования, фактического исчезновения такого явления как начальное профессиональное образование. Постоянное изменение Причиной этого может быть то, что за 40 или 45 минут урока по ФГОСу учитель тратит время на формулирование учениками цели урока, рефлексию по итогам урока, хотя это время можно было бы потратить на закрепление или более глубокое усвоение материала.

Одновременно с этим в настоящее время хорошо заметно, что, с одной стороны, переход к рыночным отношениям приводит к увеличению абитуриентов, желающих продолжить свое образование, и повышению спроса на образовательные услуги, однако, с другой стороны, это снижает общий градус подготовленности специалистов, выпускающихся из университета и, фактически, обесценивает роль образования. Изменяется понимание места, роли и ценности образования, которое происходит именно в сознании молодежи.

В связи с повышением роли образования в общемировом процессе и возрастанием роли образования именно в России, появляются тенденции возлагать надежду на образование, как на фактор, который бы сыграл немаловажную роль в возрождении российского общества, так как система образования напрямую участвует в процессе поддержания и сохранения человеческого общества и цивилизации.

Молодые люди, формируя свою жизненную стратегию, зачастую включают в нее получение высшего образования в качестве одного из основных элементов, при этом дальнейшая работа по специальности может не входить в стратегию жизни. Диплом теряет свою ценность и становится только проводником в мир профессий, в квалификационные требования которых входит наличие любого высшего образования. В условиях села данный фактор может видоизменяться, молодые люди могут получать высшее образование для того, чтобы сменить место жительства и переехать в город.

Эмпирической базой исследования выступают результаты социологического исследования, проведенного автором в 2016–2017 гг. среди студентов учреждений высшего профессионального образования г. Новосибирска. Общий объем выборочной совокупности составил 600 человек. В исследовании использовался метод анкетного опроса и индивидуального полуформализованного интервью.

Выбор исследуемого эмпирического объекта определяется непосредственно задачами исследования и обусловлен тем, что именно студенты учреждений высшего профессионального образования, приехавшие для получения образования из Новосибирской области или других регионов, могут наиболее полно проиллюстрировать картину мотивов получения ими высшего образования.

Большая часть респондентов составляет возрастную группу 21–24 года (45,17 %), вторая по численности возрастная группа – 18–20 лет (35,5 %).

Большая часть молодых людей — девушки (64,83 %), юноши составили 35,17 % от выборочной совокупности. На момент поступления в университет у большинства молодых людей было среднее образование.

Больше половины респондентов (51,17 %) поступили в университет, чтобы получить специальность, на втором месте вариант ответа «потому что так положено» (25,33 %). Выбором специальности скорее довольны 46,5 % опрошенных, не довольны специальностью 24,17 % респондентов.

33,83% респондентов скорее планируют работать по специальности, затрудняются ответить 29,17 % опрошенных. 40,17 % респондентов считают, что по их специальности можно работать и в городе, и на селе, специальность, по которой можно работать только в городе выбрали 31,5 % опрошенных. Из них 54,63 % респондентов хотели поступить именно на эту специальность, а 34,03 % хотели остаться в городе после окончания обучения. После окончания обучения остаться в городе планирует большинство молодых людей — 61,83 %.

В полуформализованных интервью респонденты говорили о том, что они поступили в университет, чтобы освоить специальность, которая им нравилась по предварительно полученной информации, они возлагали надежды на получение образования. В качестве дополнительных мотивов один респондент сказал, что «хотелось пожить в городе» и двое респондентов хотели «вырваться из-под родительского контроля».

Для большинства респондентов карьерный рост имеет некоторое значение (49,17 %), на втором месте по популярности вариант ответа о том, что карьерный рост важен (34,17 %). Совершенно не важен карьерный рост только 4,33 % респондентам.

53,67 % респондентов не готовы работать за низкую зарплату больше, чем нарабатывают небольшой стаж, 27,83 % опрошенных не готовы работать за низкую зарплату в принципе.

75,17 % респондентов не готовы начать свою карьеру с минимальной зарплаты, но готовы начать с зарплаты, ниже средней. Готовых начать работать за минимальную зарплату (8,83 %) и людей, которым важно сразу получать хорошую зарплату (13,17 %) примерно равное количество.

Планируют в будущем подрабатывать по специальности во время учебы 40,83 % опрошенных, 32,33 % не подрабатывают, 23,67 % уже подрабатывают по специальности. Считают целесообразным подрабатывать во время учебы 78,67 % респондентов. Из тех респондентов, кто подрабатывает во время учебы, большинство считает, что подработка незначительно мешает их учебе (40,85 %), примерно одинаковое количество опрошенных ответили, что подработка им мешает (26,06 %) или не мешает совершенно (25,35 %).

40,14% респондентов считают, что для них приоритетнее подработка, нежели учеба, так как она приносит деньги, 27,46 % респондентов считают, что для них приоритетнее подработка, так как она дает возможность приобрести опыт работы. Учеба приоритетнее 22,54 % респондентам.

На вопрос, что для респондентов приоритетнее, получение знаний или диплома, 29,83 % респондентов ответили, что для них приоритетнее знания, 32 %, что диплом, 36 %, что знания и диплом в равной мере.

В интервью респонденты говорили о том, что им довольно важен карьерный рост. По мнению респондентов, это естественный процесс, который происходит, если человек работает не на себя.

Таким образом, можно сделать вывод, что для сельской молодежи важно получение специальности, карьерный рост имеет некоторое значение, они готовы начать свою карьеру с зарплаты, чуть выше минимальной и считают целесообразным подрабатывать во время учебы.

Различие между жизненными стратегиями сельской и городской молодежи может заключаться в том, что сельская молодежь, во-первых, должна решить, будет ли она уезжать в город для получения образования или для нее это не является необходимым, а, во-вторых, решить, будет ли молодой человек возвращаться в сельскую местность после окончания учебы или он посчитает для себя правильным остаться в городе. Жители городов не сталкиваются с подобной проблемой и им не приходится находить для себя ответ на этот вопрос.

Е.М. Лбова

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
kate.lbova@gmail.com

РЕФОРМА РАН И ПРОБЛЕМА ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

С момента распада СССР в 1991 г. вплоть до реформы РАН в 2013 г. российская наука постоянно трансформировалась, подстраиваясь под требования новой экономической системы. Возникшие, в связи с этим факторы — отход от старой модели организации исследовательских процессов, сокращение количества институтов и научных работников, ограничение финансирования — воспринимались научным сообществом негативно. Также, вплоть до 2013 г., система управления наукой оставалась советской. Она заключалась в первоочередной роли Академии Наук в решении вопросов, связанных с имуществом и распределением финансовых средств. С одной стороны, это позволяло ученым продолжать «свободные» исследования за счет бюджетного финансирования без необходимости строгой отчетности, с другой стороны «замкнутость» науки отсекивала столкновение с реалиями рыночной экономической системы [6, с. 29].

В то же время в мировой науке установились свои стандарты оценки эффективности исследований, возводящие в приоритет библиометрические и научометрические критерии. Отечественные ученые столкнулись с проблемой соответствия новым глобальным требованиям. Согласно недавнему указу Президента РФ, к 2024 г. необходимо увеличить долю публикаций российских ученых в иностранных научных изданиях до 2,44 % [4] и обеспечить присутствие РФ в числе пяти ведущих стран мира, «осуществляющих научные исследования и раз-

работки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития» [5]. За короткий промежуток времени отечественным ученым нужно не только стать частью глобальной научной системы, но и «обогнать» признанных лидеров. Естественно, это вызывает неоднозначную оценку научного сообщества, которую можно проследить по серии полуструктурированных интервью с сотрудниками СО РАН, собранных нами в 2018 г. Целью данного исследования является анализ отношения ученых-гуманитариев к изменениям 2000-х – 2010-х гг., затронувших творческую составляющую научной работы, а именно процесс написания и публикации научных результатов.

Советская схема организации научных процессов, сохранившаяся частично и в 1990-е гг., подразумевала «научную свободу». В этот период ученые-гуманитарии не были стеснены жесткими требованиями по количеству статей и занимались тем, что им было интересно. Однако, чаще всего это происходило «на энтузиазме» и на основе «исследовательского задела, сделанного еще при социализме». Невысокие зарплаты и отсутствие перспектив вынуждали молодежь уходить из «научной сферы из-за финансового положения».

Ситуация начала меняться в 2000-е гг. Необходимость институциональных перемен в науке была обозначена в «Концепции государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества» в 2000 г. Для соответствия российской науки современным глобальным стандартам в документе были прописаны основные стратегические задачи: «сохранение и развитие научного и инновационного потенциала; создание экономических условий востребованности науки» [1, с. 17], а также наращивание международного научно-технического сотрудничества. Поскольку одним из основных критерии результативности в мировой науке является количество публикаций, то возникла необходимость создания объективной системы оценки и анализа публикационной активности и цитируемости отечественных ученых. В 2005 г. на платформе Научной электронной библиотеки появилась национальная информационно-аналитическая система Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), содержащая информацию необходимую для анализа работы исследователей [3, с. 102].

Для поддержки публикационной активности, Министерством образования и науки РФ были введены надбавки стимулирующего характера¹. Речь идет о «показателе результативности научной деятельности» (ПРНД). ПРНД, вкупе с совершенствованием системы оплаты труда научных работников² способствовали существенному увеличению количества отечественных публикаций. По мнению одного из респондентов: «ПРНД было хорошей инициативой, побуждающей

¹ См.: Положение о надбавках стимулирующего характера Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 03.11.2006 г. № 273/745/68 «Об утверждении видов, порядка и условий применения стимулирующих выплат, обеспечивающих повышение результативности деятельности научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук».

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2006 г. № 236 «О реализации в 2006–2008 гг. pilotного проекта совершенствования системы оплаты труда научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук».

писать». При этом новая мера стимулировала в большей степени написание монографий, а не статей, поскольку за них «давали больше баллов». Проблемы импакт-фактора журнала не существовало. Любая научная публикация, вышедшая в издании с ISSN¹, учитывалась в научном отчете. Отсутствовали жесткие требования и по количеству публикаций в год.

Меры, предпринятые Правительством РФ и Министерством образования и науки РФ в 2000-е гг., позитивно повлияли на увеличение количества отечественных публикаций. Однако, отсутствие требований по количеству публикаций и к их качеству привело к ряду проблем. Одна из них существует до сих пор и состоит в ориентации автора на публикацию в локальном журнале. Как результат: «минимальное количество обменов между городами и институтами; замыкание отдельных организаций на цитировании издания, близкого по институциональным основаниям» [2, с. 158]. Помимо этого, оставались научные сотрудники, у которых за год не выходило ни одной публикации и это не влияло на вопрос сохранения за ними рабочего места.

Перемены, произошедшие в следствие реформы 2013 г. должны были отчасти решить эти проблемы. Обозначение четких требований по количеству и качеству статей — публикация в журналах с высоким импакт-фактором, в международных базах данных — «возымело действие на неэффективных сотрудников». Количество публикаций возросло. Согласно статистике общая доля российских научных публикаций в международных научных журналах выросла с 2,08 % в 2010 г. до 2,45 % в 2016 г. [4]. Однако, большинство статей, выходящих в международных изданиях, относилось и до сих пор принадлежит к естественным и техническим областям наук. Связано это с тем, что глобальная научная система ориентирована прежде всего на упомянутые области знания. Ни за рубежом, ни в России специфике публикационного процесса результатов гуманитарных исследований не уделяется должного внимания [9, с. 214]. Ученым-гуманитариям сложнее подстроиться под современные требования. Для их работы характерны следующие специфические черты: объем статьи по гуманитарным наукам в среднем выше, чем по естественным; большое количество ссылок на монографии, а также частое цитирование «классических» работ и источников, не входящих в информационно-аналитические системы и международные базы данных [7, с. 91–95]. В директивах, спускаемых сверху, эти особенности не учитываются и ученым приходится «отсекать более интересные и широкие проблемы», меньшее внимание уделять качеству текста. Также отмечается тенденция сокращения количества бесплатных журналов, рецензируемых ВАК и повышение требований к оформлению статей. Нынешнее положение характеризуется респондентами как «несвободное творчество».

Таким образом, можно выделить два этапа изменений, по-разному, воспринимаемых гуманитарным научным сообществом. Институциональные перемены в науке 2000-х гг. оцениваются учеными положительно. В этот период, наряду с улучшением материального положения исследователей, была сохранена свобода творчества и научного поиска, характерная для советского времени. Появление

¹ ISSN (англ. International Standart Serial Number) — международный стандартный серийный номер.

жестких требований по количеству и качеству публикуемых материалов после реформы РАН 2013 г. негативно сказались на творческом процессе написания статьи в гуманитарных науках. В заключение, приведем слова одного из реципиентов, характеризующие отношение к нынешней ситуации: «применять принципы менеджмента к науке нужно, но с учетом специфики работы ученого».

Литература

1. Аблажай А. М. Воспроизведение науки в современной России. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006.
2. Губа К.С. Академические журналы: воспроизведение локальных reputаций // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1 (13). С. 152–163.
3. Ефимова Г.Э. Анализ эффективности научометрических показателей при оценке научной деятельности // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 101–108.
4. Майские указы. Досье [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/5182355> (дата обращения: 15.09.2018).
5. Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/57425> (дата обращения: 15.09.2018).
6. Салтыков Б. Реформирование российской науки: анализ и перспективы // Отечественные записки 2002. № 7. С. 27–41.
7. Тихонов В.В. Российская историческая наука и индексы научного цитирования // Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). С. 89–106.
8. Хикс Д. Не стригите всех под одну гребенку: эволюция национальных систем оценки и публикаций в социальных науках // Научная периодика: проблемы и решения. 2015. № 5. С. 213–224.

Д.М. Магомедов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН (Махачкала)
m.daniyal@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Родной язык является средством приобщения к духовной культуре и литературе, основным каналом социализации личности, приобщения ее к культурно-историческому опыту человечества. Умение общаться, добиваться успеха в процессе коммуникации, высокая активность определяют достижения человека практически во всех областях жизни.

В настоящее время как никогда важно, чтобы люди приобщались к общечеловеческим ценностям через призму национальных культур, учились межличностному и межкультурному общению. В свою очередь, это придает особую значимость языковому и культурологическому образованию, а также изучению, распространению и обобщению передового опыта в этой области.

За последние десятилетия в Российской Федерации наблюдается небывалое по своей масштабности и глубине возрождение национального самосознания, происходящее одновременно и в противовес охватившей все западное по-

лушарие глобальной интеграции. В результате этих взаимоисключающих и диаметрально противоположных процессов у жителей страны, некогда позиционировавшей себя эталоном светской гражданственности, резко актуализировалось внимание к проблемам национального самосознания, межэтнической толерантности и конфессионального взаимопонимания. Не обошла данная тенденция стороной и Республику Дагестан, в особенности сферу образования, максимально сопряженную с областью этнокультурного взаимодействия [2, с. 158].

Сегодня одним из основных приоритетов образовательной политики республики является сохранение национальной идентичности, расширение сфер согласия и доверия между народами, населяющими Республику Дагестан.

Для достижения этих целей в Республике Дагестан ведется кропотливая работа по формированию культуры межнационального общения среди подрастающего поколения. И сейчас как никогда необходима всесторонняя поддержка со стороны родителей и общественности. Однако в последнее время приходится все чаще сталкиваться с такой ситуацией, когда родители школьников сами выступают против изучения родных языков, мотивируя соображениями «целесообразности в дальнейшей жизни» [1, с. 95].

Сегодняшнее состояние дагестанских языков следует охарактеризовать как критическое. С одной стороны, звучат бесконечные призывы к изучению родного языка горожанами, не знающими его, с другой — реальная невозможность создать даже минимальные экстралингвистические условия, которые бы стимулировали желание или необходимость знать его. Забвение родного языка, как справедливо считают специалисты, озабоченные состоянием экологии языков малочисленных дагестанских народов, ведет к отходу от культуры и традиций своих предков, к эрозии генофонда этноса. В то же время подобная критика не учитывает объективных обстоятельств утраты индивидом, семьей или целой диаспорой своего родного языка.

Субъективных причин, драматизирующих языковую ситуацию, немало. В Дагестане, например, вызывает серьезную тревогу такое положение, когда многие начальные школы в сельских районах отказываются от программы для национальных школ, где обучение должно вестись на родных языках, и переходят на городскую программу обучения. Таких школ в 2015 г. в Дагестане уже более пятисот. Не лучше обстоит дело с обучением родным языкам и родным литературам в городских и поселковых школах со смешанным национальным контингентом учащихся. Разумеется, здесь существенно сказывается роль урбанизационных и миграционных процессов.

Уроки родного языка нередко становятся статьей дохода: ими восполняют чью-то нагрузку, поддерживают пенсионеров. Уроки родного языка и литературы в некоторых школах преподаются учителя без соответствующей специальности. Такие попытки уже предприняты в некоторых районах. Это опасная тенденция, которая приведет к потере родных языков. Тут нужен особый, жесткий разговор.

Можно представить себе отношение к родным языкам и родным литературам в городских и поселковых школах со смешанным национальным континген-

том учащихся. Разумеется, здесь существенную роль играют урбанизационные и миграционные процессы. К сожалению, даже национальная интеллигенция в Дагестане и в семье, и на службе, и на свадьбах, да и везде, общается между собой на русском — и не всегда чистом — языке.

К сожалению, в системе общего образования не решены вопросы должного обеспечения преподавания родных языков и литературу учебной и учебно-методической литературой. Например, в последние десятилетия не издаются в необходимом количестве учебники по родным языкам и литературам для дагестанских национальных школ. В связи с этим учащиеся, осмысливая лишь отдельные литературные явления, приобретают недостаточные знания о творчестве писателей и произведениях как элементах культуры (не определяется их место в ряду других), не получают целостного представления об историко-литературном процессе, закономерностях развития национальной литературы. Усугубляет сложившуюся ситуацию недостаток современных методических пособий для учителей по родным языкам и литературам.

В последние десятилетия ученые обращают внимание на размытие литературных норм дагестанских языков, сокращение числа говорящих на них, ухудшение качества владения национальными языками и целый ряд других неблагоприятных явлений, вызывающих по меньшей мере озабоченность.

Не менее важным представляется решение задачи создания на федеральном уровне единых примерных программ по родным языкам и литературам, которые будут служить ориентиром для составления рабочих программ. В них необходимо определить специфику учебных предметов и основное содержание с перечнем разделов, разработать рекомендации по оснащению учебного процесса, прописать личностные, метапредметные, предметные результаты изучения курсов, место в базисном учебном плане и формы контроля уровня образования. Речь идет о создании инструментария, которого не хватает для представления дагестанских языков в электронном виде: электронных словарей под открытыми лицензиями, систем проверок правописания, синтезаторов речи, поисковых систем, систем распознавания, необходимого информационно-методического пакета, обучающих компьютерных программ и электронных учебников, общедоступных хранилищ информационных материалов, пакетов образовательного программного обеспечения, локализованных на дагестанские языки.

К сожалению, сила происходящих глобализационных процессов такова, что под угрозой ассимиляции находится большинство языков малочисленных народов Дагестана. Сегодня каждый мыслящий человек должен осознавать, что, отказавшись от родного языка, мы косвенно признаем ущербность своего собственного народа.

Таким образом, проблемы в национальном образовании, несмотря на регулярные дискуссии и противоречия, постепенно решаются и актуализируются по мере развития общества. И это закономерно. Без надлежащего внимания к этим вопросам может произойти перерождение целостной нации в ассимилированное население.

Национальное образование, являясь основой формирования многоязычной личности, во главу угла должно ставить принципы единства этнокультурных ценностей и соответствовать требованиям времени. Такие проблемы изучает лингвокультурология – отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. В центре внимания лингвокультурологии является человек, рассматриваемый как носитель языка и культуры, его фоновые знания, национально-специфические, поведенческие нормы, делающие его представителем данной культуры. Проблемы, касающиеся функционирования и изучения языка в многоязычном обществе, рассматриваются на фоне общей картины языковой ситуации, компонентами которой являются статус языка, языковая политика, языковые компетенции, ценностные ориентации носителей языка, составляющие языковой портрет социума [3, с. 29].

Теоретическое осмысливание данной проблемы неразрывно связано с целью и задачами науки лингводидактики: стремление ученых-методистов найти наиболее рациональные методы преподавания дагестанских языков через лингвокультурологическое содержание упражнений на уроках родного языка. Перед современной школой стоит задача формирования и развития продуктивного билингвизма и полилингвизма, формирования языковой личности. Эта проблема в настоящее время приобретает особую остроту: двуязычие в нашем многонациональном государстве должно стать нормой для каждого человека. Владение наряду с дагестанскими и русским языком как важнейшим средством межнационального общения, средством приобщения к культурным достижениям народов и к мировой культуре является жизненно необходимым [4, с. 18].

Осуществление данной задачи зависит от эффективности преподавания дагестанских языков в школе, в первую очередь на начальном этапе, так как в этот период закладывается фундамент, на основе которого строится весь дальнейший процесс овладения языком и его культурой, создается положительный психологический настрой, формируется интерес к ним. Лингвокультурологическая ориентация в обучении требует от учителя приобщить учащихся не только к знанию слова, но и к феномену материальной и духовной культуры, в которой отражается история народа, его менталитет в культурно-исторической среде, формирующей языковую личность. Посредством упражнений, содержащих лингвокультурологический материал, учитель сможет помочь созданию языковой картины мира, познакомить с лексикой, фразеологизмами, текстами, отображающими культуру дагестанских народов. Процесс формирования лингвокультурологических понятий на уроках родного языка тесно связано с воспитанием любви к родной культуре, уважительным отношением к языкам и культурам других народов, приобщением их к мировой культуре.

Сегодня с особой остротой актуализируется значимость лингвокультурного образования, обеспечивающего духовно-нравственное становление личности, формирование лингвокультурной самоидентификации.

Поскольку языковая ситуация в сфере образования в Республике Дагестан характеризуется многоязычием, требуется разработка целостной концепции

билингвального лингвистического образования [5, с. 320]. Лингвистический цикл представлен в школах Республики Дагестан русским языком, дагестанскими и иностранными языками. Разрабатываемая в республике лингвокультурологическая концепция обучения опирается на основы обучения языкам, в то же время она предполагает лингвокультурологические основы и опирается на основные понятия науки лингвокультурологии. Полилингвистическая языковая личность – это человек, владеющий несколькими языками. В Республике Дагестан это, как минимум, владение родным языком, русским языком как средством межнационального общения и одним из европейских языков как средством международного общения (английским, французским, немецким), а также одним из восточных языков (арабским, персидским).

Литература

1. Магомедов Д.М. Национально-русский билингвизм в Дагестане // Проблемы преподавания русского языка в условиях билингвальной начальной школы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции 28 апреля 2016 года. Грозный, 2016. С. 94–102.
2. Магомедов Д.М. Сохранение языковых и этнокультурных ценностей народов Дагестана как средство сохранения национального самосознания // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию научно-исследовательского института). Магас, 2016. С. 156–159.
3. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М.: Наука, 2010. 182 с.
4. Магомедов М.И. Современные проблемы русско-дагестанских языковых отношений // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России. Элиста, 2009. С. 16–19.
5. Магомедов М.И. Этноязыковые проблемы и пути их решения в Республике Дагестан // Взаимодействие народов и культур на юге России: история и современность. Ростов-на-Дону, 2008. С. 67–68.

С.А. Мадюкова, О.А. Персидская

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
sveiv7@mail.ru, olga_alekseevna@mail.ru

ЭРЗАТИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: ОПЫТ ТУВЫ

Работа выполнена в рамках раздела

«Этнокультурные механизмы пространственного развития Сибири»
междисциплинарного проекта «Экономико-географические, этнокультурные
и историко-демографические механизмы пространственного развития Сибири»
Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН II.1.

Культура этнической группы как совокупность устойчивых и воспроизведящихся форм ее жизнедеятельности содержит комплекс разделяемых группой смыслов, установок, стереотипов и практик, а также обширный набор ценностей и является основой идентичности этнофора. Этническая культура не может рассматриваться как застывшая форма — она живет и развивается по своим

имманентным законам, в то же время гибко приспосабливаясь к условиям среды, в которой существует этническая группа. Важной зоной этнокультурного пространства является традиционное наследие, выраженное в словесном и музыкальном народном творчестве, компонентах духовной и материальной культуры. Традиционная этнокультура может трансформироваться, адаптироваться к меняющимся условиям. Так, может меняться сфера существования этнических традиций (от приватной, семейной — в публичную сферу массовых мероприятий), вектор их наследования (от детей, узнавших о традиции из публичных источников — к родителям), функциональная нагрузка (подчас завязанная на этническую идентичность и обладающая рядом этнодифференцирующих характеристик). Часть этнокультурных традиций, не обладающих этими свойствами или утратившие их, некоторое время могут воспроизводиться «по инерции», но затем уступают место другим, более актуальным в современности. Динамику традиционной этнической культуры можно наблюдать, например, в естественном отмирании некоторых видов художественной деятельности, которое происходит в связи со снижением или исчезновением потребности в вещественных проявлениях традиционного в связи с модернизацией, сменой образа жизни. Так уходят в прошлое традиционная одежда, обувь, элементы традиционного быта.

Но в данном исследовании мы оставляем за рамками отмирающие этнокультурные традиции, фокусируя внимание на трансформации жизнеспособных традиций как одной из значимых характеристик современного состояния этнокультур в регионах России. При этом для нас особый интерес представляет характерная для современности трансформация функциональной нагрузки традиционного, а именно, переосмысление в современном мире объектов традиционной культуры в коммерческой нише и нише индустрии развлечений.

Одним из значимых проявлений такой «переосмыленной» культуры является изготовление «традиционных этнических» одежды и украшений с использованием современных технологий и не аутентичных материалов в основном для выставок, культурных мероприятий, концертов фольклорных коллективов, а также для продажи туристам. Характеризуя ситуацию с выпуском традиционной одежды тувинцев-тоджинцев в Республике Тыва, эксперты отмечают, что «в отраслях культуры работают не тувинцы-тоджинцы и не понимают в шитье и декорировании национального костюма этноса. В старину тувинцы-тоджинцы летом одевались в кожаные одежды без меха, а зимой в меховые. Основная же масса тувинцев шьют и надевают национальные костюмы из шелка. Тувинцы-тоджинцы в жизни не надевали шелковые наряды. Правильный костюм тувинцев-тоджинцев не восстанавливают, его мы утрачиваем. Власти на это внимания не обращают, о восстановлении даже речи нет» [4]. В производстве традиционных этнических ювелирных украшений в Туве ручной труд часто уступает место полуфабрикатам, изготовленным прокаткой, штамповкой — такие меры необходимы для удешевления процесса производства и повышении объема выпуска продукции [2, с. 152]. Все это заставляет говорить об эрзатизации (упрощении, схематизации) традиционного этнического, об изменении области функционирования традиции — она живет не в пространстве жизнедеятельности этнической

группы, а как искусственно созданный маркер, символ этнического для зрителей, туристов, потребителей «этнического контента». При этом неизбежно утрачивается, нивелируется сакральная составляющая традиционных предметов. Показательным примером размывания традиционного сакрального содержания при сохранении «формы» (в прямом и переносном смысле) является строительство этнотуристических комплексов в виде юрточных городков с юртами-столовыми, юртами-номерами эконом- и премиум-класса, оснащенными душевыми кабинами, кондиционерами и wi-fi. В Туве это, например, пользующийся большой популярностью туристический комплекс «Алдын Булак».

Создание и продвижение этнических музыкальных коллективов, их гастролирование, а также популяризация горлового пения как особого фольклорного жанра Тувы на первый взгляд кажется наиболее успешно адаптированной формой традиционного в современном мире. Однако следует обратить внимание на ряд специфических особенностей «современной традиционной этнической» музыки. Несмотря на то, что «auténtичный фольклор не есть рыночный продукт... Истинный фольклор привязан к образу жизни и ландшафту» [5, с. 136], необходимость аранжировать традиционное звучание музыки для придания ей привычного для восприятия большинства звучания приводит к тому, что она теряет истинные черты народного исполнения. Музыковед В. Сузукей отмечает, что, с одной стороны, горожанина, и тем более иностранца, привлекает именно необычность тувинской музыки. С другой стороны, утверждает она, «на все, что связано с кочевнической культурой, важно смотреть сквозь призму восприятия жителя юрты. Горожанин, выросший в четырех стенах, воспринимает мир по-другому, он не умеет слышать звуков природы так, как кочевник в своей юрте» [3, с. 144]. Во-вторых, современная «национальная» музыка качественно отличается от традиционной уже в период обучения игре на национальных инструментах. Обучение в музыкальных училищах и консерваториях на отделениях национальной музыки происходит на адаптированных под оркестровые инструментах, на основе нотной грамоты, тогда как традиционное музыкальное «образование» осуществлялось путем наблюдения и подражания. В. Сузукей заключает, что в результате бывают «подготовлены не народные исполнители, а какие-то эрзац... Они настолько отходят от традиционной, чисто тувинской музыки, что народного там близко не остается... И инструменты, на которых их учат, тоже не традиционные, а усовершенствованные. Остается только название „Отделение тувинских национальных инструментов“. А по сути, это не национальная музыка» [3, с. 152]. Отдельно стоит упомянуть, что доступность в интернете, в социальных сетях этнической музыки приводит к «массовизации уникального», нивелируя ее специфиность, превращая в популярный, массовый продукт сферы развлечений. Согласимся с мнением М.В. Шапошникова, что «еще 25 лет назад эта музыка была известна лишь элитарным искателям музыкальной экзотики, а сегодня горловое пение стало востребованным видом музыкального искусства» [5, с. 137]. При том, что тувинское горловое пение, безусловно, является брендом, сделавшим Туву известной на мировом уровне, однако, необходимость соответствовать общепринятым стандартам противоречит

самой глубинной идеи, самой философии тувинской музыки. Таким образом, профессиональные аранжировки этнической музыки приводят к размыванию собственно этнического в ней и ее «нормализации».

Мы не утверждаем, что описанные нами процессы с традиционными тувинскими одеждой, украшениями, музыкой представляют собой единственную сферу бытования традиционной этнической культуры тувинцев в современных условиях. Также отметим, что такая ситуация, разумеется, не является уникальной — похожие процессы можно зафиксировать и в других регионах России и мира, а также в других областях бытования традиционных этнических культур (книгоиздании, обрядах жизненного цикла, фольклорном театре и пр.). В данном исследовании, скорее, сделана попытка проблематизировать одну из сторон жизни традиции в современном мире.

Описанные нами процессы достаточно жестко обобщает В.М. Воронков: «наблюдаемые сегодня попытки „возродить“ (фактически же — сконструировать из обрывков знаний о прошлом) прежние традиции представляют социологический интерес сами по себе лишь как образцы инсценировки. Эти карикатуры на прошлое суть продукты чистого конструирования. Трансмиссия традиционных ценностей через социализацию новых поколений была разрушена, да и жизнеспособность сконструированных образцов ничтожна в условиях совершенно другого в сравнении со временем бытования традиционного общества исторического контекста» [1, с. 231]. В позиции автора, как представляется, не вполне учитывается, что единственно возможным способом существования этнических традиций в современных условиях является их видоизмененное, адаптированное к современным реалиям состояние. Однако где проходит та тонкая грань между адаптированной этнической традицией и экземпляром эрзац-культуры, воспринимаемым как нечто экзотичное, противоположное по своей сути глобализационным, масскультурным ценностям? Как соблюсти баланс между сохранением исконно традиционного, сакрального и созданием экономически выгодного, массового, но «этнически брендированного» товара? Возможно ли соблюсти это баланс?

Литература

1. Воронков В.М. Доминирование неписаного права и особенности (пост)советской публичной сферы // Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции / отв. ред. А. Н. Мануйлов. Краснодар: РИЦ «Вольные мастера», 2001. С. 227–234.
2. Кыргыс Э.К. I Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья (24–27 июля 2016 г., г. Кызыл) // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 146–156.
3. Ламажаа Ч.К. Валентина Сузукей: как бороться с европоцентризмом в центре Азии? // Новые исследования Тувы. 2009. № 1-2. С. 138–154.
4. Тарбастаева И.С. Алтай и Тува: Красавица и дикарка // Новые исследования Тувы. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_21/6975-tarbastaeva.html (дата обращения 12.01.2018).
5. Шапошников М.В. Тувинская музыка и World Music // Новые исследования Тувы. 2017, № 2. С. 122–141. DOI: 10.25178/nit.2017.2.5.

А.Е. Пискунова

Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета (Новокузнецк)
alexpiskunova@mail.ru

«СИБИРЬ КОМИЧЕСКАЯ»: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Данная статья посвящена исследованию комических текстов о Сибири и сибиряках, функционирующих в Интернет-коммуникации. Актуализация данной темы обусловлена масштабными трансформациями, происходящими в современных обществах.

XXI в. начался с широкого внедрения глобальной компьютерной сети, которая преобразует информационно-коммуникативное пространство, порождая его новую конфигурацию и обуславливая изменение характера социального взаимодействия. Специфика сетевой коммуникации определяется обособленностью виртуального пространства и времени от повседневности, свободой самовыражения, позитивной эмоциональностью, а также глобальностью, интерактивностью, гипертекстуальностью, мозаичностью [4]. Вместе с тем виртуальная жизнь в мире Интернета как своеобразная форма массовой коммуникации имеет игровой характер, отличается карнавальностью, маскарадностью, что обусловлено анонимностью общения и отсутствием ограничений [6].

Характерные свойства нового коммуникативного пространства способствуют достижению комического эффекта. На основе особых возможностей Интернета формируются и активно функционируют новые комические тексты и жанры, специфика которых заключается не только в комической направленности, но и в их творческом характере, определяемом использованием нестандартных (в том числе и неверbalных) средств и возможностью переосмыслиния в процессе многократного воспроизведения, переработки и интерпретации.

Категория «комическое» является одной из основных эстетических категорий. В современных исследованиях наблюдается междисциплинарный подход к изучению проблемы комического, опирающийся на данные эстетики, философии, психологии, антропологии, лингвистики, литературоведения и др. наук. Сложность и многогранность явления, требующего многоаспектного изучения, обнаруживается в значительном количестве теорий комического, существующих в настоящее время. Общим для различных концепций является закрепление за комическим статуса категории, фиксирующей противоречия в явлении, наличие второго смыслового плана, связанного с первым ассоциативными и/или смысловыми отношениями. Комическое трактуется как некая аномальность, вскрытие которой обуславливает обман ожиданий, сложившихся у реципиента, и появление специфической конфликтной ситуации, которая разрешается с помощью особой человеческой реакции — смеха [3]. Разделяя мнение ученых по трактовке термина «комическое», в данной работе используется следующее определение: это категория эстетики, выражающая в форме осмеяния исторически обусловленного (полного или частичного) несоответствия данного социального явления, деятельности

и поведения людей, их нравов и обычаев объективному ходу вещей и эстетическому идеалу прогрессивных общественных сил.

Отметим, что комическое не относится к внутренним свойствам объектов действительности: комический референт не налицоует сам по себе, а познается как таковой, возникает в конкретной ситуации в результате когнитивной обработки действительности конкретным мыслящим субъектом. Выбор комического объекта зависит от мировоззренческой позиции человека, от эпохи, в которую он живет, от его культуры [5].

В рамках настоящей статьи остановимся на таком виде комического, как юмор. Его своеобразие связано с тем, что из интеллектуально постигаемого несоответствия между претензией явления и его действительной сущностью юмор сочетает внешне комическую трактовку с внутренней серьезностью, настраивая на постижение истины. Благодаря Интернету в активно развивается особый вид юмора, за счет существования и распространения в Сети получивший свое название «сетевой». Его основными особенностями являются высокая скорость распространения шуток, использование различных каналов коммуникации (добавление изображений, аудио-, видеоряда, гиперссылок), небольшой объем шутки, использование сленга и ненормативной лексики, индифферентное отношение к орфографии и пунктуации русского языка [2].

Также на сегодняшний день ключевыми аспектами социальной трансформации являются глобализация и локализация, развитие и интенсификация глобальных миграций [1]. Следствием этих процессов можно указать следующие изменения в организации социальной жизни: кризис национальных государств и возникновение новых солидарностей, организующихся без привязки к государственным границам; возникновение глобального культурного пространства, что влечет за собой как «унификацию» культурного пространства, так и «актуализацию» локальных культур и образов жизни в ответ на вызовы глобализации; развитие глобальных миграций, а также интенсификация и усложнение информационных обменов благодаря новым медиа: в том случае, когда нет физической возможности переехать, развитие средств массовой информации и средств передвижения развивает способность помыслить себя в разных частях физического и социального пространства.

На фоне обозначенных тенденций особый интерес вызывает Сибирь как обширный географический регион, вопрос о месте и роли которого в составе России имеет длительную историческую традицию. Особое geopolитическое, экономическое и социокультурное качество и значение Сибири стало устойчивым стереотипом в СМИ и вошло во множество социокультурных конструктов. Восстановление культурных коннотаций и определенных ассоциативных связей оказывается необходимым для достижения нужного коммуникативного эффекта при реализации речевых жанров пространства Интернет, объединенных комической направленностью. По нашим предположениям, комические тексты являются важными агентами конструирования «сибирской». В очерченном контексте в данном исследовании нас интересует функционирование комических текстов о Сибири в Интернет-коммуникации.

Создание тематических сайтов, комментарии, постинг и ведение личного аккаунта в социальных сетях предоставляют широкие возможности для вербального выражения комического. В шутках о Сибири активно эксплуатируются климатические условия Сибири: «В Сибири теплее, чем в Москве. Если хорошо одеться», «В Сибири вообще лето теплое, можно в рассстегнутом пуховике ходить...», «А вы знаете, что такое – 50 в Сибири? Это когда ты лежишь iPhone, чтобы ответить на звонок!». Природа вносит большой вклад в социализацию сибиряка и определяет его особый, «сибирский характер»: «Сибиряк на 80 % состоит из снега. Это многое объясняет», «В Сибири зима считается начавшейся, когда мужики, выходя на балкон покурить, надевают кроме трусов шапку-ушанку». Однако воспроизведение подобных устоявшихся стереотипных представлений о сибиряках в некоторой степени осмысливается авторами контента: «Я живу в Сибири, и когда я говорю, что я из Сибири, мне пытаются налить водки. Необъяснимо», «Да, медведи на улицах, да, морозы летом. Спорить бесполезно, уже не переубедишь».

Комически отображается исторически сложившаяся практика «использования» Сибири как места ссылки: «— Ты откуда? — Родина интернета. — ?? — Сибирь. В старину сюда вели все ссылки», «— Ты куда этим летом собираешься? — Да, наверное, в Сибирь мотнусь! — Тебе что, делать нечего? — Я, в принципе, того же мнения, но прокурор настаивает!».

Значимым маркером «сибирской» в интернет-шутках выступает медведь как исконный персонаж «from Siberia»: «Медведи, продолжайте ходить по улицам», «— Так ты из Сибири? Говорят, у вас медведи по дорогам ходят? — Брут! Нет у нас дорог!».

В настоящий момент в дискурсивную практику пользователей всемирной компьютерной сети входят специфические для интернет-коммуникации семиотически неоднородные тексты развлекательно-юмористического характера. При этом ключевыми свойствами креализованных текстов являются поликодовость как сопряжение в едином пространстве разных по своей семиотической природе произведений и полимодальность как использование разных сенсорных модальностей восприятия индивида. Основными компонентами креализованного текста являются верbalная часть (надпись/подпись, вербальный текст) и иконическая часть (рисунок, фотография).

В процессе восприятия креализованного текста имеет место двойное декодирование заложенной в нем информации: при извлечении концепта из изображения происходит его «наложение» на концепт вербального текста, взаимодействие двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креализованного текста [7]. При этом конфликт, необходимый для возникновения комического, здесь основан на противоречии между смыслом надписи и смыслом картинки.

В подобных изображения традиционно для «сибирских текстов» акцентируется внимание на суровой зиме, «сибирском характере» и медведях (рис. 1).

Рисунок 1 – Комические креативные тексты о «сибирском»

Также в подобной тематике активно порождаются интернет-комиксы — лаконичные креативные тексты, включающие обычно два — четыре изображения, иллюстрирующие веселую историю (рис. 2).

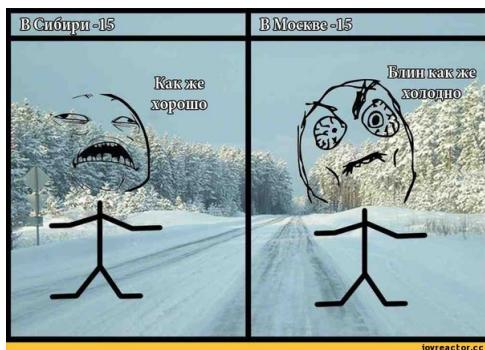

Рисунок 2 – Интернет-комикс о Сибири

Особый интерес вызывает демотиватор — креативный текст, включающий в себя изображение в черной рамке и комментирующую подпись-слоган. В данном случае основу для реализации комического эффекта формирует «когнитивный конфликт», основанный на нарушении традиционных семантических связей между визуальным и вербальным компонентами, где последний ча-

что представляет собой неожиданную интерпретацию основного сообщения [7]. В данном жанре некоторые традиционные смыслы и ассоциации преображаются и приобретают «налет сибирской» (рис. 3).

Рисунок 3 – Демотиваторы о «сибирских явлениях»

В демотиваторах также поддерживаются оформленные конвенциональные способы говорения о сибирском, раскрывая тематику холода и особого сибирского склада (рис. 4).

Таким образом, комические тексты, функционирующие в Интернет-пространстве, подкреплены идеологией «дикой и бескрайней» Сибири, с особой «морозной энергетикой» и неизведанной экзотикой. Предъявляются характерологические особенности (черты менталитета, поведенческие реакции, общие жизненные стратегии и ориентации) типичных жителей Сибирского региона.

Рисунок 4 – Демотиваторы о «сибирском»

На уровне обыденного сознания продолжают воспроизводиться стереотипы – редуцированные, схематичные образы о Сибири и сибиряках. Вербально «редуцированность» выражается в том, что артикулируются относительно стабильные элементы «сибирского вокабуларя» образов и сюжетов. Следует также отметить, что визуализированные стереотипы демонстрируют такое же явление, что и стереотипы, выраженные вербально: концепты «Сибирь» и «сибиряки» сокращаются до нескольких признаков – «сурова зима», «сибирский характер» и «место ссылки». Обобщая, можем сказать, что визуализированный и вербальный дискурс – это один и тот же дискурс, дискурс о Сибири / сибирском, обладающий свойствами связности, повторяемости и непрерывности.

Литература

1. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. – Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.
2. Баслина Е.Ю., Ухова Л.В. Демотивационный постер как речевой жанр сетевого юмора // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. I. С. 135–140.
3. Галиуллина А.Ф. Комические коды в коммуникации: «развлекательная» телевизионная журналистика (юмористический телевизионный контент) и телевизионная реклама : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2016. 224 с.

4. Нежура Е.А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве Интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 47–52.
5. Плотникова С.Н. Онтологический статус комического в коммуникации // Речевое общение: специализированный вестник. 2011. № 13. С. 6–33.
6. Сычев А.А. Юмор в Интернет-коммуникации: социокультурный аспект // Философия, наука, культура 2004. № 6. С. 109–122.
7. Щурина Ю.В. Комические креолизованные тексты в Интернет-коммуникации // Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 57. С. 82–86.

Д.В. Руденкин¹, А.С. Зотова²

¹ Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
d.v.rudenkin@urfu.ru

² Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)
zotova_nauka@mail.ru

АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: КЕЙС ЕКАТЕРИНБУРГА

В статье использованы данные, собранные в ходе реализации проекта РНФ № 17-18-01278, «Молодежный вандализм как реакция на информационные вызовы современной городской среды»

Жизненный мир молодежи и присущие ей ценности оказываются в фокусе интереса российских исследователей относительно давно и часто. Соответствующая проблематика регулярно становится предметом изучения не только отдельных исследователей (таких, как Л.И. Миклина [6], Е.А. Николаюк [7], В.В. Петухов [8] и др.), но и крупных исследовательских центров (Института Социологии РАН [11], Левада-Центра [1], ВЦИОМ [12] и др.). Более того, характерным трендом последних лет стал возрастающий интерес к теме молодежных ценностей со стороны исследователей, не связанных напрямую с академической социологией и представляющих скорее утилитарные интересы предпринимательского сообщества. Всеобъемлющие исследования российской молодежи, выполненные специалистами «Сбербанка» [14] и соцсети «Вконтакте» [9], показывают, что тема жизненных ценностей молодых россиян представляет интерес не только для научного сообщества, но и для предпринимателей. Конечно, важно учитывать, что сложившаяся в России практика исследований жизненных ценностей молодежи несколько электрична и тяготеет к описательности (подробнее об этом мы упоминали в своих предшествующих работах [13]). Тем не менее, само существование устойчивого и многогранного интереса российской социально-гуманитарной науки к проблематике молодежных ценностей едва ли может вызывать серьезные сомнения. При этом, несмотря на обилие и разнообразие научных работ, посвященных ценностям российской молодежи, высокая изменчивость и противоречивость развития ситуации в стране мешают рассматривать эту тему как исчерпанную и стимулируют запрос на новую диагностику молодежных ценностей в условиях неустойчивой социальной реальности.

ности. В данной работе мы намерены обратиться именно к такой диагностике и представить результаты социологического исследования молодежных ценностей, выполненного нами в Екатеринбурге в 2018 г.

Прежде всего, подчеркнем: подоплека стабильного научного интереса к анализу молодежных ценностей проста — сквозь призму диагностики ценностей, которые разделяют люди, можно выявить их склонность к тем или иным настроениям или поведенческим практикам. Хотя, как справедливо отмечает А.В. Кирьякова [3], в современной социально-гуманитарной науке циркулирует довольно много разных определений ценностей, общее смысловое наполнение этого термина, на наш взгляд, более или менее устойчиво. В данном случае нам близка позиция С.О. Елишева: обычно под ценностями человека исследователи понимают некую систему убеждений, отражающих его субъективные представления о важности различных жизненных целей и идеалов [2]. Иными словами, ценности представляют собой своего рода «систему координат», которая определяет представления людей о приемлемых жизненных целях и способах их достижения. Возможно, ценности и не являются единственным фактором, определяющим вектор настроений и поведения человека, но они явно оказывают на этот вектор очень существенное влияние. Многочисленные исследования ценностей, которые регулярно проводятся отечественными авторами, подтверждают: понимая ценности той или иной социальной группы, можно выявить ее предрасположенность к тем или иным настроениям или поступкам (здесь можно сослаться на работы таких авторов, как Н.Г. Лапин [5], Н.В. Корж [4], О.О. Романова [10]). Поэтому можно сказать, что устойчивый интерес к анализу молодежных ценностей в России вдохновляет в первую очередь стабильное стремление понять и спрогнозировать те или иные настроения и поведенческие склонности молодых людей. Нестабильность развития российского общества придает подобным исследованиям повышенную актуальность потому, что делает такие склонности непредсказуемыми.

Характерной чертой социальной реальности, которая на данный момент сложилась в российском обществе, можно считать повышенную морально-этическую турбулентность, которая делает процесс социализации и формирования жизненных убеждений молодежи принципиально противоречивым. Бурные дискуссии о месте религии в светском по конституции государстве, непримиримые дебаты о границах дозволенного в современном искусстве, болезненная рефлексия относительно дореволюционного и советского прошлого страны, противоречия в оценке хода и результатов либеральных реформ 1990-х гг. и многие другие споры, которые охватили самые разные слои российского общества, говорят если не о нравственном кризисе, то, как минимум, о выраженной пестроте морально-этической палитры современного российского социума. Взрослея в контексте подобного морально-этического релятивизма, среднестатистический представитель российской молодежи сталкивается с хаотичным, непредсказуемым и разнонаправленным воздействием многочисленных и во многом противоречащих друг другу систем убеждений. Сам процесс формирования ценностей молодежи в условиях такой морально-этической турбулентности общества

становится нелинейным, а потому — непредсказуемым. Интуитивно можно предположить, что ценности, которые формируются у молодых людей, в итоге оказываются противоречивыми и даже парадоксальными. Но более точное понимание этого вопроса, разумеется, нуждается в специальной диагностике.

Стремясь продвинуться в понимании молодежных ценностей, в первой половине 2018 г. мы выполнили собственное социологическое исследование среди молодежи Екатеринбурга. Непосредственной базой для организации и проведения полевых работ послужил Уральский государственный педагогический университет. Исследование было выполнено с помощью социологического анкетирования, которое выполнялось одновременно и в традиционной, печатной форме, и в интерактивной, на базе опросной платформы GoogleForms. Всего в ходе исследования были опрошены 1503 представителя молодежи Екатеринбурга, которые отбирались на основе квотной выборки по полу, возрасту и району проживания. Как таковая диагностика ценностных предпочтений опрошенных выполнялась с помощью двух поливариантных вопросов. Во-первых, «Какие принципы Вы хотели бы видеть в основе идеального общества?». Во-вторых, «Какие принципы, по Вашим ощущениям, сейчас возобладали в российском обществе?». Обобщая и сопоставляя ответы, полученные на эти вопросы, мы получали возможность судить как о ценностных предпочтениях молодых людей, так и об оценке ими текущих реалий российского общества. Результаты анализа позволили сделать несколько принципиальных выводов (см.: рис. 1)

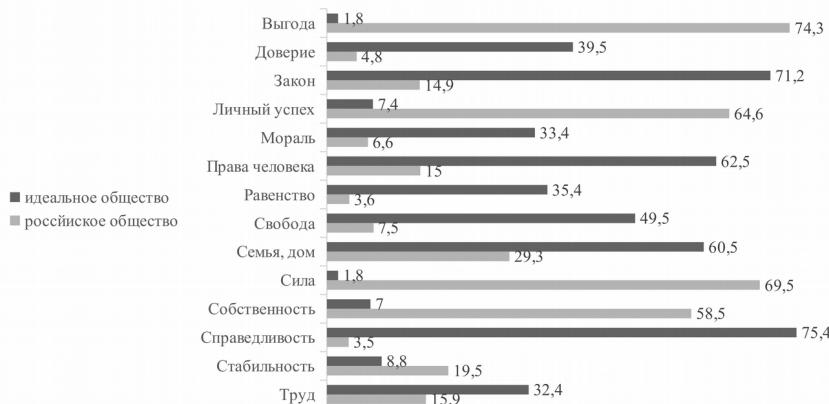

Рисунок 1 — Ценности идеального общества и российского общества в представлении опрошенных (% от числа ответивших).

Во-первых, в восприятии молодежи ценностная основа современного российского общества представляет собой фактический антипод идеала. Ценность «Труд» упоминается в контексте российского общества и идеального общества с сопоставимой частотой. Большинство опрошенных не видят проявлений этой ценности в российском обществе, но и не приписывают ее идеальному социуму. Схожая ситуация видна с иной ценностью — «Стабильностью». Все остальные

ценности либо приписываются большинством опрошенных идеальному обществу, но не ощущаются в реалиях современной России, либо, наоборот, не воспринимаются в качестве ценностной основы идеального общества, но чувствуются в контексте современной России. Причем яркость контраста между идеалом и воспринимаемой социальной реальностью в данном случае очень велика: по многим ценностям она достигает 50 % и более. Это говорит о том, что социальная реальность современной России воспринимается абсолютным большинством опрошенных как заведомо расходящаяся с идеальным состоянием.

Во-вторых, выраженной нравственной патологией российского общества большинство опрошенных молодых людей, по всей видимости, считают дефицит морали, честности. Показательно, что ценности «Закон», «Справедливость», «Права человека» в контексте идеального общества называет более половины опрошенных, тогда как тех, кто ощущает их реальные проявления в России, оказывается в несколько раз меньше.

В-третьих, массовый запрос молодежи на индивидуалистические ценности отсутствует. Анализ опросных данных показал, что большинство опрошенных молодых людей воспринимают ценности «Выгоды», «Личного успеха», «Собственности» как гипертрофированные в российском обществе. Каждая из них была упомянута более чем половиной опрошенных в качестве явно выраженной в российском обществе, но лишь явное меньшинство готовы относить ее к ценностным основам идеального общества.

В совокупности полученные данные говорят как о специфических ценностных предпочтениях молодежи, так и о ее сложном отношении к российским реалиям. Баланс ценностных предпочтений молодых людей, судя по данным опроса, смешен с индивидуалистических ценностей в сторону более фундаментальных, значимых для общества проблем, связанных с моралью и честностью. Справедливость, закон, права человека ощущаются молодыми людьми как субъективно более значимые общественные идеалы, чем личный успех, собственность, выгода. При этом российские общественные реалии в любом случае ощущаются молодыми людьми как не соответствующие представлениям об идеале. Разумеется, соответствующие ответы молодежи было бы неправильно использовать для объективной оценки ценностной основы российского общества, поскольку в данном случае отражены настроения лишь одной социальной группы, причем заведомо субъективные. Но исследовательская значимость этих данных — в том, что они показывают: российской молодежи характерны не только специфические ценностные предпочтения, но и ощущение, что нынешние российские реалии этим предпочтениям не соответствуют.

Литература

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований. 2011. 96 с.
2. Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценостные ориентации» // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2010. № 3. С. 74–90.

3. Кирьякова А.В. Теория ценностей – методологический базис аксиологии образования // Электронное научное издание «Аксиология и инноватика образования». 2010. № 1. URL: <http://www.orenport.ru/axiology/?doc=3> (дата обращения: 27.09.2018).
4. Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. № 3 (34). С. 327–332.
5. Лапин Н.Г. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
6. Миклина Л.И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. № 1. С. 136–140.
7. Николаюк Е.А. Ценностная структура российской молодежи и ее самосохранительное поведение на современном этапе // Власть. 2016. № 11. С. 145–150.
8. Петухов В.В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки, политическое участие // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 56–62.
9. Поколение «Вконтакте» в цифрах и цитатах. URL: https://vk.com/doc9637095_453312678?hash=c6dfaccfaa71d45a88&dl=84cf76842b6938502f (дата обращения: 27.09.2018)
10. Романова О.О. Основные теоретические подходы к содержанию понятия «ценность» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 4 (22). С. 55–63.
11. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Издательство «Весь мир», 2015. С. 366.
12. Россия удивляет 2015: настроения, суждения, ценности. М.: ЭКСМО. 2016. 208 с.
13. Руденкин Д.В. Уровень социального оптимизма городской молодежи в современной России // Общество и государство в условиях социально-экономических трансформаций. Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием. Рязань. 2017. С. 136–139.
14. Сбербанк открывает доступ к самому крупному в своей истории качественному исследованию молодежи URL: https://www.sberbank.ru/ru/press_center/all/article?newsID=2889a5e5-df1d-4e9f-acf1-ad0456fbcd8f&blockID=1303®ionID=2&lang=ru (дата обращения: 27.09.2018).

М.А. Рябова

Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск)
marinkaryabova@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НОВОСИБИРСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА УЧАСТИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Отличительной особенностью молодежи является наличие у нее определенного комплекса качеств, позволяющих ей успешно заниматься инновационной деятельностью. Этот комплекс играет огромную роль в реализации инновационного потенциала молодежи, невозможной без включенности данной социальной группы в общественную жизнь. Это обуславливает необходимость рассмотрения молодежного участия как средства обеспечения молодежи равных прав и возможностей (наряду с другими группами), которые позволяют ей играть полноценную роль во внесении позитивных изменений в жизнь общества.

В рамках нашего исследования необходимо определить понятие молодежного участия. В настоящее время границы данного понятия достаточно размыты и

чаще всего понятие рассматривается с позиций правового подхода. Например, с точки зрения Экономического и социального совета (ЭКОСОС), в резолюции 1982 г. молодежное участие рассматривается как право на участие молодежи в социальном и экономическом развитии общества [1, с. 103].

Другая точка зрения предполагает анализ данного понятия в рамках культурологического подхода. Е.Л. Омельченко понимает молодежное участие как «функцию идентификации с определенной субкультурой или группами равных, исследуя новые формы молодежных солидарностей» [1, с. 179].

Наиболее актуальным в рамках данной работы представляется подход RMSOS, представленный в Пересмотренной Европейской Хартии об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне (от англ. Right – право, Means – средства, Space – пространство, Opportunities – возможности and Support – пространство).

Право в подходе RMSOS является неотъемлемой частью каждого индивида, причем право на участие является одним из основных для человека, им обладает любой молодой человек независимо от его пола, расы, вероисповедания, социального статуса, материального положения и т. д., в связи с чем, отсутствие федеральных или региональных нормативных актов, связанных с институционализацией молодежного участия, не означает невозможности осуществления этого права.

Другой частью подхода RMSOS являются средства, обеспечивающие основные жизненные условия, способствующие полноценному включению молодежи в общественные процессы и снижению чувства изолированности и отстраненности от общества.

Пространство рассматривается в двух аспектах: физическом и институциональном. Физическое пространство выступает как территория личного взаимодействия молодежи с другими представителями своей группы, причем оно может быть представлено не только в виде физических объектов, но и как виртуальное пространство. Институциональным является пространство, позволяющее молодежи оказывать реальное влияние на решения, принимаемые в обществе.

Возможности воплощаются в предоставлении молодым людям информации, касающейся имеющихся возможностей участия, в организации пространства принятия решений и в обеспечении понимания способа организации и деятельности структур, принимающих решения.

Поддержка в рамках данного подхода представляется наименее значимым компонентом, однако, ее роль заключается в повышении эффективности участия молодежи. Эта поддержка должна быть многосторонней (моральной, финансовой, институциональной и т. д.), направленной на различные аспекты участия.

Наибольшая эффективность достигается в том случае, когда все компоненты подхода RMSOS являются функциональными и тесно взаимосвязанными между собой, обеспечивая благоприятные условия для участия молодежи в преобразовании общества. Согласованное функционирование и сбалансированность

этих элементов делают молодежное участие максимально эффективным и позволяющим молодежи в полной мере реализовывать свои права.

Исходя из обозначенных принципов, мы определяем понятие «молодежное участие» как право молодых людей быть включенными в общественную жизнь, брать на себя ответственность за принятие решений и влиять на жизнь общества, не подвергаясь дискrimинации.

Для проведения анализа реально сложившейся ситуации в сфере молодежного участия в Новосибирской области мы будем опираться на модель «6 шагов», предложенную Советом Европы, так как она является наиболее подходящей для данного исследования ввиду ее методологической наполненности [3].

Первый шаг предполагает оценку возможностей участия молодежи в общественной жизни региона. В настоящий момент на территории региона действуют три организации, деятельность которых курируется отделом молодежной политики Правительства НСО [4]:

1. Дом молодежи, основные задачи которого — патриотическое, духовно-нравственное воспитание молодежи, организация работы с молодежными организациями области;
2. Агентство поддержки молодежных инициатив, среди задач которого поддержка и популяризация инициатив молодежи в социально-экономической сфере, поддержка деятельности молодежных общественных организаций и объединений и др.;
3. Центр молодежного творчества, который ставит такие задачи, как освещение хода реализации молодежной политики, организация фестивалей, конференций и др., организация кружков, клубов по интересам и др.

Таким образом, данные организации предоставляют возможности молодежного участия, однако, в ходе проведенного автором в марте 2018 г. опроса (выборочная совокупность — 100 человек (члены волонтерских организаций Новосибирской области), было выявлено, что молодые люди имеют желание быть вовлеченными в процесс принятия решений на различных уровнях, однако, реализация их права на участие именно в этом формате осложнена некоторыми препятствиями.

Переходя к выявлению этих препятствий в рамках второго шага, была проведена их классификация на следующие группы: 1) отношения между молодыми людьми и старшими поколениями; 2) общественная среда; 3) нехватка ресурсов и средств; 4) образ жизни и поведение молодежи.

В ходе фокус-группы, участие в которой приняли молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет (10 человек), активно занимающиеся волонтерской деятельностью, были выделены следующие препятствия, с которыми им приходилось сталкиваться в своей повседневной жизни при попытке участия в чем-либо или реализации собственных проектов.

В первой группе наиболее значимыми для участников фокус-группы оказались различия в опыте и восприятии разными поколениями изменяющихся со временем явлений и понятий (различие понятий «волонтер» и «тимуро́вец» и др.), разные ценности и привычки взрослых и молодежи, разница в источниках

информации и стилях коммуникации, давление взрослых на молодежь, непринятие старшими идей, предлагаемых молодыми, недоверие, складывающееся между взрослыми и молодежью.

В рамках второй группы новосибирская молодежь отметила такие препятствия, как недостаточная поддержка со стороны власти и общества или ее отсутствие, неправильное восприятие образа молодежи как активного деятеля, социальная изоляция некоторых групп в структуре молодежи (неумение строить диалог с людьми с ограниченными возможностями, этническими группами), дискриминация в отношении ряда социальных групп, игнорирование потребностей молодых людей.

В структуре третьей группы среди наиболее существенных препятствий отмечены отсутствие финансирования многих проектов, отсутствие места для реализации прав на участие, проблема мобильности молодежи (отсутствие транспорта, высокий уровень миграции сельской молодежи и т. д.), дефицит навыков и знаний из-за отсутствия необходимых образовательных программ, недостаток эффективных источников мотивации, нехватка времени.

Среди препятствий, связанных с образом жизни молодых людей, отмечены такие качества, как убежденность в низкой влиятельности своих решений, амбициозность, поверхностность, страх перед ответственностью за что-либо, убежденность в том, что кто-то другой должен работать над решением проблем молодежи.

Среди не отнесенных ни к одной из групп препятствий выделены нехватка инициативности, отсутствие репрезентативности среди активных деятелей из числа членов данной группы, непонимание некоторых форм молодежного участия (в том числе, волонтерской деятельности) со стороны близких, коррупция в органах власти, некомпетентность специалистов по работе с молодежью, бюрократизм и др.

Третий шаг предполагает определение приоритетных направлений работы, связанных с устранением указанных ранее препятствий. На наш взгляд, одним из аспектов регулирования является необходимость поиска более эффективных каналов информирования молодежи относительно возможностей и способов участия (развитие групп в наиболее популярных соцсетях, формирование контента, ориентированного на конкретные возрастные группы молодежи и др.), определение критериев поощрения молодежного участия (на основании рейтинга активности), формирование системы обратной связи, осуществление мер по обеспечению и защите прав и интересов молодежи (повышение уровня осведомленности молодежи о своих правах в рамках классных часов в учреждениях среднего образования, «диалога на равных» в вузах, юридическая консультация, осуществление обратной связи с органами власти и др.), увеличение в бюджете Новосибирской области доли, направленный на финансирование молодежных проектов и развитие организаций, функционирующих под управлением молодежи или непосредственно касающихся интересов данной группы.

Дальнейшие шаги в данной модели связаны с непосредственной реализацией предлагаемых направлений работы на основе Хартии. В рамках четвертого

шага определяются средства и меры, необходимые для решения проблем в различных сферах общественной жизни.

Согласно Хартии, набор инструментов, способствующих вовлечению молодежи в общественную жизнь, предполагает включение таких аспектов как: 1) подготовка молодежи к участию; 2) информирование; 3) вовлечение молодежи в общественную жизнь при помощи информационно-коммуникационных технологий; 4) вовлечение в деятельность средств массовой информации; 5) поощрение к безвозмездному труду на благо общества; 6) поддержка молодежных инициатив; 7) развитие молодежных организаций; 8) молодежное участие в неправительственных организациях, политических партиях. Среди основных инструментов можно выделить информационную, финансовую, институциональную, правовую поддержку молодежи [5, с. 20–25].

Следующий шаг подразумевает анализ тех проблем, решение которых не было обозначено в Хартии. Препятствия, обозначенные в рамках фокус-группы, могут быть решены путем использования указанных в документе рекомендаций при разработке молодежной политики, а также посредством привлечения иных методов за счет поиска заинтересованных сторон (организаций), действующих на региональном, национальном и международном уровнях.

Заключительный шаг подразумевает непосредственную реализацию сформулированных предложений и дальнейшую корректировку в зависимости от конкретных условий.

Анализ сложившейся ситуации дает возможность говорить о наличии существенных препятствий, что сдерживает реализацию права новосибирской молодежи на участие и осложняет ее участие в общественной жизни и принятии решений на уровне муниципальных образований и региона в целом.

Литература

1. Меркулов П.А. Международные стандарты формирования государственной молодежной политики // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 101–105.
2. Омельченко Д.А. Политический активизм молодежи Алтайского края: представления, установки, практики // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, 2016. С. 177–188.
3. Скажи свое слово! [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/16807023e2> (дата обращения: 26.03.2018).
4. Молодежный портал НСО. Отдел молодежной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://mnso.ru/page/1183> (дата обращения: 05.04.2018)
5. Пересмотренная Европейская Хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/34913469-Peresmotrennaya-evropeyskaya-hartiya-ob-uchastii-molodezhi-v-obshchestvennoy-zhizni-na mestnom-i-regionalnom-urovne-21-maya-2003-g.html> (дата обращения: 27.03.2018).

Р.Д. Сакоева

Сибирский Институт Управления – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ (Новосибирск)
RuzikSakoeva@mail.ru

ИДЕЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ АЛТАЙЦЕВ

Начиная со второй половины XX в. в обществе стали актуализироваться этносоциальные процессы и проблема идентичности. В рамках данной темы специалисты по всему миру проводят многочисленные исследования. Вопрос алтайской идентичности не является исключением, и в течение последнего десятилетия исследователи активно занялись изучением данного феномена. Так, например, П.В. Алексеев рассматривал идентичность в контексте топонимии [6], Т.А. Асеева в своей работе выявила состояние гражданской идентичности и факторы, вызывающие потребность в этнической, конфессиональной и региональной идентичности у жителей Республики Алтай [1], Е.В. Благовская и А.В. Чибекова рассмотрели семью в качестве института этнической идентификации [2], Г.В. Грошева занималась вопросом региональной идентичности на уровне субъекта Российской Федерации [3], Е.В. Енчинов заострил внимание на том, какую роль играет материальная культура в формировании этнической идентичности [4] и так далее.

Вера в единство происхождения играет одну из ключевых ролей в формировании этнической идентичности. История появления сообщества, как правило, занимает центральное место в его коллективных представлениях, это событие является своего рода точкой отсчета, обращение к которой способствует развитию и укреплению чувства солидарности [5, с. 122].

В данной работе исследуются версии происхождения в сознании алтайцев. В целях выявления данных версий, автором был проведен социологический опрос методом интервьюирования. Основой для работы с респондентами стала анкета-таблица, представляющая собою «матрицу идентичностей».

Важно отметить, что в современной отечественной социологии утвердилось представление о том, что каждый вид идентичности имеет свою структуру. Так, исследователь алтайской идентичности С.П. Тюхтенева, описывая уровни алтайской идентичности, обращает внимание на следующее: «быть» алтайцем означает быть включенным в сложную иерархию различных уровней идентичности. Она указывает на следующие иерархические единицы: «Сеок (род)», «Народ», «Население республики» и «Тюрки». С ее точки зрения, основополагающим критерием для самоопределения человека в алтайской традиции является происхождение по отцу – дети наследуют сеок отца. В свою очередь, сеоки входят в состав следующего уровня идентичности «Народ». Данный уровень представляет собой всю палитру алтайских народов: туба (тубаларов), челканцев, алтай-кижи и теленгитов. Что касается «Населения республики», то подавляющее большинство жителей Республики Алтай называют себя алтайцами, вне зависимости от того, представителями какого именно из вышеуказанных народов они являются.

ся, тем самым, признавая свою принадлежность в целом к алтайцам как к этнической группе. В состав следующего уровня «Тюрки» входят все тюркские народы, включая алтайцев. Тюхтенева же в своей статье отмечает, что сеок выступает как «основная морфологическая единица этносоциальных структур тюркских народов Южной Сибири». Все это позволяет ей описывать феномен алтайской идентичности в виде «матрешки» [7, с. 74–76].

В данной статье внимание будет заострено на пункте опроса «Происхождение», который будет рассмотрен в рамках различных уровней идентичности: «Сеок (род)», «Народ», «Население республики», «Большой Алтай (братские народы)» и «Тюркские народы».

В рамках исследования было опрошено 90 человек в возрасте от 17 до 76 лет. Интервьюирование проводилось, в основном, в районном центре Кош-Агачского района – селе Кош-Агач (Республика Алтай). Социологический опрос был проведен в форме «вопрос – ответ»: респондентам задавался вопрос, на который был получен либо ответ, либо отказ от ответа из-за незнания тех или иных фактов. Необходимо отметить, что респонденты не ставились ни в какие рамки и могли давать неограниченное количество ответов.

Касаемо первого уровня «Сеок» необходимо пояснить, что в опросе участвовали представители 16 алтайских сеоков. Так все представители сеока «Алмат» связали происхождение своего рода с легендой, по которой все они произошли от ведьмы. 50 % представителей рода «Ирkit» не владеют информацией о происхождении их рода, а 50 % считают, что их род произошел от древних уйголов и средневековых меркитов.

Представители сеока «Кергил» не имеют сведений о своем происхождении. 60 % представителей рода «Кобок» не имеют сведений, остальные 40 % дали следующие ответы: происхождение от богатыря Ярынака; от теленгитов; от ведьмы (легенда); изначально жили у Телецкого озера, затем расселились по всей Республике Алтай.

Респонденты из рода «Кыпчак» связывают свое происхождение с легендой, по которой они произошли от волка (33 %); считают, что произошли от монголов, 10 % и от жителей государства «Кыпчак» – 10 %. 18 % дали другие ответы, а 38 % респондентов не владеют информацией. 75 % представителей рода «Майман» не владеют информацией, а 25 % связывают свое происхождение с различными легендами. Представители рода «Моол» отметили, что они произошли от монголов, о чем говорится в легенде. «Мундусы» в своем полном составе не имеют никаких сведений.

Респонденты из рода «Саал» (25 %) сообщили, что изначально «Саалы» жили на территории Телецкого озера, а после революции 1917 г. перебрались в Кош-Агачский район, оставшиеся 75 % не владеют информацией. Половина респондентов из рода «Соен» рассказали, что их предки жили у устья реки Иртыш, но были вытеснены кочевниками, после чего местом их проживания стала территория Республики Алтай, остальные не владеют сведениями.

Представители рода «Танды» считают, что их предки всегда жили на территории республик Алтай и Хакасия. «Телесы» отметили, что их предки жили у

Телецкого озера, а затем расселились на всей территории Республики Алтай (50 %); 50 % не имеют сведений.

40 % представителей рода «Тодош» не имеют сведений, по 20 % респондентов отметили, что их предки жили у горы Балдырган, а затем расселились по Республике Алтай; другие же считают, что их сеок жил на территории Онгудайского района, но позже они расселились по территории Республики Алтай или же перебрались с Онгудайского района в Кош-Агачский. Все респонденты из рода «Тонжан» не владеют информацией. И, наконец, представители рода «Чапты» считают, что их предки жили в Чемальском районе, а затем, подобно многим родам, расселились по всей Республике Алтай.

Таким образом, в качестве основы представлений о происхождении алтайских родов лежат многочисленные устные легенды. При этом 51 % респондентов вовсе не владеют никакой информацией по этому вопросу.

Переходя к следующему уровню «Народ» необходимо отметить, что 42 % респондентов причисляют себя к теленгитам, а 58 % к алтайцам («Алтай кижи»). На данном уровне более половины респондентов, а именно 53% не владеют информацией, а большинство респондентов (24 %) убеждено в своем тюркском происхождении. 8 % отметили, что современные теленгиты являются потомками жителей теленгетского ханства. 5 % сообщили, что первые упоминания о теленгитах имелись в китайских летописях. 16 % дали другие ответы. Главным источником информации для опрошенных служит учебная и публицистическая литература.

Говоря об уровне «Население республики», хотелось бы уточнить интересный момент: несколько респондентов подразумевали под населением республики теленгитов, а не алтайцев, так как, по их мнению, не теленгиты являются составной частью алтайцев, а наоборот — алтайцы являются частью теленгитов. Так, 2 % считают, что алтайцы произошли от теленгитов. В качестве отправных точек здесь отмечаются возникновение Республики Алтай (47 %), присоединение к Российской империи в 1756 г. (20 %), возникновение Горно-Алтайского автономного округа в 1948 г. (14 %). 10 % респондентов считают, что алтайцы произошли от тюрков, 9 %, связали происхождение с возникновением Ойротской автономной области, а 6 % с вхождением Республики Алтай в Алтайский край в 1937 г. 22 % не имеют сведений о происхождении.

Касаемо следующего уровня «Братские народы», можно сообщить, что здесь преобладает версия происхождения братских алтайцам народов от тюрков (59 %). 7 % знают о происхождении братских народов из легенд, 17 % дали другие ответы, 24 % не имеют никаких сведений.

Относительно уровня «Тюркские народы» необходимо отметить, что 54 % респондентов не имеют сведений о происхождении тюрков. Большинство связывает происхождение тюрков с возникновением тюркского каганата — 27 %. По 8 % отметили, что знакомы с происхождением тюрков посредством легенд, а также, что все тюрки произошли с Алтая («Алтай — прародина тюрков»). 4 % высказались о том, что тюрки — результат объединения племен и сеоков, а

3 %, что тюрки — потомки скитов. 10 % отметили другие варианты происхождения.

Заключая, следует отметить, что, во-первых, количество вовлеченных в процесс организации идентичностей на всех уровнях оказалось относительно низким. При этом необходимо отметить, что в организацию идентичностей на всех уровнях, в основном, оказываются не вовлеченными женщины.

Во-вторых, видение версий происхождения на разных уровнях идентичности не имеет принципиальных отличий. В частности, версии происхождения перекликаются на уровнях «Народ» и «Большой Алтай (братские народы)», что ставит под сомнение адекватность «матрещечной» трактовки алтайской идентичности.

В-третьих, обращает на себя внимание наличие конкурирующих нарративов о происхождении внутри каждого уровня идентичности.

В-четвертых, наиболее информативны и единообразны представления о происхождении, ассоциированные с субъектом федерации, что указывает на особую роль в формировании алтайской идентичности государственных институтов.

Литература

1. Асеева Т.А. Идентификация жителей Республики Алтай: от этнической к гражданской идентичности // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 1. С. 207–213.
2. Благовская Е.В., Чубиекова А.В. Семья как институт этнической идентификации в Республике Алтай: история и современность // Алтай — Россия: через века в будущее. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2016. С. 250–254.
3. Грошиева Г.В. Региональная идентичность на уровне этногосударственных субъектов Российской Федерации на рубеже ХХ–XXI веков (Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Тыва) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9 (124). С. 66–74.
4. Енчинов Э.В. Материальная культура в формировании этнической идентичности // История и культура народов юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. С. 325–336.
5. Михайлов Д.А. Археологические места социальной памяти // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 121–126.
6. Национальная идентичность в зеркале топонимии (Горный Алтай): монография / П.В. Алексеев, К.Б. Самтакова, Т.П. Шастина и др. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. 150 с.
7. Тюхтенева С.П. Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 72–81.

И.В. Сапон

Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики (Новосибирск)
irina.sapon@bk.ru

ТИПЫ ЛИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОФИЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В связи с распространением социальных интернет-сетей люди стали больше раскрывать личные данные, что может повышать вероятность столкновения с кибер-угрозами, такими, как шантаж, мошенничество, кража сетевой личности (к примеру, хищение и присвоение фотографий и имени), выуживание информации с помощью метода социального инжениринга. Другая проблема, связанная с онлайн-раскрытием личных данных – цифровой след: все, что попадает в Сеть, может быть скопировано и распространено независимо от желания пользователя. Опубликованные тексты, изображения, фото и видео остаются на внешних серверах и не доступны для полного удаления самим пользователем, однако при сбое системы или взломе могут вновь попасть в Интернет [6]. Как отмечают исследователи из компании AVG, занимающейся защитой данных в Сети, 92 % американских детей оставляют первые электронные следы еще до достижения двух лет, у 5 % детей уже до рождения появляется аккаунт в социальной сети, а 23 % родителей выкладывают в Интернет фотографии узи-скрининга беременности [8].

Никто не заставляет участников социальных сетей публиковать личные данные в больших объемах (для регистрации в соцсети вполне достаточно имени, фамилии и номера телефона). Однако сложившаяся культура поведения в социальной сети, необходимость социализации, конформность и множество других причин подталкивают пользователей, несмотря на риски, загружать огромное количество личной информации в сеть (например, фото и видео).

На данный момент в зарубежной научной литературе накоплен достаточно большой опыт изучения приватности онлайн (в отечественной социологии тема только набирает обороты), однако существует немало нерешенных вопросов в этой области. К примеру, нет единого мнения по поводу гендерной разницы в раскрытии информации в профиле социальной сети.

Цель данной работы – изучить уровень раскрытия различных типов личной информации в профиле социальной сети «ВКонтакте» и выявить гендерные различия в онлайн-раскрытии.

С помощью контент-анализа мы изучили профили 2 122 пользователей социальной сети «ВКонтакте» (1 124 мужских и 998 женских). Выборка была сформирована из друзей автора, что исключило попадание в нее «фейковых» и рекламных страниц. Были рассмотрены 27 типов информации в профиле.

Результаты показали, что чаще всего пользователи раскрывают такие категории информации, как город (85 %), аватар (75 %), список аудиозаписей (74 %), образование (68 %), статус (63 %) и подарки (62 %).

Таблица 1

**Процент раскрытия различных типов информации
в профиле «ВКонтакте» (n=2122)**

%	Тип информации	%	Тип информации
85	город	32	о себе
75	аватар	32	возраст
74	список аудиозаписей	28	мировоззрение
68	образование	28	любимая музыка
63	статус	25	главное в жизни
62	подарки	25	любимые фильмы
52	группы	24	главное в людях
50	фото с пользователем	24	любимые книги
39	деятельность	23	отношение к курению
37	семейное положение	22	отношение к алкоголю
37	интересы	21	политические предпочтения
36	номер телефона	20	источники вдохновения
33	интеграция с другими сервисами	19	любимые игры
33	цитаты		

Реже всего пользователями указываются любимые игры (19 %) источники вдохновения (20 %), политические предпочтения (21 %), отношение к алкоголю (22 %) и курению (23 %), любимые книги (24 %).

Если сравнить процент раскрытия данных типов информации у мужчин и женщин, то можно обнаружить, что практически все категории информации мужчины раскрывают охотней. Самая большая разница ($\chi^2=61.056$) была зафиксирована в указании религиозных взглядов (категория «мировоззрение»), музыкальных вкусов ($\chi^2=53.499$, категория «любимая музыка») и политических предпочтений ($\chi^2=42.378$). Как отмечалось в исследовании Ж. Липовецкого 2015 г., в России мужчины чаще женщин интересуются политикой, возможно, поэтому они значительно чаще указывают в профиле свои политические предпочтения [4].

Согласно нашему исследованию, женщины чаще раскрывают лишь две категории информации: аватар и статус. Повышенный интерес женщин к личным фотографиям на странице можно объяснить преувеличенным значением внешности для женской идентичности [5].

Возникает вопрос: почему гендерная разница была найдена лишь в частоте публикации аватара, но не в количестве фото с пользователем? Возможно, исследование гендерных особенностей визуального раскрытия — вопрос куда более интересный, чем может показаться на первый взгляд. Как показали многие зарубежные исследования, гендерная разница кроется скорее в выборе тем для публикации фото, чем в количестве фотографий. К примеру, мужчины могут добавлять больше изображений, связанных со спортом, а женщины — семейных фотографий и милых изображений. Чтобы точно говорить о разнице в рас-

крытии фото онлайн, необходимо проводить более детальный анализ, рассматривающий предпочтения российских пользователей в визуальном раскрытии.

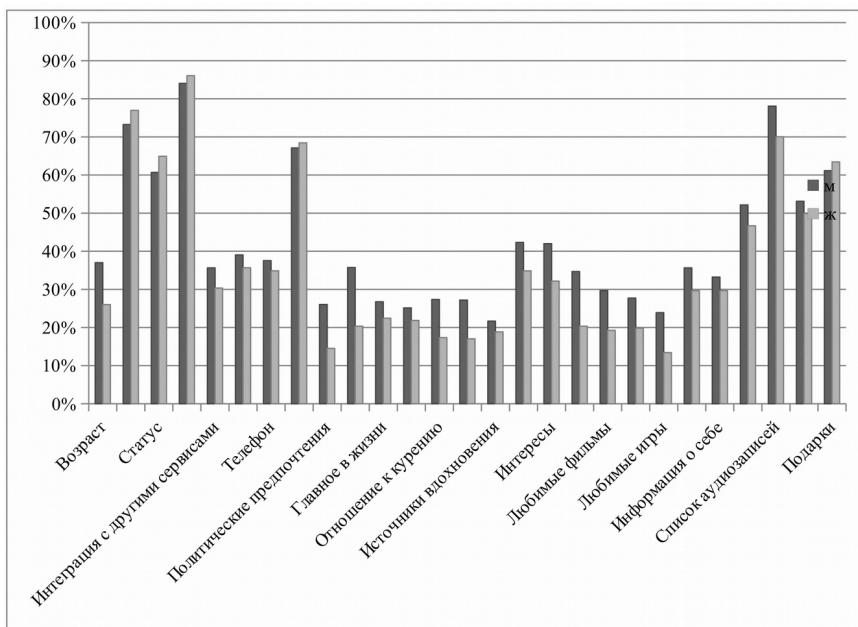

Рисунок 1 – Частота раскрытия различных типов информации
в профиле мужчин и женщин «ВКонтакте» (n=2122)

Наше исследование показало, что женское раскрытие в профиле социальных сетей во многом куда более скромное, чем мужское. Возможно, женщины предпочитают оставаться анонимными и больше потребляют контент социальных сетей, нежели создают его. Этот факт был отмечен в 2016 г. в исследовании российских социальных медиа. Женщины в среднем более высоко ценят анонимность в соцсетях (52 % против 41 %). Прежде всего, заходя в сеть, они просматривают ленту новостей (65 %, что в 1,3 раза чаще, чем мужчины). Лишь треть опрошенных сразу же размещает свою информацию (32 %, что в 1,5 раза реже, чем мужчины). Исследование также показало, что женщины намного более зависимы от социальных сетей, чем мужчины, проводят в них больше времени и чаще используют не для работы, а для личных целей [2].

Желание женщин сохранить анонимность в социальной медиа вполне оправдано тем, что они чаще становятся жертвами кибер-атак [7] и болезненнее переживают случившееся (51 % женщин и 33 % мужчин отмечают увеличение стресса при столкновении с интернет-угрозами) [3].

Таким образом, можно увидеть, что российские женщины, несмотря на большую привязанность к соцсетям, стараются оставаться в них более анонимными, а мужчины раскрывают больше личной информации в профиле.

Наша работа позволила оценить, насколько полно люди раскрываются в социальной сети и существует ли гендерная разница в уровне раскрытия различных типов информации в профиле. Ограничением работы можно считать то, что выборка состояла из друзей автора, однако это позволило нам включить в исследование лишь реально существующих людей. К тому же стоит учитывать, что сбор информации проводился в июне 2018 г., в августе же в социальной сети «ВКонтакте» произошла важнейшая реформа приватности, которая дала пользователям более широкие возможности для того, чтобы стать анонимными [1]. Таким образом, наше исследование отражает уровень раскрытия участников данной социальной сети, которое было до введения изменений.

В заключение можно сказать, что, несмотря на большой объем исследований, в данной области остается достаточно много нераскрытых вопросов. Требуют более глубокого изучения возрастные аспекты онлайн-самораскрытия, причины и факторы, влияющие на него, а также культурные особенности раскрытия в разных странах.

Литература

1. «ВКонтакте» разрешила скрывать содержание страниц от незнакомцев. РБК Новосибирск. Технологии и медиа. 31 августа 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/31/08/2018/5b893dbd9a7947396cd9320 (дата обращения: 30.09.2018).
2. Ефимова Г.З., Зюбан Е.В. Влияние социальных сетей на личность // Интернет-журнал «Мир науки» 2016. Т. 4. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://mirnauki.com/PDF/20PSMN516.pdf> (дата обращения: 30.09.2018 г.).
3. Индекс цифровой культуры (DCI), Россия [Электронный ресурс]. URL: <https://news.microsoft.com/uploads/2017/02/DCI.pdf> (дата обращения: 30.09.2018).
4. Исследование «Курьер» 2015-14. Левада-Центр // Единый архив экономических и социологических данных НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?en=0&ID_S=4095 (дата обращения: 30.09.2018).
5. Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности : пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.
6. Морозова Е.И. Электронный след личности: вынужденная публичность // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 3 (17). С. 42–45.
7. Mail.Ru Group. Безопасность в интернете: готовы ли пользователи к киберугрозам? [Электронный ресурс]: URL: <https://corp.imagesmail.ru/media/files/besopasnostvinternete.pdf> (дата обращения 30.09.2018).
8. Milian M.(2010) Study: 82 percent of kids under 2 have an online presence [Электронный ресурс]. URL: <http://edition.cnn.com/2010/TECH/social.media/10/07/baby.pictures/index.html> (дата обращения: 30.09.2018).

А.А. Симбирова

Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск)
simbirevaanastasia@gmail.com

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ УЧАЩИХСЯ НГУЭУ)

Необходимость формирования экологической культуры молодежи обосновывается тем, что молодое поколение будущее нашей страны. Важным становится то, как молодые люди будут относиться к природе, станут ли они беречь или разрушать ее. От этого зависит состояние окружающей среды, которое мы будем наблюдать через несколько десятков лет.

Актуальность данной темы обусловлена возрастающим интересом к проблемам экологии, как со стороны государства, так и со стороны СМИ. Доказательством этому служит большое количество публикаций в прессе. Стоит также заметить, что 2017 г. официально был объявлен годом экологии, были проведены мероприятия по охране окружающей среды, реализована программа экологического просвещения.

На сегодняшний день существует множество трактовок понятия «экологическая культура». Это объясняется сложностью понимания данного явления, а также довольно широкой сферой применения. Поэтому наиболее общим видится следующее определение: экологическая культура «это часть общественной культуры, система социальных отношений, общественных и индивидуальных морально-этических норм, взглядов, установок и ценностей, касающихся взаимоотношения человека и природы» [25, с. 1].

Экологическая культура человека является предметом исследования социальной экологии. Термин «социальная экология» встречается в 1921 г. в трудах американских социологов Р. Парка и Э. Берджеса. Именно представители Чикагской школы (Э. Берджесс, Р. Вирт, Р. Маккензи, Р. Парк) одними из первых начали проводить исследования в данной области. Они акцентировали свое внимание на проблемах социологии города, заложив тем самым основу социально-экологического подхода [1].

В середине XX в. в США начало развиваться такое движение как инвайронментализм. Инвайронментализм (от англ. environment среда, окружение и лат. mens ум, разум) выступает в качестве общего термина для обозначения класса теоретических и философских школ, которые подчеркивают роль среды в определении поведения [2, с. 223]. Инвайронментальные подходы способствовал формированию «новой инвайронментальной парадигмы», или «новой экологической парадигмы», разработанной в 1970–80 гг. Р. Данлэпом и У. Кеттоном. Согласно данной концепции, каждый из нас вынужден на протяжении всей своей жизни взаимодействовать с природой. Однако мы не всегда можем контролировать свои действия. Поэтому отдаленные последствия деятельности могут нанести вред окружающей природе. Важным является тот факт, что «все природные ресурсы исчерпаемы, и именно они накладывают ограничения на

масштабы хозяйственной деятельности» [4, с. 105]. Из этого следует, что новая экологическая парадигма сменила старую «антропоцентрическую» и обосновала важность понимания того, что человек не должен доминировать над природой.

Для проверки того, какова экологическая культура современной студенческой молодежи, в мае 2018 г. было проведено социологическое исследование. Объектом исследования стали студенты 1–4 курсов НГУЭУ, предметом уровень экологической культуры студенческой молодежи. В опросе приняли участие 80 респондентов. Использованный метод исследования — анкетный опрос.

По результатам исследования было установлено, что значительная часть респондентов получают информацию о состоянии окружающей среды из социальных сетей (35,2 %). Другими немаловажными источниками служат телевидение (18,9 %) и социальная реклама (14,8 %). Реже всего студенты получали информацию из школы (13,3 %), вуза (12,8 %), просветительских лекций (5,1 %). Данный факт можно объяснить тем, что студенческая молодежь большую часть своего времени проводит в социальных сетях, соответственно, этот канал связи наиболее популярен для нее.

Удалось также выявить, что значительная часть студентов (48,7 %) полагает, что у них средний уровень экологического знания, 32,5 % оценивают свои знания выше среднего, 10,0 % ниже среднего, всего 3,8 % оценивают свои знания как высокие и 5,0 % как низкие. Следовательно, молодые люди обладают недостаточными сведениями в данной области.

Эти данные подтверждаются тем, что половина опрошенных ничего не слышала о реализуемых в вузе экологических программах. Однако значительная доля респондентов слышали о таких программах (37,5 %), при этом знают о них, но не осведомлены о том, на решение каких проблем они направлены (12,5 %). Из этого можно сделать вывод, что молодые люди имеют слабое представления о реализуемых в НГУЭУ экологических программах.

Та часть студентов, которая слышала об экологических программах, указала следующие:

1. Сбор макулатуры «Сдай бумагу — сделай благо».
2. Час земли.
3. Субботник.
4. Защита Байкала.

Исходя из этого, можно сказать, что студенты не обладают достаточным уровнем экологических знаний. Молодые люди слышали об экологических программах, но не могут с уверенностью сказать, на что точно они направлены.

Говоря об экологической культуре современной студенческой молодежи, стоит подробней остановиться на изучении ее экологического поведения. Респондентам было предложено семь суждений, описывающих различные формы экологического поведения, с которым они могли согласиться, а могли и опровергнуть их. Распределение ответов на данный вопрос представлено в таблице 1.

Таблица 1

Формы экологического поведения студенческой молодежи НГУЭУ (%)

Суждения	Согласен	Не согласен
Собираю за собой мусор после поездок на природу	98,8	1,2
Выбрасываю мусор только в специально отведенных для этого местах	93,8	6,2
Отключаю из розетки электроприборы, которые долго не используются	73,8	26,2
Использую энергосберегающие лампочки вместо обычных	70,0	30,0
По возможности стараюсь выбрасывать мусор в раздельные контейнеры	65,0	35,0
Выключаю воду, когда чищу зубы	53,8	46,2
Отказываюсь от полиэтиленовых пакетов	17,5	82,5

Из данной таблицы видно, что молодые люди чаще всего собирают за собой мусор после поездок на природу, выбрасывают мусор в отведенных для этого местах, отключают из розетки электроприборы. Интересным является тот факт, что 82,5 % опрошенных отметили, что они пользуются полиэтиленовыми пакетами. Вероятнее всего это связано с тем, что студенты не задумываются или просто не знают, какие негативные последствия это несет.

В ходе опроса было также установлено, на ком, по мнению студентов, лежит основная ответственность за решение экологических проблем (см.: таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «На ком, по Вашему мнению, лежит основная ответственность за решение экологических проблем?»

Суждения	%
На Правительстве (Министерство природных ресурсов и экологии, федеральные и региональные органы власти)	31,2
На бизнес организациях (экологическая модернизация промышленного производства, хозяйственной деятельности)	17,6
На органах правового регулирования (прокуратура, суд, законодательные органы)	7,0
На гражданском обществе, экологических движениях (неправительственные организации)	14,1
На каждом из нас	30,2

Из данной таблицы видно, что ответственность за решение экологических проблем студенты в основном перекладывают на Правительство и на каждого отдельного человека. Это можно объяснить тем, что человек должен контролировать свои действия, стараться уменьшить вред, наносимый природе. Органы

власти в свою очередь должны решать уже имеющиеся экологические проблемы, предотвращать их, проводя просветительские акции, мероприятия экологического характера. Таким образом, студенты осознают, что экологические проблемы необходимо решать совместно при участии как органов власти, так и отдельного человека.

Студентам также предлагалось самостоятельно выбрать меры, которые, по их мнению, будут способствовать повышению экологической культуры молодежи. Респонденты считают, что им следует чаще ходить в походы, экспедиции, гулять на свежем воздухе (57,5 %). Значительная часть указали на необходимость встреч со специалистами и посещения лекций соответствующей тематики (32,5 %).

В ходе работы была проведена кластеризация совокупности респондентов по степени обеспокоенности состоянием окружающей среды. Классификация проводилась с помощью метода k-средних в редакторе данных «SPSS». В результате удалось выделить **три кластера респондентов**. Их можно охарактеризовать следующим образом:

1. Пассивные респонденты, которых не волнует экологическая ситуация в своем городе. Они не участвовали и не хотят участвовать в экологических акциях, но при этом слышали о вузовских программах, направленных на защиту окружающей среды. **Размер кластера 26,2 %.**

2. Сочувствующие респонденты, которых волнует экологическая ситуация в своем городе. Однако они не принимали и не хотят принимать участие в экологических акциях, не слышали об экологических программах. **Размер кластера 50,0%.**

3. Активные респонденты, которых волнует экологическая ситуация в своем городе. Им приходилось участвовать в экологических акциях, и они слышали о реализуемых вузом экологических программах. **Размер кластера 23,8 %.**

Далее нам стоит более подробно остановиться на анализе данных кластеров. Так, «пассивные» указали на то, что в процессе обучения в школе и в вузе экологическим знаниям уделялось недостаточное внимание (31,6 %) либо вовсе не уделялось никакого внимания (33,3 %). Можно предположить, что этот факт повлиял на их отношение к природе. Они не обладают необходимой информацией о состоянии окружающей среды, у них низкая заинтересованность в изучении данного вопроса. «Активные» и «сочувствующие» наоборот отметили, что экологическим знаниям уделялось достаточно большое внимание (33,3 % и 54,2 %).

Стоит также заметить, что «активные» указали на то, что им, для того чтобы повысить свою экологическую культуру, необходимы встречи со специалистами и лекции (38,5 %). Обладая определенным набором знаний, студенты стремятся расширить свой кругозор, узнать о новых экологических угрозах, способах борьбы с ними, взаимодействуя с экспертами в этой области. Противоположные результаты получены в двух других кластерах. Для «пассивных» важно непосредственное общение с природой, походы, экспедиции, прогулки

(28,3 %). «Сочувствующие» отметили, что им достаточно чтения литературы (100,0 %).

Таким образом, можно сказать, что большая часть молодых людей имеет экологически верные ориентации и установки, но они не всегда реализуются в поступках. Молодые люди осознают, что каждый человек может способствовать сохранению природы, уменьшая вредное воздействие на нее, понимают, что необходимо как-то решать экологические проблемы, но при этом часть из них не готова предпринимать для этого каких-либо действий.

Подведем итоги. Экологическая культура студентов НГУЭУ находится на низком уровне. Несомненно, на данный феномен влияет ряд факторов. Среди них можно выделить недостаточный уровень экологического образования. Студенты, не обладая достаточным набором знаний, ведут пассивный образ жизни, потребительски относятся к природе. Исходя из этого, требуется ряд решений. В первую очередь это введение в школьные и вузовские программы такой дисциплины, как «Экология». Необходимо также проводить различного рода лекции, воспитательные беседы разъясняющего характера.

Литература

1. Котова И.Н. Экологическая культура как фактор устойчивого развития местного сообщества в условиях современной России: социологический анализ: автореф. дисс. ... канд-а соц. наук. М, 2008. 177 с.
2. Кузьмина А.И. К вопросу о социологическом «срезе» инвайронментальной мараидгмы / А.И. Кузьмина // Научные труды Северо-западного института управления. 2014. № 1 (13). С. 223–227.
3. Проект Федерального закона № 90060840-3 «Об экологической культуре» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 13.07.2001) // Федерации // Справочно-правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=9544#047872788062437754> (дата обращения 30.09.18.)
4. Яо Л.М. Социальная экология: учеб. пособие / Л. М. Яо. – Казань: Изд-во КГТУ, 2014. 280 с.

Е.И. Синицына

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
sinitcyna-elena@mail.ru

ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ДОГОВОРА О РСМД ПО ДОКУМЕНТАМ КОНГРЕССА США

Россия и США, как важнейшие игроки на мировой арене и главные ядерные державы, несут особую ответственность за состояние международного мира и безопасности, в том числе — за укрепление режима нераспространения ядерного оружия. Сегодня, когда российско-американские отношения характеризуются кризисом, повышается роль исследований, направленных на изучение возможностей взаимодействия двух держав и решения назревших между ними проблем.

Одной из острых проблем на сегодняшний день представляется проблема соблюдения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договора о РСМД, или ДРСМД), подписанного лидерами США и СССР в 1987 г. Согласно данному договору, стороны взяли на себя обязательство ликвидировать все комплексы ракет средней (от 1 000 до 5 500 км) и меньшей (от 500 до 1 000 км) дальности, пусковые установки для них и вспомогательные сооружения, а также не производить, не испытывать и не развертывать такие ракеты в будущем [3].

В результате, в течение 3-х лет после вступления Договора в силу сторонами были полностью уничтожены баллистические и крылатые ракеты наземного базирования, их пусковые установки и вспомогательное оборудование, запрещенные Договором, а в целях его выполнения по май 2001 г. осуществлялись взаимные инспекции [4].

Тем не менее, несмотря на выполненные в конце 20 столетия обязательства, в начале нового тысячелетия действие Договора оказалось под угрозой из-за взаимных претензий сторон по нарушению его условий. Так, США обвиняют Россию в разработке и проведении испытания в 2014 г. крылатой ракеты наземного базирования с дальностью полета, превышающей установленные Договором пределы [4]. Россия, со своей стороны, все обвинения отрицает и предъявляет США встречные: односторонний вывод из-под охвата ДРСМД ударных беспилотных летательных аппаратов «Предатор» и «Рипер» с дальностью полета свыше 500 км, полностью подпадающих под содержащееся в Договоре определение термина «крылатая ракета наземного базирования»; применение при испытании систем ПРО баллистических ракет-мишеней типа «Гера», схожих по характеристикам с баллистическими ракетами средней дальности; а также наземное развертывание в Румынии и Польше в составе комплексов противоракетной обороны «Иджис Эшор» универсальных пусковых установок Mk-41, которые могут быть задействованы для запусков крылатых ракет средней дальности «Томагавк» и других ударных ракетных средств [2].

Продолжающиеся уже несколько лет взаимные обвинения сторон на днях, кажется, подошли к своему логическому завершению: 19 октября 2018 г. стало известно о намерении США выйти из Договора [8]. По мнению целого ряда экспертов, в том числе директора Московского Центра Карнеги Д. Тренина, такой политический шаг американского президента был вполне предсказуемым: во многом он был продиктован предстоящими в ноябре этого года выборами в американский Конгресс, а также общей приверженностью администрации Трампа курсу на выход из невыгодных для США соглашений (вспомним ситуацию вокруг иранской ядерной сделки) [6].

Однако выход США из ДРСМД можно было прогнозировать еще во второй президентский срок Б. Обамы. И основанием для такого прогноза стала не взаимная агрессивная риторика сторон в отношении несоблюдения данного договора, начавшаяся как раз в этот период, а анализ документов Конгресса США, главного законодательного органа страны. Дело в том, что взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти в США представляет

собой сложный процесс политического торга и достижения взаимоприемлемых решений, вытекающий из заложенной американской Конституцией системы сдержек и противовесов [7. Р. 62]. Конгресс США в этой системе имеет достаточное количество разнообразных инструментов для того, чтобы оказывать влияние на внешнеполитический курс правительства. Главными среди них представляются прерогативы в финансовой сфере (т. н. «власть кошелька») и право законодательной инициативы [9]. Именно они позволяют Конгрессу формулировать, а значит, и определять американскую повестку дня и задавать нужный внешнеполитический вектор. Поэтому, несмотря на достаточно распространенное мнение о центральной роли президента и его аппарата в принятии внешнеполитических решений, необходимо также учитывать важную роль Конгресса в этом процессе и анализировать разрабатываемые им документы.

Как показал анализ документов 113 и 114 Конгресса США (3 января 2013 г. – 3 января 2017 г.), проблемы соблюдения заключенных между Россией и США соглашений в сфере контроля над стратегическими вооружениями, в первую очередь Договора о РСМД, занимали крайне незначительное место в обсуждениях существующих в ядерной сфере проблем. В большинстве своем разрабатываемые документы были направлены на принятие мер противодействия политике России и привлечение ее к ответственности за существенное нарушение своих обязательств по Договору о РСМД, а также обеспечение эффективного сдерживания «российской агрессии». Хотя некоторые представители американской политической элиты высказывались в пользу сохранения с Россией диалога, этот подход остался только на уровне обсуждений. Те немногие законы, которые вступили в силу – законы об ассигнованиях комитетов по делам вооруженных сил – однозначно не предусматривали никакого сотрудничества с Россией по этому вопросу в ближайшей перспективе и были направлены на разработку комплексного ответа на исходящие с ее стороны угрозы.

Таким образом, еще задолго до недавно объявленного Д. Трампом решения о выходе США из ДРСМД было понятно, что этот ход – лишь дело времени. В мышлении американских конгрессменов прочно установился негативный образ РФ как страны, нарушающей нормы международного права (и не только в сфере контроля над вооружениями). Пока существует этот образ, независимо от того, какой человек будет находиться на посту президента, нормализация отношений с Россией и конструктивное решение возникающих в российско-американской повестке дня проблем не представляется возможным. Президент, «одиноко стоящий на вершинах пирамид политической власти» [5], по меткому замечанию А. Кортунова, не может изменить сложившуюся в США политическую систему по своему усмотрению. Поэтому неудивительно, что, вопреки надеждам на улучшение российско-американских отношений, администрация Д. Трампа не только поддержала Конгресс в его обвинениях и претензиях к России о нарушении ДРСМД, но и заявила о возможности выхода из Договора [1].

Литература

1. Арабатов А. Чем опасен для России выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности // Московский Центр Карнеги. 22 октября 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77543> (дата обращения: 31.10.2018).
2. Дворкин В.Э. Договор о РСМД: быть или не быть // Независимое военное обозрение. 2017. 14 июля [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2017-07-14/1_956_dogovor.html (дата обращения: 21.03.2018).
3. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/rsmd.htm> (дата обращения: 21.03.2018).
4. Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности: справка // Министерство иностранных дел РФ [Офиц. сайт]. URL: http://www.mid.ru/voenno-strategiceskie-problemy/-/asset_publisher/hpkjeev1aY0p/content/id/1138496 (дата обращения: 21.03.2018).
5. Кортунов А. Российские подходы к США: кто удивил, тот победил // РСМД. 2018. 1 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://russiangouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-podkhody-k-ssha-kto-udivil-tot-pobedil/> (дата обращения: 16.02.2018).
6. Тренин Д. Назад к Першингам. Что означает выход США из предпоследнего договора о контроле вооружений // Московский Центр Карнеги. 22 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77541> (дата обращения: 31.10.2018).
7. Divided Democracy: Cooperation and Conflict Between the President and Congress / ed. J.A. Thurber. Washington: CQ Press, 1991. 323 p.
8. Sanger D., Broad W. U.S. to Tell Russia It Is Leaving Landmark I.N.F. Treaty // The New York Times. October 19, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/19/us/politics/russia-nuclear-arms-treaty-trump-administration.html> (accessed: 31.10.2018).
9. The Constitution of the United States [Electronic resource] // U.S. Senate [Official website]. URL: https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (accessed: 05.11.2017).

В.А. Скуденков

Иркутский государственный университет (Иркутск)
vskudenkov@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА)

Изучение экономических притязаний позволяет определить, какие условия и возможности рассматривают в качестве индивидуальных жизненных стратегий жители малых и крупных городов Сибири. Современное развитие общества все более усиливает социальное расслоение. Социальная дифференциация общества строится в зависимости от как внешних социально-экономических условий среды, так и возможности реализации индивидуальных стратегий социальной адаптации к меняющимся условиям.

Притязания человека — это то, что он желает иметь в своей жизни. Притязания могут касаться материальной, социальной и духовной стороны жизни. Притязания определяют мечты и мысли человека, а также готовность рисковать и действовать по удовлетворению своих притязаний. Притязания могут консолидировать, а могут и дезинтегрировать общество [1; 6; 7; 8].

Притязания состоят из установок и мотивов поведения человека и формируются в реальные и желаемые образы должного и нормативного поведения. Подтвержденные притязания позволяют говорить о «социальном и личном успехе» и «успешности» как таковой. Об этом более подробно изложено в исследовании О.А. Полюшкевич и коллег [4; 5]. Особенности влияние локальных территорий на жизненные стратегии людей изучены в работах В.Р. Цылева [9], Ю.В. Луниной [3] и других.

В нашем исследовании предполагается, что экономические притязания не часть, а основной вектор общественного развития социума в конкретных социально-исторических условиях. Экономические притязания всегда отвечают требованиям и возможностям той эпохи, в которой живут люди. Особенно ярко это прослеживается, когда мы рассматриваем уровень и качество жизни жителей разных городов отдельной территории. В последние годы появляются исследования, подчеркивающие территориальную дифференциацию доходов и потенциальных возможностей, а соответственно и притязаний жителей малых и крупных городов. Это приводит к тому, что жители разных городов обладают не одинаковыми возможностями для самореализации и удовлетворения насущных потребностей.

Исследование проходило в 2017 г. в крупных и больших, средних и малых городах Иркутской области (деление по городам проведено по Г.М. Лашпо [2]). Общее количество респондентов — 2200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, погрешность 2,4 %. Выборка случайная.

Также мы применяли неструктурированное экспертоное интервью с целью выявления ключевых параметров экономических притязаний различных социальных групп изучаемых городов. В экспертоном интервью приняло участие 22 человека.

Результаты исследования позволяют выявить достаточно интересную картину. Базовые притязания распределены примерно одинаково во всех возрастных группах, а социальные имеют существенные перекосы (см. таблицу 1).

Таблица 1
Особенности притязаний жителей разных городов (в %)

Притязания	Крупный и большой город		Средний город		Малый город	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Материальные	50	45	40	40	20	25
Социальные	40	45	45	40	55	55
Духовные	10	10	15	20	25	30

Итак, материальные притязания значимы для всех социальных групп.

Для жителей больших и средних городов они занимают 40–50 %, а среди жителей малых городов лишь 20–25 %. Это можно объяснить наличием больших возможностей и альтернативных способов реализации своих материальных потребностей у жителей крупных, больших и средних городов, в отличие от жителей малых городов, которые ограничены территориальными, экономическими, социальными и иными рамками города. Причем, жители всех городов говорят о взаимосвязи материального достатка жителей и благополучия самого города.

Социальные потребности одинаково важны для жителей всех городов Иркутской области (от 40 до 55 %). В малых городах значимость этого фактора выше, чем в крупных. Также прослеживается чуть ли не требование жителей малых городов к более обеспеченным и властью имущим гражданам к обязательной помощи городу и его жителям в разных вопросах.

Духовные притязания в целом занимают меньшую долю среди всех респондентов-жителей разных городов. Но наименее они значимы для жителей крупных городов (10 %), чуть более важны для жителей средних (20–25 %), и занимают существенную часть притязаний жителей малых (25–30 %). Чем меньше город, тем более важны духовно-мировоззренческие идеи и идеалы, которые объединяют людей. Большие города занимают свободное время либо дополнительной работой, либо досугом, а в малых городах нет такой возможности, поэтому свободное от достижения материальных и социальных задач время либо заполняется духовными ориентирами и притязаниями, либо уходит в полную противоположность — увеличивается доля деструктивного, «диванного» поведения.

В таблице 2 представлено долевое распределение каждого рассмотренного пункта притязаний.

Разнообразны элементы материальных притязаний; наиболее явно они прослеживаются в крупных городах, но, чем меньше город, тем менее актуальны в общественном сознании данные притязания.

Таблица 2

**Долевое распределение притязаний жителей разных городов
(чем ближе к 1, тем более значим данный уровень притязаний)**

Притязания	Крупный и большой город	Средний го- род	Малый город
Материальные			
Достойный заработок	1,0	0,7	0,5
Дополнительные источники поступления финансов	0,6	0,3	0,1
Квартира	0,8	0,7	0,5
Машина	0,9	0,4	0,2
Дача	0,7	0,6	0,5
Вклады в банках	0,5	0,2	0,1

Социальные			
Престижная работа	0,9	0,7	0,5
Публичность (известность) в городе	0,7	0,6	0,2
Социальный капитал	0,7	0,8	0,5
Влиятельность мнения (позиций)	0,6	0,5	0,7
Социальные связи	0,8	0,5	0,6
Духовные			
Социальное попечительство	0,2	0,4	0,6
Работа в НКО	0,5	0,2	0,2
Участие в социальных проек- тах	0,5	0,3	0,2
Благотворительность	0,4	0,3	0,1
Волонтерство и добровольче- ство	0,4	0,3	0,4
Деятельность в религиозных учреждениях	0,3	0,5	0,7

Материальные условия значимы для 50 % людей среднего возраста, 40 % людей младшего возраста и для 20 % респондентов старшего возраста.

Молодые люди делают акцент на том, что им не все равно где, кем и как они работают, для них важно, чтобы работа им нравилась. В отличие от пожи-лых людей, которые рады любому приработку. Люди среднего поколения также отличаются от молодежи, они хотят стабильной, пусть и не любимой работы.

По нашему мнению, такое распределение формируется в обществе искус-
ственно, для лучшего манипулирования людьми. Для того, чтобы молодые люди
чаще меняли работу, не накапливали стаж в одной сфере деятельности. Люди
среднего возраста (как наиболее кредитоспособные) были предсказуемы и ими
также можно было управлять через сферу услуг и потребления. Для людей
старшего возраста также создают рамки «условной благодарности» за то, что
они имеют.

Основными источниками доходов выступает заработка плата, но в боль-
ших городах приработка и случайные заработки составляют существенную долю
бюджета человека или семьи, тогда как в малых городах второй статьей доходов
выступают пособия и социальные выплаты, объем и размер которых не соотно-
сим с потребностями.

По внутреннему самоощущению, «обеспеченных» и людей «выше
среднего» в крупных городах больше, чем в маленьких, но в маленьких зна-
чимость принадлежности к людям «среднего достатка» больше и внутренние
критерии для вхождения в эту группу более мягкие.

Об этом же говорят и те условия, по которым респонденты оценивают свое
социальное положение. В малых городах «приукрашивают» и «уравнивают» свое

положение, приближая к среднему, в крупных более поляризуют и выдвигают больше требований к формальным критериям отнесения к тому или иному слою.

Для большинства респондентов, работа — важная часть жизни. Для одних — источник дохода, для других — способ самовыражения, для третьих — возможность принести пользу обществу, для четвертых — неизбежное зло. Чем больше город, тем больше тех, для кого работа — это источник доходов, чем меньше — тем больше тех, для кого это способ выказать свою пользу. При этом, такой показатель, как способ самовыражения, практически одинаков в городах разного уровня.

Социальные потребности и притязания также достаточно равномерно распределены во всех возрастах, но их роль увеличиваются в более старшем возрасте (30 % в молодости, 30 % в среднем возрасте и 40 % в более старшем возрасте).

Социальные притязания также более важны для людей среднего возраста (40 %), для молодежи — 30 %, для людей старшего возраста — 30 %. Но, если для людей старшего возраста в большей степени важны традиции и нормы, то для других групп — законы и нормы, определяющие их повседневное пространство.

Духовные потребности и притязания более значимы в молодости (40 %) и менее значимы в пожилом (25 %) и среднем возрасте (35 %). Это притязания, которые позволяют нам выживать в социуме, он не относится непосредственно к социальным, а воспринимаются как личные навыки и умения, которые позволят выжить человеку в любых условиях.

Духовные притязания важны для 5 % молодежи, 10 % людей среднего возраста и 50 % респондентов старшего возраста. Данное распределение вызвано тем, что служение и вера — абсолютно не социальные явления, поэтому их проявление в чистом виде в социуме не возможно, реально только в закрытых сообществах (религиозных (храмы, монастыри) или социально-специфических (хосписы)) и т. д.

На вопрос, что помогает, а что мешает социальному успеху и экономическим притязаниям респондентов, мы получили следующие ответы: для жителей крупных городов — это материальная обеспеченность (40 %), средних городов — социальные связи (социальный капитал) 45 %, для жителей малых городов — профессия (30 %) и семья (35 %). Это те ресурсы, на которые могут опираться жители для формирования своих экономических притязаний.

Таким образом, проведенное социально-географическое исследование уровня притязаний жителей больших и малых городов Иркутской области показывает различные типы и стратегии жизни в разных городах области, вызванных социально-экономическими и культурно-политическими процессами во внешнем и внутреннем пространстве страны.

Экономические притязания жителей городов зависят от среды и внешних условий возможностей личной и социальной реализации, воплощения материальных желаний и потребностей. Безусловно, личностные особенности накладывают

свой отпечаток в приоритетах удовлетворения экономических притязаний, но зачастую они заключены в рамках социальных условий городской среды.

Литература

1. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Динамика представлений об экономическом благосостоянии у работающих взрослых в условиях до- и поствыборной ситуации в России // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 74–79.
2. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. С. 176–180.
3. Лунина Ю.В. Жизненные стратегии молодежи: основные направления социальной поддержки // Вестник ОГУ. 2008. № 80. С. 34–38.
4. Поляшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе: монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.
5. Поляшкевич О.А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
6. Скуденков В.А. Влияние городского пространства на экономические притязания (на примере Иркутской области) // Культура и взрывы: социальные смыслы в эпоху перемен материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутский государственный университет; Институт социальных наук. 2017. С. 239–250.
7. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118–122.
8. Скуденков В.А. Миологическое моделирование экономических притязаний в обществе риска // Политический консенсус в XXI веке: противодействие идеологии терроризма и обеспечение безопасности сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 119–122.
9. Цылев В.Р. Особенности жизненных стратегий жителей поселков Кольского севера // Проблемы развития территории. 2015. № 4 (78). С. 113–128.

П.А. Трескин

Иркутский государственный университет (Иркутск)
treskin-ne@ya.ru

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОСТРОЕНИИ ДИАЛОГА С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ

Некоммерческие организации обладают существенным ресурсом неформальных связей, способных влиять на социально-политические процессы нашего общества. С одной стороны, участие граждан в работе таких организаций позволяет расширить альтернативные формы и стратегии гражданского участия в общественной жизни государства. С другой стороны, НКО могут иметь ресурсы «расшатывания» уже сложившихся социальных институтов через протесты, «мягкое давление», контроль работы органов власти и бизнеса. Даные процессы обозначены в более ранних работах автора [4; 5; 6], О.А. Поляшкевич [3], А.В. Завьялова [1; 2] и других.

Наше исследование проходило в Прибайкалье и Забайкалье в 2017 г. (в Иркутской области, Забайкальском Крае и в Республике Бурятия). В нем приняли участие 30 экспертов (по 10 в каждом регионе), занимающих ведущие места в общественном секторе рассматриваемых регионов (руководили НКО, представители общественной палаты, социально активные граждане и т. д.).

Критерием отбора экспертов служила частота публикаций в печатных СМИ и телевыступлений в рамках своей деятельности. У выбранных экспертов минимальным порогом информационной активности было три раза в месяц, максимальным — шесть раз в месяц.

Формы НКО в изучаемых регионах разнообразны. По нашему мнению, это вызвано территориальными особенностями, а также социокультурным укладом изучаемых регионов (см. таблицу 1). Вместе с тем, количество и качество работы НКО формирует социокультурное пространство развития гражданской активности и социальной ответственности, как жителей, так и организаций в целом.

Таблица 1

**Количество некоммерческих организаций,
зарегистрированных в Иркутской области, Забайкальском Крае
и в Республике Бурятия в 2016 г.***

НКО по направлениям деятельности	Иркутская область	Забайкальский край	Республика Бурятия
Профессиональные союзы (территориальные и отраслевые)	280	121	254
Ветеранские (в том числе пенсионеров)	87	34	28
Объединения инвалидов	98	54	32
Национальные (в том числе национально-культурные автономии)	87	139	155
Молодежные и детские	79	101	144
Культурно-просветительские и творческие	109	121	265
Спортивные и оздоровительные (в том числе туристические)	269	87	231
Правозащитные	80	34	21
Благотворительные (в том числе фонды)	188	46	164
Иные НКО	1 755	419	1371
Итого:	3 032	1 156	2 665

* Составлено по данным администрации изучаемых регионов.

Мы оценивали индекс устойчивости межсекторного взаимодействия в рассматриваемых регионах, опираясь на семь ключевых позиций, в которых развиваются анализируемые нами некоммерческие организации (см. таблицу 2).

Таким образом, оценка перспектив социального партнерства и межсекторного взаимодействия строится на инструментах регулирования социально-политического пространства региона. Анализируемые нами субъекты РФ имеют свои уникальные проблемы развития взаимодействия. Специфика каждого региона обусловлена социально-историческими и культурно-политическими особенностями развития регионального сообщества. Понимая сильные и слабые стороны каждой территории, можно прогнозировать перспективы межсекторного взаимодействия Байкальского региона.

Таблица 2

Индекс устойчивости НКО в субъектах Байкальского региона

Реализуют программы	Иркутская область	Забайкальский край	Республика Бурятия
Правовое поле	7	4	6
Организационные возможности	8	5	6
Финансовая жизнеспособность	6	2	7
Защита общественных интересов	7	3	6
Оказание услуг	8	1	8
Инфраструктура	5	3	7
Репутация в обществе	6	2	7

Для Иркутской области характерно более интенсивное развитие НКО, обусловленное разнообразием форм и схем социального партнерства. При этом, необходима доработка инфраструктуры и финансово защищенных схем взаимодействия при развитии партнерских отношений.

Для Республики Бурятия, также имеющей довольно высокие показатели по количеству и качеству работы НКО, в работе межсекторного партнерства необходим особый акцент на выстраивание сети общественных отношений.

В Забайкальском крае для создания сети межсекторного взаимодействия необходимо увеличение программ и форм партнерства, расширения спектра оказываемых услуг, формирования имиджа и репутации в обществе самих программ межсекторного взаимодействия.

Все эксперты сходятся в том, что не хватает институционализированных форм государственной поддержки и развития межсекторного взаимодействия, отсутствует понятной политика развития НКО и системная работа с НКО органов власти.

Таблица 3

Реализация программ в субъектах Байкальского региона *

Реализуют программы	Иркутская область	Забайкальский край	Республика Бурятия
Совместные с органами власти социально-ориентированные проекты	8	3	6
Совместные проекты с бизнес структурами	6	2	7
Спонсоры, nonе партнеры	2	0	3
Занимаются благотворительностью	4	1	5

Участвуют в трехсторонних проектах (совместно с бизнесом и органами власти)	3	2	5
Участвуют в конкурсах грантов и субсидий	5	1	4

* Стоит учитывать, что в каждом субъекте привлекались эксперты только из 10 организаций

Из таблицы 3 видно, что Забайкальский край существенно отстает от Иркутской области и Республики Бурятия: по всем формам реализации программ у него минимальные или вообще нулевые показатели.

В Республике Бурятия доминируют совместные проекты с бизнес структурами – семь организаций из 10 занимаются совместными проектами с бизнес структурами, половина организаций участвуют в трехсторонних проектах (совместно с бизнесом и органами власти).

Говоря о проблемах межсекторного взаимодействия необходимо опираться на сложившиеся реалии социального партнерства и возможные формы развития открытого и прозрачного взаимодействия. Пока каждый субъект РФ, входящий в Байкальский регион, обладает комплексом недостатков и проблем, которые мешают выстраиванию открытых и доверительных отношений. Но при этом существует потенциал развития, как на межличностном, так и на институциональном уровне. Наша задача как исследователей состоит в изучении, публичном обсуждении данной проблемы в СМИ, на заседаниях Общественных палат и иных органов, а также в формулировке предложений возможных стратегий развития партнерства в отдельном регионе, что может также изменить условия и формы взаимодействия.

В таблице 4 представлена оценка социально-политического воздействия изучаемых НКО в Байкальском регионе.

Таблица 4

**Оценка социально-политического воздействия
(где 1 – максимально проявлено, 0 – минимально проявлено
в общественном пространстве)**

Критерий	Шкала оценки		
	Через СМИ	Через акции протеста	Через реализованные проекты
Декларирование проблем (от деструктивного до продуктивного)	0,8	0,4	0,7
Самостоятельные стратегии и формы решения проблем	0,3	0,3	0,6
Вовлечение общественности в решение проблем	0,9	0,7	0,9

Вовлечение бизнеса в решение проблем	0,4	0,1	0,8
Вовлечение власти в решение проблем	0,7	0,7	0,6
Другое	0,2	0,1	0,2

Таким образом, некоммерческие организации наиболее часто привлекают различные группы интересов и представителей тех или иных институтов через реализованные проекты (3 из 6), столько же прибегают к СМИ (3 из 6); акции протesta применяют (2 из 6).

Рассмотрим более подробно. Декларирование проблем (от деструктивного до продуктивного) наиболее часто осуществляется через СМИ (0,8) и реализованные проекты (0,6). Вовлечение общественности в решение проблем происходит через СМИ (0,9) и через реализованные проекты (0,9). Вовлечение бизнеса в решение проблем осуществляется в основном через реализацию конкретных идей и проектов (0,8). Вовлечение власти в решение проблем — через СМИ (0,7) и акции протesta (0,7).

Стоит указать, что различные виды НКО Байкальского региона используют различные ресурсы воздействия на социально-политическое пространство региона.

Таблица 5

**Оценка социально-политического воздействия различных НКО
(где 1 – максимально проявлено, 0 – минимально проявлено
в общественном пространстве)**

НКО по направлениям деятельности	Декларирование проблем (от деструктивного до продуктивного)	Самостоятельные стратегии и формы решения проблем	Вовлечение общественности в решение проблем	Вовлечение бизнеса в решение проблем	Вовлечение власти в решение проблем
Профессиональные союзы (территориальные и отраслевые)	0,6	0,8	0,4	0,3	0,2
Ветеранские (в том числе пенсионеров)	0,5	0,4	0,8	0,4	0,5
Объединения инвалидов	0,5	0,6	0,5	0,5	0,7
Национальные (в том числе национально-культурные автономии)	0,8	0,7	0,8	0,6	0,7
Молодежные и детские	0,9	0,5	0,9	0,5	0,8
Культурно-про-	0,7	0,5	0,8	0,6	0,9

светительские и творческие					
Спортивные и оздоровительные (в том числе туристические)	0,8	0,5	0,8	0,9	0,9
Правозащитные	0,6	0,7	0,9	0,6	0,7
Благотворительные (в том числе фонды)	0,5	0,6	0,7	0,9	0,4

Декларирование проблем (от деструктивного до продуктивного) через СМИ, дискуссионные площадки, Интернет-форумы наиболее актуально для общественных организаций молодежного и детского (0,9), национального (0,8) и спортивного характера (0,8).

Обозначить проблему – значит ее на половину решить. Обсуждение в любом формате и на любой площадке приводит к результату. Проблемы молодежи и детей, проблемы национального характера и спортивной деятельности находят отклик у населения, власти и представителей других социальных институтов в силу того, что, так или иначе, касаются всех.

Самостоятельные стратегии и формы решения проблем используются профессиональными союзами (0,8), национальными (0,7) и правозащитными (0,7) некоммерческими организациями. Некоторые задачи, которые возникают в результате работы указанных организаций, не могут (или не хотят) решать чиновники, сложно привлечь кого-то еще, поэтомурабатываются альтернативные модели.

Вовлечение общественности в решение проблем чаще всего используется молодежными и детскими (0,9) и правозащитными (0,9) организациями. Но при этом, все остальные также активно используют данный ресурс социально-политического воздействия. Кроме профессиональных союзов (0,4) и общества инвалидов (0,5).

Вовлечение бизнеса в решение проблем чаще всего используется спортивными (0,9) и благотворительными (0,9) некоммерческими организациями. И первый, и второй вид НКО способствует формированию позитивного имиджа компаний или персонально – руководителя фирмы, что формирует социальный капитал и добавляет «очки» в личную копилку человека или организации.

Вовлечение власти в решение проблем некоммерческими организациями применяется достаточно активно. Но лидерами выступают культурно-просветительские (0,9), спортивные и оздоровительные (0,9), а также молодежные и детские организации (0,8). Власть идет на контакт с данными организациями более активно в силу того, что перед ней стоят задачи развития культуры, спорта и молодежи на разных уровнях и в различных формах. Диалог между НКО и органами власти ведется, но он пока далек от той формы, которая была бы одинаково удобна и приемлема для всех участников социального взаимодействия.

Таким образом, роль некоммерческих организаций в построении диалога с органами власти достаточно значима, но не всегда эффективно проработана в конкретных муниципалитетах. С одной стороны, это обусловлено сложившимися стереотипами социального восприятия некоммерческих организаций и форм работы с ними органов власти, с другой стороны – отсутствием четкой и понятной системы социального взаимодействия, позволяющей регулировать социальные контакты и проекты на всех уровнях взаимодействия.

Литература

1. Завьялов А.В. Вклад этнокультурных организаций в развитие малых городов России (на примере малых городов Иркутской области) // Студенческие исследования-2010 межвузовская научно-практическая конференция: сборник статей : в 3 частях. Ивантеевка, 2010. С. 158–162.
2. Завьялов А.В. Социокультурные проекты национально-культурных организаций Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 28–32.
3. Поляшкиевич О.А. ТERRITORIALNO-PROSTORANNENNYE SYMBOLY SOCIOKULTURNOY SOLIDARNOSTI SIBIRI // Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4 (47). С. 293–300.
4. Трескин П.А. Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций Байкальского региона // Вестник Тихookeанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 345–354.
5. Трескин П.А. Роль некоммерческих организаций в социально-политическом пространстве байкальского региона // Социология. 2018. № 2. С. 131–137.
6. Трескин П.А. Социальные и естественные условия развития некоммерческих организаций города Иркутска // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 159–165.

И.Д. Украинцева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ)
ukraintseva-id@bk.ru

ДОСТУПНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На формирование современной системы образования оказали влияние различные исторические и социальные факторы. В русле развития инклюзивных идей переломным моментом принято считать переход от медицинской к социальной модели инвалидности. Он затронул, в первую очередь, законодательную базу, которая определила понятия доступности, или безбарьерности среды, для лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ), а, во-вторых, привел к выделению инвалидов как особой социальной группы в структуре российского общества. Инвалиды, безбарьерная среда, инклюзия, инклюзивное образование – понятия, которые законодательно характеризуют систему российского образования в целом на современном этапе.

С практической стороны Россия по сравнению с большинством европейских стран и США имеет относительно небольшой опыт построения инклюзивной среды. В свою очередь, российский опыт обладает рядом особенностей: большой временной интервал от появления первых инклюзивных школ (начало 1990-х гг.) до массового внедрения инклюзии во все учебные заведения (с 2014 г. по настоящее время); неравномерность внедрения и развития инклюзивного образования по регионам; одновременные процессы массового внедрения инклюзии и формирование финансовой, кадровой, материально-технической базы.

Имеющийся опыт представляет научный и практический интерес. С целью оценки доступности образования для детей с ОВЗ (включая детей-инвалидов) в России нами проведен сравнительный анализ нескольких субъектов. Анализ проведен по ключевым критериям, которые были сформулированы на основе общих понятий доступной среды для людей с ОВЗ для проблем, стоящих на пути активного внедрения инклюзивного образования:

1. общие показатели и факторы доступности социальной сферы для лиц с ОВЗ;
2. наличие собственных нормативно-правовых документов в области доступной среды в целом и инклюзивного образования в частности;
3. динамика численности детей с ОВЗ, охваченных инклюзивным образованием, в общей численности всех детей с ОВЗ;
4. доля образовательных учреждений, продвигающих инклюзивное образование в общей численности образовательных учреждений;
5. инфраструктурная доступность образовательных учреждений;
6. оснащенность специальными приспособлениями образовательных учреждений.

В число участников исследования вошли: г. Москва, Красноярский край, Республика Бурятия и Чукотский автономный округ (далее Чукотский АО). Основными условиями выбора регионов стали: территориальное расположение (охват наиболее крупных федеральных округов); степень развитости доступной безбарьерной среды для людей с ОВЗ; примеры успешной реализации инклюзивных практик.

Общий анализ по первому критерию показал, что лидером по обеспечению доступной среды для людей с ОВЗ является г. Москва. Субъект занимает первое место в национальном рейтинге [6]. Это связано с различными экономическими, политическими и социальными причинами (столица государства, расположение, численность населения и т. п.). Также Москва является центром по внедрению новых социальных проектов, которые в дальнейшем реализуются в других регионах.

Одними из важнейших факторов, которые оказывают влияние на развитие доступной социальной среды, являются общая численность населения субъекта и уровень его инвалидизации. Согласно данным официальных источников, исследуемые субъекты имеют существенные различия в численных показателях по указанным факторам. Так, население Москвы в 250 раз превышает численность населения Чукотского АО, при этом количество инвалидов в столице России

больше почти в 600 раз. Высокий уровень инвалидизации наблюдается и в Бурятии, где доля инвалидов в общей численности населения составляет 8,1 % (в Москве – 8,7 %, в Красноярском крае – 6,7 %). Кроме того, Бурятия среди исследуемых субъектов находится на первом месте по уровню детской инвалидности, выраженной в соотношении детей-инвалидов к общей численности населения – 0,57 % [7]. Наиболее низкий уровень числа детей-инвалидов относительно общей численности населения наблюдается в Москве – 0,3 % [4].

Согласно критерию оценки состояния собственной нормативно-правовой базы, передовыми регионами являются г. Москва и Красноярский край. Слабая база в Чукотском АО – нет собственной программы по развитию инклюзивного образования и не продлена местная программа «Доступная среда» на основе Федеральной государственной программы «Доступная среда на 2011–2020 годы». Что касается Бурятии, то в целом в республике разработана обширная нормативно-правовая база и имеется несколько отличительных особенностей. Во-первых, Бурятия входит в число субъектов, которые первые разработали и начали реализовывать основные документы в исследуемой области (Федеральная целевая программа «Доступная среда» утверждена в Бурятии в 2010 г.). Во-вторых, необходимо отметить активное участие общественных организаций инвалидов в контролировании за исполнением законов в области прав людей с инвалидностью. Так, с 2011 г. каждая организация, которая оказывает государственные услуги, обязана предоставлять документ, подтверждающий согласование проектной документации с Региональным общественным фондом инвалидов-колясочников «Общество без барьеров».

Следующие два критерия отражают основные показатели инклюзивного образования, по которым можно охарактеризовать состояние и проблемы данного процесса в исследуемых регионах. В связи с отсутствием необходимых официальных данных приведены лишь некоторые статистические показатели. Так, в Москве за четыре года (2013–2018 гг.) при относительно небольшом увеличении числа детей-инвалидов (чуть более 5 тысяч человек), доля детей, имеющих возможность получать образование, выросла всего на 3 % (57 % в 2013–2014 учебном году и 60 % в 2017–2018) [4]. Несмотря на рост числа детей-инвалидов, обучающихся в инклюзивных общеобразовательных школах в сравнительном периоде, сложно говорить об увеличении доли детей, охваченных инклюзией в общей численности детей с ОВЗ. В Красноярском крае за исследуемый период произошел бурный рост числа детей с ОВЗ, получающих различные виды образовательных услуг – с 56 % в 2013–2014 учебном году [1] до практически 100 % в 2017–2018, включая всех детей-инвалидов. При этом в регионе наблюдается достаточно высокий показатель детей с ОВЗ, которые обучаются инклюзивно в общеобразовательных школах – 36 % от всех детей с ОВЗ школьного возраста [2]. К сожалению, в Чукотском АО показатели сравнительно низкие – за аналогичный период при общем росте числа детей-инвалидов на 14 %, численность детей-инвалидов, имевших возможность получать образовательные услуги, выросла лишь на 19 % [3]. В Республике Бурятия по имеющимся официальным данным за период с 2011 г. (начало реализации пер-

вых инклюзивных практик) по 2016 г. наблюдается рост числа детей с ОВЗ, обучающихся инклюзивно (на 42 %) и на дому (более чем на 200 %).

Следующие три критерия оценки состояния инклюзивного образования в исследуемых субъектах рассмотрены в совокупности. В Москве на 2017–2018 учебный год насчитывается 432 инклюзивные общеобразовательные школы (что составляет более 32% от общего числа всех средних общеобразовательных учреждений) и 24 средне-специальные профессиональные организации [4]. Инфраструктурной доступности и оснащенности специальными приспособлениями образовательных учреждений в Москве уделено особое внимание. На 2016 г. 60 % зданий приспособлено для инвалидов-колясочников, 89 % – для инвалидов-опорников, 91 % – для инвалидов по слуху, 89 % – для инвалидов по зрению [4].

В отличие от Москвы, в Красноярском крае доля общеобразовательных инклюзивных школ составляет более 83 % (813 инклюзивных из 920 муниципальных школ) [2]. Инфраструктурная доступность и оснащенность общеобразовательных учреждений края развивается достаточно быстрыми темпами. Так, в краевом центре г. Красноярске уже в 2014 г. 7 школ были оснащены специальным оборудованием для работы с особыми детьми. В 2018 г. безбарьерная универсальная среда для детей с ОВЗ сформирована в базовых образовательных организациях, в числе которых 139 школ, 69 детских садов, 19 организаций дополнительного образования [2]. За период с 2014 по 2018 г. построено 12 школ, 44 детских сада, соответствующих всем требованиям безбарьерной среды.

В официальных источниках Чукотского А.О. приводятся следующие данные: в регионе функционирует четыре специализированных учебных заведения, четыре средние профессиональные образовательные организации МБОУ. «Школа-интернат поселка Эгвекинот» реализует адаптированные общеобразовательные программы для детей с умственной отсталостью [3].

В Республике Бурятия согласно официальным статистическим данным система общего образования на 2016–2017 учебный год представлена 456 общеобразовательными организациями с количеством обучающихся 136,1 тыс. детей [5]. Из них во всех типах и видах общеобразовательных организаций республики обучается 4198 детей с ограниченными возможностями здоровья. В муниципальных общеобразовательных организациях обучается 2702 ребенка, из которых: 928 – дети-инвалиды, 720 – дети с ОВЗ. На дому получают образование 1054 человека. Инклюзивное образование на начало 2018–2019 учебного года фактически реализуется в трех школах г. Улан-Удэ (МАОУ СОШ № 4, № 13, № 20) и 15 районных образовательных учреждений. На данный момент в Республике функционирует три общеобразовательные школы, полностью соответствующие требованиям безбарьерной среды: СОШ № 2 и СОШ № 65 г. Улан-Удэ, СОШ № 2 г. Кяхта Кяхтинского района. В указанных доступных школах детей с ОВЗ и детей-инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата в текущем учебном году нет.

Таким образом, анализ важнейших показателей исследуемых субъектов по заданным критериям показал, что наиболее благоприятная безбарьерная среда (инклюзивное образование) для людей с ОВЗ создана в Москве. Красноярский

край является одним из самых успешных регионов в реализации инклюзивных практик. Некоторые количественные показатели этого субъекта превосходят московские. Республика Бурятия по исследуемым критериям занимает промежуточное место между Красноярским краем и Чукотским АО. Наименее развитым регионом является Чукотский АО.

Литература

1. Диденко Л.А. Условия развития образовательного пространства для лиц с ограниченными возможностями здоровья в Красноярском крае / Л.А. Диденко, В.В. Абдулкин, К.В. Бельская // Инклюзивное образование: практика, исследования, методология: Сб. материалов II Международной научно-практической конференции. М.: МГППУ, 2013. С. 14–17
2. Инклюзивное и специально образование [Электронный ресурс]: Министерство образования Красноярского края. URL: <http://www.krao.ru/deyatelnost/obrazovanie-detej-s-ovz-i-invalidnostyu/inklyuzivnoe-i-spetsialnoe-obrazovanie/>
3. Информационная справка об образовании детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов в 2017–2018 учебном году в Чукотском автономном округе [Электронный ресурс]: Департамент образования, культуры и спорта Чукотского автономного округа. URL: http://www.edu87.ru/index.php/2015-01-20-05-55-36/osnovnye-razdely/obuchenie-detej-invalidov-i-detej-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovuya/item/download/2067_0f264befb31d4b47c4b3b22848de9df/
4. Информационные материалы о ходе реализации Государственной программы «Столичное образование» / Итоги 2015 года [Электронный ресурс]: Департамент образования города Москвы URL: <https://dogm.mos.ru/gosprogramma/otchet.docx>
5. Министерство образования и науки Республики Бурятия/ Общее образование [Электронный ресурс]. URL: <http://edu03.ru/napravleniya/obrazovanie/obshchee-obrazovanie.html>
6. Национальный рейтинг: доступная среда [Электронный ресурс]. URL: <http://russiarating.ru/info/8288.html>
7. Статистика по детям-инвалидам в РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sakuramed.ru/stati-posvyashchennyye-detskomu-tserebralnomu-paralichu-dtsp/article_post/statistika-po-detyam-invalidam-v-rf

Ю.С. Филаретова, Б. Атие

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
Yuliya_filaretova@mail.ru, Basem.ateih@live.com

АНАТОМИЯ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО АСПЕКТОВ

Для международного развития на рубеже XX–XXI вв. характерна тесная взаимозависимость между крупными сдвигами в мировой политике и усилением внутригосударственной и региональной напряженности, которая очень часто перерастает в прямое вооруженное противостояние, принимает форму открытого конфликта. Эскалация и затяжной характер таких конфликтов сигнализирует о

кризисном состоянии системы международных отношений и, прежде всего, ее стержневого компонента — системы международной безопасности.

Одним из таких региональных очагов напряженности стал Ближний Восток, где в 2010 г. вспыхнула так называемая «Арабская весна», которая, начавшись с Туниса, а затем охватив Египет, Йемен и Ливию, привела — по принципу домино — к свержению авторитарных (или полуавторитарных) светских режимов в этих странах [13, с. 79–90]. Однако «эффект домино» не сработал в случае Сирии, где в марте 2011 г. вспыхнули митинги и вооруженные столкновения с полицией, впоследствии переросшие в гражданскую войну. Этот конфликт уже сейчас можно квалифицировать как один из самых сложных и кровопролитных вооруженных конфликтов начала XXI в.

Чтобы понять природу сирийского конфликта, необходимо выяснить его анатомию: понять его внутреннюю природу и факторы внешних влияний, определить участников, их интересы и существующие между ними противоречия, учитывая при этом социально-культурный аспект и ценности сирийского общества.

На первый взгляд, сирийский конфликт предстает как внутриполитический, так как его эксплицитным выражением является борьба между правительством и политической оппозицией [10]. Такой конфликт, по определению О. Мазур, воплощает теоретическую и политическую борьбу субъектов политики за власть с целью модифицировать, трансформировать или сохранить социальный порядок; при этом на остроту, массовость и продолжительность конфликта влияют религиозные, этнические и культурно-идеологические различия и разногласия [4, с. 5–10] Массовые беспорядки в южном городе Дараа, впоследствии охватившие столицу и другие города Сирии, стали выражением открытого противостояния значительного части сирийского общества существующему политическому режиму и переросли в гражданскую войну с целью свержения президента Башара аль-Асада и демонтажа всей системы правления Партии арабского социалистического возрождения Баас [7, с. 72–73].

При этом следует учитывать, что оппозиция в политическом и программном отношениях не представляет из себя чегото однородного и консолидированного. Во-первых, она состоит из политического и военного крыла, во-вторых, представлена несколькими партиями или группировками, не имеющими друг с другом схожих точек зрения на вопросы будущего государственного устройства. Так, партии политической оппозиции, консолидируясь по этим вопросам, образуют так называемые оппозиционные платформы: умеренные платформы — «московская», «каирская», «хмеймимская» [1], «астанинская» [5] — выступают за социально-политические реформы и проведение президентских выборов, не ограничивая при этом в участии и действующего президента Б. Асада [6]; более радикальная — «эр-риядская» — платформа выступает за создание переходного органа власти и немедленную отставку Б. Асада [8, С. 94–100]. При этом официальное сирийское правительство заявляет о сохранении целостного светского государства и секулярного общества во всем его разнообразии при осуществлении необходимых политических реформ, согласно устремлениям самих граждан Сирии [11].

Изучая происходящие в Сирии процессы, необходимо также принимать во внимание полиэтничный и поликонфессиональный состав населения этой страны, где идентичность играет важную роль в жизни общества и зачастую определяет политические симпатии и антипатии. На пересечении этнического и конфессионального факторов можно говорить о таких отдельных общинах Сирии, как алавиты, сунниты, шииты, христиане, арабы-бедуины, ассирийцы, курды, туркоманы, евреи, армяне и пр. Каждая сирийская община, как правило, имеет собственный взгляд на конфликт и пути его урегулирования. Так, курды, не являясь арабами, выступают за переименование САР в Сирийскую Республику, заявляя о том, что в случае невыполнения этого требования будут добиваться независимости.

Более того, наблюдается инструментализация религии в политических целях. Ряд групп вооруженной оппозиции имеют ярко выраженную исламистскую окраску, в принципе отрицая идею светского государства [3, с. 11–15]. Большая часть таких лозунгов была выдвинута «Сирийской свободной армией» и радикальными исламистскими группировками, часть которых даже признана в некоторых странах террористическими. Их деятельность способствует эскалации конфликта в Сирии. Это такие группировки, как Джебхат ан-Нусра, батальон Аль-Мухаджерин, Ахтар аш-Шам, Джейш аль-Ислам, Братья-мусульмане и т. п. До сих пор одной из проблем в попытках урегулирования конфликта является отделение террористических группировок от оппозиционных. Так, международно признанная террористической организацией Джебхат-ан-Нусра только сравнительно недавно была включена Турцией в список террористических группировок. Наибольшую же угрозу представляло образовавшееся на территории Сирии и Ирака террористическое Исламское государство (террористическая организация, запрещенная в РФ), военная активность которого в наибольшей степени углубила сирийский кризис, разрушая не только политическую, но мировоззренческую основу Сирийского государства [7, с. 7885].

С другой стороны, сирийский конфликт является международным региональным конфликтом. За семь лет своего развития он втянул в себя десятки государств и движений. О широкой вовлеченности в конфликт различных международных сил можно судить, в частности, по обозначению вышеупомянутых оппозиционных платформ. Выделим его наиболее важных внешних участников, определим их место и интересы участия в конфликте.

С начала конфликта США выступают на стороне сирийской оппозиции, настаивая на отставке Б. Асада. В августе 2014 г. была создана коалиция из 60 стран во главе с США по борьбе с ИГИЛ на территории Сирии и Ирака. Под лозунгом «борьбы с международным терроризмом», который фактически легитимировал военное присутствие коалиции на территории Сирии, ею были организованы военные лагеря для подготовки и экипировки вооруженной сирийской оппозиции. В числе поддерживаемых коалицией сил фигурирует и курдская оппозиция, чью идею о создании автономного государства активно поддерживают США, которые, вместе со своими европейскими и арабскими союз-

никами, крайне заинтересованы в разделе Сирии и последующем разграничении сфер интересов и влияния.

В то же время «в международную коалицию остались неприглашенными Россия и Иран» [2], заинтересованные в сохранении Б. Асада у власти. Россия, выступая на стороне легитимного правительства САР, оказывает ему всестороннюю политическую и военную поддержку. Она настаивает на выполнении резолюции Совета Безопасности ООН № 2254 о сохранении суверенной и неделимой Сирии, и по этому пункту ее интересы кардинально расходятся с интересами США и их союзников. Участие России в конфликте обусловлено не только исторически дружественными межгосударственными связями России и Сирии [7, с. 18], но и необходимостью решительной борьбы с международным терроризмом, учитывая тот факт, что на стороне ИГИЛ воюет немало выходцев из стран Кавказа и Центральной Азии, что потенциально подрывает безопасность РФ. Нельзя не учитывать также необходимость защищать интересы русского населения на территории Сирии и заинтересованность России в сохранении военной и морской баз, расположенных на территории САР.

Как было отмечено выше, арабские страны, чьим главным репрезентантом является Саудовская Аравия, не поддерживают правительство Б. Асада. При этом Саудовская Аравия, претендующая на роль региональной державы в качестве центра объединения всех мусульман-суннитов Ближнего Востока, враждебно настроена по отношению к одному из важнейших партнеров Сирии и гаранту режима перемирия — Ирану, который, в свою очередь, объединяет вокруг себя шиитское население региона. Борьба между Саудовской Аравией и Ираном за региональную гегемонию, ведущаяся под религиозным флагом, сильнейшим образом проецируется на сирийский конфликт. Рассматривая падение режима Асада как угрозу своему существованию [3, с. 17–18], Иран, по договоренности с правительством Сирии, в кооперации с сирийской армией проводит вооруженные операции против террористов и вооруженной оппозиции. Наличие вооруженных формирований Ирана на территории Сирии, в свою очередь, провоцирует власти Израиля, ставя под угрозу их безопасность и национальные интересы. Сирия, являясь одним из главных антиизраильских и антиамериканских бастидонов на Ближнем Востоке, действует в унисон с Ираном, всячески поддерживая военную организацию ливанской антиизраильской партии Хезболла [3, с. 10–18]. Эта антиизраильская позиция является зеркальным отражением заинтересованности Израиля сделать легитимной аннексию у Сирии Голанских высот.

Позиция Турции в данном конфликте неоднозначна. С одной стороны, Турция оказывает поддержку сирийской оппозиции, в том числе ее вооруженным группировкам, а с другой, — участвует в «астанинском процессе» и выступает, наряду с Россией и Ираном, гарантом режима прекращения огня. Особые интересы Турции в Сирии, как пограничной с нею стране, обусловлены также энергетическими и водными факторами [9], проблемой беженцев и территориальными претензиями на часть северной Сирии [12]. Таким образом, становится ясно, что сирийский конфликт становится сложным узлом более широкой международной борьбы за региональную гегемонию на Ближнем Востоке,

а также ставкой в борьбе ведущих мировых держав за присутствие в этом регионе (американский план «демократизации» Ближнего Востока и стремление России сохранить статус-кво в регионе).

Подводя черту под вышесказанным, можно заключить, что сирийский конфликт, инициированный внутригосударственным политическим противостоянием, в ходе своего развития стремительно раздвинул свои рамки до региональных масштабов, а сегодня, втянув в себя десятки внешних акторов, образовал сложнейший узел и более масштабных международных противоречий. Высочайшая степень интернационализации конфликта, наличие многочисленных пересекающихся и конфликтующих интересов и притязаний, как среди внутренних, так и внешних его участников, подчеркивают необходимость проводить его урегулирование исключительно дипломатическими средствами. Такие вопросы сирийской внутриполитической повестки, как конституционная реформа, территориальная целостность страны и президентские выборы, могут быть решены сегодня только путем переговоров и взаимных уступок между всеми участниками конфликта — как внутренними, так и внешними.

Литература

1. Авиационная группа в Сирии // Министерство обороны Российской Федерации [Офиц. сайт]. URL: <http://syria.mil.ru/> (дата обращения: 20.05.2018).
2. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова журналу «Национальный интерес», опубликованное 29 марта 2017 года // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2710445 (дата обращения: 20.05.2018).
3. Комлева Н.А. Сирийский кризис как этап процесса переформатирования Большого Ближнего Востока (круглый стол). С. 11–15.
4. Мазур О.А. Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии (после 2011 года). М., 2017. С. 5–10.
5. Межсирийские переговоры под эгидой ООН в Женеве (2016–2017), 16 марта 2017 г. // Sputnik: [web-портал]. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/reference/20170316/1020623386/mezhsiirijskie-peregovory-pod-egidoj-oon-v-zheneve.html> (дата обращения: 20.05.2018).
6. Межсирийские переговоры под эгидой ООН в Женеве, 22 марта 2017 г. // РИА Новости: [web-портал]. URL: <https://ria.ru/spravka/20170322/1490166535.html> (дата обращения: 20.05.2018).
7. Сирийский рубеж / под ред. М.Ю. Шеповаленко. 2-е изд., доп. Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. 184 с.
8. Ходынская-Голенищева М.С. Кризис в Сирии // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 90–104.
9. Юрченко В.П. Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (21–27 июня 2010 года) // Институт Ближнего Востока: сетевой журн. 2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10926> (дата обращения: 20.05.2018).
10. Bugajski J. Defining Conflict and Crisis. URL: <https://www.osce.org/cio/80530?download=true> (accessed: 20.05.2018).
11. Constitution of the Syrian Arab Republic. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/-ed_protect/-/-protrav/-/-ilo_aids/documents/legaldocument/wcms_125885.pdf (accessed: 20.05.2018).

12. *Danforth N.* Turkey's New Maps Are Reclaiming the Ottoman Empire // Foreign Policy: [web-портал]. 2016. URL: <http://foreignpolicy.com/2016/10/23/turkeys-religious-nationalists-want-ottoman-borders-iraq-erdogan/> (accessed: 20.05.2018).
13. *Woźniak M.* Mirror, Mirror on the Wall: Political Cartoons of the Arab Spring // Hemispheres. Studies on Cultures and Societies, 2012, vol. 29, no. 2, p. 79–97.

В.М. Филатова

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
Valentinafil26@gmail.com

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В КОНЦЕПЦИИ «УНИВЕРСИТЕТ 3.0»

Постоянно изменяющийся сегодня социальный контекст делает мир все более сложным и требует от современного человека научиться справляться с масштабным потоком информации и знаний. Для успешной самореализации, в том числе, в профессиональной деятельности и на рынке труда, студенту приходится иметь дело со множеством конкурирующих систем и взглядов. По Гумбольдту, идеальный выпускник исследовательского университета — это новатор, не просто получающий во время обучения готовое знание, а вовлеченный в процесс поиска и производство нового, поэтому миссия классического университета заключалась в подготовке «человека знающего», способного восходить к нормам и законам науки и с их помощью совершенствовать жизнь. В современном мире от университета требуется направить процесс социализации студента в сторону формирования таких личностных и профессиональных качеств, как самостоятельность и самоопределение, рефлексивность, активность и ответственность. Следовательно, к «человеку знающему» эпохи Просвещения теперь требуется добавить развитие широты ума и критического мышления, гибкость и адаптивность к различным обстоятельствам [5, с. 73–96]. В свою очередь, современные средства коммуникации и Интернет предоставляют огромную возможность для непрерывного самообразования и развития таких навыков, отбирая у университета монополию на владение знанием.

Еще одна трансформация университета происходит под воздействием возникновения феномена доступности массового образования. Как известно, первые университеты собирали небольшие группы студентов с разных уголков мира, мечтающих посвятить себя занятиям наукой, в то время как сегодня получение диплома о высшем образовании зачастую является рядовым действием, для которого не обязательно обладать особым умением, способностями или склонностью к обучению. Если в классическом университете образование было доступно для академически успешных людей, то на сегодняшний день университетское образование в целом не является элитарным [4]. В общем смысле, сегодня университет все чаще описывается в терминах формальной организации, то есть гибкой, адаптирующейся к изменениям внешней среды структуры. Кроме того, в

современных условиях производство научного знания стало экономическим предприятием. Поскольку экономика все больше работает на ресурсной базе знаний, то наука теперь выступает как альтернативный двигатель экономического роста. Наука и академические учреждения выступают как равноправные партнеры в рамках взаимодействия университетов, промышленности и государства, которые создают инфраструктуру и формируют общество, основанное на знаниях. Капитализация знаний предполагает переход исследовательского университета в новый — предпринимательский — формат, концепция которого была создана в 1990-х гг. в Англии и Голландии профессором университета Ньюкастла Г. Ицковицем и профессором амстердамского университета Л. Лейдендорфом и получила название «Университет 3.0» [3, с. 62]. В то время, как внедрение научных исследований и обучения, проиллюстрированное на примере синтеза гуманитарных и естественных наук Вильгельмом фон Гумбольдтом в Университете Берлина, предоставляет теоретическую базу для исследовательского университета, предпринимательский университет соединяет исследования, обучение и предпринимательство.

В последнее время значительная часть российских исследований посвящена нюансам концепции Университета 3.0. Государство выступает заказчиком для системы образования, требуя от университета тесного сотрудничества с бизнесом, что обусловлено желанием снять с себя часть университетского финансирования. Прямыми следствием из этого становится рост академических свобод в университете и его автономность. При этом государство продолжает требовать от университета беспрекословного следования требованиям Министерства образования. Тем не менее, данная концепция пока что не адаптирована к российским реалиям, в том числе по причине того, что в ее основе лежит опыт западных подходов к формированию системы высшего образования. В целом, вопрос о целесообразности внедрения концепции Университета 3.0 не является лейтмотивом данного исследования.

Как было отмечено выше, в рамках университета новой формации делается фокус на междисциплинарности и децентрализации, сотрудничестве с промышленными компаниями и, как следствие, коммерциализации разработок, при которых меняются функции профессорско-преподавательского состава [1]. Однако для нас важным становится выявление места непосредственно студенческого сообщества в рамках этой концепции, т.к. его роль практически не обсуждается в существующих исследованиях. Как известно, сегодня образовательный запрос формируется тремя акторами: государством, обществом, студенчеством. Соответственно студенчество наравне с государством и обществом склонно осуществлять определенное влияние на университет. Для того, чтобы проиллюстрировать такое влияние, мы можем обратиться к ситуации, сложившейся во Франции и в Германии в конце 1960-х гг. В январе 1968 г. во всех крупнейших вузах Германии прокатилась волна столкновений между учащимися и университетской администрацией. Студенты требовали реформирования программы обучения, устраивая акции протеста, разоблачая профессоров с нацистским прошлым, срывая заседания преподавательских советов. В течение нескольких месяцев демонстрации

стали масштабнее и ожесточеннее, а уже в мае 1968 г. Ульрика Майнхоф в своей колонке левого политического журнала Konkret объявила о том, что пора переходить от акции протesta непосредственно к революционным действиям [2].

Во Франции недовольство студентов вылилось в серию студенческих митингов, которые сопровождались требованиями смягчить дисциплинарный устав в студенческих городках, искоренить бесправие студентов перед административным аппаратом университета, выделить дополнительные финансовые средства, убрать как нехватку, так и перепроизводство кадров, ввести студенческое самоуправление [2]. В целом, сменить приоритеты высшего образования, убрав несоответствующие современному этапу развития общества учебные программы. После студенческих революций и других волнений многие европейские университеты диверсифицировали систему высшего образования и учредили «трехстороннюю систему управления», при которой ученые советы состояли на треть из профессоров, на треть из представителей администрации и на треть из студентов.

В обоих случаях студенты чувствовали закрытость высшей школы от актуальных проблем современности и нарастание дисгармонии между университетом и обществом. Посредством не только мирных способов воздействия на университетскую администрацию, но и использования радикальных, в том числе экстремистских методов, они добились порядка установления двух важнейших принципов, касающихся системы образования XX в. — демократической системы управления университетом и равного доступа к высшему образованию.

В установившихся на время волнений моделях студенты действительно могли влиять на содержание учебных программ. Такая система надолго не прижилась, и сейчас студенческое самоуправление имеет более сдержанные формы. Однако если у студентов нет реального голоса и возможности высказаться, то смешанная — наиболее продуктивная — система управления университетом не работает в полную силу.

Полное игнорирование требований студенческого сообщества при по-всеместном внедрении концепции Университета 3.0, на наш взгляд, является недопустимым, т.к. если у студенчества появляется недовольство системой образования, то при определенных обстоятельствах оно может существенно повлиять и на эту модель. Таким образом, целью нашего исследования в перспективе станет выявление желаний, потребностей современного студенческого сообщества, попытка облечь их в единую форму и включить данные требования в действующую концепцию Университета 3.0 с целью предотвращения и нивелирования возможных студенческих недовольств. Поскольку до тех пор, пока не определено место студенчества в Университете 3.0, реализация этой концепции в России не представляется возможной.

Литература

1. Виссема Й. Как изменятся университеты в течение следующих 20 лет [Электронный ресурс] URL: <http://www.tsu.ru/podrobnosti/kak-izmenyatsya-university-v-techenie-sleduyushchikh-20-let/> (дата обращения: 15.10.2018).

2. История студенческих протестов. 1968 г. в Европе. Хроника событий [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriya-studencheskih-protestov-1968-g-v-europе-hronika-sobytiy> (Дата обращения: 15.10.2018).
3. Йукович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во Том.гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.
4. Петров В.В. Университет в условиях глобализации: организация, структура, управление. Философия образования, 2016. № 4 (67). С. 20–28.
5. Петрова Г.И. Классический университет в неклассическое время. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2008. 200 с.

И.И. Щемелева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления (Новосибирск)
innaasp@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ВУЗЕ

Социальная активность – ситуативное, динамичное и нестабильное социальное явление, зависящее от многих факторов, начиная от социально-демографических характеристик респондента до социально-экономических изменений в обществе, поэтому ее исследование требует постоянного мониторинга. Создание и распространение эффективных моделей и форм участия молодежи в активной социальной деятельности в вузе невозможно без оценки отношения студенческой молодежи к ней. В этой связи автором было проведено социологическое исследование, посвященное изучению социальной активности студенческой молодежи.

Основной метод исследования – анкетирование. Общая выборочная совокупность исследования составила 1074 респондентов. Выборка – многоступенчатая. На первой ступени нами были отобраны три крупнейших университета Новосибирска по численности обучающихся в них студентов: НГТУ, НГУЭУ и НГПУ. Для исследования были отобраны студенты очной формы обучения с первого по четвертый курс, поскольку именно на этот контингент направлена основная образовательная и внеучебная деятельность университетов. На второй ступени отбора в каждом университете, включенном в выборку, было определено необходимое количество студентов в зависимости от факультета и курса обучения.

Кроме того, для изучения организуемой вузом социальной активности было проведено анкетирование подразделений университетов, занимающихся вопросами социальной активности студентов. К таким подразделениям внутри вузов относятся отделы по внеучебной и воспитательной работе, управления молодежной политикой, отделы по воспитательной и социальной работе.

Исследование было проведено автором в течение 2016–2017 гг. Исследование охватывает широкий спектр вопросов, связанных с социальной активно-

стью студенческой молодежи; в данной статье мы рассмотрим результаты, касающиеся отношения студенческой молодежи к социальной активности в вузе.

Анализ и обработка данных проводилась посредством использования статистической программы SPSS. При проведении анализа описательной статистики были получены следующие результаты: 68 % опрошенных студентов не считают себя социально активными, но в то же время 65 % из них хотели бы проявлять себя в активной социальной деятельности, таким образом нельзя характеризовать данных студентов как социально пассивных или имеющих равнодушную позицию по отношению к активной социальной деятельности, скорее мы можем говорить о наличии внутреннего потенциала и готовности данных студентов к проявлению активности.

32 % опрошенных студентов считают себя социально активными, однако следует отметить, что 14 % из них не проявляют активной социальной деятельности и 35 % не принимают участие в мероприятиях вуза. Скорее всего данная ситуация связана с тем, что студенты проявляют активность в единичных формах социальной активности (учебной, трудовой или досуговой), которой, по их мнению, достаточно, чтобы быть социально активным. Таким образом, они идентифицируют себя как социально активных, при этом, удовлетворяя собственную потребность в активности, которая не перерастает в активную социальную деятельность. Это позволяет говорить о размытости представлений студентов о социальной активности.

Организацией социально активной деятельности в университетах занимаются отделы по внеучебной и воспитательной деятельности, социальной работе, молодежной политике. По результатам исследования, большинство специалистов этих отделов полагают, что 79 % современных студентов являются социально активными, в то время как по результатам проведенного исследования выяснилось прямо противоположная ситуация – 68 % студентов являются социально неактивными. Соответственно можно предположить, что, либо данные отделы не располагают объективными данными о количестве социально активных и социально неактивных студентов, либо сознательно завышают количество активных студентов для формального подтверждения результатов деятельности внеучебных отделов.

Несмотря на то, что большинство студентов не проявляют активную социальную деятельность и не считают себя социально активными, 79 % опрошенных студентов полагают, что социальная активность имеет важное значение во время обучения в вузе и ее нужно развивать среди студенческой молодежи. Рассмотрим отношение студенческой молодежи к различным элементам социальной активности молодежи в вузе. Так, важным элементом социальной активности молодежи является участие в общественных организациях. Как отмечают А.В. Забарин и А.С. Иванова, студенческая молодежь в этом аспекте не отличается большой социальной активностью, поскольку лишь 4 % респондентов проведенного ими социологического опроса являются членами какой-либо общественной организации, а 20 % хотели бы участвовать в работе таких организаций [2. С. 128]. По данным проведенного нами исследования также выяснилось,

что большая часть студенческой молодежи, а именно 73 % опрошенных студентов, не состоят ни в каких организациях, сообществах или объединениях, тем не менее, 63 % опрошенных студентов ответили, что хотели бы участвовать в деятельности какой-либо общественной организации. Отметим, что студенты хотели бы принимать участие в деятельности организаций творческой (24 %), досуговой (18 %) и познавательной (17 %) направленности.

Отметим, что 16,8 % опрошенных студентов, которые не считают себя социально активными, состоят в организациях. Возможно данная ситуация связана с тем, что членство в организации было обусловлено внешними объективными факторами, не зависящими от желания и воли индивида. Кроме того, индивид может состоять в организации или формально числиться в ней, но не реализовывать свой социальный потенциал, т. е. быть отчужденным от проявления собственной активности. Обратим внимание на то, что 50,7 % опрошенных студентов, не состоящих в организациях, но считающих себя социально активными – это значительная доля респондентов, которые располагают так называемой внутренней социальной активностью. Это означает, что данные студенты идентифицируют себя как социально активных, поэтому легче других респондентов вовлекаются в ту или иную социальную деятельность, поскольку готовы в кратчайшие сроки мобилизовать свои социальные ресурсы для достижения поставленных целей, к тому же, 70 % из них, хотели бы участвовать в деятельности какой-либо общественной организации, сообществе или объединении.

Студенческое самоуправление представляет собой особую форму самостоятельной, инициативной деятельности студентов по решению различных вопросов, связанных с жизнедеятельностью студенческой молодежи, поэтому участники студенческого самоуправления могут выступать в качестве одного из потенциальных субъектов управления социальной активностью студенческой молодежи. В таком случае студенческое самоуправление будет являться важной самоорганизующейся системой, привлекающей студентов к участию во всех сферах жизнедеятельности вуза, формированию активной социальной деятельности, развитию личности студентов. Однако опрос показал, что 91 % опрошенных студентов не участвуют в студенческом самоуправлении, только 9 % опрошенных студентов принимают участие в нем. Большинство из тех, кто вовлечен в студенческое самоуправление, являются старостами студенческих групп (32 % опрошенных); 29 % опрошенных входят в состав студенческого совета; 19 % опрошенных – в состав студенческого клуба. Важно отметить, что большинство студентов затруднились ответить, что конкретно входит в их обязанности как представителя студенческого самоуправления. Самыми распространенными ответами были: «организация мероприятий» и «информирование группы».

Отметим, что 82,2 % социально активных студентов не принимают участие в студенческом самоуправлении, хотя основная его задача – привлекать социально активных студентов к участию в мероприятиях, разработке новых предложений, инициатив для оптимизации различных сфер студенческой жизнедеятельности, соответственно для большинства социально активных студентов студенческое самоуправление не является привлекательным для самовыражения

или самореализации. Возможно, следствие таких результатов состоит в том, что на вопрос: «Насколько развито студенческое самоуправление в вашем вузе?» 47 % опрошенных затруднились дать однозначную оценку развития студенческого самоуправления, отвечая, что они «его ни разу не видели» и 19 % опрошенных студентов отметили, что студенческое самоуправление «не развито». Отметим также, что чем старше курс обучения, тем выше процент студентов, которые считают, что студенческое самоуправление не развито. Так, если на первом курсе всего 12% опрошенных студентов считают, что студенческое самоуправление не развито, то на втором курсе придерживаются такой позиции 15 %, третьем – 32,5 % и четвертом – 40 %.

Тем не менее, по мнению специалистов по внеучебной и воспитательной работе, студенческое самоуправление является наиболее актуальным направлением для формирования и проявления социальной активности студентов, но в тоже время всего 12 % опрошенных специалистов по внеучебной и воспитательной работе ответили, что студенческое самоуправление хорошо развито в вузе, а 33 % опрошенных специалистов ответили, что им трудно однозначно сказать, насколько развито студенческое самоуправление.

Также обратим внимание на степень вовлеченности студентов в проводимые мероприятия в вузе. Большинство студентов принимают участие в мероприятия вуза в качестве зрителей (45 %), соответственно, можно говорить о пассивном участии, когда студенты необходимы для визуального присутствия как социальной группы на том или ином мероприятии, что лишь имитирует факт активной вовлеченности в мероприятие. Данную ситуацию можно объяснить тем, что 61 % опрошенных студентов ответили, что могли бы вопреки собственным интересам принять участие в каком-либо мероприятии, поэтому можно предположить, что воздействие внешних побудительных факторов играет ключевую роль в мотивировании социальной активности студентов.

Еще раз отметим, что по результатам исследования выяснилось, что обычно студенты принимают участие в качестве зрителей. Тем не менее, потенциальное желание принимать участие в мероприятиях вуза в качестве участников преобладает у большинства студентов (41 %). Кроме того, 21 % опрошенных студентов хотели бы принимать участие в мероприятиях вуза в качестве организаторов мероприятия, и всего 13% в качестве зрителей. Таким образом, категория «зритель», в которой студенты чаще всего себя проявляют в мероприятиях вуза, абсолютно нивелирована, а наибольший интерес представляют роли «участника» и «организатора», т. е. роли, предполагающие наличие активного и инициативного включения в процесс деятельности.

Часто считается, что студенческая молодежь пассивна, однако это не совсем верно. Результаты исследования показывают, что социально не активные студенты в той же степени, а иногда и больше, чем социально активные, обладают потенциалом к проявлению социальной активности в вузе. Учет особенностей отношения к проявлению социальной активности студенческой молодежи может эффективно способствовать формированию инициатив, повыше-

нию активности и привлечению большего числа студентов к участию в различных мероприятиях на локальном уровне социального управления.

Литература

1. Бурмакина А.Л. Возможности развития молодежного политического лидерства в студенческой среде // Социальные практики и управление: проблемное поле социологии. Новосибирск: НГУЭУ, 2017. С. 310–315.
2. Забарин А.В., Иванова А.С. Отношение к экстремизму студенческой молодежи: психолого-политическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 1. С. 121–129.
3. Коломенская А.С. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей студенческой молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1463.
4. Крейик А.И., Коломенская А.С., Комф Е.В. Отношение и отношения как следствие и проявления взаимодействий в социуме // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–11. С. 2496–2500.
5. Пашаева М.Р. Учреждения культуры и искусства в системе современного рынка развлечений: мнение молодого поколения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 8. С.31–36.
6. Пашаева М.Р. Социологическая характеристика руководителей учреждений культуры и искусства // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 3 (76). С.195–198.
7. Тевлюкова О.Ю., Ровбель С.В., Наумова Е.В. Социально-политическая активность студентов крупного города (по материалам исследования) // Вестник НГУЭУ. 2016. № 1. С.248–258.

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Р. Арпентьева

Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск)

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Калуга)

mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ И ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ И ВЕРИФИКАЦИИ

Технологизация и информатизация криминального профилирования и верификации — две наиболее актуальные тенденции криминального профилирования. Последнее начинает занимать все большее место в досудебном и судебном расследований преступлений, верификации показаний подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и пострадавших и т. д. Технологизация и информатизация этого процесса способствуют его стандартизации и верификации по отношению к научным моделям, нормативам и по отношению к диагностируемой реальности как таковой. Современный мир, а с ним и мир правовой, интенсивно меняются. В юстицию входят новые доктрины, концепции, технологии и методики. Многие из них относятся к процессам поиска и доказательства вины подозреваемых, оценке ложности и правдивости показаний и т. д. [4]. Современная криминалистика в процессе досудебного и судебного расследований все больше обращается к психологическим и психофизиологическим технологиям, суммированным под названиями профилирование, верификация, полиграфологическая и, шире, судебно-психологическая экспертиза, а также медиация, посредничество, психологическая реабилитация и развитие [3; 4; 12]. Однако, как бы не был высок интерес, скепсиса и осторожности в позиции правоохранительной системы к психологическим методикам и технологиям, не меньше. И дело не только в том, что психологические подходы и технологии не всегда научноочно обоснованы: юстиция сама не имеет прочных научных оснований. Дело в том, что психология представляет конкурирующий с юстицией взгляд на проблему «истины»: в психологии истиной является и то, что субъективно, в юриспруденции — истинно то, что доказано (с помощью логических и фактических доказательств). «Психология» хотя и исследуется и используется сотрудниками правоохранительных структур (и обслуживающих совместно с ними интересы государственного монолита психиатрических и здравоохранительных структур), но исследуется и используется в крайне усеченному, не отрефлексированном виде: «закон — что дышло», — гласит старая русская пословица, вполне отображающая суть отношения юстиции и ее сотрудников к миру и обоснованности тех или иных суждений о нем [1; 2; 3; 9].

В рамках решаемых судебно-психофизиологической экспертизой экспертных задач, первостепенные требования к валидности и надежности экспертных исследований обусловлены необходимостью первичного исследования специфики высших психических функций гноэза, когнитивно-мнестической и эмоционально-волевой деятельности носителя идеальной следовой информации для

диагностики потенциальной способности и актуальной возможности к адекватному отображению окружающей действительности в момент конкретного события, сохранению идеальных следов события и передаче сведений, известных носителю, непосредственно или опосредованно. Формирование и совершенствование методологии, концепций, технологий и методик судебно-психологической (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) способности подэкспертного давать показания в российской и зарубежной судебной психологии дают возможность сформулировать несколько принципиальных условий эффективной и продуктивной экспертной практики [3; 4; 6]. Выделение в качестве самостоятельных феноменов и предмета экспертного исследования потенциальной способности и актуальной возможности субъекта (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и т. д.) точно и полно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, имеющие большее или меньшее значение для расследования дела, давать о них более или менее развернутые и полноценные показания, а также вычленение влияющих на эти феномены факторов, позволяет достигать высокого качества и обоснованности экспертных заключений [7; 8; 10]. В соответствии с методическими рекомендациями ФБУ РФ ЦСЭ при Министерстве РФ и ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава РФ потенциальная способность определяется «нормальным функционированием сенсорных систем, обеспечивающих восприятие объектов и нормативностью психической деятельности подэкспертного, в том числе психических функций памяти, внимания, мышления, речи, а также социальных навыков» [5, с. 4]. Актуальная возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, представляет собой конкретную реализацию потенциальной способности в различных ситуационных условиях.

В дальнейшем, алгоритм экспертного исследования должен строиться с учетом специфики поведенческого статуса и мотивационных компонентов коммуникации подэкспертного [4, с. 36], а именно решать задачи исследования психодинамических признаков наличия либо отсутствия инсценировки в части сообщения идеальной следовой информации, а также решать задачи дифференциации между когнициями (информация, полученная вне ситуации, имеющей значение по уголовному делу) подэкспертного и реальными энграммами памяти (нейрофизиологическое отражение информации конкретного внешнего события, представленное в сознании человека как образ этого события). Под инсценировкой понимается осознанная, намеренная симуляция определенных обстоятельств, переживаний, поведенческих и речевых моделей в виде фальсификации и (или) скрытия идеальной следовой информации.

Вопрос достоверности показаний при наличии потенциальной способности подэкспертного к даче полноценных показаний — второй важнейший момент экспертизы [11]. У. Ундойчу принадлежит гипотеза о качественных различиях показаний, основанных (правдивых, реальных) и не основанных (вымыселенных, ложных) на пережитом субъектом опыте. Он же пытался проверить ее на практике. Другие исследователи, в том числе М. Штэллер и Г. Кенкен, пытались создать методики типа «Анализ качества высказываний» [5; 6], позволяющие

различить эти высказывания: потребность в подобном исследовании высока как при проведении следственных действий, так и в судебном процессе. Судьям, принимающим решение о достоверности показаний, а также следователям полезно иметь знания и технологии, позволяющие оценить содержит ли свидетельские показания признаки «психологической достоверности». Однако, возможности дифференциации достоверных и недостоверных показаний, по мнению целого ряда исследователей, до сих пор не имеют экспериментального обоснования. Психологи отмечают неправомерность использования множества качественно-количественных методов, в частности, контент-анализа содержания показаний для выделения «признаков достоверности» в рамках экспертных исследований: хотя точность дифференциации «пережитых», реальных и «не пережитых», выдуманных событий достигает 90 %, она все же недостаточна для принятия однозначного решения инкриминирующего характера: решается не просто вопрос о вероятности вины и события, но и судьбе человека. Здесь можно отметить одно: ни одно решение судей не основано на 100 % доказанности событий, более того, в современном мире, и, особенно в России, все больше случаев, когда для инкриминирования и осуждение достаточно только подозрения и/или некоторой заинтересованности инкриминирующих субъектов в осуждении человека. На этом пути психологическая экспертиза могла бы сказать свое веское слово, но, этому противятся и многие юристы, и многие психологи. Юристы не заинтересованы в трансформациях правоохранительной системы, ущемляющей их полномочия и трансформирующей законы, а психологи часто интересуются больше сиюминутными выигрышами и проигрышами своей деятельности, что позволяет им игнорировать задачи научного обоснования и доказательства полноценности создаваемых ими и используемых ими методик, технологий, концепций и, конечно, методологий. К сожалению, не существует методов, которые могли бы быть применены для дифференциации ложных и истинных воспоминаний, поскольку их характеристики не всегда разнятся. В ряде стран, например, после скандальных судебных процессов (Вормские процессы), в ряде европейских стран принят ряд методических ограничений для таких экспертиз. Дело в том, что, по мнению экспертов, применение контент-анализа показаний обосновано, если есть уверенность в том, что свидетель сознательно обманывает следствие, а если свидетель «добросовестно» заблуждается, то «признаки достоверности» оказываются неприменимыми. Аналогично, затруднительно дифференцировать «большую или маленькую ложь». Особенно проблемными являются понятия, методики, подходы и псевдометодологии, предлагаемые предпринимателями в сфере полиграфологии, верификации и профайлинга. За интересными названиями («синдром Пиноккио») и авторскими концепциями иногда не просматривается даже попытка научного обоснования и, как и в психологическом консультировании и медиации, превозносится часто несуществующая «жизненная мудрость» специалиста / эксперта. Вполне заслуженная критика таких «специалистов», однако, бросает тень на все сообщество и науку, ее возможности в целом. Психологию до сих пор преподносят как науку «второго сорта»: к сожалению, популяризаторы и «монетизаторы» научных психологических знаний и методов, этому

активно способствуют. Очень сложно также развести «юридическую» и «психологическую» компоненты достоверности: исследователи отмечают, не формулируя пояснений относительно соотношения используемых ими понятий, что «экспертиза направлена на субъекта, а не на информацию, которой он владеет» [5, с. 106]. Предмет полиграфологической экспертизы, однако, в этом контексте можно попытаться сузить: это не сама информация, а наличие в памяти субъекта конкретной «юридически релевантной», более или менее значимой для данного расследования информации. Эксперт-полиграфолог лишь диагностирует наличие сведений о каком-то из событий прошлого у подэкспертного. Хотя процессы познания мира, работы с информацией, и, в том числе, памяти не изучены полностью, однако, это не говорит о том, что на основе полиграфологического исследования невозможно определить, какая именно информация содержится в памяти человека, напротив, данных, в том числе научных, вполне достаточно. Информация о значимости стимула извлекается из памяти, а, значит, можно изучать содержание памяти («Memory detection»). Поэтому в некоторых странах, например в Японии, специалисты которой используют, например, такую методику, как ТиП – ГКТ, – пришли к выводу, что ее тесты являются исследованием памяти человека об обстоятельствах расследуемого преступления. В США также считается, что credibility assessment (оценки достоверности) – это междисциплинарная область методов и процедур, предназначенных для оценки правдивости, основанных на использовании оценки физиологических параметров и поведения «с целью определения соответствия между содержанием памяти субъекта и его заявлениями», в которую, как следует из понятия междисциплинарности, включаются и психологические, и психофизиологические исследования и аспекты. Что касается полиграфа, то полиграф – это устройство, инструмент измерения физических параметров функционирования организма человека, применять который можно в самых разных целях (и для диагностики «ложи»/воображаемых знаний и для диагностики «узнавания/реальных знаний, памяти и т. д.). Юрист, хотя и видит мир в терминах доказанности или недоказанности, не интересуется ее «психологическими» аспектами, в том числе, игнорирует консенсусную природу бытия. Иначе он бы просто отказался от себя и своей профессиональной деятельности. Дискуссии юснатуралистов и легистов во многом напоминают дискуссии психологов и юристов: попытка научного обоснования права и, в том числе, права одних людей судить других, обречена на провал. Юрист живет в полностью выдуманном мире, не способный часто видеть ничего кроме своей выдумки. Психолог, напротив, интересуется именно реальностью, пусть и ускользающей от него в бесконечном поиске «первооснов». Вследствие этого психолог нередко оказывается не способен понять, что именно «не понимает» в его экспертизе и понимании мира юрист. При этом «субъект, ведущий производство по делу, должен выявлять лишь факт противоречия показаний другим доказательствам, тогда как достоверность самих показаний определяют эксперты» [5, с. 11], что, конечно, не соответствует УПК и традиционной системе юстиции. В итоге эксперты, анализирующие экспертные психологические методики и подходы «с учетом положений уголовно-процессуального

законодательства (выделено нами. — А.М.) Российской Федерации и состояния научно-исследовательских разработок в области свидетельских показаний», отмечают, что «в настоящее время установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) на строго научной основе невозможно» [5, с. 11]. Это утверждение смелое с одной стороны, и понятное — с другой: психология, в отличие не только от юстиции, но даже от психиатрии, работающей в поле «положений классической психиатрии», при всей ее субъективности не ставит себя и свои положения (весьма многообразные, но не сведенные в единый закон или единую классификацию нарушений) на один уровень с реальностью, «научно-исследовательские разработки» которой она осуществляет. В психологии остается мир объективный и мир субъективный, в юриспруденции в роли объективного мира выступает мир законов, менять которые юриспруденция в состоянии только ради самой себя. Таким образом, согласимся: «комплексное психолого-психофизиолого-психиатрическое исследование невозможно» — когда эксперты юстиции, психиатрии, психологии, социальной работы и т. д. не стремятся или не могут сотрудничать и не разработали соответствующих процедур и методик сотрудничества, а само сотрудничество не выгодно государству.

Заключение. Некоторые психологи и не психологи, опираясь на собственные интересы и представления, до сих пор отмечают неправомерность использования множества качественно-количественных методов, в частности, контент-анализа содержания показаний для выделения «признаков достоверности» в рамках экспертных исследований. По их оценкам точность дифференциации «пережитых», реальных и «не пережитых», выдуманных событий достигает 90 %, она все же недостаточна для принятия однозначного решения инкриминирующего характера. О точности же решений судей и следователей исследований не проводится: статистические отчеты оправдания виноватых и осуждения невинных не осуществляются. Поэтому 90 % достоверность — весьма высокий показатель применения научных психологических методов, которым могут и должны воспользоваться заинтересованные в истине, фактах, а не только лингвистических деконструкциях профессионалы в сфере юстиции. На этом пути особое внимание следует уделять именно инструментально-технологическим и цифровым методикам диагностики и оценки результатов диагностики: начиная от статического анализа показателей достоверности, заканчивая кластерным и факторным анализом показаний и иных объектов исследования.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. Российская криминалистика. Учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. 990 с.
2. Арпентьевева М.Р. Профайлинг как технология профессиональной безопасности // Экология. Риск. Безопасность: материалы IV Общероссийской научно-практической очно-заочной конференции с Международным участием. 29–30 октября 2015 г.,

- Курган: сб. науч. тр. Курган: Курганская государственная университет, 2016. С. 27–28.
3. Арпентьева М.Р. Психологические аспекты правоохранительной деятельности: эссе по юридической психологии. Калуга: КГУ, 2018. 270 с.
 4. Арпентьева М.Р., Макаренко И.А. Судебная и криминалистическая психологическая диагностика: методы профилирования, верификации и использования полиграфа. Монография. Москва-Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, Академия Детекции Лжи, 2018. 260 с.
 5. Аснис А.Я., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г., Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., Шипшин С.С., Ошевский Д.С., Бердников Д.В., Секераж Т.Н., Калинина А.Н. «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» Информационное письмо [Электронный ресурс]. Москва, Научно-методический совет ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Протокол № 6 от «15» июня 2016 года) Ученый совет ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (Протокол № 7 от «20» июня 2016 года), 2016. 17 с. URL: <http://srcs.su/wp-content/uploads/2013/07/Minyust-protiv-dostovernosti.pdf> (дата обращения 10.03.2018)
 6. Енгалычев В.Ф., Кравцов Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
 7. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В.М. Лебедева. — М.: Юрайт-Издат, 2004. 361 с.
 8. Макаренко И.А. Классификация следственных ситуаций, возникающих при производстве вербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего обвиняемого // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. С. 1115–1119.
 9. Макаренко И.А. Технология контактной экспертной детекции идеальной следовой информации в судебной экспертизе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2. С.333–339.
 10. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 года // Верховный суд РФ. 2012. 3 апреля. С. 1–22.
 11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. по делу № 5-АПУ17-2 // Верховный суд РФ. 2017. 9 марта. С. 1–15.
 12. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактические приемы допроса: учеб. пос. СПб., 2006. 56 с.

А.Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
megadelicious@yandex.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО, ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РФ

В связи с реформированием гражданского законодательства в отечественной доктрине набирает обороты дискуссия о перспективах применения в России доктрины «снятия корпоративной вуали», известной зарубежному праву. Став предметом изучения ученых в России относительно недавно, она за короткий

срок сумела привлечь к себе внимание множества юристов. При этом единство во взглядах на существование доктрины «снятия корпоративной вуали» отсутствует.

Так, значительная часть ученых отождествляет доктрину «снятия корпоративной вуали» с институтом субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках процедуры банкротства и институтом солидарной ответственности основного общества по сделкам дочернего [8, с. 8; 11, с. 5; 10, с. 60; 5, с. 51; 7, с. 33; 6, с. 96]. Таким образом, констатируется наличие законодательной базы для снятия корпоративной вуали в России.

Проведенное исследование происхождения доктрины «снятия корпоративной вуали» и ее применения в зарубежных странах (Великобритания, США, Германия, Франция) [1; 2; 3; 4] позволяет говорить о том, что основанием ее применения в общем виде является злоупотребление институтом юридического лица. Таким образом, доктрина «снятия корпоративной вуали» имеет иную правовую природу, отличную от ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве и ответственности основного общества по сделкам дочернего. Следовательно, в классическом виде доктрина «снятия корпоративной вуали» не имеет закрепления в отечественном законодательстве.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» представляет собой механизм привлечения к ответственности лиц, контролирующих юридическое лицо, за злоупотребление корпоративной формой, и адекватным способом ее выражения может быть институт ответственности лиц, контролирующих юридическое лицо, за злоупотребление правом.

Разработчики Концепции развития гражданского законодательства предлагали ввести процедуру «снятия корпоративных покровов» (п. 6 ч. I), которое должно было реализовываться через институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц перед кредиторами подконтрольного юридического лица (п. 1.8 ч. III). Введение в гражданское законодательство России доктрины «снятия корпоративной вуали» было призвано служить повышению эффективности гражданско-правовой ответственности в рамках обеспечения добросовестного и надлежащего осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей.

Данная инициатива по законодательному закреплению доктрины «снятия корпоративной вуали» была реализована в статьях 53.3 и 53.4 законопроекта о внесении изменений в ГК РФ, подготовленного на основе Концепции развития гражданского законодательства РФ. Однако данным статьям не суждено было увидеть свет: при подготовке законопроекта ко второму чтению они были исключены из него. Во многом этому способствовало сопротивление бизнессообщества в лице Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП).

Это, однако, не означает, что доктрина «снятия корпоративной вуали» не прижилась в российском гражданском праве или чужда отечественной правовой системе. Отказ от неудачных положений законопроекта не отменяет того факта, что в правовой системе России назрела потребность в закреплении доктрины

«снятия корпоративной вуали». Появление в практике судов РФ случаев применения доктрины «снятия корпоративной вуали» — убедительное тому подтверждение.

Так Т.П. Подшивалов, признавая отсутствие законодательного закрепления доктрины в России, полагает, что она «введена в российском правопорядке на уровне судебной практики, через правовые позиции Президиума ВАС РФ» [9. С. 13].

В настоящее время в российской правоприменительной практике имеются судебные решения, в которых применяется доктрина «снятия корпоративной вуали» с прямой ссылкой на доктрину либо без указания на нее.

Анализ практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции РФ позволяет сделать следующие выводы.

1. Доктрина «снятия корпоративной вуали» упоминается судами в решениях, вынесенных после выхода Постановлений Президиума ВАС РФ от 20.04.2010 № 17095/09 и от 24.04.2012 № 16404/11.

2. При этом в одних решениях судей встречается довольно интересная аргументация: смелое и небесспорное утверждение о том, что доктрина гражданского права является источником права, ссылки на решения Европейского суда по правам человека и Международного суда ООН; в других же решениях — доводы сторон о необходимости применения доктрины «снятия корпоративной вуали» отклонялись судами по причине отсутствия законодательных положений, касающихся «снятия корпоративной вуали», и несоответствия обстоятельств рассматриваемых дел обстоятельствам дел, по которым Президиум ВАС РФ выносил постановления.

3. Ссылки на доктрину «снятия корпоративной вуали» в судебных решениях, однако, выступают не в качестве *ratio decidendi*, а в качестве *obiter dictum*. То есть служат дополнительной аргументацией принимаемого на основе конкретной правовой нормы решения, но не самостоятельным правовым основанием.

4. Чаще всего правовой нормой, применение которой подкрепляется ссылкой на доктрину «снятия корпоративной вуали», выступает норма ст. 10 ГК РФ, запрещающая злоупотребление правом.

5. Применяя ст. 10 ГК РФ со ссылкой на доктрину «снятия корпоративной вуали», суды отказывали в защите прав истцов, злоупотребляющих конструкцией юридического лица.

6. Доктрина «снятия корпоративной вуали» и ст. 10 ГК РФ использовались судами также для возложения имущественной ответственности по обязательствам юридического лица на контролирующее его лицо.

7. Кроме того, суды использовали норму о злоупотреблении правом и доктрину «снятия корпоративной вуали» для вменения качеств юридического лица его участникам (учредителям) и наоборот. Таким образом, в результате «снятия корпоративной вуали» происходило отождествление юридического лица и контролирующего его лица.

8. Несмотря на накопленную судебную практику хоть и косвенного применения доктрины «снятия корпоративной вуали» на основе статьи 10 ГК РФ,

единообразные критерии применения доктрины отсутствуют, а упоминание доктрины в Постановлениях Президиума ВАС не носит нормообразующего характера.

Таким образом, можно констатировать отсутствие выработанных критериев применения доктрины «снятия корпоративной вуали» и влияние указанного обстоятельства на практику применения доктрины.

Попытки законодательного закрепления доктрины «снятия корпоративной вуали» в России не увенчались успехом. Между тем в российском законодательстве уже существует правовая норма для применения доктрины «снятия корпоративной вуали». Таким правовым основанием применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в рамках действующего гражданского законодательства должна служить статья 10 Гражданского кодекса РФ, запрещающая злоупотребление правом. Данная статья применяется в ситуации, когда имеет место злоупотребление правом и при этом отсутствует специальная норма гражданского законодательства, регламентирующая данное правоотношение. В результате злоупотребления институтом юридического лица зачастую причиняется вред кредиторам такого юридического лица. Возмещение такого вреда предусмотрено п. 4 ст. 10 ГК РФ.

Наличия правовой нормы, однако, недостаточно. Для ее эффективного и единообразного применения при привлечении к ответственности лиц, контролирующих юридическое лицо, за злоупотребление правом необходимы дополнительные правовые инструменты. Таким инструментом может быть Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации, содержащее критерии определения лиц, контролирующих юридическое лицо, критерии установления злоупотребления институтом юридического лица, а также распределяющее бремя доказывания недобросовестности лиц, контролирующих юридическое лицо. Его принятие позволит избавиться от неопределенности в понимании доктрины и обеспечит ее эффективное применение.

Литература

1. Беляева А.Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в Великобритании: происхождение и применение // Юридическая наука и практика. 2016. Т. 12. № 3. С. 56–65.
2. Беляева А.Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в США: опыт применения // Предпринимательское право. 2017. № 2. С. 46–51.
3. Беляева А.Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» как исключение из принципа ограниченной ответственности юридического лица // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8. С. 168–171.
4. Беляева А.Н. Особенности применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в странах континентальной правовой системы на примере Германии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2017. № 1. С. 64–68.
5. Гольцблат А.А., Трусова Е.А. Снятие корпоративной вуали в судебной и арбитражной практике России // Закон. 2013. № 10. С. 49–58.
6. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 51–117.

7. *Захаров А.Н.* Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности использования в российском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 32–62.
8. *Ломакин Д.В.* Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия. 2012. № 9. С. 6–33.
9. *Подшивалов Т.П.* Злоупотребление корпоративными правами: участие в гражданском обороте номинальных и операционных юридических лиц // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 12–15.
10. *Тай Ю.В., Арабова Т.Ф.* Неподъемная вуаль // Закон. 2013. № 10. С. 59–65.
11. *Шиткина И.С.* «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. С. 3–26.

О.А. Брашнина

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ (Новосибирск)
oksanaru@yandex.ru

КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАК СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ ХИЩЕНИЙ

В уголовном законе невозможно в полной мере отобразить всю психическую деятельность лица во время совершения им преступления. Поэтому закон выделяет лишь самые общие, существенные признаки, присущие субъективной стороне преступления. Обязательным из таких существенных признаков субъективной стороны является вина. Мотив, цель и эмоции выступают в качестве факультативных признаков.

Вина, мотив и цель представляют собой явления реальной действительности. Их содержание устанавливается посредством всестороннего анализа совокупности объективных обстоятельств и признаков совершенного преступления.

Все специальные виды хищений характеризуются только виной в форме прямого умысла. Впрочем, сама природа хищения исключает возможность его совершения с косвенным умыслом или по неосторожности.

Согласно примечанию 1 к ст. 158 УК неотъемлемым признаком хищения является корыстная цель. В теории уголовного права цель преступления определяется как «представление лица о желаемом результате, к достижению которого он стремится, совершая преступление» [6, с. 345].

Что касается корыстной цели, то в юридической литературе она определяется по-разному. Например, некоторые авторы смешивают ее с корыстными мотивами [7, с. 113], некоторые противопоставляют [3, с. 109]. Более убедительна в данном случае, полагаем, точка зрения, согласно которой цель преступления выступает в качестве конкретизированного выражения интересов субъекта и модели потребного ему будущего [8, с. 146]. Цель показывает, для чего действует и чего стремится достичь виновный, а мотив – это то, что обуславливает преступное поведение [2, с. 24]. Поэтому исходной позицией для

уяснения сущности цели специальных видов хищений, на наш взгляд, служит указание на результат, который пытается достичь виновный.

По нашему мнению, содержание корыстной цели заключается в стремлении виновного приобрести фактические правомочия собственника в отношении изымаемых или истребуемых предметов преступления, позволяющие извлечь выгоду материального характера или избежать определенных материальных затрат. В связи с этим, полагаем, прав В.В. Векленко в том, что «корыстная цель представляет собой стремление к достижению определенного результата, основанное на причинении ущерба собственнику или владельцу имущества. Реализация такой цели возможна и в тех случаях, когда имущество изымается, в том числе из незаконного обладания» [1, с. 182].

Примечание 1 к ст. 158 УК распространяет определение хищения на весь УК. Однако, в том, что корыстная цель является неотъемлемым признаком специальных видов хищений, есть поводы усомниться. Проанализируем эту проблему более подробно.

Например, согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» «уни чтожение, оставление на месте преступления или возвращение назад похищенного оружия после его использования для совершения других противоправных действий либо в иных целях не является основанием для освобождения лица от ответственности за хищение оружия» [10]. Обращает на себя то обстоятельство, что возвращение назад похищенного оружия после его использования, то есть, по сути, временное использование оружия, также охватывается хищением.

Между тем отношение законодателя к временному заимствованию четко выражено в ст. 166 УК — при угоне автомобиля или иного транспортного средства, являющимся временным заимствованием, корыстная цель явно отсутствует и это не дает основания для квалификации такого угона по статьям УК, предусматривающим ответственность за хищения. Очевидно, что мнение Пленума и законодательная позиция рознятся в части отношения к корыстной цели.

Неодинаковое отношение Верховного Суда РФ к корыстной цели можно наблюдать и при сравнении положений, содержащихся в постановлении Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 [11] и постановлении Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. В первом из названных документов в числе обязательных для установления признаков хищения не называется корыстная цель, что свидетельствует о более узком смысле, заложенном в понятии хищения.

Неодинаково и отношение ученых к корыстной цели как признаку специальных видов хищений. Так, по мнению И.А. Попова, основной целью совершения преступления, предусмотренного ст. 221 УК, является корысть — виновное лицо стремится получить имущественную выгоду [5. С. 521]. Согласно позиции А.В. Наумова, в отличие от субъективной стороны хищения чужого имущества, при хищении ядерных материалов или радиоактивных веществ корыстная цель не является обязательной [13, с. 257].

Не все исследователи данной проблемы поддерживают мнение о том, что корыстная цель выступает обязательным признаком хищения наркотических средств или психотропных веществ. Так Э.Ф. Побегайло пишет: «При хищении наркотических средств или психотропных веществ лицо далеко не всегда стремится извлечь в результате совершения преступления материальную выгоду. Следовательно, хищение наркотических средств нельзя безоговорочно относить к числу корыстных посягательств» [12, с. 439].

В правоприменительной практике также отсутствует единое мнение о содержании цели данного преступного деяния. Так, проведенный нами опрос работников правоохранительных органов показал, что 86 % респондентов признают наличие корыстной цели при совершении хищения наркотиков, 12 % считают, что данное преступление может совершаться с иными целями, 2 % воздержались от ответа.

Еще одним поводом усомниться в обязательности наличия корыстной цели в составах специальных видов хищений является исследование мотивов изучаемых преступлений. Мотив не является признаком составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 221, 226 и 229 УК, но между мотивом и целью существует тесная внутренняя связь: формирование мотива предполагает и постановку цели. Мотив — это та движущая сила, которая ведет субъекта к достижению цели. Анализ мотивов преступления поможет не только оценить степень общественной опасности деяния, но и обнаружить особенности формирования умысла и предпосылки, обусловливающие цель преступления.

В психологию под мотивом поведения понимают то, «что побуждает деятельность человека, ради чего она совершается» [9, с. 198]. Таким образом, содержательную сторону мотива преступления образует определенная потребность, в которой заложен смысл поведения виновного. Анализируемые преступления характеризуется многовариантностью мотивов. Результаты изучения правоприменительной практики, проведенного в рамках настоящей работы, позволяют обратить внимание на отдельные их виды. Так, при совершении преступления, предусмотренного ст. 226 УК, большая часть виновных (74 %) путем хищения предметов вооружения стремилась удовлетворить свои корыстные потребности. При этом действия их были обусловлены материальной необеспеченностью.

Например, О. была осуждена Ленинским районным судом г. Новосибирска за хищение боеприпасов. О., работая сортировщицей патронов на ЗАО «Новосибирский патронный завод» с использованием своего служебного положения ежедневно тайно из цеха похищала несколько патронов к пистолету Макарова калибра 9 мм, которые незаметно проносила через проходную, пряча в бюстгальтер, похитив, таким образом, 112 патронов. На суде О. пояснила, что совершила хищение патронов с завода потому, что малознакомое лицо предложило купить патроны, на что она согласилась из-за тяжелого материального положения [16].

С другой стороны, заметное место среди мотивов хищения предметов вооружения занимает стремление лица в будущем осуществить какую-либо преступную деятельность, избежать задержания, оказать сопротивление представи-

телям власти. Под влиянием этого мотива, по нашим исследованиям, совершили преступление 10 % всех осужденных. Сравнительно небольшое число хищений предметов вооружения (6 %) совершено по мотивам мести. Этот мотив выражается стремлением виновного получить моральное «удовлетворение» за нанесенную обиду. Изучение материалов уголовных дел позволяет обнаружить и такой мотив, как «желание пострелять из оружия». Под влиянием этого мотива совершили преступление 5 % осужденных.

В юридической литературе называются и иные мотивы рассматриваемых преступлений. В. П. Тихий в перечень мотивов включает: использование предметов вооружения для хозяйственных и бытовых нужд, желание ознакомиться с принципом действия и устройством, пополнить коллекцию, озорство, тщеславие, стремление к самостоятельности, ложная романтика, подражание, чувство товарищества [14, с. 99]. Названные мотивы объединяют то, что они не связаны ни с использованием оружия по его назначению, ни с обменом его на материальные средства.

Примером некорыстного мотива может служить действие, совершенное И. Будучи военнослужащим, И., осуществляя охрану установок для поднятия мишеней на полигоне п. Сертолово-2 Всеволожского р-на Ленинградской обл., обнаружил 30-мм выстрел «ВОГ-17М» к автоматическому станковому гранатомету АГС-17, являющийся боеприпасом, который присвоил и спрятал в лесном массиве недалеко от территории в/части. В судебном заседании подсудимый виновным себя в содеянном признал полностью и пояснил, что выстрел к гранатомету решил присвоить в качестве сувенира на память о военной службе [15].

Преступление, предусмотренное ст. 229 УК, также характеризуется разнообразными мотивами. Подавляющее большинство хищений наркотических средств или психотропных веществ совершается по корыстным мотивам, когда виновный, совершая преступление, стремится извлечь материальную выгоду. Некоторые исследователи считают, что при совершении данного преступления лицо не всегда руководствуется корыстными побуждениями. Часто на формирование умысла влияет пагубное пристрастие к немедицинскому потреблению наркотических средств или психотропных веществ, страх абstinенции, постоянная потребность в наркотиках, жажда, сострадание к другому лицу, больному наркоманией и т. д. [4, с. 602]. Именно эти факторы определяют поведение виновного, побуждают его к завладению наркотическими или психотропными препаратами для последующего приведения организма в эйфорическое состояние. В этих случаях корыстный мотив отсутствует, но признаки данного состава преступления налицо, поскольку норма, закрепленная в ст. 229 УК, является специальной по отношению к нормам, предусмотренным ст. ст. 158–163 УК, которые описывают именно корыстные преступления. При хищении чужого имущества мотивом также может выступать стремление утолить наркотический голод, если деньги или ценности, полученные преступным путем, расходуются на приобретение наркотиков.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что корыстная мотивация не является доминирующей при совершении специальных видов хищений. Таким обра-

зом, можно утверждать, что исследование мотивов рассматриваемых преступлений не подтверждает моновариантности корыстной цели.

По нашему мнению, обязательность установления корыстной цели в качестве признака специальных видов хищений не подтверждается и характером общественной опасности данных преступлений — в большей степени опасен не экономический ущерб, причиняемый ими, а сам факт завладения предметами специальных видов хищений и потенциальная возможность причинения ими дальнейшего ущерба общественным отношениям.

Таким образом, полагаем, что указание на корыстную цель из определения специальных видов хищений следует исключить.

Литература

1. Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001.
2. Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. Томск, 1989.
3. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности: изд. 2-е, изм. и доп. М.: Антэй, 2000.
4. Комментарий к УК РФ / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 2002.
5. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / под. ред. В.В. Мозякова. М., 2002.
6. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2002.
7. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001.
8. Механизм преступного поведения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1981.
9. Психологический словарь. М., 1983.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.
12. Побегайлло Э.Ф. Преступления против здоровья населения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Уголовное право России. Особенная часть: учеб. / под ред. А.М. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998.
13. Российское уголовное право. Особ. часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997.
14. Тихий В.П. Ответственность за хищение оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ по советскому уголовному праву. Харьков: Вища шк. Ізд-во при Харьк. ун-те, 1976.
15. Уголовное дело № 1-104-08 // Архив Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда за 2008 г.
16. Уголовное дело № 1-262-2005 // Архив Ленинского районного суда г. Новосибирска за 2005 г.

А.К. Варданян

Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ (Волгоград)
varda_23@mail.ru

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ НАЛОГА НА ИМУЩЕСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Налоговая политика призвана обеспечить эффективное использование налогов для решения социально-экономических задач. В целях повышения уровня налоговых поступлений в местные бюджеты 1 января 2015 г. в Российской Федерации (далее РФ) была введена новая глава Налогового кодекса РФ (далее НК РФ) «Налог на имущество физических лиц», основной целью которого являлось создание устойчивой базы для деятельности органов местного самоуправления.

Налог на имущество физических лиц (далее НИФЛ) является важным доходным источником бюджетов муниципальных образований, на долю которых в 2017 г. пришлось 11,6 % суммы доходов консолидированного бюджета субъектов РФ. По сравнению с 2016 г. поступления этой группы налогов увеличились на 11,9 %. Данная группа налогов демонстрирует по итогам 2017 г. наиболее высокие темпы роста.

Рост доходных поступлений объясняется иным подходом к определению налоговой базы НИФЛ – кадастровой стоимости имущества, которая максимально приближена к рыночной. То есть, чем выше стоимость имущества по сравнению с рыночной, тем больше и сумма уплачиваемого налога.

Интересным является подход к оценке эффективности налога, приведенный «PwC». Ее суть в том, что регионам, перешедшим к расчету налога по кадастровой стоимости, присваивается более высокий балл, отражающий эффективность региональной налоговой политики. Волгоградская область к расчету НИФЛ по кадастровой стоимости перейдет в 2019 г., поэтому занимаемое место среди всех субъектов РФ – 77 [6]. По мнению специалистов PwC, налоговая политика региона неэффективна.

Как бы специалисты PwC оценили тот факт, что в довершении к использованию в качестве налоговой базы инвентаризационной стоимости власти г. Волгограда проводят политику снижения налогового бремени на физических лиц путем уменьшения налоговых ставок? Согласно принятым изменениям для имущества с суммарной стоимостью от 500 до 900 тыс. руб. ставки уменьшены на 7 %, для имущества стоимостью свыше 900 тыс. руб. – от 1,2 до 1,8 %. В результате, для отдельных категорий жителей г. Волгограда сумма налога на имущество снизится от 9 до 38,3 % [3]. Регион является «аутсайдером» в данном рейтинге в связи с не переходом к кадастровой стоимости. Но муниципальная власть делает все возможное для того, чтобы смягчить налоговое бремя налогоплательщика. Поэтому категоричное мнение об отнесении Волгоградской области к «аутсайдерам» субъективно, несмотря на то, что в рамках законодательства не используется кадастровая стоимость.

Недвижимость облагается налогами в 130 странах. Подход к определению налоговой базы в различных странах дифференцирован. Под налогооблагаемой базой понимают стоимость данного объекта, наиболее близкую к рыночной стоимости. В качестве базы может выступать либо арендная стоимость недвижимого имущества (Великобритания, Франция), либо капитализированная, т. е. аккумулированная, стоимость объекта на указанную базовую дату (Швеция), либо кадастровая стоимость (Россия, Испания).

Несмотря на ряд различий, присутствуют общие черты в элементах налогообложения, характерные для большинства стран [5]:

1) Преимущественно налог является местным. Но может иметь статус федерального налога, когда средства от его уплаты распределяются между бюджетами всех уровней. НИФЛ выступает в качестве доходного поступления в местные бюджеты, и его доля составляет от 1 до 3 % налоговых поступлений в бюджеты всех уровней (во Франции – 2,17 %; Германии – 1,06 %). Хотя есть исключения. Так, доля НИФЛ в Великобритании – 10 % от государственного бюджета, в США – 9 [1].

2) В большинстве случаев налогоплательщиками являются собственники имущества, в данной роли могут выступать и арендаторы, либо оба упомянутых лица.

3) Объектом налогообложения стандартно выступают земля, здания и сооружения.

4) При определении стоимости недвижимого имущества используется массовая оценка на основе применения стандартных процедур расчета стоимости объектов для целей налогообложения. Это позволяет оценивать большее число объектов при относительно небольших затратах.

5) Оценка объектов недвижимости проводится местными оценочными органами (оценочными комиссиями), в свою очередь, являющимися подотчетными главному оценочному органу.

6) В ряде стран применяются дифференцированные налоговые ставки в зависимости от типа использования недвижимости или муниципального образования при федеративном устройстве.

Для того чтобы ознакомиться с «налоговой» картиной за рубежом рассмотрим основные элементы налогообложения пяти стран: Великобритании, Германии, Испании, США, Франции. В перечисленных государствах существуют местные налоги на недвижимость, а в Испании и Франции законодательно установлены дополнительные налоги на чистую стоимость имущества физических лиц – в обиходе его часто называют налогом на богатство [4].

Отсутствие налога на богатство отличает Россию от прочих стран, в которой установлен один НИФЛ, в зарубежных странах налогоплательщик вынужден уплачивать два и более налогов. Например, во Франции взимается три вида налогов на недвижимость – налог на застроенные участки, налог на незастроенные участки и налог на жилье. Данный факт создает значительное налоговое бремя для западного налогоплательщика. В той же мере способствует высоким поступлениям в бюджет.

Таблица 1

Сравнительный анализ элементов налогообложения имущества физических лиц в РФ и зарубежных странах

Страна	Объект налогообложения	Ставка налога	Налоговая база
Великобритания	Земля, здания, сооружения	0,01–2 %	Предполагаемая сумма арендной платы
Германия	Земля, имущество юр. и физ. лиц	0,98–2,84 %	Налоговая стоимость
Испания	Земля, здания	0,2–2,5 %	Кадастровая стоимость
США	Земля, здания	До 20 %	Рыночная стоимость
Франция	Застроенные и не-застроенные участки, жилье	11–22 %,	Предполагаемая сумма арендной платы
Россия	Жилой дом; квартира, комната; гараж, единий недвижимый комплекс; объект незавершенного строительства	0,1–2 %	Кадастровая стоимость

Говоря о ставках имущественного налога, в России они ниже, чем в западных странах. Между тем, в большинстве стран стоимость недвижимости, используемая для исчисления налога, далека от его рыночной. До перехода на кадастровую оценку в России существовала похожая система. Оценка имущества за рубежом, не приближенная к рыночной стоимости, создает условия для уплаты высокой суммы налога.

При переходе к кадастровой оценке имущества физических лиц новая структура налога не в полной мере решит все задачи, стоящие перед налоговой системой государства. Применение нового порядка исчисления и уплаты налога сопряжено со следующими проблемами:

- ограниченность данных о состоянии цен на рынке недвижимости;
- недостаточное число специалистов, способных провести качественную оценку имущества;
- неосведомленность граждан о том, как осуществлять кадастровую оценку;

- большие объемы работ по оценке кадастровой стоимости имущества, не считая незарегистрированные объекты налогообложения;
- нежелание граждан регистрировать вновь построенные объекты, имеющие высокую стоимость, а также допускать оценщиков на территорию, являющуюся их собственностью;
- ошибки при исчислении кадастровой стоимости. В случае неправильного определения кадастровой стоимости граждане имеют право на переоценку. Процесс оспаривания требует вложения финансовых средств, трудоемкого сбора необходимых документов и долгого ожидания;
- сговор оценщиков с местными властями, желающими повысить собираемость налогов [2].

В целом российская система налогообложения имущества физических лиц движется в одном направлении с западными странами. Для дальнейшего совершенствования данной системы выделим основные рекомендации:

- Проведение разъяснительных мероприятий для населения и администраций муниципальных образований для доведения цели и задач проводимых изменений, особенностей нового способа взимания налога и предоставляемых льгот, а также новых возможностей бюджетного управления, которые он дает местному самоуправлению.
- Создание гибкой системы переоценки кадастровой стоимости имущества физических лиц с минимальным участием различных чиновников или судов.
- В целях повышения поступлений НИФЛ предлагается сокращение числа льготных категорий граждан. Хотя предоставляемые государством льготы и вычеты служат важной социальной гарантией населения и основой снижения налогового бремени.

В международной практике льготы применяются в отношении к социально незащищенным слоям населения, либо в зависимости от вида недвижимости или вида ее использования. При этом отдается приоритет именно второму варианту, так как считается, что облагается налогом недвижимость, а не ее владелец. В России акцент делается на собственника имущества, уплачивающего налог. Проводя сравнительный анализ, стоит учитывать стабильный высокий доход, зарубежного налогоплательщика и его благосостояние.

- Расчет суммы налога на имущество, используемого в коммерческих целях, исходя из суммы арендной платы.

После повсеместного введения налога на имущество, могут проявиться такие негативные эффекты, как нецелевое использование земли и недвижимости из-за того, что эффективные ставки на коммерческую и жилую недвижимость будут сильно разниться, что наблюдается и сейчас. В связи с этим предлагается рассчитывать стоимость таких объектов, исходя из рыночной стоимости. Например, в Великобритании базой налога является сумма годовой арендной платы для объектов недвижимости, используемых в коммерческих целях, что вполне логично, так как имеются все основания полагать, что стоимость аренды пропорциональна стоимости самой недвижимости.

- Обеспечение социальной справедливости.

Данный налог часто воспринимается как регressiveный. Налоговые платежи изымают часть дохода граждан. НИФЛ составляет большую долю по отношению к доходам малоимущих граждан, чем богатых. Происходит перекладывание налогового бремени на граждан с низкими доходами, являющимися собственниками имущества с высокой рыночной стоимостью. Рост налогового бремени таких граждан не решит вопрос пополнения местных бюджетов, приведет к тому, что гражданам придется покидать жилье, переезжать в удаленные районы или в жилье с меньшей площадью, что обострит существующие социальные противоречия. Необходимо введение специальной льготы для малоимущих граждан с ограничением ее суммы, исходя из нормы жилищных условий и стоимости жилья в каждой конкретной местности. Делая вывод, отметим, налогообложение имущества физических лиц в России имеет свои отличительные положительные стороны по сравнению с зарубежными странами. При переходе к новой системе исчисления налога имеются проблемы, сдерживающие его эффективное использование. Поэтому является необходимым изучение опыта зарубежных стран и рассмотрение путей преодоления сложившейся ситуации.

Литература

1. Богачев С.В. Налог на недвижимость: зарубежный опыт [Текст] / С.В. Богачев // Имущественные отношения в РФ. 2017. № 4. С. 68–73.
2. Велесевич С. Налоговый калькулятор: сколько придется платить за жилье [Электронный ресурс] / С. Велесевич // РБК. 2014. URL: <https://realty.rbc.ru/news/577d23e29a7947a78ce919ed?from=realtyinner> (дата обращения 5.04.2018).
3. В Волгограде налог на имущество физических лиц посчитают по новым налоговым ставкам [Электронный ресурс] // Федеральная Налоговая служба. 2018. URL: https://www.nalog.ru/m34/news/tax_doc_news/7579555/ (дата обращения: 26.09.2018).
4. Заполь Д. Налог на имущество: сколько платят в РФ по сравнению с другими странами [Электронный ресурс] // РБК. 2016. URL: <https://realty.rbc.ru/news/583291ab9a79471c8c107a2a> (дата обращения 26.09.2018).
5. Корытин А.В. Совершенствование механизма налогообложения недвижимости физических лиц [Текст] / А.В. Корытин, С.С. Шаталова. – М. : изд-во РАНХиГС, 2016. 71 с.
6. Рейтинг эффективности региональной налоговой политики по итогам 2017 года [Электронный ресурс] // Глобальная сеть компаний PwS. М., 2017. URL: <https://www.pwc.ru> (дата обращения: 26.09.2018).

А.Б. Дикин

Институт государства и права РАН (Москва)
abdidikin@bk.ru

РАЗЛИЧИЕ ПРАВА И ЗАКОНА: АРГУМЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО НЕОПОЗИТИВИЗМА

В российском правоведении достаточно давно сложилась традиция разделения юснатурализма и юридического позитивизма (без разделения его течений и методологических основ) по критерию разделения представлений о праве и законе. Общий тезис состоит в том, что если предметом исследования в юриспруденции является позитивное право, которое может исследоваться эмпирически, устанавливается государством, поддерживается его принудительным механизмом, то сущность права сводится к изучению и толкованию правовых норм, а представления о естественном праве характеризуются как метафизические, гипотетические, или, по словам Г. Кельзена, вера в существование естественного права очень похожа на религиозную веру. Такое разделение неоднократно наблюдалось в юридической науке XX столетия, порождало ряд эмоциональных дискуссий о моральном содержании правовых норм (дискуссия Харта и Фуллера), о судейском усмотрении (дискуссия Харта и Дворкина), о сущности права (дискуссии на страницах журнала «Правоведение» в 1970-е гг.), способствовало формированию философско-правовых взглядов В.С. Нерсесянца в 1970–80-е гг. В дополнение к этому в английском языке понятие «право» и «закон» смешиваются в едином слове «Law», что стимулирует зарубежных правоведов в рассуждениях о праве упоминать другое слово «Right», чтобы учитывать различия.

Однако В.С. Нерсесянц пишет, что «для правового позитивизма, отвергающего любое содержательное требование к позитивному праву, вообще характерны формализм и безразличие к самому содержанию права, к существу его норм и т. д. Отсюда и принципиальная некритичность позитивистского подхода к позитивному праву, поскольку любой критерий, которому должно отвечать содержание правовой нормы, оказывается «непозитивным», «необъективным» и «ненаучным» [2, с. 317]. Очевидно, что для современного восприятия юридического позитивизма, учитывая различия его направлений и теорий, такая характеристика не подходит. О мифах, сложившихся вокруг понимания юридического позитивизма, пишет в одной из недавно опубликованных статей В.Н. Жуков [1, с. 44–51].

В.С. Нерсесянц в вопросе различия права и закона формулирует следующий тезис: «...право выступает в качестве основания и критерия для суждения о ценности закона, его соответствии своему назначению и т. п. Значимость и сила подобной оценки состоят в ее концептуальном характере: ведь оценка закона дается здесь не с какой-то случайной, необязательной или безразличной для него позиции, а с точки зрения права, т. е. чего-то необходимого и безусловного. Иначе говоря, в своем оценочном отношении к закону право предстает как концентрированное выражение всех тех требований, без соответствия которым

закон дисквалифицируется: закон, не соответствующий праву, — это произвол» [2, с. 362].

Но ключевой дискуссионный вопрос остается неизменным — действительно ли в существующих позитивистских теориях права (которые можно объединить общим термином «юридический неопозитивизм», начиная с Г. Харта) невозможно рассуждать о законе, противоречащем праву и справедливости?

Чтобы ответить на этот вопрос и увидеть разницу между классическим правовым позитивизмом XIX в. и современным правовым неопозитивизмом, нужно указать на несколько важных положений:

— в современном юридическом позитивизме понятие правовой нормы воспринимается иначе, и включает в себя не только совокупность различных типов юридических правил (правил, стимулирующих к действию), но и другие формы регулятивного воздействия; позитивное право в такой трактовке не может пониматься узко и должно учитывать элементы правотворческой и правоприменительной деятельности;

— современные позитивистские теории права более гибко оценивают формализм юридических процедур, а потому правовая норма — это вовсе не неизменный по формулировке замысел законодателя, а гибкий регулятор поведения (так, например, в английском общем праве не существует нормативно установленной иерархии источников права, прецедентные решения и акты делегированного законодательства различаются по сферам регулирования, а правовая доктрина и мнения правоведов привносят новые аргументы в судебную практику); тем самым споры о том, насколько необходимо опираться на формализм процедур в праве, происходят как раз между представителями правового реализма и правового неопозитивизма, ибо становится очевидным, что «живое право» не может существовать в отрыве от соблюдения формальных правовых процедур.

Каким же образом происходит разделение правового и неправового закона с точки зрения современной методологии правового неопозитивизма? Известный аргумент Л. Фуллера в споре с Г. Хартом о том, что при существующем формальном подходе к праву у позитивистов принятый с соблюдением всех парламентских процедур закон будет обладать юридической силой и может порождать репрессивные социальные практики, к современной позитивной правовой системе неприменим. Не только потому, что оценка качества внутригосударственного права в современных условиях происходит в зависимости от соблюдения международных стандартов прав человека или споров представителей государств в международных судах, но и в силу более гибкой и развитой аргументации в теориях правового неопозитивизма.

Следует отметить, что гибкий подход к осмыслиению эволюции правовой системы как единства первичных и вторичных правил, впервые был сформулирован Г. Хартом в книге «Понятие права» (1961) [3; 4, с. 158–163]. Одним из важных понятий, обеспечивающих объективную социально-политическую основу (а не формальную и узко-нормативную) правовой системы, является «правило признания». Правило признания, будучи вторичным правилом, содержит в себе

правовые ценности, на основе которых формулируются правовые нормы других уровней правовой системы, а также социально-политический компромисс, без которого в обществе невозможно соблюдение правовых и нормативных предписаний. Возможен ли законодательный произвол в такой правовой системе, если правило признания, закрепленное в действующих источниках права (не обязательно в едином тексте Конституции, но и в частности в конституционных обычаях), действует и обязывает при принятии решений должностных лиц и судебные органы власти? Если же возникает проблемная ситуация, система первичных и вторичных правил включает в себя и учитывает правовые принципы (вспоминая известный довод в дискуссии Харта и Дворкина) [5], среди которых есть принцип верховенства права (несводимый к узкому и формальному пониманию законности, о чём спорили советские правоведы в дискуссии о сущности права). Кроме того, последователи неопозитивизма в праве, в частности Дж. Рэз, и вовсе полагают, что правило признания, как и другие вторичные правила, это эмпирические наблюдаемые правила, которые зависят от реально действующей административной и судебной практики [6], а значит, их содержание как раз учитывает объективные закономерности развития права в конкретном обществе, и учитывает различие права и закона.

Таким образом, разделение права и закона является существенным аргументом для современных концепций юридического неопозитивизма и заслуживает внимания.

Литература

1. Жуков В.Н. Догматический метод и мифы юридического позитивизма // Государство и право. 2018. № 5. С. 44–51.
2. Нерсесянц В.С. Право и закон (из истории правовых учений). М., Наука, 1983.
3. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб, Изд-во СПБГУ, 2007.
4. Впервые в российском правоведении на особенности неопозитивизма Г. Харта и его концепцию единства первичных и вторичных правил обратил внимание В.А. Туманов. См.: Туманов В.А. Избранное. М., Норма, 2010. С. 158–163.
5. Аргумент был сформулирован Г. Хартом в «Постскриптуре» ко второму изданию книги «Понятие права». См.: Hart H.L.A. Concept of Law. Second Edition. Oxford, 1994.
6. Так, в одной из своих статей, Дж. Рэз отмечает, что «самой природе права присуще то, что его существование в общем известно тем, кто ему подчинен, и что обычно оно играет в их жизни определенную роль» (Рэз Дж. Возможна ли теория права? // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 177).

А.В. Крылова

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(Новосибирск)
a.krylova9@gsu.ru

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Развитие общественных, экономических отношений привели к необходимости реформирования норм наследственного права в Российской Федерации. Изменению подвергся институт доверительного управления наследственным имуществом, который стал более детализированным в отличие от предыдущей редакции Гражданского Кодекса РФ (Далее – ГК РФ). В данной статье проводится сравнительный анализ института доверительного управления в старой редакции и после вступления в силу Федерального закона от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

Институт доверительного управления является одной из мер по охране и управлению наследством для защиты прав наследников, отказополучателей и других заинтересованных лиц, на что указывает статья 1171 ГК РФ [2]. Необходимо отметить в п.2 ст. 1171 ГК РФ, что нотариус не наделяется самостоятельными полномочиями по введению любых охранительных мер. Введение таких мер возможно, если заинтересованное в сохранении имущества лицо или лица подали заявления о их принятии. Основы законодательства о нотариате в статье 64 указывают на то, что нотариус может по собственной инициативе принимать меры по охране наследства [6].

Установление доверительного управления возможно только после проведения описи и оценки. Во время описи устанавливается состав имущества, в том числе требующее управления, с возможностью проведения оценки. В ст. 1172 ГК РФ [2] указывается, что оценка проводится по заявлению лиц: наследников, исполнителя завещания и в некоторых случаях органами опеки и попечительства. На практике нотариус проводит оценку в отсутствие заявления [1], поскольку вознаграждение за нотариальные действия по защите и охране наследственных прав зависит от стоимости наследственной массы. Это касается возмещения расходов и вознаграждения за доверительное управление. Такое стало возможно из-за противоречия ст. 64 Основ нотариата [6] и ст.1171 ГК РФ [2].

Институт доверительного управления детально не прописывался в ст. 1173 ГК РФ [2], кроме краткого перечня имущества, которое предполагало необходимость управления (предприятия, доля в уставном капитале хозяйственных обществ и т. д.), а также указывало, что учредителем доверительного управления может стать либо нотариус, либо исполнитель завещания со ссылкой на ст. 1026 ГК РФ [2]. Тем самым распространялось действие главы 53 ГК РФ на доверительное управление наследством, но из-за особенностей имущества возникали споры по поводу учреждения управления. Если исходить из общих норм гл. 53 ГК РФ, то существенным условием будет указание на то, является ли

договор возмездным или безвозмездным. При неуказании этого условия договор считается незаключенным. По постановлению Правительства РФ [9] предельный размер вознаграждения составляет три процента от оценочной стоимости наследства, при этом не указывается оценка передаваемого имущества, или от всей наследственной массы в целом. Вследствие этого прослеживается необходимость оценки перед оформлением доверительного управления. В ст.1023 ГК РФ оговаривается, что вознаграждение и возмещение расходов в связи с управлением производится за счет доходов от имущества.

Одним из существенных условий является указание выгодоприобретателей в договоре, из-за чего возникали споры. Наследники могут подать заявление о принятии наследства в течении шести месяцев, в определенных случаях срок продлевается до девяти месяцев. После принятия наследства они считаются собственниками имущества с момента открытия наследства, даже если свидетельство им не выдано. За столь длительный срок количество выгодоприобретателей может измениться, а также могут быть выявлены несовершеннолетние наследники. При таких обстоятельствах можно сказать, что доверительное управление учреждается и ведется только в интересах известных выгодоприобретателей. При рассмотрении судебной практики [5] выявлялась другая проблема — доверительное управление не должно назначаться без согласия законного представителя несовершеннолетнего, который является наследником, если таким договором предусмотрено совершение сделок на отчуждение имущества управляющим. При этом может ли оно даваться после заключения такого договора в качестве дополнительного соглашения или необходимо вновь заключать договор, судом не было рассмотрено.

Другой спор вокруг данного института возникал по вопросу — может ли наследник быть управляющим. Исходя из положений ст.1015 ГК РФ [2], управляющий не может быть выгодоприобретателем, следовательно, известный наследник, в чьих интересах ведется доверительное управление, также не может быть управляющим. На этот счет исследователи данного вопроса заняли две позиции. Первая позиция подтверждает уже описанную ситуацию: «наследник — выгодоприобретатель, пусть и потенциальный, поэтому он не может быть управляющим» [11]. Управляющий обладает полномочиями по совершению всех фактических и юридических действий, в том числе по отчуждению этого имущества. При анализе судебной практики [8] выявляется проблема, что реализация имущества является допустимым способом управления, но доказать убыточность этой сделки на практике было достаточно сложно. Тем самым наследник в качестве доверительного управляющего мог реализовать имущество по низкой цене, чтобы не допустить его передачу иным наследникам. Иной точки зрения придерживается Л.Ю. Михеева [4], которая предполагает на основании п. 4 ст. 1172 ГК РФ, что если возможно передавать имущество по договору хранения наследникам или третьим лицам, то можно передать имущество в доверительное управление наследнику.

Вопрос об отчетах, которые управляющий должен отправлять учредителю доверительного управления — нотариусу или исполнителю завещанию. Необхо-

димо было уточнить, в какой максимальный срок должны отсыльаться такие отчеты, в каком порядке их должен проверять нотариус. Поскольку при проверке отчета нужно оценить необходимость совершенных действий по управлению имуществом и не произошло ли нарушение интересов выгодоприобретателей.

Доверительное управление одна из охранительных мер. Ранее предполагалось, что оно устанавливается на срок, не превышающий шести или в определенных случаях девяти месяцев. Общая глава указывает, что если не было заявления о прекращении договора, то он считается продленным на тот же срок. С наследственным имуществом вопрос состоял в том, что наследники получают свидетельство о праве собственности после шести месяцев, но имущество продолжает требовать управления. Можно прийти к выводу, что нужно делать указание на событие, а именно получение свидетельства о праве собственности наследниками.

Федеральный закон № 259-ФЗ [12], нормы которого начали действовать с первого сентября 2018г., решил некоторые из проблем, детализировав условия доверительного управления наследственным имуществом, а также поменяв общий подход к принятию мер по охране и управлению. Нужно отметить, что срок применения мер определяется нотариусом с учетом самого наследства, его ценности, а также времени, необходимого наследникам для принятия наследства. Максимальный срок для доверительного управления составляет пять лет. При этом в момент выдачи свидетельства о праве собственности все права учредителя, которым теперь может быть только нотариус, передаются наследникам, в том числе и право прекращения договора доверительного управления. При непредъявлении наследниками требования о прекращении договора он считается продленным на пять лет, но не оговаривается разумный срок, в который наследники должны его предъявить. Первоначальный проект закона [10] предполагал ограничение в 30 дней. Исходя из положений Гражданского Кодекса, с момента получения свидетельства управление может продолжаться на пять лет.

Перед учреждением доверительного управления обязательно должна проводиться оценка передаваемого имущества независимым оценщиком, следовательно, вознаграждение составляет три процента от стоимости передаваемого в управление имущества. По мнению исследователей вопроса [7], три процента не смогут возместить все расходы в связи со столь продолжительным сроком.

Нововведением, отражающим особенности управления наследственным имуществом, является то, что в договоре не указываются выгодоприобретатели, если только в завещании не был указан отказополучатель. Доверительное управление учреждается в целях сохранения и увеличения переданного имущества. Управляющим может быть назначен один из известных наследников с согласия иных известных наследников, а в случае возражения — на основании решения суда. По методическим рекомендациям [3] нотариус при невозможности истребования заявлений от наследников по согласованию кандидатуры управляющего, обязан учредить доверительное управление, самостоятельно решив вопрос о кандидатуре. Из этого следует, что, если кандидатура избрана не из наследников, не возникает необходимости по обращению в суд.

Затрагивая цели учреждения доверительного управления, полномочия доверительного управляющего становятся ограниченны. Например, заключение сделок по отчуждению имущества или передачи его в залог. Направленность действий управляющего может быть предусмотрена волей наследодателя в завещании. Другим ограничением деятельности управляющего является разрешение вопроса о том, как часто должен проверять нотариус деятельность управляющего. Нотариус должен контролировать деятельность управляющего не реже, чем один раз в два месяца. Вопрос остается в том, как нотариус должен будет обнаружить нарушения. Поскольку, если это управление предприятием, то предоставленный отчет и документы содержат экономические и финансовые данные, для понимания которых необходимы знания в этой сфере. При обнаружении нарушений у нотариуса есть право расторгнуть договор с требованием о предоставлении отчета. Но привлечение специалистов для проверки отчета потребует дополнительных расходов.

Таким образом, доверительное управление законодателем было детализировано с обращением внимания на специфичность самого наследственного имущества. Законодатель постарался решить возникшие вопросы, поскольку не все предусмотренные существенные условия для договора подходят для учреждения управления наследством. Введены ограничения полномочий управляющего, которые изменили вопрос по подходу к целям управления. При более подробном рассмотрении нововведений возникает необходимость доработать некоторые из положений доверительного управления.

Литература

1. Актуальные вопросы наследственного права / Ю.Б. Гонгало, П.В. Крашенинников, И.Б. Миронов и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. 112 с. // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Методические рекомендации по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью». Утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, СКФО, ЦФО РФ 28–29.05.2010 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Михеева Л.Ю. Вопросы охраны наследства и управления им. — 2005. // СПС «Консультантплюс».
5. Определение Верховного Суда РФ от 26.08.2016 № 306-ЭС16-8387 по делу № А49-2904/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
6. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11.02.1993 № 4462-1 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Останина Е.А. Договор доверительного управления наследством: предпосылки заключения и содержание // Право и экономика. 2017. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28.09.2017 № Ф10-3825/2016 по делу № А14-10585/2015 // СПС «Консультантплюс».
9. Постановление Правительства РФ от 27.05.2002 № 350 «Об утверждении предельного размера вознаграждения по договору хранения наследственного имущества и договору доверительного управления наследственным имуществом» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Проект Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс».
11. *Рассказова Н.Ю.* Доверительное управление наследственным имуществом, учреждаемое нотариусом. // Закон. 2007. № 2. // СПС «КонсультантПлюс»
12. Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

Э.И. Лескина

Саратовская государственная юридическая академия (Саратов)
elli-m@mail.ru

АКСИОМЫ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Термин «аксиома» известен в научной среде еще с античных времен. Прежде всего, это понятие было предметом научных изысканий математиков и получило свое распространение благодаря трудам Евклида, который являлся основателем евклидовой геометрии. Однако впоследствии в гуманитарных отраслях знаний также стали выявлять и изучать аксиоматические явления, применять аксиоматический метод исследования к различным научным сферам интересов. Такие мыслители, как Аристотель и Платон рассматривали в своих философских трудах аксиомы как отправные начала, незыблемые, общепринятые и не требующие доказательств суждения. Аксиоматический метод стал одним из основных в гносеологической теории Декарта, поскольку ученый считал, что при исследовании в любых областях следует опираться на основания, определяющие иные сферы знания. Априорный уровень познания И. Канта также подразумевал существование аксиом.

В предмете юридической науки с давних времен римского права изучение первоначал, детерминирующих всю правовую ткань, занимало умы ученых-правоведов.

Изучение аксиом трудового права представляется особенно важным, поскольку мировой опыт накопил и выработал особый костяк воззрений на то, каким образом должны регулироваться трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения. Изучение и следование таким аксиомам позволит более эффективным образом построить и преобразовать, усовершенствовать трудовое законодательство в Российской Федерации. Отход от правовых аксиом при конструировании трудового законодательства и его реализации, правоприменении может привести к тому, что цели правового регулирования останутся не достигнуты, закрепленные в законодательстве ценности (а права и свободы человека являются высшей ценностью) не получат должной защиты, утверждения. Провозглашенные трудовые права могут получить свою реализацию только лишь в особой правовой атмосфере, которую создают, в том числе, и правовые аксиомы.

Аксиомы в трудовом праве — это прямо или косвенно закрепленные в правовых нормах положения, которые выражают представление цивилизованного мирового сообщества о детерминантах регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, это положения, аккумулирующие и выраждающие правовые ценности трудового права. Такие правовые ценности, как справедливость, ответственность, защита прав и свобод свойственны и трудовому праву и находят свое проявление и закрепление в аксиомах трудового права.

Можно выделить следующие признаки аксиом в трудовом праве:

1) общепризнанность, которая выражается в том, что аксиомы концентрируют универсальные для цивилизованных стран трудовые стандарты, которые принимаются без доказательств и являются исходными правоположениями для дальнейшего конструирования правового поля в сфере трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений;

2) действие на протяжении длительного времени. Так, в отличие от регулирования отдельных институтов, аксиомам свойственно находиться в правовой реальности на протяжении многих веков, минуя различные исторические формы и типы устройства государства;

3) аксиомы выражают правовые ценности, и, соответственно, наполнены аксиологическим содержанием;

4) аксиомы являются нравственно обусловленными категориями, в их основе лежат требования морали и здравого смысла.

Выделение аксиом в трудовом праве тем более важно, что принципы трудового права сформулированы на законодательном уровне как права. Их число достигло девятнадцати, что не соотносится с общепризнанным определением принципов как исходных начал, которых по идеи не может быть большое количество. Но поскольку в Трудовом кодексе РФ (ст. 2) [4] выделен именно такой перечень принципов трудового права, то вполне актуально обратиться к тем отправным идеям, которые предопределили существование перечисленных принципов-прав.

Представляется, что трудоправовые аксиомы являются формой выражения правовых ценностей, свойственных рассматриваемой отрасли права. Аксиомы воплощают общепризнанные в данном обществе правовые ценности, с помощью них достигается более логичное, преемственное, последовательное законодательное регулирование трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. В трудоправовых аксиомах отражен « дух трудового права », с их помощью становится возможным утверждение таких ценностей, как справедливость, свобода и др. Уже на основании происхождения термина « аксиома » (от греч. αξιόω — это значимое, принятное положение [2, с. 15]) становится очевидным аксиологическая наполненность указанного понятия. Этим можно объяснить и тот факт, что ученые, исследовавшие правовые аксиомы, зачастую отождествляли их с правовыми ценностями [1, с. 10].

В целом, правовые аксиомы представляют собой юридические конструкции, которые получили прямое или косвенное закрепление в трудовом законодательстве, посредством чего правовые ценности также отражаются по-

средством аксиом и иных форм выражения (например, принципов, презумпций [3, с. 14]) в актах, содержащих нормы трудового права.

Правовые аксиомы, которые формировались на протяжении многих веков, являются исходными началами, отправным пунктом, задающим направление для дальнейшего нормотворчества. Прямо или косвенно закрепленные в трудовом законодательстве, эти несомненные положения в дальнейшем развиваются и конкретизируются. Самы по себе трудоправовые аксиомы представляют собой итог эволюции правовых взглядов, правовой культуры, они заключают в себе такие правоположения, которые принимаются членами общества независимо от возраста, уровня образования, профессии, аксиомы аккумулируют наиболее ценные, общепризнанные идеи. Естественно, такое содержание обусловлено аксиологической системой, воспринятой данным обществом.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что ценностная детерминация трудоправовых аксиом выражается в двух ипостасях: в сущности рассматриваемых правовых явлений и в их содержании, ценностном наполнении.

Сущность трудоправовых аксиом ценностно детерминирована, их содержание наполнено приоритетными в конкретном обществе и в определенный период социально-экономического, культурного развития ценностями. Каждая аксиома в сфере трудового права закрепляет отдельные правовые ценности, например, справедливость, свободу, равенство, консенсус.

Аксиомы трудового права могут формироваться из двух источников. Во-первых, из норм морали (например, аксиома защиты материнства, предоставление возможностей и гарантий более слабой, подчиненной стороне трудовых отношений). Во-вторых, аксиомы могут появляться с течением времени посредством многократного утверждения в правоприменении, вследствие чего данное суждение (впоследствии нормы) уже не требует доказательств и детерминирует иные нормы права и их совокупности. Во втором случае трудоправовые аксиомы выражают преемственность в правовом регулировании, концентрируют накопленный социально-правовой опыт.

Аксиомы также обладают собственной ценностью, вбирая приоритетные на данном этапе развития стандарты, гарантирующие соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности общества и государства. Аксиомы, принципы, презумпции и в целом трудовое право обладает собственной социальной ценностью, что исходит из функций данной отрасли, целей правового регулирования в соответствующей области. В конечном итоге формы утверждения правовых ценностей в трудовом праве, к которым, в том числе, относятся аксиомы, способствуют справедливому, эффективному, целесообразному правовому регулированию в трудовой сфере, способствуют защите трудовых прав граждан, формированию в нашей стране правового государства и гражданского общества. Таким образом, система трудового права является одним из важнейших компонентов реализации социальной функции государства, инструментом регулирования трудовых отношений, инструментом модернизации и развития такого регулирования.

В заключение отметим, что вне правовых аксиом, трудовое право не будет способно исполнять свою социальную функцию. Выраженные посредством трудоправовых аксиом аксиологические явления обуславливают социальную ценность трудового права. Аксиомы отражают общепризнанные, элементарные стандарты-истины в области трудовых и тесно связанных с ними отношений, создаются нравственную основу трудового законодательства. Необходимость соблюдения и защиты трудоправовых аксиом очевидна и вытекает из здравого смысла, из требований справедливости, из норм общечеловеческой морали. На основе правовых аксиом разрабатывается, модернизируется трудовое законодательство, многие юридические категории и правовые явления. В сфере трудового права интересы работника как слабой стороны нуждаются в дополнительной защите со стороны государства с целью уравнивания возможностей сторон, в этой связи аксиомы как отражение элементарных моральных начал с необходимостью должны детерминировать трудовое законодательство.

Литература

1. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12.
2. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. Гуманитарный издательский центр Владос. М., 1998.
3. Масленников А.В. Правовые аксиомы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2006.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 3.

Е.Ю. Моисеева, А.С. Белоусов

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
evgen-moiseeva@yandex.ru, doransand@yandex.ru

ПРАВО НА КРИОКОНСЕРВАЦИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Жизнь любого земного существа, согласно законам природы, имеет собственные начало и конец. Человек как биосоциальное существо всегда задумывался над вопросом бессмертия, обретения вечного существования, излечения от всех недугов и т. д. Греческая мифология является ярким подтверждением вышеуказанному доводу. Так в «Библиотекаре» древнегреческого писателя Аполлодора имеется довольно интересный миф о врачевателе Асклепии, сыне Аполлона и Корониды, который спасал от смерти и воскрешал умерших людей с помощью крови Горгоны, вытекшей из правой части ее тела, которую он получил от богини Афины. Ученые умы размышляли о перспективах бессмертия и в Древности, и в Средние Века, и в эпоху Возрождения, и в Новое время: всем нам известны такие имена как Ю. Мартин, Тертуллиан, Д. Алигьери, Ф. Бэкона, И. Кант и другие.

Жизнь человека как биологического существа может оборваться по многим причинам, часто не зависящим от него самого. Так, к примеру, ежегодно в России от новообразований, болезней системы кровообращения, инфекционных иных заболеваний умирает достаточно большое число населения: согласно данным Росстата за 2016 г. от новообразований в нашей стране умерли 160 958 мужчин и 138 694 женщины, в 2017 г. 157 451 мужчин и 137 136 женщин соответственно. На сегодняшний день, несмотря на высокие достижения науки и техники многие заболевания не поддаются адекватному лечению. Во втором десятилетии XXI в. человек все еще беспомощен перед болезнью Альдгеймера, некоторыми вида особо агрессивного рака и т. д. Однако мир не стоит на месте, ученые со всех стран ежедневно ведут активную борьбу за новые совершенные способы лечения тех или иных недугов. Возможно те недуги, которые невозможно излечить сейчас, возможно будет излечить через 20–30 лет. Еще в 1962 г. знаменитый Роберт Эттингер в своей работе «Перспективы бессмертия» указал на возможность использования холода для криоконсервации людей в качестве способа сохранения тел больных и их излечения от недугов в будущем, когда научное знание достигнет высокого уровня. Криоконсервация, согласно Р. Эттингеру, это состояние приостановленной смерти, которое фактически означает состояние биологически мертвого тела, которое было заморожено и хранится при сверхнизких температурах, так, что дегенеративные процессы остановлены и не прогрессируют.

Сегодня наномедицина в целях спасения человечества активно занимается специальными разработками, связанными с криоконсервацией человеческих тел. Сама по себе крионика является экспериментальной деятельностью, низкотемпературной консервацией человеческого тела с использованием криопротекторного раствора, осуществляемая в целях оживления человека в будущем. Фактически это практика сохранения людей и животных при сверхнизких температурах в надежде на то, что наука в будущем сможет вернуть их к жизни, а также омолодить их. Процесс криоконсервации является техническим сложным алгоритмом и представляет из себя последовательность действий, направленных на обеспечение максимально сохраненного уровня клеток организма, особенно головного мозга при использовании низких температур.

Мировая юридическая практика не имеет под своей основой какой-либо нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы крионики. В связи с целями криоконсервации человеческого тела и его частей довольно интересно провести правовой анализ правоприменения человека на осуществление криоконсервации собственного тела или его частей, а также выявить его правовую природу. Представляется, что исходя из целей криоконсервирования тела, частей тела человека, право на осуществление криоконсервации необходимо рассматривать в качестве одного из аспектов права на жизнь, а именно право на сохранение жизни, либо в контексте одного из аспектов права на физическую свободу — права на свободное распоряжение собственным телом и его составными частями. Так, право на сохранение жизни предоставляет носителю права возможность физического существования вне зависимости от воли третьих лиц. Согласно взглядам последователей крионики, криоконсервация человеческого тела является реализацией

фундаментального права на жизнь, т.к. основной целью криоконсервации является предоставление криопациенту возможности излечения от тяжелого недуга в будущем, тем самым сохранить его физическое существование. Фактически идеи крионики, подкрепленные некоторыми научными достижениями, дают человеку надежду на то, что в будущем его тело будет успешно «разморожено», приведено в то состояние, которое было у пациента до консервации, и излечено от имеющегося у него недуга.

Рассуждая о крионике в контексте права на жизнь, хотелось бы обратить внимание на следующее. Согласно инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий (утвержденных приказом Минздрава РФ от 04.03.2003 г. № 73) в процессе умирания выделяют стадии: агонию, клиническую смерть, смерть мозга и биологическую смерть. При клинической смерти изменения, происходящие в организме, носят обратимый характер, смерть мозга сопровождается необратимыми изменениями в головном мозге, частично или полностью обратимыми изменениями в иных органах и системах. Биологическая смерть сопровождается полностью необратимыми изменениями, влекущими прекращение человеческого существования как биологической единицы. Подпункт 1 частью 7 статьи 66 Федерального закона от 21.01.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» реанимационные мероприятия не проводятся при состоянии клинической смерти (остановке жизненно важных функций организма человека (кровообращения и дыхания) потенциально обратимого характера на фоне отсутствия признаков смерти мозга) на фоне прогрессирования достоверно установленных неизлечимых заболеваний или неизлечимых последствий острой травмы, несовместимых с жизнью. Согласно данным компании Alcor криоконсервирование пациента лучше всего начать в течение 15 минут после клинической смерти, то есть, биологические изменения, которые могут возникнуть после наступления клинической смерти человека на фоне прогрессирующего достоверно установленного заболевания или неизлечимых на день наступления клинической смерти, могут быть полностью или частично обратимы, что дополнительно подтверждает тезис о том, что крионика является продолжением реанимационных мероприятий, направленных на сохранение жизни тяжелобольного человека.

Исходя из принципа защиты права человека на жизнь следует, что крионирование пациента в случае наступления его клинической смерти при наличии неизлечимых на день наступления клинической смерти заболеваний является одним из способов реализации права на сохранение жизни, так как именно криоконсервация человека позволит сохранить тело человека в том состоянии, в котором оно находилось на момент прекращения реанимационных мероприятий. Достижения наномедицины будущего, по мнению последователей крионики, позволяют излечивать достаточно большое количество заболеваний, излечение которых сегодня не представляется возможным. Однако на сегодняшний день, в практике организаций, осуществляющих криоконсервацию, пока не имеется опыта полного «размораживания» тела человека, которое было успешно «оживлено» после реанимационных мероприятий. Очевидно, что право на криоконсервацию тела

человека и его частей, с точки зрения современной юриспруденции, невозможно рассматривать в качестве реализации права на жизнь, ввиду того, что сам субъект данного права юридически и фактически мертв.

Авторы считают, что наиболее правильно рассматривать право на криоконсервацию человека с точки зрения права на физическую свободу в контексте правомочия человека на распоряжении собственным телом и его составными частями, как на период его жизни, так и после его смерти. Право на физическую свободу представляет из себя возможность лица распоряжаться собственным телом по личному усмотрению и внутреннему убеждению, как в период физического существования, так и после смерти. Фактически право на физическую свободу предоставляет возможность каждому распоряжаться своим телом в целом, органами, тканями и клетками в рамках законодательных установлений. Это достаточно объемная правовая категория, которая включает в себя как право на донорство, трансплантацию биологических объектов, право на клонирование человеческого существа и т. д.

Организации, осуществляющие криоконсервацию человеческих тел, частей тела, работают с юридически мертвыми людьми, которые при жизни, к примеру, выразили свое явное желание быть криоконсервированными после кончины. Право на физическую свободу тесно коррелирует со многими конституционными правами: здесь и право на получение медицинской помощи, право на жизнь, право на достоинство и достойное существование. Достоинство гарантируется каждому как при жизни, так и после его смерти. Достойное отношение после смерти человека реализуется также путем соблюдения волеизъявлений человека относительно судьбы собственного тела после кончины. К примеру, федеральное законодательство РФ не запрещает гражданам РФ свободно распоряжаться собственным трупом после смерти: человек имеет право завещать свое тело науке, право быть кремированным и т. д. Соблюдение воли умершего относительно судьбы его тела является проявлением достойного отношения к телам усопших.

Право человека на криоконсервацию собственного тела, частей тела и органов необходимо рассматривать в качестве составного правоприменения лица на физическую свободу ввиду того, что отношения, связанные с криоконсервацией человеческого тела возникают после фактической и юридической констатации смерти субъекта права, а предметом правового регулирования являются правовые отношения, возникающие в связи с оказанием услуг по криоконсервации биологических объектов уже усопшего человека. В связи с тем, что сегодня мировой опыт крионики не предоставляет информации о проведенной успешной «разморозке» тела человека и последующем успешном осуществлении реанимационных мероприятий, правовых оснований для признания правомочия по криоконсервации собственного тела или его частей в качестве одного из аспектов права на жизнь — сохранение жизни не имеется.

А.Ю. Пелых

Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск)
arina.pelykhh@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Существующим гражданским законодательством Российской Федерации установлены две организационно-правовые формы хозяйственных обществ. Одной из таких является Общество с ограниченной ответственностью (далее – Общество).

Согласно статье 2 Федерального закона от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7] Обществом признается созданное одним или несколькими лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли; участники общества не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей в уставном капитале общества.

В соответствии со ст. 49 ГК РФ общество является самостоятельным участником гражданских правоотношений, для этого законодатель наделил общество правом иметь гражданские права и нести обязанности, то есть обладать правоспособностью [5].

Наличие обязанностей неразрывно связано с вопросом ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение. Наряду с правоспособностью выделяется дееспособность юридического лица как способность данного субъекта непосредственно своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать обязанности и выполнять их, т. е. непосредственно осуществлять ту или иную деятельность [9, с. 34–39].

В качестве элемента дееспособности юридического лица выступает деликтоспособность, то есть самостоятельная гражданско-правовая ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств (ст. 15, 393, 401 ГК РФ).

Правоспособность и дееспособность общества, его деликтоспособность не связаны с наступлением каких-либо событий и принадлежат обществу с момента его государственной регистрации, то есть с момента внесения о нем сведений в единый государственный реестр юридических лиц. Данное мнение является наиболее устоявшимся среди юристов [8, с. 26–29]. Общество может быть ограничено в правах лишь в случаях прямо предусмотренных законом (п. 2 ст. 49 ГК РФ). Перечень случаев, когда в силу закона общество разделяет свою ответственность с иными лицами, является закрытым. Учитывая многообразие возможных видов деятельности обществ, количество исключений является довольно малым. Полагаю, что это связано с тем, что по замыслу законодателя именно общество отвечает за результаты своей деятельности, а лица, которые имеют право давать обязательные указания для общества, осознанно ограничивают свои риски.

Анализируя указанные нормы права можно прийти к выводу о том, что общество является самостоятельным субъектом гражданско-правовых отношений, в связи с чем обладает полной деликтоспособностью с момента его государственной регистрации.

Однако, в настоящее время можно отметить тенденцию к появлению судебной практики, которая позволяет сомневаться в указанном выводе. Рассмотрим один из таких примеров в Апелляционном определении Свердловского областного суда от 04.04.2018г. по делу № 33-4324/2018.

Суть спора: Межрайонная ИФНС России № 28 по Свердловской области обратилась с иском о взыскании ущерба к директору ООО «Транзит-Авто» Быстрому И.М. Суд первой инстанции удовлетворил требования инспекции частично и взыскал с ответчика 11 110 424 рублей. Суд апелляционной инстанции изменил решение, увеличив сумму взыскания до 15 123 706 рублей.

Обстоятельства дела: Налоговой инспекцией была проведена выездная налоговая проверка ООО «Транзит-Авто», по результатам которой составлен акт и вынесено решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения — неуплата налога на добавленную стоимость.

Быстрый И.М., как директор ООО «Транзит-Авто», в нарушение норм налогового законодательства предоставил в инспекцию налоговые декларации по налогу на НДС, содержащие ложные сведения, и не исчислил и не уплатил налог на НДС в сумме 11 110 427 рублей.

Уголовное преследование в отношении Быстрого И.М. было прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Принимая определение, суд апелляционной инстанции дал оценку положениям ст.ст. 15, 1064 ГК РФ. Суд счел, что ООО «Транзит-Авто» является фактически недействующим лицом, налоговым органом принятые необходимые меры по взысканию с него недоимки и пени на основании норм налогового и гражданского законодательства, которые оказались безрезультатными. По мнению суда, указанное дает основание суду первой инстанции для взыскания с ответчика Быстрого И.М. ущерба при наличии состава наступления деликтной ответственности по взаимосвязанным положениям ст. 15 и ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Прежде чем перейти к анализу выводов такого судебного акта, обратимся к тому, кто является налогоплательщиком в соответствии с действующим законодательством. Налогоплательщиками налога на добавленную стоимость являются организации (п. 1 ст. 143 НК РФ) [6].

Из буквального толкования закона следует, что ни учредители, ни директора, ни иные лица, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо или имеют возможность определять его действия, не являются плательщиками указанных налогов.

В приведенном судебном акте суд не опровергает наличие у общества самостоятельной гражданско-правовой ответственности и в то же время указывает, что обязательства общества возникли по причине неверных действий директора. И именно действия директора, а не действия общества причинили ущерб. В ка-

честве подтверждения неверных действий суд ссылается на наличие уголовного дела в отношении руководителя. Однако в отношении него не был вынесен приговор, то есть наличие вины в совершении преступления не было установлено.

Между тем, вопрос взыскания ущерба с директора мог бы быть рассмотрен только в случае вынесения в отношении него приговора. Так, в пункте 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» указано, что в соответствии со статьей 309 УПК РФ судам надлежит учитывать, что в приговорах по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, должно содержаться решение по предъявленному гражданскому иску, в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с законодательством (ст. 1064 и 1068 ГК РФ) несет ответственность за вред, причиненный преступлением (ст. 54 УПК РФ).

В научной среде подход к ограниченной деликтоспособности юридических лиц существует достаточно давно [9, с. 28]. Так, например, российский юрист Е.В. Васьковский отмечал: «Фикция юридического лица состоит... в том, что члены союзов и управления учреждений рассматриваются действующими не от своего имени, а от имени воображаемого лица, в качестве его представителей. Отсюда видно, что приписываемая юридическим лицам правоспособность, фикция не дает им дееспособности. В этом отношении они походят на малолетних и умалишенных, которые тоже считаются неспособными к юридическим действиям и могут совершать их через представителей — опекунов» [3, с. 109].

Возможно, такой дифференцированный подход к деликтоспособности обществ вызван толкованием положений налогового кодекса. Так А.С. Власова, М.Е. Лошакрева, Н.М. Удалова указывают: «Исходя из положений п. 4 ст. 110 Налогового кодекса (НК) РФ определение виновности юридического лица определено виной его должностных лиц или его представителей. Таким образом, юридическое лицо фактически предполагается второстепенным субъектом, лишенным необходимой самостоятельности, а его действия отождествляются с действиями некоего физического лица, которое становится его *alter ego*» [4, с. 120–134].

Тем не менее, подобный подход по ограничению деликтоспособности общества прямо на законодательном уровне не закреплен.

Любопытно, что при рассмотрении дел о взыскании ущерба между равными субъектами — юридическими лицами, суды не прибегают к ограничению деликтоспособности обществ. Рассмотрим характерный пример в *Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2018 г. по делу № A27-26322/2017*.

Суть спора: ООО «Регион 42» обратилось в суд с иском к Сергееву С.В. о привлечении к субсидиарной ответственности по неисполненным обязательствам ООО «Стройпласт» в размере 1 076 923,74 рублей. Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении требований.

Обстоятельства дела: судом с ООО «Стройпласт» в пользу ООО «Регион 42» была взыскана задолженности по договору поставки в размере 1 011 796,01 рублей. В связи с отсутствием финансирования процедуры банкротства дело о банкротстве ООО «Стройпласт» было прекращено. Тогда ООО «Регион 42» обратилось в суд с иском о привлечении бывшего руководителя должника Сергеева С.В. к субсидиарной ответственности, указывая, что он, как директор, не исполнил обязанность по обращению в суд с заявлением о признании ООО «Стройпласт» несостоятельным (банкротом). По мнению истца, Сергеев С.В., зная о наличии у общества признаков банкротства, заключил договор с ООО «Регион 42», т. е. принял на общество дополнительные долговые обязательства, в то время когда общество не могло исполнить уже существующие обязательства.

Принимая определение, суд апелляционной инстанции дал оценку положениям ст. 15, 53, 1064 ГК РФ. Суд указал, что судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска. Заключение договора поставки при наличии текущей задолженности перед иными кредиторами не свидетельствует о совершении ответчиком действий, направленных на увеличение кредиторской задолженности должника, а также причинении вреда кредиторам должника.

Из приведенного судебного акта следует, что суды руководствовались иным подходом к деликтоспособности обществ. Суды применяли норму 1068 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный юридическим лицом, в том числе через своих работников, является вредом причиненных именно юридическим лицом. И именно юридическое лицо несет ответственность за вред, причиненный работниками в пределах имущества общества. Согласно выводам судов, ущерб контрагентам причинили действия обществ, а не действия руководящих обществом лиц, несмотря на то, что во всех случаях общество действует и принимает решение не самостоятельно, а через руководящих им лиц. Ученый-правовед С.Н. Братусь по этому поводу указывает, что «воля юридического лица — это именно его воля, хотя психологически она вырабатывается и изъявлется его органами, живыми людьми» [2, с. 46–47].

Анализируя такую судебную практику представляется, что суды рассматривают деликтоспособность обществ по-разному, в зависимости от того с кем общество осуществляет взаимодействие.

Несмотря на двойственный подход судов к деликтоспособности обществ, можно прийти к выводу о том, суды используют компромиссный подход, согласно которому при взаимодействии субъектов на одном уровне, общества имеют равные права и равную ответственность, в связи с чем обладают полной деликтоспособностью. А при взаимоотношениях с надзорными органами во внимание принимаются мотивы и цели лиц, контролирующих общество. Надзорные органы осуществляют защиту публичных интересов, поэтому невозможно оставить без

внимания намерения контролирующих общество лиц, и при наличии оснований привлечь их к ответственности.

В юридической литературе можно встретить точки зрения, согласно которым ответственность физических лиц должна стать общим правилом, а не каким-то исключительным случаем [1, с. 81–94].

В настоящее время на законодательном уровне не установлено, при каких взаимоотношениях с государственными органами деликтоспособность общества должна быть ограничена. Отсутствует теоретическое и нормативное обоснование необходимости такого ограничения.

По мнению автора, одновременное существование двух подходов к деликтоспособности обществ недопустимо. Для исключения существующих противоречий необходимо описать объективные критерии и механизм для возложения ответственности на контролирующих общество лиц либо подчеркнуть единые границы деликтоспособности обществ с ограниченной ответственностью в отношениях со всеми юридическими лицами и государственными органами.

Литература

1. Богданов Е.В. Проблема сущности юридического лица // Современное право. 2011. № 11. С. 89–94.
2. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
3. Васильевский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003.
4. Власова А.С., Лошакарева М.Е., Удалова Н.М. Юридическое лицо и его ответственность: от фикции к реальному субъекту правоотношений // Закон. 2018. № 4. С. 120–134.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.94 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 08.02.1998г. № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Прошин С.Н. Дееспособность юридического лица — одна из составляющих его правоспособности // Нотариус. 2012. № 2. С. 26–29.
9. Шевченко Л.И. Организационно-правовые формы юридических лиц и их правоспособность с учетом новелл Гражданского кодекса РФ // Современное право. 2018. № 5. С. 34–39.

О.А. Петрова

Сибирский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ (Новосибирск)
Sigrun017@yandex.ru

НЕУСТОЙКА КАК МЕРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДЕНЕЖНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ

Конструкция дефинитивной нормы, содержащейся в пункте 1 статьи 330 ГК РФ, позволяет поставить знак равенства между неустойкой и штрафом. Другими словами, неустойка, штраф и пена по смыслу указанной нормы – это одна форма гражданско-правовой ответственности. Но так ли это на самом деле?

Если обратиться к специальным нормам, то можно обнаружить, что неустойка и штраф – это две разные формы ответственности. Согласно абзацу 2 пункта 21 статьи 12 Федеральный закон от 25.04.2002 № 40 (далее по тексту – Закон «Об ОСАГО»), при несоблюдении срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства страховщик за каждый день просрочки уплачивает потерпевшему неустойку (пеню) в размере одного процента от определенного в соответствии с настоящим Федеральным законом размера страхового возмещения по виду причиненного вреда каждому потерпевшему. В то же время, согласно пункту 3 статьи 16.1 (введена в действие 1 сентября 2014 г.) [5] указанного Закона, при удовлетворении судом требований потерпевшего – физического лица об осуществлении страховой выплаты суд взыскивает со страховщика за неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего штраф в размере пятидесяти процентов от разницы между совокупным размером страховой выплаты, определенной судом, и размером страховой выплаты, осуществленной страховщиком в добровольном порядке [4]. И Закон «Об ОСАГО» – не единственный содержит двойную меру ответственности. По аналогичному принципу построена система мер ответственности по Закону «О защите прав потребителей» (п. 2, 6 ст. 13 указанного Закона).

Из сравнительного анализа указанных выше норм видно, что законодатель, сформировав подобную систему мер ответственности в некоторых специальных нормах, фактически разрешил применять одну и ту же (не забываем про статью 330 ГК РФ) меру ответственности дважды за одно гражданское правонарушение в отношении отдельных субъектов гражданского оборота.

То есть, к отношениям, где гражданско-правовая ответственность не установлена специальными нормами, можно применять только одну меру ответственности за неисполнение обязательства и не более (например, запрет применения неустойки и процентов по статье 395 ГК РФ одновременно, запрет установления в договоре двух мер ответственности за его неисполнение [3]), а к отношениям вроде ОСАГО за одну лишь просрочку выплаты страхового возмещения помимо суммы ущерба со страховщика взыскивается и штраф (50 % от разницы между размером ущерба и тем, что выплатил страховщик) и неустойка (в размере одного процента от размера ущерба).

В этой связи интересна позиция А.Г. Карапетова, который полагает, что при наличии в законе в качестве меры ответственности за неисполнение денежного обязательства штрафа, неустойка перестает нести в себе функцию карательную, а приобретает функцию компенсаторную [1, с. 35].

Закон, таким образом, формирует широкое поле для злоупотребления правом, которое на практике выливается в деятельность так называемых «автоюристов» или «антистраховщиков», из-за которых страховые компании несут огромные убытки. Их деятельность не направлена на защиту прав и законных интересов выгодоприобретателей, а иски к страховщикам для них — не более чем способ обогащения, чьему огромные размеры взыскиваемых судом неустоек, увеличивающих совокупный размер обязательства страховщиков более чем в два раза, способствуют. Так по данным Российского союза автостраховщиков (далее — РСА) размеры выплат по решениям судов в 2017 г. составили 37,4 млрд. рублей, в том числе 17,9 млрд. рублей — страховое возмещение, 19,5 млрд. рублей — дополнительные суммы в виде штрафов, неустоек, расходов на оплату услуг представителей, размеров компенсации морального вреда.

Иными словами, такая, казалось бы, незначительная и в большей степени терминологического характера проблема на практике вылилась в нарушение принципа равенства участников гражданского оборота: таких субъектов, как страховые компании, Закон «Об ОСАГО» поставил в заведомо невыгодные условия по сравнению с другими субъектами гражданского права, которые тоже теоретически могут не исполнить свои обязательства, в увеличение размера убытков страховщиков.

Думается, что для обеспечения равенства участников гражданского оборота, законодателю следует оставить в специальных нормах неустойку в ее первоначальном виде — как процент от суммы неисполненного обязательства, убрав при этом штраф, привести нормы к полному соответству статье 330 ГК РФ.

Литература

1. Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета, 29.12.2017. № 297.
3. Постановление тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2010 г. по делу № А21-1495/2010.
4. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. 2002. №80.
5. Федеральный закон от 21.07.2014 № 223-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 16.

М.М. Полунина

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
m.polunina@g.nsu.ru

РЕГИСТРАЦИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В настоящее время все больше растет популярность различных средств индивидуализации, поскольку они являются ценным активом компаний. На сегодняшний день наиболее устойчивое правовое регулирование сложилось в сфере охраны товарных знаков. Они пользуются популярностью у производителей, поскольку им предлагается широкий выбор форм знаков, которые можно зарегистрировать. Сегодня многие компании не ограничиваются набором стандартных знаков, регистрируя еще «нетрадиционные» знаки: формы, цвета, звуковые, обонятельные, и другие обозначения. Дело в том, что в настоящее время, помимо серьезной конкуренции, на рынке появляются новые вызовы, которые порождают необходимость расширения портфеля товарных знаков. Производители стремятся защитить бренд всеми возможными способами, чтобы избежать судебных разбирательств и предотвратить использование товарных знаков правонарушителями. На сегодняшний день при регистрации таких обозначений правообладатели сталкиваются с различными проблемами правового характера. В настоящем исследовании будут рассмотрены возможности регистрации таких товарных знаков, проанализированы основные проблемы, и предложены варианты урегулирования.

Звуковые товарные знаки. Для регистрации таких знаков в Роспатенте необходимо предоставить образец фонограммы, а также описание: характеристика звуков, нотная запись или диаграмма частот. При этом определенные требования предъявляются и к формату файла (MP3 или WAV). Комитет по Стандартам ВОИС указал на то, что записи на иных носителях, например, магнитной ленте, влекут отказ в регистрации, поскольку не способствуют точному воспроизведению [7].

Не всегда можно говорить о том, что соблюдение формальных требований гарантирует регистрацию. Так, Л.Л. Кирий обращает внимание на то, что знак должен быть описан так, чтобы при необходимости можно было представить доказательство приобретения различительной способности [1]. Можно сделать вывод, что Роспатент вряд ли зарегистрирует знак, который еще не приобрел известности у потребителей. В отношении таких товарных знаков, как, например, характерный звук двигателя, ситуация еще сложнее. В мировой практике есть следующие примеры: звук мотора Harley-Davidson, рык льва Metro Goldwyn Mayer и др. В российской практике есть интересный пример регистрации: звук Кремлевских курантов, зарегистрированный на белорусское предприятие в 2015 г. Роспатент мог применить такое основание для отказа, как введение потребителя в заблуждение (абз. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ), поскольку у российского потребителя характерный бой курантов однозначно вызовет ассоциацию

с российским государством, но этого сделано не было. Отсюда можно сделать вывод о неоднозначности практики Роспатента и недостаточной разработанности экспертизы звуковых знаков.

Несмотря на то, что такие знаки регистрируются чаще остальных, все еще есть определенные проблемы. В инструкциях к Мадридскому соглашению и протоколу отсутствует способ описания такого знака, в то время как многие такие знаки стремятся регистрировать на международном уровне. Предлагается включить в Инструкцию нормы, касающиеся способа описания звукового товарного знака, используя опыт национального законодательства. Для российской практики главным моментом является достижение единобразия в регистрации в целом и на отдельных этапах, включая экспертизу.

Обонятельные товарные знаки. В настоящее время предприниматели заинтересованы в регистрации запахов в качестве товарных знаков, так как они оказывают сильное психологическое воздействие. Они еще более сложны для описания. Сложно определить, что именно позволит достичь точности идентификации: образец вещества недолговечен и утрачивает свои свойства; химическая формула описывает скорее само вещество, нежели запах. В случае с обонятельными знаками играет большую роль субъективное восприятие потребителя, которое далеко не всегда совпадает. Сегодня наиболее успешная практика регистрации знаков-запахов сложилась в США, но статистика не позволяет говорить о том, что они широко распространены: пока зарегистрировано всего 11 запахов [8]. Противоположная практика Немецкого ведомства по патентным и товарным знакам: описание обонятельного товарного знака в том виде, в котором оно предусмотрено, не соответствует требованиям графического представления обозначения. Однако в судебном решении содержится информация о том, что описание было недостаточно точным — в химической формуле отсутствовало основное вещество, а образец запаха и вовсе не подходил для идентификации [11]. Есть успешные примеры регистрации в РФ — ИП Н.А. Коляго зарегистрировала кожаный аромат для отдельных образовательных услуг (семинары, мастер-классы и т. д.) [5].

Для регистрации в целях идентификации обозначения в РФ необходимо представить словесное описание запаха и его точные характеристики, включающие описание состава композиции вещества, формулу химического соединения и иные сведения, которые, по мнению заявителя, позволят наиболее полно и объективно зафиксировать объем правовой охраны знака [4]. Такой подход российского законодателя представляется целесообразным, поскольку позволяет наиболее точно идентифицировать обозначение. Однако на сегодняшний день практика регистрации в РФ не распространена, поскольку соблюсти условия охрано-способности затруднительно. В сфере международной регистрации главной задачей является уточнение порядка подачи заявки. Предлагается в рамках существующей Мадридской системы разработать нормы о способе описания знака-запаха.

Позиционные товарные знаки. Такой товарный знак представляет собой расположение обозначения на товаре в определенном месте. Решения о

регистрации таких знаков выносятся редко, поэтому ценность такой регистрации весьма высока. Необходимо разобраться, какие действия предпринимаются, чтобы привести такой знак в соответствие с условиями правоспособности, а также проанализировать причины отказа в регистрации.

Часто знаки, получившие охрану за рубежом, не смогли ее получить в России. Например, знак, зарегистрированный по Мадридской системе (зеленая пластина на нижней стороне ручки краскопульта), в регистрации которого в РФ было отказано на основании отсутствия различительной способности [10]. Противоположный пример — красная подошва туфель Christian Louboutin, которую Роспатент зарегистрировал, поскольку была доказана общееизвестность на основании судебного решения против компании Yves Saint Laurent, по которому производство обуви с красной подошвой этой компанией было признано нарушением прав Christian Louboutin [9]. Еще одним значимым делом стала регистрация в Роспатенте знака компании adidas (расположение трех полосок на обуви) — с этой регистрации берет свое начало российская практика регистрации позиционных знаков.

Что касается зарубежной практики, то встречаются гораздо более интересные примеры регистраций. Это можно увидеть на примере сети фитнес-клубов Planet Fitness. Компания сделала акцент на интерьерных товарных знаках: так, знаки № ТМ A902830, ТМ A902829 и ТМ A902827 состоят из цветов (фиолетового и желтого), расположенных на определенных стенах, тренажерах и мебели. Еще более впечатляет регистрация фиолетового пола № ТМ A912978. Таким образом компании удалось зарегистрировать знаки со столь неочевидной различительной способностью? Дело в том, что заявки подавались на максимально узкий перечень товаров и услуг. Еще один интересный пример — зарегистрированный в США товарный знак компании Lenovo, который охраняет расположение красной полосы на мини-джойстике ноутбука. Такие знаки вряд ли могли быть зарегистрированы в Роспатенте с учетом существующей практики, т.к. различительная способность этих знаков далеко не очевидна. Это связано с тем, что для позиционных знаков пока нет четких стандартов регистрации. Они лишь упоминаются в некоторых административных регламентах Роспатента.

Для формирования единообразной практики регистрации, необходимо проработать положения о позиционных товарных знаках в Административном регламенте Роспатента. Эти нормы создадут большую определенность и снизят затраты на процедуру по регистрации позиционных знаков.

Цветовые знаки. Регистрация одного цвета в качестве товарного знака — весьма затруднительный процесс. Цвет представляет собой обозначение, не обладающее различительной способностью, а потому, по общему правилу, не может быть зарегистрирован в качестве товарного знака (пп. 1 п. 1 ст. 1483 ГК РФ). Однако пп. 1 п. 1.1 этой же статьи позволяет зарегистрировать такое обозначение, если оно приобрело различительную способность в результате использования.

Так, в 2016 г. немецкому банку Sparkasse удалось выиграть дело против испанского банка Santander: было признано, что цвет также может быть зарегистрирован в качестве торговой марки, если приобретает различительную способность и ассоциируется с конкретной компанией [3]. В России в начале 2016 г. были зарегистрированы компаниями МТС, Сбербанк и Газпром. Позднее компания „Тиффани энд Компани” также получила свидетельство Роспатента на фирменный цвет. Что касается регистрации первых трех знаков, известно, что она проходила непросто: в течение 2–3 лет юристы компаний доказывали различительную способность [6].

Компании нередко получают отказы в регистрации цветовых знаков. С 2004 по 2013 г. в Высоком суде Великобритании оспаривалась регистрация фиолетового цвета для упаковки шоколада. Суд пришел к выводу о недостаточной различительной способности знака [12]. Еще пример — спор компаний Unilever и Beiersdorf по поводу использования синего цвета на продукции. Федеральный патентный суд Германии в этом деле высказал ряд правовых позиций:

1. регистрация цвета допустима для очень ограниченного сегмента товаров,
2. цвет не должен быть обычным для данного вида товаров,
3. знак должен быть самостоятельным, а не носить декоративную функцию в дополнение к иным обозначениям [2].

Для того, чтобы зарегистрировать такой знак как в российской, так и в международной системе, заявитель должен указать на его номер. Однако здесь возникает проблема: остается нерешенным вопрос о цветах, сходных до степени смешения. Их номера могут различаться, а с точки зрения обычного потребителя, быть практически идентичными. Как быть в такой ситуации? Предполагается, что разумнее всего руководствоваться общими принципами регистрации знаков и проверять соответствие условиям охраноспособности. В данном случае можно было бы применить пп. 1 п. 6 ст. 1483 ГК РФ и отказывать в регистрации, если товарный знак сходен до степени смешения с уже существующим. Главная рекомендация для заявителей, как верно отметила Л. Кирий на X Всероссийской практической конференции «Товарные знаки и другие средства индивидуализации. Защита и коммерческое использование»: наиболее важным при регистрации такого знака является, во-первых, приобретенная различительная способность, а, во-вторых, указание на то, что знак является цветовым. Данный момент будет иметь значение как при регистрации, так и при последующей защите прав.

Заключение. В свете современных тенденций заявок на нетрадиционные знаки становится все больше. Та узнаваемость, которую они придают компаниям, безусловно, стоит всех затрат. Однако представляется необходимым создать более определенное правовое поле, в котором действуют заявители, т.к. настолько разнообразная практика по одному и тому же вопросу не может способствовать росту числа регистраций нетрадиционных товарных знаков. Международные договоры прямо указывают, что государства-члены не обязаны предоставлять правовую охрану таким знакам. Поэтому если их предусмотрели в национальном законодательстве, то необходимо развивать это направление регули-

рования. Первоочередной задачей является уточнение требований к регистрации нетрадиционных знаков в части их описания, графического представления, а также необходимости приобретения различительной способности. В международной практике необходимо развить положения Административных инструкций к международным соглашениям по регистрации знаков для создания более четких условий регистрации в рамках международных систем.

Литература

1. Выступление заместителя руководителя Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент) Л. Кирий на X Всероссийской практической конференции «Товарные знаки и другие средства индивидуализации. Защита и коммерческое использование», 25 февраля 2011 г.
2. Исмагилова Г. Синий цвет и золотой зайчик // О трудностях защиты необычных товарных знаков рассказали судьи Германии // [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2015/04/24/siniij_cvet_i_zolotoj_zajchik_o_trudnostyax_zashhity_neobychnyx_tovarnyx_znakov_rasskazali_sudi_germ (дата обращения: 29.09.2018).
3. Немецкий банк выиграл у испанского судебный спор по поводу красного цвета // [Электронный ресурс] URL: https://bankir.ru/publikacii/20160729/nemetskii-bank-vyigral-u-ispanskogo-sudebnyi-spor-po-povodu-krasnogo-tsvera-10007866/?utm_source=ip_club,+vkontakte&utm_term=ip+club&utm_campaign=IP_CLUB (дата обращения: 24.09.2018).
4. Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формах свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формах свидетельства на коллективный знак»
5. Получено Свидетельство на первый обонятельный товарный знак в РФ // [Электронный ресурс] URL: <http://www.patentmsk.ru/news/?id=209> (дата обращения: 25.09.2018).
6. Регистрация корпоративного цвета в качестве товарного знака // PATENTUS: Patent & Trademark Attorneys / [Электронный ресурс] URL: <http://patentus.ru/statyi/tz/color-trademark.html> (дата обращения: 24.09.2018).
7. Рекомендации по электронной обработке звуковых знаков // Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) / [Электронный ресурс] URL: <https://rupto.ru/ru/documents/st-68-rekomendacii-po-elektronnoy-obrabotke-zvukovyh-znakov> (дата обращения: 30.09.2018).
8. Реферативный бюллетень по интеллектуальной собственности // ФИПС. Октябрь 2017. № 9.
9. Christian Louboutin v. YSL // [Электронный ресурс] URL: <http://fashion-law.ru/post/louboutin-red-sole-trademark> (дата обращения: 16.09.2018).
10. International Registration № 821402 // Global Brand Database WIPO [Электронный ресурс] URL: <http://www.wipo.int/branddb/en/> (дата обращения: 16.09.2018).

11. Judgment of Court of 12.12.2002 Ralf Sieckmann v Deutsches Patent- und Markenamt Case C-273/00.
12. United States Supreme Court QUALITEX CO. v. JACOBSON PRODUCTS CO., (1995) No. 93-1577.

Е.В. Семьянов

Российский новый университет (Москва)
Адвокатское бюро г. Москвы «Семьянов, Бутин и партнеры» (Москва)
evsemyanov24@gmail.com

ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Как бы Вы описали современное состояние законодательства, нормотворчества, правоприменения и правосудия?

Мой ответ — клиповость; клиповость как непродолжительная по времени составленная последовательность параллельных рядов образов, часто не соответствующих друг другу по содержанию.

Фрагментарность, мимолетность, клиповость, спорадичность, стохастичность — одним словом, хаотичность.

При внимательном рассмотрении российских законов с позиции истории их изменений создается впечатление, что они правятся по принципу *ad hoc*, что напоминает латание тришкина кафтаны. Для внешнего наблюдателя вся отечественная система права предстает в виде лоскутного одеяла или картинки калейдоскопа — столь же пестро и так же недолговечно.

Представляется, что подобная ситуация не способствует формированию стабильности в обществе, в регулировании общественных отношений, в формировании стабильной системы правопорядка.

Как реагирует на подобное законотворчество судебная власть, и что предлагает проект постмодерна, отрицающий стремление к истине, стабильность, при этом акцентирующий внимание на ситуациях *ad hoc*, пытающийся создать порядок из хаоса?

Судейское сообщество испытывает некоторые неудобства вследствие сформировавшегося клипового правотворчества. Российская действительность представляет некий симбиоз двух мировоззренческих и эпистемологических проектов — Просвещения и Постмодерна. Потому некие неудобства, связанные с клиповостью нормотворчества, носят больше организационный характер, так как высшие судебные органы, используя вертикаль власти, достаточно оперативно реагируют на изменение направления политического «ветра» и переформатируют работу по отдельным категориям дел в нужном направлении. Поэтому отдельные судьи для работы должны просто своевременно и внимательно изучить новую «инструкцию». В этом пункте нет места ни повышению образования, ни самосовершенствованию как личности — только подчинение.

Способствует ли новый проект установлению большей справедливости, большей правды?

В свое время А. Гамильтон отметил, что «судебная власть слабейшая среди трех» [1, с. 503].

Произошедшие с той поры изменения в политическом устройстве государства, привели к изменению баланса в пользу судебной власти благодаря:

- совершенствованию правового государства до государства судебных решений и обжалований;
- развитию социального государства;
- робости законодателя в правовом регулировании определенных общественных отношений, что привело к развитию судебного толкования и судебного правотворчества в этих сферах;
- возникновению у индивида права подавать конституционную жалобу;
- формированию конституционного правосудия с его абстрактным контролем норм [2, с. 86–87].

В научном и профанном дискурсах судебную власть часто отождествляют с юстицией, в чем «слышится исторически первичная и до сих пор актуальная задача справедливости»; призыв к установлению царства объективности, «тем самым опровергая злую поговорку «в открытом море и перед судом на все воля Божья»» [2, с. 77].

Как избежать произвола, если, с одной стороны, «...судейскому решению свойственен творческий характер, ...его практически невозможно предсказать» [2, с. 81], а, с другой, — «в рамках более масштабной задачи «обеспечения правопорядка» юстиция пытается свести решения по разным делам в по возможности уравновешенное и по возможности единое судопроизводство» [2, с. 83]?³

Нестабильная судебная практика, основанная лишь на личной воле судьи, нивелирует профессию адвоката и юриста-фрилансера. В сложившихся условиях невозможно дать верную с точки зрения судебной перспективы юридическую консультацию. Все решает случай; но тогда судопроизводство утрачивает свою публичность и становится частным. Адвоката можно оптимизировать, чтобы не занимал время и место в зале судебного заседания.

Попытки профессионального сообщества удержать профессию адвоката «на плаву», создать принудительную возможность реализации профессиональной компетенции есть лишь временная отсрочка, и никто не знает, сколь долгой она будет.

«Существующие правила толкования ограничивают судью при интерпретации законов: они обязывают его обращать внимание на смысл слов (грамматическое толкование), на контекст значения (систематическое толкование), на цель регулирования, как она на данный момент выражается в данном законе (телеологическое толкование), на предварительные определения конституции (конституционно-конформное толкование) и на предыдущие решения (*Präjudizien*) особенно высших судов, а также на то, что в результате длительной традиции стало «господствующим учением». Очевидно, что между этими толкованиями возможны конфликты. Даже если не существует никакого примиряющего их метаправила, правила находятся в определенной связи друг с другом; часто они дополняют

друг друга и в случае конфликта требуют того, чем и так должны владеть судьи: искусства сопоставления» [2, с. 82–83].

Именно поэтому, не отрицая того, что судья должен владеть своей профессией, одного лишь юридического образования недостаточно для занятия судейской должности.

Исходя из требований законности при возникновении аналогичной ситуации, ее разрешение должно происходить схожим образом, то есть оно предсказуемо, в противном случае не соблюдается принцип законности.

Данное противоречие снимается просто — так как «ядро юридической способности суждения состоит в способности толковать расследуемые обстоятельства дела в свете действующих законов, при этом производя сопоставления и выражая эти сопоставления в решении» [2, с. 81], необходимо в мотивировочной части судебного решения представить ясно и прозрачно те характеристики фактических обстоятельств случившегося, которые позволили бы в череде аналогичных казусов сделать именно этот неординарным, что позволило бы разрешить его по-иному.

Такому подходу есть множество противников: одни сразу ссылаются на то, что такое возможно только в англо-саксонской правовой семье, к которой Россия не относится, а потому это предложение не имеет права на существование; другие — скажут, что этого не может быть, потому что этого не может быть, но в действительности за этим будет скрываться лишь то, что суды силу разных обстоятельств сегодня не готовы мотивировать каждое свое решение; как дополнительное, можно предложить и то, что в случае составления мотивированных решений увеличится число и процент отмененных решений, что снизит «качество» работы судей, а затем последуют и соответствующие оргвыводы, что никому не нужно.

В то же время, это не помешало установить систему, при которой любое судебное решение законно и обоснованно, если судья в зале судебного заседания находился в мантии, в том же зале располагались герб и флаг России, не была нарушена тайна совещательной комнаты и всем участникам была предоставлена возможность говорить на том языке, каким он владеет. Иными словами, сегодня мы имеем некую совокупность судебных решений, немотивированных таким образом, чтобы всем участникам процесса было предельно понятно — почему суд пришел к тем выводам, которые он изложил в резолютивной части.

С другой стороны, сегодня мы имеем судебные решения вынесенные механически — путем выведения его из двух ясных переменных — общего правила и частного случая. В действительности подобная ситуация не имеет ничего общего с правосудием, но есть частный случай привоприменения. Но, как известно, «силлогизма юстиции» не существует, так как закон не может нормативно детерминировать решение.

С точки зрения проекта Просвещения — это полный развал судебной системы. Но вот что говорит нам новый проект Постмодерна, который не очень приветствуется в науке, но вполне реализовался на практике.

Справедливость полисемантична: можно говорить о существовании частной справедливости — отдельного индивида и отдельных социальных групп, — публичной справедливости — государства и общества как народонаселения этого государства и т. д.

Судоустройство является воплощением политической (публичной) справедливости. Система органов судебной власти, объединенная государством едиными принципами судопроизводства, преодолевает предшествовавшую ей систему частной юстиции — частное мнение о праве и частное применение права, — но беспристрастность реализации судебной властью своей компетенции всецело основано на личной справедливости судей [2, с. 77–78]. Беспристрастность судей является результатом обладания каждым судьей рядом качеств:

- всезнанием, как относительно действующего права, так и относительно того, что произошло;
- всемудростью, способностью правильно оценить все произошедшее в свете действующего права;
- абсолютной личной справедливостью.

Но поскольку всезнающим и всемудрым является лишь Бог, то остается лишь стремиться максимально приблизиться к этому идеалу. «Поскольку ошибки и заблуждения возможны даже при наличии самой полной осведомленности и совести, ...следует добавить готовность в дальнейшем учитывать юридическую критику и извлекать из нее выводы для будущих решений» [2, с. 81–82]. Поэтому никто не полагается на доброго, всезнающего, всемудрого и просто справедливого судью.

Вот она — констатация полного провала проекта Просвещения в современном полисемантическом беспрецедентно толерантном мире, умертвляющем все самое живое и жизнеспособное, одновременно бессмысленно сохраняющем и культивирующем все умирающее и нежизнеспособное.

Спасение современного российского правосудия видится в применении исходящей от Аристотеля поправки к праву и справедливости: порядочности, имеющей дело при рассмотрении каждого конкретного случая и направленной против часто возникающей морально-правовой несправедливости, против бездумного, механического применения закона и права. «Поскольку законы являются общими правилами, они не могут подходить для любого случая. В таких случаях порядочность избавляет как от мелочной, так и от беспощадной педантичности, не позволяя извратить высшее право в высшую несправедливость: „summum ius summa iniuria“» [2, с. 83–84].

Порядочность позволяет примирить беспристрастность закона и уникальность отдельного казуса. «С одной стороны, право нуждается в общих нормах, поскольку оно ответственно за равенство. С другой стороны, оно должно по достоинству оценивать конкретный случай с его неповторимыми особенностями, что иногда требует отклонения от буквы действующего права» [2, с. 85].

Таким образом, идея справедливости не отвергается, но напротив, расширяется сфера ее распространения — она начинает учитываться там и всегда, где законодатель не предусмотрел ничего особенного. Это — как лед и вода: с точки

зрения химии — это одно и то же; с точки зрения физики — разные состояния одного и того же, — но, как лед не может проникнуть в каждую мелкую трещину на камне и изменить его, так вода, проникая внутрь камня сквозь малейшие трещины, точит и тем самым изменяет его.

Порядочность есть поправка к праву (закону), выдвигаемая справедливостью. Именно порядочность является сегодня критерием дифференциации правосудия и правоприменения, основанием правосудия и справедливости.

Литература

1. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Джеймса Мэдиссона и Джона Джея. М.: Прогресс-Литера, 1993.
2. Хеффе О. Справедливость. М.: Издательская группа «Практис», 2007.

Е.Н. Суворкина

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (Рязань)
suvorkina@list.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В ОБЛАСТИ ДЕТСТВА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Одним из стратегических направлений развития внутренней политики России на сегодняшний день является улучшение демографической ситуации. В связи с этим был принят ряд проектов.

Наиболее востребованная программа (продлена до 31 декабря 2018 г., федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ) в настоящее время — так называемый материнский (семейный) капитал, который выплачивается единовременно за рождение (усыновление) второго и последующего ребенка. Семья имеет право потратить деньги на улучшение жилищных условий, образование ребенка, накопительную часть пенсии мамы, социальную реабилитацию ребенка-инвалида [3]. В отдельных, исключительных, случаях сумма может быть выдана на лечение или реабилитацию больного ребенка ранее установленного срока в три года после его рождения. Анализ данных показывает, что проект имеет реальную практическую значимость.

Вместе с тем существует мнение, что указанная мера не способна радикальным образом улучшить демографическую ситуацию. Во-первых, 2010–2020-е гг. — это время репродуктивного возраста детей, рожденных в 90-е гг. XX в. Но во второй обозначенный период в связи с ухудшением социально-экономической обстановки в стране рождаемость резко снизилась, соответственно, это имеет прямым следствием кризис в настоящем. Говорить как о таковом приросте населения не приходится, поскольку рождаемость не перекрывает смертность. Во-вторых, интенсивное старение населения, которое является чертой современного российского общества. Статистические данные подтверждают выводы. Продемонстрируем это на основе официальных показателей по Ряза-

нской области (Рязаньтата), которые отражают общие тенденции по России в целом в демографическом аспекте.

В таблице 1 показано, что смертность перекрывает рождаемость по Рязанской области, несмотря на предпринимаемые меры [2, с. 70].

Таблица 1

Число родившихся, умерших и показатель естественного прироста (убыли) населения по Рязанской области в расчете на 1 000 человек населения (2013–2016 гг.)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Число родившихся	10,8	11,0	11,1	11,3
Число умерших	15,8	16,1	15,8	16,0
Естественный прирост / убыль населения	-5,0	-5,1	-4,7	-4,7

Простейший подсчет свидетельствует о том, что прирост населения возможен в том случае, если в семье — трое и больше детей, поскольку два замещают место родителей, а еще один способствует расширению и развитию рода.

На основании данных вместе с тем можно сделать оптимистичный вывод, что значение естественной убыли стало уменьшаться. Особенно это показательно, если принять во внимание данные 2000-х гг.: в 2000 г. естественный прирост составил -12,3, в 2005 — -11,8, в 2010 — уже -7,9, а в 2015 — -4,7 [8, с. 66]. Но если обратиться к прогнозируемым показателям (до 2030 г.), то, напротив, ситуация усугубится. Динамика обострения на анализе данных Рязаньтата отражена в таблице 2 [7, С. 46–51].

Как можно видеть из таблицы 2, в перспективе ожидается снижение показателей рождаемости, увеличение смертности (старение населения), естественная убыль населения.

В 2017 г. правительство РФ рассматривало возможность введения другой стимулирующей к рождению детей меры — налога на малодетность, который является в большой степени аналогом налога на одиночество. Он был установлен в СССР с осени 1941 г. (Указ Президиума ВС СССР от 21.11.1941 «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР») [4] и действовал до 1 января 1992 г. Данный проект на настоящий момент (май 2018 г.) не имеет однозначной оценки. Велика доля тех, кто высказывает резко отрицательно на этот счет. Во-первых, появление налога в условиях очередного экономического кризиса, инициированного введением санкций европейских стран и США против России, усугубит материальное положение молодого гражданина, хотя первый, советский, вариант законопроекта, как можно видеть, был принят в условиях войны. В настоящий момент большое количество предприятий сокращает объем производства, а соответственно и штат; ряд организаций прекращает свою деятельность, распространена процедура оформления банкротства. Некоторые из них имеют задолженность по зарплате.

Таблица 2

Перспективный общий коэффициент рождаемости, смертности и естественного прироста (убыли) населения по Рязанской области в расчете на 1000 человек населения до 2030 г.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2025 г.	2030 г.
Общий коэффициент рождаемости	10,8	10,5	10,6	10,1	9,9	9,8	9,6	9,5	9,2	9,0
Общий коэффициент смертности	15,4	15,5	15,6	15,8	15,9	16,0	16,0	16,1	16,1	16,2
Коэффициент естественного прироста	-4,6	-5,0	-5,0	-5,7	-6,0	-6,2	-6,4	-6,6	-7,0	-7,2

Во-вторых, молодому человеку часто сложно устроиться на работу ввиду того, что среди предъявляемых требований — опыт работы, которого они не имеют.

Введение налога на молодежность в этих условиях может вызвать обратный эффект: не увеличение рождаемости, а агрессию со стороны молодежи, нарастание напряженности в обществе, массовые беспорядки, что только ухудшит социально-экономическое положение.

Также нельзя не отметить, что современная молодежь имеет несколько иное представление о планах на жизнь, которое отлично от советского в том числе. Сегодня представитель молодежи ориентирован на самореализацию, на возможность апробировать себя в различных областях жизни. Во-первых, он нацелен построить карьеру, что обеспечивает материальное благополучие, которое необходимо при решении о планировании рождения ребенка. Во-вторых, молодой человек/девушка стремится сегодня не только к познанию себя, но и мира. Последнее возможно в процессе путешествования. В советский период это стремление было существенным образом ограничено политическим положением страны, наличием «железного занавеса». Хотя и в таких условиях молодежь во-яжировала по союзным республикам, имела возможность ездить в дружественные страны с аналогичным режимом.

Таким образом, современная молодежь считает, что замужество/женитьба с последующим рождением ребенка не является первостепенной задачей. Многие склоняются к тому, что имеет смысл пожить «для себя», без обязательств в результате наложения ролей и статусов. Согласно статистическим данным, средний возраст матери при рождении ребенка по Рязанской области в 2015 г.

составляя 28 лет. Можно проследить планомерное увеличение возраста с 24–25 лет (1990-е гг.) до 28 лет (2011–2015 гг.) [1, с. 73].

Кроме того, различно финансовое положение молодых семей: если в советский период была определенная защищенность и поддержка со стороны государства, то сегодня ситуация иная. Молодой человек/девушка в настоящее время имеет четкое понимание того, что для создания семьи необходима материальная основа. Как можно видеть, различны социально-экономические условия для введения налога на малодетность (налога на одиночество).

Изменилась и идеологическая составляющая. Сегодня молодежь, как наиболее активная часть пользователей интернета, оказывается под влиянием течений различного толка. Одно из них – чайлдфри (childfree), которое пропагандирует свободу от детей, осознанное одиночество. В социальных сетях страницы и сообщества, продвигающие данную идею, стали принудительно блокироваться, но, думается, что эта мера была принята слишком поздно, поскольку целое поколение молодежи уже выросло, и отдельные ее представители приняли эти противоестественные идеи. Концепция чайлдфри сегодня рядом исследователей рассматривается в качестве экстремистской [10, с. 102–117].

В советский период подобного рода идеи активно пресекались, что имело и отрицательную сторону: в 90-е годы XX в. общество оказалось не готовым к восприятию, логическому анализу и критике огромного объема хлынувшей информации.

До 1991 г. государство было заинтересовано в сохранении семьи, как ячейки общества. Вопрос о разводе, аморальном поведении одного из супругов выносился на обсуждение парткома, профкома. Хотя такая интеграция общества в семейные дела вызывала резко негативную оценку, вместе с тем данная мера являлась сдерживающей и результативной. С другой стороны, страх вынести семейные проблемы на обсуждение коллектива, услышать осуждение приводил к тому, что семья формально существовала, но ее члены жили как «соседи» в состоянии постоянной войны. Последнее, безусловно, отрицательно сказывалось на развитии ребенка, который чувствовал напряжение, наблюдая аддиктивное поведение родителей.

В 2016 г. была принята поправка в Уголовный кодекс (статья 116 «Побои») о том, что физическое насилие перестало носить уголовный характер, переходя в разряд административных правонарушений [9]. Изменения в самом тексте выражались в том, что была изъята фраза «побои в отношении близких лиц» из перечня уголовно-наказуемых действий. Интересно отметить, что поправка была разработана в интересах детей, которые ранее оставались частичными сиротами, поскольку один родитель, причинивший вред другому, отбывал тюремное заключение. Данный законопроект был принят достаточно быстро, хотя в обществе он не имел единогласной оценки. По сути, физическое насилие в семье было легализовано, хотя уголовное наказание может быть применено при рецидиве. Важно подчеркнуть, что деструктивное поведение агрессора может быть направлено не только на равного себе (супруг – супруг), но и на ребенка. Учитывая, что последний не может защитить себя, оказать должное сопротивление,

ответить тем же, а также осознание отсутствия наказания дает родителю возможность не сдерживать свою агрессию. Естественно, это не может положительно сказываться на развитии ребенка.

Как можно видеть, на положение ребенка в семье, в обществе влияют также законы, которые не нацелены прямо на решение вопросов материнства и детства. Вместе с тем такое косвенное воздействие имеет очень серьезные последствия.

В целом, необходимо отметить, за последние годы был принят целый комплекс законов, направленных на обеспечение здоровья ребенка, получение им образования и реализацию других прав, закрепленных конституционально. Они оказываются неотъемлемыми элементами и молодежной политики, поскольку большой процент родителей ребенка в возрастной градации составляет именно молодежь.

Здесь можно, например, упомянуть закон, регулирующий правила перевозки детей в автобусах; дата вступления последних поправок в силу была перенесена с 1 января 2017 на 1 июля 2017 г. [5]. В частности, указывается, что запрещается перевозить детей в ночное время; если путешествие длительное, то необходимо обеспечить условия для ночного отдыха. Сформулирована и система технических требований к транспорту: автобус может эксплуатироваться не более 10 лет с момента выпуска; кроме того, он должен быть оснащен спутниковой навигацией ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS. Нельзя не заметить, что данный закон был принят в России после ряда дорожно-транспортных происшествий (ДТП) с участием детей.

Около десяти лет назад был принят другой закон о необходимости перевозки детей до 12 лет в специальных удерживающих устройствах (автокреслах, автолюльках) (Правила дорожного движения (ПДД, пункт 22.9)). Этот юридический документ инициировал интенсивное развитие одного из элементов специализированного уровня субкультуры детства (рынка детских товаров). Статистика показывает, что автокресла действительно снизили процент травмирования детей в ДТП [6].

Таким образом, современное положение детей во многом определяется действующим законодательством. Законодательные проекты в области детства взаимодействуют и с молодежной политикой. Немаловажную роль имеют проекты новых законов, от принятия которых (как прямо, так и косвенно) зависят физическое и моральное здоровье ребенка, а также молодых граждан, выступающих в качестве его родителей.

Литература

1. Демографический ежегодник. Рязанская область, 2016: статистический сборник / Рязаньстат. Рязань: Рязаньстат, 2016. 208 с.
2. Мониторинг социально-трудовой сферы Рязанской области в 2012–2016 гг. / Федеральная служба гос. статистики; Рязаньстат. Рязань: Рязаньстат, 2017. 72 с.
3. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ: принят Государственной Думой 22.12.2006: одобрен Советом Федерации 27.12.2006. Режим доступа:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 09.06.2018).
4. О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР [Электронный ресурс]: указ Президиума ВС СССР от 21.11.1941. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1009&rnd=F9D668E6BC9E7060B9F004E601ECEE0B#029590922185903645> (дата обращения: 09.06.2018).
5. Об утверждении Правил организованной перевозки группы детей автобусами [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 17.12.2013 № 1177 (ред. от 17.04.2018). Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=296285&rnd=F9D668E6BC9E7060B9F004E601ECEE0B#07329748632806272> (дата обращения: 09.06.2018).
6. Перевозка людей: Помощник водителя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.driver-helper.ru/pdd/rule/perevozka_lyudej/22.9 (дата обращения: 09.06.2018).
7. Перспективная численность населения Рязанской области до 2030 года: статистический бюллетень / Федеральная служба гос. статистики; Рязаньстат. Рязань: Рязаньстат, 2016. 58 с.
8. Российская Федерация, Центральный федеральный округ, Рязанская область в цифрах демографии, 2016: статистический сборник / Федеральная служба гос. статистики; Рязаньстат. Рязань: Рязаньстат, 2016. 221 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018): принят Государственной Думой 24.05.1996: одобрен Советом Федерации 05.06.1996. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.06.2018).
10. Экстремистский текст и деструктивная личность: монография / Ю.А. Антонова [и др.]; Уральский государственный педагогический ун-т. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический университет, 2014. 272 с.

К.А. Тимонин

Фонд поддержки пострадавших от преступлений (Москва)
timoninkirill@soprotivlenye.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» [5] в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [4] была введена статья 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства».

В соответствии с ч. 2 ст. 6.1 УПК РФ при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства [4].

Как показывает практика Фонда поддержки пострадавших от преступлений (далее – ФПП), преимущественная доля обращений в наш адрес связана с невозможностью добиться возбуждения уголовного дела. В некоторых случаях повторный круг «отказ в возбуждении уголовного дела – отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела – проверка сообщения о преступлении – отказ в возбуждении уголовного дела» может длиться годами, несмотря на то, что расследование не представляет собой правовой и фактической сложности.

К сожалению, не многие знают, что при нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства граждане могут претендовать на присуждение денежной компенсации. Отмечу, что данная компенсация не связана и не ставит своей целью возместить вред (ущерб), причиненный преступлением, хотя, по моему мнению, в некоторых случаях при истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности непременно должна компенсировать вред (ущерб).

Компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок как мера ответственности государства имеет целью возмещение причиненного неимущественного вреда фактом нарушения процедурных условий, обеспечивающих реализацию данных прав в разумный срок, независимо от наличия или отсутствия вины суда, органов уголовного преследования, органов, на которые возложена обязанность по исполнению судебных актов, иных государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц [3].

Рассмотрим конкретный пример.

В ФПП обратился гражданин В. Из обращения следовало, что в декабре 2013 г. в период времени с 13 часов 00 минут по 13 часов 10 минут (точное время следствием не установлено) неустановленное лицо тайно похитило у В. денежные средства в сумме 55 тыс. рублей, принадлежавшие последнему, после чего скрылось с места преступления, причинив В. значительный материальный ущерб на общую сумму 55 тыс. рублей. В этот же день в отношении неустановленных лиц было возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

В. был признан потерпевшим по уголовному делу. Лишь спустя один год и два месяца действия неустановленного лица были переквалифицированы с п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ («Кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину») на ч. 1 ст. 161 УК РФ («Грабеж») по внесенному прокуратурой требованию об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования.

С момента возбуждения уголовного дела прошло более четырех лет, сменилось одиннадцать следователей, несмотря на то, что ход расследования по уголовному делу находился на контроле в следственных управлениях и прокуратурах различного уровня, виновные лица до настоящего времени так и не установлены, а, следовательно, не привлечены к уголовной ответственности. Таким образом, действиями (бездействием) правоохранительных органов нарушено право административного истца на уголовное судопроизводство в разумный срок.

В соответствии с ч. 6 ст. 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (далее – КАС РФ) административное исковое заявление о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок может быть подано в суд также до окончания производства по уголовному делу потерпевшим или иным заинтересованным лицом, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред в шестимесячный срок со дня принятия дознавателем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа постановления о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, если продолжительность досудебного производства по уголовному делу со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по указанному основанию превысила четыре года [1].

Аналогичная правовая позиция изложена в ч. 7.1 ст. 3 Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [6].

В случае В., за период с декабря 2014 года по февраль 2018 г. удалось добиться получения фактов, подтверждающих непринятие различными должностными лицами мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и необходимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, осуществления предварительного расследования по уголовному делу и установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. В частности, невыполнение указаний прокуратур различного уровня, в том числе и Генеральной; невыполнение указаний Главного следственного управления по г. Москве и т. д.

Также было установлено, что в ходе расследования был допущен ряд нарушений уголовно-процессуального законодательства, в частности с февраля 2017 г. не проведено ни одного следственного действия, допущена волокита. Прокуратурой указывалось, что расследование вышеуказанного уголовного дела не составляет правовой и фактической сложности, однако в нарушение требований ст. 6.1 УПК РФ органом предварительного следствия достаточные и эффективные действия в целях своевременного осуществления уголовного преследования лица, совершившего преступление, не приняты, что вызвало продление срока предварительного следствия свыше 12 месяцев, в связи с изложенным по

фактам выявленных нарушений законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования, требований ст. 6.1 УПК РФ межрайонной прокуратурой начальнику следственного отдела было внесено требование об их устранении.

Однако преступление оставалось нераскрытым и потерпевшим было принято решение об обращении в суд с административным исковым заявлением о компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок.

Согласно положениям КАС РФ [1], а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [3] в административном искомом заявлении в обязательном порядке необходимо указывать:

1. Что может служить подтверждением факта непринятия различными должностными лицами мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и необходимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, осуществления предварительного расследования по уголовному делу и установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.
2. Размер требуемой компенсации, обосновать его.
3. Факты, которые фактически привели к лишению лица права на судебную защиту.

В рассматриваемом кейсе с гражданином В. вышеуказанные требования были соблюдены, как результат, исковые требования были удовлетворены частично.

Из мотивированной части решения следует: «По мнению суда, уголовное дело не представляло ни фактической, ни правовой сложности, поскольку по делу не требовалось производства каких-либо сложных экспертных исследований, привлечение специалистов, сбора большого объема доказательств, число допрошенных свидетелей было незначительно, определение подлежащей применению законодательной базы не было обременительным.

Как следует из установленных в настоящем судебном заседании фактических обстоятельств дела, поведение административного истца не являлось причиной задержек судопроизводства.

Оценивая общую длительность судопроизводства по делу, суд полагает, что она в решающей степени обусловлена фактом неоднократных и необоснованных приостановлений органами предварительного следствия производства по делу, в целом неэффективностью, недостаточностью их действий и именно это обстоятельство само по себе привело к разрешению дела фиксии сверх разумного срока.

Так, из материалов дела усматривается, что производство по уголовному делу приостанавливалось более 20 раз. Каждый раз постановления о приостановлении производства по делу отменялись, в том числе как незаконные и

необоснованные, органам предварительного расследования давались неоднократные указания о производстве дополнительных следственных действий, которые выполнялись неполно и некачественно, в связи с чем отменялись последующие подобные постановления и давались новые указания.

При этом, в ряде случаев после приостановления производства по делу, в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, следствием не было совершено каких-либо конкретных и эффективных действий, направленных на установление лица, которое подлежало бы привлечению в качестве такового по данному уголовному делу. То есть фактически в указанное время движение по делу административного истца не осуществлялось.

За весь период предварительного расследования по делу был допрошен один потерпевший, 16 свидетелей, произведено две очные ставки, опознание по фотографии. Объем дела за более чем дата расследования составил всего два тома, в которых в основной массе подшиты копии материалов другого уголовного дела, жалобы, заявления и ходатайства потерпевшего, ответы на них, приведенные выше постановления о приостановлении и возобновлении производства по делу».

Таким образом, рассматриваемый пример наглядно демонстрирует, что в рамках уголовного судопроизводства граждане становятся слабой стороной процесса при попытках взыскания компенсации за нарушение права, предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ, так как:

Во-первых, Кодекс административного судопроизводства усложняет процесс подачи административного искового заявления (дополнительные требования: обоснование размера компенсации на основе практики Европейского суда по правам человека; в отличие от гражданского процесса в рамках КАС по данной категории дел обязательно наличие высшего юридического образования у представителя).

Во-вторых, де-факто гражданин может взыскать компенсацию только если самостоятельно, буквально с момента возбуждения уголовного дела, систематически подает жалобы в вышестоящие управления, а также прокуратуру. В противном случае установить факт волокиты, а также различные нарушения в рамках судебного разбирательства становится затруднительным, так как при вынесении решения в обязательном порядке учитывается поведение заявителя.

В-третьих, к сожалению, размер ущерба, причиненный преступлением, никак не коррелируется с размером компенсации. Как результат, с течением времени уголовное дело может быть закрыто, гражданин не сможет возместить ущерб с осужденного, а лишь останется с компенсацией. Размер компенсаций, как правило, носит символический характер и редко превышает 80–100 тыс. рублей.

Резюмируя вышеизложенное, предполагаю, что существующий порядок взыскания компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок требует серьезных изменений. Одним из решений может стать возможность обращения в суд в подобных спорах от лица граждан (вне зависимости от материального положения) — прокуроров, так как именно за ними

законодательно закреплена обязанность по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Литература

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 19.07.2018). В данном виде опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Московский городской суд: информация по делу З-2094/2018. URL: <https://goo.gl/xkHg54> (дата обращения: 28.09.2018).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018). В данном виде опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”». В данном виде опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». В данном виде опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

БИОЭТИКА

Н.М. Воеводин

Новосибирский государственный медицинский университет (Новосибирск)

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ «ВРАЧ (СТОМАТОЛОГ) – ПАЦИЕНТ»

Одним из результатов реформ, проводимых в сфере здравоохранения, является изменения типа взаимоотношений «врач-пациент». Традиционно взаимоотношения «врач-пациент» выстраивались в рамках патерналистской модели, в соответствии с которой пациент преимущественно рассматривался как объект воздействия со стороны врача. Однако в последние годы прошлого века патерналистская модель во взаимоотношениях «врач-пациент» постепенно «сдает свои позиции». Права пациента на принятие самостоятельных решений, на получение полной информации закреплены законодательно в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации¹. Обязательным условием любого медицинского вмешательства является предоставление полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, о возможных рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также должна быть предоставлена полная информация о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи.

Определяющую роль в принятии самостоятельного решения и в реализации права пациента на автономию в целом, играет успешная и эффективная коммуникация между врачом (или медицинскими работником) и пациентом. Успешная коммуникация между врачом и пациентом является не только обязательным условием реализации принципа автономии пациента, информированного согласия, но также выступает обязательным условием успешного лечения, выполнения рекомендаций и назначений. Она улучшает процесс излечения, повышает готовность пациента к профилактическим мероприятиям и, что не менее важно, существенно облегчает работу самого врача.

Особую роль эффективная коммуникация играет во взаимоотношениях врача-стоматолога и пациента. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, стоматологическое лечение и протезирование происходит практически постоянно в кабинете врача, то есть достаточно долгое время врач и пациент находится в коммуникативном контакте друг с другом. Однако для данного вида контакта характерна коммуникативная асимметрия, поскольку пациент не в состоянии поддерживать вербальную коммуникацию с врачом. Во-вторых, врач-стоматолог неизбежно долгое время находится в личной (интимной) зоне коммуникации с пациентом. Неизбежное «вторжение» врача может провоцировать раздражение и впоследствии конфликтное поведение со стороны пациента. В-третьих, следует учитывать традиционно высокую «фобийность» пациентов в кабинете врача-стоматолога, как, впрочем, и в ожидании этого посещения. Мой опыт взаимодей-

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323 (ред. от 03.08.2018) «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/0b1cadf39ebeb0ffed2ef0b8ebab5973197d7f1/

ствия с пациентами пожилого, старческого возрастов, а также с долгожителями, показал, что успешная коммуникация, выстроенные межличностные отношения не только способствуют эффективному стоматологическому лечению, но являются важным фактором повторного обращения за стоматологической помощью и повышают степень выполнения санитарно-гигиенических рекомендаций по профилактике.

Еще большую роль эффективная коммуникация играет в случае возрастных пациентов, обращающихся за стоматологической помощью. Приемы, которые способствуют улучшению коммуникации делятся на универсальные, которые в целом применимы в рамках врачебной деятельности, и специализированные, которые обладают повышенной результативностью в зависимости от личностных особенностей пациента.

К первой группе относится «активное слушание», которое предполагает эмпатию, включенность в процесс слушания с помощью различных приемов. В зависимости от имеющегося времени это могут быть уточняющие вопросы, вопросы-поддержки, а также — эмоциональная, вербальная и невербальная реакция на то, что говорит пациент. Особенно важным «активное слушание» является на первом приеме. Учитывая возрастные особенности пациента, как правило, излишняя детализация в виде вопросов-уточнений в процессе «активного слушания» не является обязательной.

С возрастными пациентами на стоматологическом приеме следует общаться громко, произносить слова четко и ясно. Поскольку многие из них имеют проблемы со слухом, следует обращать внимание на то, чтобы информация была понята и услышана. Не следует употреблять профессиональные термины, сложные предложения, т.е. максимально упростить понимание медицинской информации для пациента. Не следует торопить пациентов, ожидая от них ответа на заданный вопрос, следует дать им время подумать и сформулировать то, что они хотят сказать.

Все возрастные пациенты ценят внимание, которое врач проявляется к тому, что происходит в их жизни. Если позволяют временные рамки приема, то следует задать вопросы, не связанные с лечением. Это поможет пациенту поднять самооценку. Многие из них имеют так называемые «синдром ненужности», который проявляется в том, что они отказываются от лечения даже если есть возможность пройти лечение и протезирование бесплатно. Объясняют свой отказ возрастные пациенты тем, что «это никому не нужно», «никто на них не смотрит», то есть апеллируют к неактуальности и незначимости своего внешнего вида. Если врач говорит о том, что он сам заинтересован в том, чтобы пациент начал, продолжил лечение, то возрастные пациента как правило соглашаются. Если врач обращается к пациенту по имени и отчеству, это также способствует повышению эффективности коммуникации. Многие возрастные пациента отмечают сами в конце приема или лечения, насколько важно для них было «поговорить с доктором».

Среди возрастных пациентов достаточно часто встречаются авторитарные и тревожные пациенты, особенности которых также следует учитывать, выстраивая

эффективную коммуникацию «врач (стоматолог)-пациент». Авторитарных пациентов характеризует прямолинейность, фиксация на достижении целей лечения или протезирования, деловитость, организованность, преобладание рационального коммуникативного аспекта. Авторитарная линия поведения, как правило, является обратной стороной затерянности личность в сложных социально-экономических условиях, своеобразной «защитной реакцией» человека на сложную жизненную ситуацию.

В процессе общения с ними важно уметь четко формулировать стратегию лечения, достоинства и недостатки конкретных вариантов лечения и протезирования. Не менее значимым является определенность и четкая фиксация решений, принятых по финансовым вопросам. Зафиксированные договоренности не следует нарушать впоследствии.

В случае намечающейся конфронтации по какому-либо вопросу, не следует жестко доказывать и обосновывать собственную позицию. Если пациент формулирует недовольство или несогласие по какому-либо вопросу, на первом шаге следует с ним согласиться (формально), чтобы потом, в дальнейшем сформулировать свою точку зрения. Ни в коем случае с пациентами данного типа нельзя входить в манифестную стадию конфликта.

В большей степени в решении спорных вопросов «работает» ссылка «на авторитет»: мнение специалистов, данные многократных исследований, опыт других пациентов. Агрессивные пациенты нуждаются в социальном и личностном одобрении, и если есть возможность, то необходимо это сделать, т.е. похвалить. В общении с такими пациентами следует демонстрировать открытые жесты, свидетельствующие о расположении, приветливость и готовность пойти на компромисс, прислушаться и согласиться с мнением пациента.

Среди возрастных пациентов, кроме авторитарных, достаточно часто встречаются сложные пациенты с явно выраженным тревожными симптомами поведения. Их поведение на приеме у врача-стоматолога характеризуется нерешительностью, стеснительностью, несобранностью, закрытостью на начальной стадии общения. Невербальная коммуникация свидетельствует о зажатости, закрытости, нежелании делится информацией. По мере выстраивания коммуникации они становятся более разговорчивыми, демонстрируют повышенное внимание к деталям и подробностям, выражают повышенную тревожность в отношении предстоящего лечения и планируемого результата.

В процессе коммуникации с пациентами данного типа, важно сформировать уверенность в профессионализме врача в целом, и в правильности выбранного лечения, в частности. Следует говорить уверенно, медленно, используя рационально-логические аргументы. Ни в коем случае не следует убеждать пациента в необоснованности и абсурдности его «тревог и волнений». Большое количество деталей и нюансов, объясненных врачом, способствует тому, что пациент переключается на них.

Врач стоматолог в рамках своей профессиональной деятельности должен учитывать психологические, личностные особенности пациентов в процессе коммуникации с ними. Выстроенная эффективная коммуникация способствует

повышению результативности лечения, повышает степень доверия к врачу и тому, что он делает, повышает готовность пациента следовать рекомендациям и назначениям врача.

Т.С. Калинина

Научно-исследовательский институт молекулярной биологии и биофизики –
структурное подразделение ФИЦ ФТМ (Новосибирск)
Tatyana.sergeeva12@mail.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛАБОРАТОРНЫХ ЖИВОТНЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭФФЕКТОВ КСЕНОБИОТИКОВ

Животные использовались для получения новых знаний на протяжении развития всей науки. Одним из первых, кто проводил опыты над животными, был Аристотель [1]. Основные закономерности функций отдельных систем и организма в целом, микробная природа некоторых болезней, условные рефлексы, механизмы развития тех или иных заболеваний – все это было открыто и изучено благодаря опытам на животных. Полученные в результате данные создали фундамент для разработки антибиотиков, вакцин, методов диагностики и др. Даже на орбите Земли впервые побывало именно животное. Таким образом, значительный успех человека в науке и медицине во многом достигнут во многом благодаря лабораторным животным. Но уже в XVII в. высказывались сомнения в необходимости и этической обоснованности использования животных, и соответственно причинении им вреда ради блага человека [3]. Споры на эту тему ведутся и по сей день. Глядя на полученные результаты в научной сфере, может показаться, что все основные открытия уже совершены и механизмы всех физиологических процессов уже известны. И неизбежно встает вопрос о необходимости использования лабораторных животных в исследованиях?

Частично ответ на этот вопрос получен в так называемой концепции «трех R» (reduction, refinement, replacement) по отношению к экспериментам над животными, т.е. сокращения, усовершенствования и замены [2]. Концепция была предложена в 1959 г. и до сих пор остается общепринятым мировым стандартом при планировании экспериментов с лабораторными животными. Так, минимальные требования к содержанию животных, которые обязательно должны соблюдаться, – это благоприятная температура ($22\text{--}2^{\circ}\text{C}$), смена цикла дня и ночи 12 ч : 12 ч, отсутствие патогенов в месте содержания и свободный доступ к еде и воде. Принятые способы умерщвления обеспечивают быструю и безболезненную смерть. Также в исследованиях стараются использовать минимальное количество животных, необходимое для получения достоверных результатов. Однако, что касается принципа замены, то по-прежнему во многих исследованиях считается необходимым использование экспериментов *in vivo*. Сейчас разработано много биоинформационных подходов и получено большое количество клеточных культур разных тканей. Методы *in silico* позволяют моделировать те или

инные процессы и предсказывать схемы взаимодействий в клетке или тканях без использования животных. А работы с клеточными культурами позволяют изучить процессы, происходящие в клетках под действием тех или иных манипуляций ученого.

Однако, к сожалению, до сих пор для проведения ряда исследований необходимо использование лабораторных животных. Наиболее известный пример — токсикологические исследования. Так, в XIX в. не было строгого контроля в отношении новых выпускаемых лекарств. И в 1937 г. фармацевтическая компания S.E. Massengill Company создала препарат сульфаниламида с использованием диэтиленгликоля в качестве растворителя [4]. Этот растворитель является ядовитым и для людей, и для других млекопитающих, но главный фармацевт компании не знал об этом. Так как не было никаких правил, требующих предварительного тестирования безопасности новых лекарств, компания начала продавать и распространять «Эликсир сульфаниламида». Вскоре стали появляться сообщения о случаях смерти, вызванных лекарством. Всего тогда произошло не менее 100 смертей. После этого конгресс США потребовал обязательного тестирования лекарств на животных, этот закон позже стали вводить и в других странах. Еще одно трагическое событие произошло в конце 1950-х и начале 1960-х гг. с препаратом талидомидом. Опыты на животных показали, что он является безвредным. Было установлено, что он действует как эффективное успокоительное и болеутоляющее средство, а также оказывает ингибирующее действие на тошноту, в результате чего тысячи беременных женщин стали принимать этот препарат. Однако после поступления талидомида на рынок резко увеличилось число детей, рождающихся с врожденными физическими дефектами. Итогом этой трагедии стало введение правила об обязательном тестировании лекарств на беременных животных [4].

Чтобы не повторять подобных ошибок, помимо простого тестирования препаратов или косметики, также необходимым является изучение механизмов токсического действия ксенобиотиков. Для таких исследований зачастую необходимо использование лабораторных животных для выявления тканеспецифических мишней ксенобиотиков или процессов связанных с их метаболизмом, так как существуют ксенобиотики, в результате метаболизма которых образуются более токсичные вещества, чем исходное соединение. Чтобы сократить в таких исследованиях количество экспериментов с использованием животных всегда нужно учитывать, что не во всех случаях и не для всех ксенобиотиков использование лабораторных животных будет актуально. Так, например, сейчас активно изучаются микроРНК — малые некодирующие РНК, которые являются важными регуляторами экспрессии генов, блокируя синтез белкового продукта гена и стимулируя деградацию матричной РНК. Показано, что их уровень меняется при возникновении различных заболеваний, поэтому проводится немало исследований, посвященных изучению способов регуляции микроРНК. Было показано, что, в том числе, уровень микроРНК меняется и под действием ксенобиотиков. Это может быть связано с активацией тех или иных рецепторов. Например, существует ряд ксенобиотиков с гормоноподобным действием. Эти ксенобиотики

влияют на активность таких рецепторов, как эстрогеновый, прогестероновый или андрогеновый. Поскольку нарушение активности перечисленных рецепторов связано с развитием гормонозависимых опухолей, ксенобиотики с таким действием вызывают значительные опасения. В ходе биоинформационического анализа нами были выявлены миcroРНК, потенциально регулируемые эстрогеновым рецептором. Среди них миcroРНК-190b, -23a, -24, -27a. При этом для данных миcroРНК предсказана регуляция эстрогеновым рецептором как у человека, так и у крыс. Однако не было выявлено общих миcroРНК у крыс и человека, для которых предсказана регуляция так называемым конститутивным андростановым рецептором, который активируется под действием большого ряда ксенобиотиков и также участвует в контроле основных клеточных процессов. Таким образом, если исследователя интересует изучение регуляции миcroРНК этим рецептором под действием индукторов с экстраполяцией на человека, то предварительное проведение биоинформационического анализа промоторных последовательностей миcroРНК позволит ему обнаружить, что для такой работы нет смысла использовать крыс. Следовательно, всегда необходимо подробное планирование работы с применением подходов *in silico*, чтобы убедиться в актуальности использования лабораторных животных для конкретного исследования.

Чарльз Дарвин писал Рено Ланкестеру в 1871 г.: «ты спрашивал о моем отношении к вивисекции. Я совершенно согласен, что она оправдана для исследований по физиологии, но не ради отвратительного и мерзкого любопытства. Эта тема пугает меня до ужаса. И я больше не скажу ни слова, иначе не смогу спать сегодня». Несмотря на этические проблемы, связанные с использованием лабораторных животных в исследованиях, эксперименты *in vivo* до сих пор являются необходимыми во многих областях, но каждый ученый должен со всей ответственностью относиться к экспериментам с лабораторными животными, чтобы прибегать к таким опытам тогда, когда это действительно необходимо, но не ради получения малозначительных для науки результатов, которые можно посчитать «мерзким любопытством».

Литература

1. Dey N., De P., Smith B.R., Leyland-Jones B. Of mice and men: the evolution of animal welfare guidelines for cancer research // Br J Cancer, 2010, vol. 102, no. 11, p. 1553–1554.
2. Flecknell P. Replacement, reduction and refinement // ALTEX, 2002, vol. 19, no. 2, p. 73–78.
3. Franco N.H. Animal Experiments in Biomedical Research: A Historical Perspective // Animals (Basel), 2013, vol. 3, no. 1, p. 238–273.
4. Rachel Hajar M.D. Animal Testing and Medicine // Heart Views, 2011, vol. 12, no. 1, p. 42.

В.В. Конончук

Научно-исследовательский институт молекулярной биологии и биофизики –
структурное подразделение ФИЦ ФТМ (Новосибирск)
cvt.vvk@gmail.com

РАЗВИТИЕ КОРРЕКТНЫХ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ПЕРСОНАЛА И СТУДЕНТОВ В ОТНОШЕНИИ РАБОТЫ С ЛАБОРАТОРНЫМИ ЖИВОТНЫМИ

С развитием гуманного сознания у человечества стало возникать множество споров этического характера по поводу использования животных в лабораторной практике. К этому времени лабораторные животные стали играть очень важную роль в получении новых научных знаний. Все это способствовало тому, что был найден компромисс — свод биоэтических правил, которые должны выполняться при работах такого рода. Так, в начале 1985 г. Совет международных медицинских научных организаций (СМННО) опубликовал «Этический кодекс», который содержит «международные рекомендации по проведению медико-биологических исследований с использованием животных». В кодексе содержатся теоретические принципы и этические правила, которые могут быть приняты за основу при разработке регламентирующих мер и нормативных документов в разных странах мира в отношении использования животных для биомедицинских исследований. Рассмотрим основные положения данного документа:

1. Работу с экспериментальными животными имеют право вести только лица, имеющие высшее образование (биологическое, ветеринарное, медицинское, зоотехническое, фармацевтическое), допущенные к этой работе с разрешения руководства учреждения с возложением на них ответственности за соблюдение Правил.
2. Учебно-вспомогательный персонал и студенты, принимающие участие в проведении научных исследований, обязаны знать настоящие Правила и допускаются к работе с экспериментальными животными под контролем преподавателя и научного сотрудника, ответственного за работу.
3. За подготовку экспериментатора к работе с животными и за соблюдение настоящих Правил по использованию животных ответственность в целом несет руководитель подразделения (отдела, лаборатории кафедры), в котором работает лицо, допущенное к работе с животными.
4. Контроль над соблюдением норм гуманного обращения с животными, условиями их содержания и проведением с ними работы осуществляют специальные комиссии при учреждениях, а общий контроль за выполнением Правил — специальные комиссии при соответствующем ведомстве (министерстве). Учреждения и экспериментаторы обязаны предоставлять таким комиссиям по их требованию необходимые сведения для контроля над работой с использованием животных.
5. При представлении в печать результатов научных исследований на экспериментальных животных и защите диссертационных работ учреждения и от-

дельные лица обязаны указывать сведения об использованных животных (вид, количество, тип применявшегося обезболивания, способ эвтаназии и т.п.).

6. Все процедуры на животных, которые могут вызвать у него боль и иного рода мучительные состояния, проводятся при достаточном обезболивании под местной анестезией или наркозом.

7. Опыты с применением обездвиживающих средств (миорелаксантов) во всех случаях проводятся при полном обезболивании.

8. Запрещается использование животного в болезненном эксперименте более одного раза. Повторное использование разрешается только в необходимых случаях при разрешении комиссии.

9. При проведении экспериментов и других процедур в условиях повышенного риска нанесения животному болезненных раздражений строго обязательно присутствие лица, ответственного за использование животного, и контроль с его стороны за сохранением адекватного обезболивания.

10. В послеоперационный период животное должно получать квалифицированный уход и адекватное обездвиживание. Животное, оставшееся после эксперимента искалеченным и нежизнеспособным, должно быть своевременно умерщвлено с соблюдением всех мер гуманности. Эвтаназия (безболезненное умерщвление животного) проводится ответственным лицом или под его наблюдением разрешенным способом.

11. Ответственность за нарушение Правил несут лица, допущенные к такого рода исследованиям, и руководители учреждений, где проводятся такие эксперименты.

12. Нарушение правил гуманного обращения с животными и проведение экспериментов в условиях, ставящих научную достоверность полученных данных под сомнение, может повлечь за собой применение к виновным лицам мер дисциплинарного воздействия, а также запрещение научных публикаций, защиты докторских диссертаций, запрещение дальнейшего использования экспериментальных животных. Правила определяют также подготовку животного к эксперименту, процедуру обезболивания, уход за животными в послеоперационный период, порядок проведения эвтаназии.

Наше внимание будет уделено первым двум пунктам. В работе любого биомедицинского учреждения научной направленности имеется научно-вспомогательный персонал и студенты. В вышеобозначенных пунктах идет разграничение между научным персоналом и вспомогательным, которое базируется на наличии специального высшего образования. И это имеет смысл. Предполагается, что первая категория во время своего обучения и, возможно, стажировки получила основные знания в области биоэтики. В целом высшее образование подразумевает определенный уровень развития человека, на котором гуманность становится чем-то само собой разумеющимся. Вторая оговоренная категория состоит из двух классов, объединенных отсутствием первичных знаний биоэтики. А это может иметь серьезные последствия, связанные с нарушением биоэтических протоколов, что может отразиться и на результатах эксперимента. Жестокое обращение с животными вызывает стресс у подопытных, что может

приводить к физиологическим отклонениям, и иногда даже физическим травмам. Все это недопустимо с точки зрения как науки, так и этических норм.

Рассмотрим подробнее вторую категорию.

1. Научно-вспомогательный персонал. В данную категорию входят лаборанты, возможны еще некоторые вариации названия данной должности, к обязанностям которых, по отношению к лабораторным животным, относится поддержание чистоты комнаты эксперимента, кормление и уборка вольеров. Все эти пункты очень важны и напрямую влияют на здоровье животных. Также имеет место непосредственный контакт с животными, например, при чистке клеток они пересаживаются на время в другую емкость. Ну и стоит упомянуть, что чаще всего данные манипуляции совершаются в отсутствии научного звена, которое присутствует, как правило, во время проведения непосредственно научного эксперимента. Все эти факторы указывают на высокую вероятность неправильного обращения с животными. Для полного портрета данной должности стоит отметить, что она низко оплачиваемая, поэтому к кандидатам предъявляются крайне низкие требования, как по образованию, опыту работы, а зачастую и человеческих качеств.

2. Студенты. Данная категория имеет неоконченное высшее образование, чаще всего профильного характера. Работа в учреждениях биомедицинского профиля носит характер стажировки или практики для написания квалификационной работы по месту учебы. Работу осуществляют чаще всего с научным звеном, оказывают помощь в проведении эксперимента. Имеют непосредственный контакт с животными. Также могут осуществлять некоторые функции научно-вспомогательного персонала. Данная категория, как правило, имеет мало опыта работы с животными. Представления о работе с лабораторными животными носят стереотипный характер, зачастую неверный. Также стоит отметить, что возраст колеблется в пределах 18–22 лет.

Теперь, когда нами был сформирован портрет и профессиональный профиль данных категорий, обсудим меры, которые можно осуществлять для развития нравственно-правовых представлений. В первую очередь, оговорим, что данной деятельностью должно заниматься научное звено, так как оно имеет опыт и соответствующие знания. Разумеется, данная деятельность никак финансово не стимулируется, но мотивом может выступать качественное проведение эксперимента и соблюдение биоэтических норм. Собственно предполагаемые шаги:

1. Проведение семинара или устного разговора, в котором производится разъяснение правил приведенных выше (Кодекс от 1985 г.), также возможно дальнейшее экзаменирование. Данный шаг носит не только образовательный характер, но и дает понять, что данные нормы носят не просто формальный характер, но могут приводить к дисциплинарным мерам воздействия. Это формирует серьезное отношение к выполнению всех правил.

2. Практические занятия. Научный сотрудник показывает все необходимые манипуляции с животными и их помещениями на своем примере в присутствии научно-вспомогательного персонала и студентов. В следующий раз данные

функции производят уже сами обучающиеся под присмотром обучающих. Может быть повторено до нескольких раз, пока не будет наблюдаться точное выполнение протоколов.

3. Контроль работы. В дальнейшем периодически научному звену стоит присутствовать при работе с животными (особенно при работе лаборантов, студенты практически всегда работают с научными сотрудниками) и убеждаться в корректности осуществляемых манипуляций. Еще, возможно, ведение учетного журнала, где все работающие с животными отмечают время начала и конца работ, а также их тип. Это также показывает серьезность данной работы.

4. Проведение нравственно-просветительских бесед. В неформальной форме проводить разъяснительные беседы о том, чем плохо жестокое обращение с животными. Это казалось бы формальный пункт, но личный опыт автора показывает, что зачастую это для человека не является очевидным. Данные беседы можно проводить на любом из этапов.

Следование проведенным советам позволит избежать нарушений этических правил в отношении лабораторных животных и в целом улучшит качество жизни подопытных.

С.С. Сергеев

Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск)
Sergeevs09@mail.ru

БИОЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ФУНКЦИИ ЖИВОТНЫХ

Цель данной статьи — обозначить те биоэтические аспекты, которые должны являться неотъемлемой частью полноценного пользования функциями животного мира со стороны общества. Выявление биоэтических аспектов функций животных позволит развить более гуманное отношение к животному миру. Учет биоэтической составляющей так же является важной для животноводческих профессий и других профессий, связанных с животными.

Важным является вопрос о необходимости биоэтического исследования функций животных, а точнее, какая часть животного мира как системы должна подвергнуться такому анализу. Какие аспекты животных выходят за границы биологических наук, в частности, зоологии. Для этого следует рассмотреть функции животных в современном обществе.

Функции животных живущих в обществе людей, можно разделить на две большие группы: утилитарные и неутилитарные (непроизводственные). Утилитарные функции связаны с использованием животных для получения прибавочного продукта. А непроизводственные функции не связаны с получением прибавочного продукта, но при этом затраченные ресурсы компенсируются другими преимуществами, связанными, прежде всего, с аксиологическими категориями. Аксиологическая проблематика функций животных, как в социальном,

так и личностном срезе остается малоизученной. Прагматический аспект содержания животных ради непроизводительных функций, не является явным.

То есть животное потребляет такие ресурсы хозяина как материальные (еда, лекарства и т. д.) и временные (например, прогулки), но при этом не производит ничего взамен. Поэтому анализируя отношения таких животных и их хозяев мы вынуждены оперировать такими понятиями как «радость», «удовольствие», «любовь», «счастье», «друг» и др. Много говорится о роли животных в воспитании детей. Именно такие отношения между людьми и животными приводят к расплывчатому статусу животного в социуме. Эмоциональная связь, возникшая между людьми и животными, и привела к появлению функций животных выходящих за границу производственно-прагматистских функций. Животное, превращаясь из врага, сначала в слугу, а потом в «друга» человека, косвенно порождает индустрию обеспечивающую потребности животных и их хозяев.

Таким образом, производственные и непроизводственные функции животных порождают целый ряд вопросов нуждающихся в анализе с позиций биоэтики. Именно неотделимость животных от современного социума делает их объектом социокультурного анализа, а сложность научного анализа аксиологического аспекта взаимоотношений животных и человека, переводит проблему в область биоэтики.

Одним из первых мыслителей, призвавший обратить внимание на «дурное обращение с животными» и исправить его был А. Швейцер [5, с. 304–327]. Швейцер писал об «этике благоговения перед жизнью». Огромный пласт информации об использовании животных для разных нужд в различных странах и в разные эпохи собрала французская историческая школа «Анналов», в особенности Ф. Бродель в своих исследованиях структур повседневности [1; 2].

Начнем с утилитарного отношения к животным, которое является основой для взаимоотношений людей с животным миром. Изначально животные являлись для человека источников ресурсов, прежде всего мяса и шкур, которые добывались посредством охоты. Однако предоставление ресурсов — это не единственная утилитарная функция животных в обществе. Домашние животные также используются человеком как тягловая сила в сельском хозяйстве и при перевозках, при охоте, охране и в военном деле.

При утилитарном использовании животных биоэтические аспекты являются наименее проработанными, так как подразумевают прямую эксплуатацию и уничтожение отдельных особей. Однако, при этом человек не просто эксплуатирует животных, но и параллельно обеспечивает им некоторые потребности. То есть в этом случае мы получаем специфический вариант мутуализма.

Мутуализм подразумевает взаимовыгодное сотрудничество двух видов, в нашем случае человека и животных. Отношения между человечеством и каким-либо видом животных в глобальном масштабе могут быть охарактеризованы как мутуализм только при условии взаимной пользы, но, проблема состоит в том, что несет ли человечество пользу животным, сопоставимую с той, что получает от них само.

Когда человек вступает во взаимоотношение с любым видом животных, появляется требование охарактеризовать это взаимоотношение. Так как во многом именно от характеристики зависит отношение людей к тому или иному виду животных, а также отношения между людьми по данному вопросу. Очевидно, что при мутуализме говорить о защите животных от человека говорить не стоит. Хотя вопрос о допустимости вырывания животных из их естественной среды существования остается открытым. При этом в случае эксплуатации говорить о защите животных имеет смысл. Но что назвать эксплуатацией, а что мутуализмом? Часто одно и то же отношение можно считать и мутуализмом, и эксплуатацией. С одной стороны человек обезопасил животных от хищников, оказывает им медицинскую помощь, создает комфортные условия существования. С другой стороны человек активно использует ресурсы, производимые животными, даже убивая их ради собственных целей.

С одной стороны, мы не можем полностью отказаться от эксплуатации животного мира, с другой стороны, нужны определенные ограничения, исключающие различные перегибы. И именно биоэтика способна определить эти рамки и объяснить их необходимость. Несмотря на многие исторически сформированные ограничения, например, нельзя животных умерщвлять жестоко или содержать их в плохих условиях. Это не исключает более подробного анализа этической проблематики эксплуатации животных.

Признавая первичность животного мира по отношению к человечеству, мы признаем, что животные сопровождают социальную жизнь человека на протяжении всей его истории. Соседство животного мира с человеческой цивилизацией породило сложную систему отношений между людьми и животными. Изначально отношения людей и животных носили диалектический характер: животный мир был одновременно источником необходимых человеку ресурсов, но, с другой, источником опасности. Однако с развитием цивилизации опасность, исходящая от животного мира, уменьшилась до единичных случаев. С уменьшением опасности со стороны животного мира, все большую роль в отношении человека с животным стали играть непроизводственные функции.

Большую роль в отношении человека с животными стала играть развлекательная функция. Животные становятся домашними любимцами не несущими никаких хозяйствственно-полезных функций. Вовлекаются в спортивные мероприятия, в том числе, в соревнования только с косвенным участием человека (петушиные бои, собачьи бега и т. п.). Животные являются прекрасными партнерами по игре, их способность к игровой деятельности прекрасно описана И. Хейзингой [4, с. 22–41]. Так же с животными связаны многие специфические культурные явления, находящиеся на стыке между спортом и жестокостью. Прекрасным примером здесь служит такой феномен культуры как коррида, в которой жестоко умерщвляют животное, но при этом сам тореадор рискует жизнью. Поэтому фигуры тореадора и быка являются для Испании почти сакральными.

Вообще, явления, подобные испанской корриде, или современной охоте, хорошо показывают биоэтическую проблематику. С одной стороны подобное умерщвление животных является неэтичным, с другой стороны мы имеем дело с

культурными явлениями, имеющими давнюю историю и традиции, от которых люди не хотят отказываться.

Вовлечение животных в спортивные состязания также могут являться проблемным полем биоэтики. При этом если зрелица, связанные с противостояниями между животными, имеют к спорту очень опосредованное отношение, и во многих странах петушиные, собачьи и т.п. виды боев запрещены на законодательном уровне и признаются неэтичными. То вовлечение животных в спорт уже является более сложной проблемой, в том числе, и с позиций биоэтики. Так как к животному, занятому в спорте, предъявляются практически те же требования, что и к спортсмену-человеку. Это и соблюдения специфического режима, и постоянные тренировки и т. д. При этом «мнение» животного не учитывается. Сходная проблематика относится и к цирковым животным, здесь же можно упомянуть и служебных собак, хотя у последних скорее утилитарное назначение.

Так же следует упомянуть появление т.н. «статусных животных», т.е. животных, наличие которых должно подтвердить высокий социальный статус хозяина — это, прежде всего, элитные породы. При этом владение и содержание дорогих статусных животных редко подразумевает их прикладное использование в хозяйстве. Т.е. животное становится потребителем, не несущим никаких производительных или хозяйствственно-полезных функций. Конечно, потребительство животных отличается от современного понятия «потребитель» по отношению к человеку.

Со «статусными животными» биоэтическая ситуация выглядит наиболее благополучной. Эти животные, как правило, хорошо защищены и прекрасно содержатся. Однако, это формальная часть, но кроме нее есть отношения с хозяином, с точки зрения некой эмоциональной привязанности. То есть вопрос в том, чем является животное данного типа для хозяина — любимцем или просто своеобразной «статусной» вещью.

Нельзя недооценивать и роль животных в развитии науки. Животные всегда были объектом научного исследования, как в прямом, так и в косвенном смысле. На заре формирования науки эксперименты над животными были основой исследований природы, и изначально люди не видели в этом ничего предосудительного. И только в XX в. стали слышаться голоса в защиту животных. «Те люди, которые проводят эксперименты над животными, связанные с разработкой новых операций или с применением новых медикаментов, те, которые прививают животным болезни, чтобы использовать затем полученные результаты для лечения людей, никогда не должны вообще успокаивать себя тем, что их жестокие действия преследуют благородные цели. В каждом отдельном случае они должны взвесить, существует ли в действительности необходимость приносить это животное в жертву человечеству. Они должны быть постоянно обеспокоены тем, чтобы ослабить боль, насколько это возможно. Как часто еще кощунствуют в научно-исследовательских институтах, не применяя наркоза, чтобы избавить себя от лишних хлопот и сэкономить время! Как много делаем мы

еще зла, когда подвергаем животных ужасным мукам, чтобы продемонстрировать студентам и без того хорошо известные явления!» [5, с. 315–316].

Таким образом, функции животных, связанные с научным познанием, находятся на стыке производственных и непроизводственных функций. С одной стороны, животные косвенно спасли множество людей и это большой прагматически-утилитарный эффект, но, с другой стороны, в участвую в научной деятельности человека, животные ничего не производят.

Биоэтическая проблематика взаимодействия животных и науки, является одной из самых проработанных на данный момент. Особое место здесь занимает проблема экспериментов над животными, например, усиленно ищется альтернатива [3]. Биоэтическая составляющая взаимоотношений между человечеством и животным миром является очень важной. Необходимо продолжать проработку биоэтических аспектов, как при утилитарном использовании животных, так и пользуясь их непроизводственным потенциалом.

Литература

1. Бродель Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1988. Т. 2. 632 с.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 624 с.
3. Лукьяннов А.С., Лукьянова Л.Л., Чернавская Н.М., Гилязов С.Ф. Биоэтика. Альтернативы экспериментам на животных [Электронный ресурс]: «ВИТА» центр защиты прав животных // URL: <http://www.vita.org.ru/exper/education/lukjanov-bioethics.htm> (дата обращения: 11.11.2018).
4. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д.Э. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 416 с.
5. Швейцер А. Культура и этика. М., Прогресс, 1973. 344 с.

Н.А. Синюкова

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
sinuknat@gmail.com

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БОЛЕЗНИ И МЕДИЦИНЫ

Современное общество находится на принципиально новом уровне развития, который позволяет трансформировать и контролировать биологические параметры организма человека. Достижения хирургии, ортопедии, трансплантологии, репродуктивных технологий и т. д. «обещают» человеку определенную уверенность в достижимости контроля над своим телом и продления жизни. Мир, заполненный медицинскими технологиями, действует на человека наподобие «антидепрессанта», позволяющего скрываться от болезни и смерти [1, с. 57].

Контроль над телом в современности является моральным обязательством каждого, выступает в роли социальной ценности и элемента общественного этикета. «Контролируемое тело» идеализируется в современном обществе [3, с. 58].

Сформированный идеал разрушается в случае серьезного заболевания и для того, чтобы «отстоять» его, человек обращается к медицине в лице врача и его «технэ». Цель врача доказать, что контроль над телом восстановим посредством его знаний, опыта и высокотехнологичных медицинских вмешательств. Однако достижение данной цели, реализованное в биомедицинской модели медицины, приводит к практически полной дегуманизации медицины. Ориентация на «медицину высоких технологий» «овеществляет» человеческую жизнь, размывая границы между личностями и предметами. Медицинские технологии «покоряют» жизненный мир человека, «подрывая самопонятную близость с миром» через тело, вооруженное и улучшенное технологиями [2, с. 12–15].

В современной медицине происходит актуализация «латентной» для клинической медицины нравственно-экзистенциальной проблематики. Поиску решений данных кризисных проблем способствует поворот внимания медицинских антропологов к субъективному опыту переживания болезни. Методологическую основу актуальных исследований в области медицинской антропологии составляют феноменологические принципы изучения субъективного опыта. Они позволяют «проникнуть» в болезнь на уровне глубинных изменений — осмыслиении, понимании собственного Я, окружающего мира и своего существования в нем.

Как утверждает американский антрополог Б. Гуд (B. Good), опыт хронической боли неразрывно связан с переживанием «краха» и с систематическим разрушением жизненного мира. Автор, опираясь на представление о множественности миров А. Шюца (мир повседневности, сна, фантазии, науки, искусства, религиозного опыта) раскрывает еще один мир — «мир хронической боли» человека. Мир человека страдающего от боли устроен иначе, он принципиально не разделим с другими, он переживается индивидуально и не может быть понят другими людьми. Утрачивается интерсубъективность — важнейшая характеристика мира повседневности. Рушится общность мира, человек становится «чужим».

В повседневности человек целостен и автономен и через свое тело является «автором» своих действий, в которых он переживает, постигает мир и воздействует на него. В мире боли тело непроизвольно становится объектом, отличенным от человека. Тело фрагментируется и становится враждебным, нарушаются целостность человека. Утрачивается возможность контролировать свое тело, а в целом и свою жизнь. Повседневность связана с достижением ежедневных целей, трудовой деятельностью, выдвижением проектов и их реализацией, вносящей изменения в окружающий мир. Испытывая боль человек не может нормально работать. Достижение жизненных целей становится невозможным.

В мире человека, страдающего болью, изменяется характер течения времени. Оно теряет такие важнейшие характеристики как упорядочивание, синхронизация личного восприятия времени с общим временем. Восприятие течения «внутреннего» времени замедляется, а восприятие времени «внешнего» наоборот ускоряется. Человек испытывает ощущение, что «мир проходит мимо». Боль занимает место времени и пространства, «перенасыщенное» медицинскими вмешательствами. Медицинские действия становятся параллельной реальностью и постепенно вытесняют социальный мир. Человек «перегружен» своей болью

настолько, что она «захватывает» его внимание полностью, формируя не только его переживания, но и переживаемые им смыслы мира [4, с. 124–127].

Разрушение жизненного мира в болезни связано с нарушением или полным разрушением «жизненного нарратива», как утверждает Гуд. Нарратив упорядочивает события, связывает их воедино, формируя определенный «сюжет», «контекстуализирует» его и наделяет определенным значением, сформированным культурой. Открываются смыслы событий, неявные на момент их переживания в настоящем. В результате история больного может приобрести определенную направленность, ощущение того, что она движется к развязке, к определенному воображаемому концу. Когда возникает некий «образ результата», нарратив приобретает терапевтическую силу, тогда больной может противостоять разрушению мира вокруг себя. Согласно Гуду, если вообразить развязку истории болезни невозможно, то больной укореняется в своем «разрушенном мире», полностью утрачивая возможность его восстановления [4, с. 118–121].

Свено (Sveneaus) рассматривает страдание, возникающее в болезни, как модус «отчуждения», обусловленный потерей смыслов окружающего мира и невозможностью достичь жизненных целей. Опыт боли так же входит в модус страдания на физическом и на ментальном уровнях [7, с. 418]. Автор рассматривает боль не только как ощущение, чувство, но как более общую настроенность индивида, как определенный способ каким мир является или открывается человеку в определенных тонах и красках. В модусе страдания мир переживается через боль, трансформируя способ бытия человека в окружающем его мире и его способ «означивания» или мира.

Ссылаясь на Хайдеггера, автор сравнивает жизнь здорового человека с привычным или даже «уютным» бытием-в-мире или *homelike being-in-the-world* [6]. Здоровый человек, функционируя как гармоничное целое, ощущает себя в мире «как дома». Окружающий мир переживается как неделимый горизонт интерсубъективных смыслов, воспроизведимых в отношениях между средствами в мире подручности. Смысл любого подручного средства формируется в процессе его практического применения, в опыте его употребления как средства. В болезни нарушается способность воспринимать подручные средства как необходимые для жизни. Простой пример: больной не способный к самостоятельному передвижению, использующий инвалидную коляску оказывается перед входом в здание, не оборудованным специальными образом для доступа в здание инвалидов. До болезни вход в здание был просто дверью, которую нужно лишь открыть, поднявшись по ступенькам. Теперь вход в здание для него просто невозможен без посторонней помощи, напоминая ему о его искаженности, чуждости в мире здоровых.

В утрате функциональной необходимости подручных средств проявляется «ассиметрия» окружающего мира. Больной ощущает условность привычной структуры смыслов окружающего мира, открывается «ненадежность», «враждебность» мира. Появляется страх, доходящий в отдельных ситуациях до экзистенциального ужаса, не оставляя ничего для опоры. Близость мира, его неотрывность от человеческого существования, становится наличной, удаленной от

человека. Свено сравнивает существование в болезни с «бездомным» бытием-в-мире (*unhomelike-being-in-the-world*) [6]. Человек ощущает себя чужим в мире, утратившем свои привычные смыслы.

Ощущение своей «бездомности», чуждости в мире здоровых особым образом развивается при соприкосновении больного с клинической медициной. В современной, технически оснащенной больнице объективизация больного переходит в технологизацию, обусловленную быстрым обновлением новых технологий визуализации и концептуализации органов, функций и клеточных процессов (МРТ, ГЭТ-КТ и т. д.), а так же хирургических и терапевтических техник и технологий. Сегодня технологии являются не только незаменимой частью клинической рутины, но и частью человеческого тела (например, кардиостимуляторы, различные протезы, кишечные стомы, порт-системы и т. д.).

«Технологизация» человеческого тела в клинической медицине, как пишет Свено, связана с негативным аспектом индивидуального опыта болезни [5]. Использование медицинских технологий изменяет восприятие естественности человеческой телесности. Как пишет Свено, когда больной видит свою опухоль на картинке, он ощущает себя вещью, объектом технологического контроля и управления, независящим от его чувственно-эмоциональных переживаний. Он становится фактом, в котором заключена информация о нем, как о биологическом организме. Его тело фрагментируется и отчуждается. По мере дальнейшего соприкосновения больного с объективирующим медицинским дискурсом отчуждение усиливается, формируя негативный опыт болезни, как утверждает Свено.

Медицинская наука и практика интерпретируется с феноменологической точки зрения в индивидуалистической перспективе взаимоотношений и взаимодействий того, кто страдает и того, кто призван восстановить здоровье. Цель медицины заключается в облегчении страданий конкретного больного и заботе об индивидуальном благе человека. Внимание к взаимоотношениям врач-пациент, их интерсубъективной природе несомненно расширило их понимание на онтогносеологическом уровне. При этом взаимоотношения врач-пациент не рассматриваются как часть системы здравоохранения в целом. Тем не менее их обусловленность системой оказания медицинской помощи требует учитывать не только врачей и пациентов, но медицинских сестер и других специалистов по уходу, радиологических техников, и т. д. Феноменологический анализ не затрагивает систему оказания медицинской помощи в целом, как и категорию общественного здоровья.

Феноменологический анализ дополняет натуралистическое понимание болезни качественным уровнем анализа феноменов боли, страдания, болезни и новым «видением» различных проблем медицины. Обращение к субъективному опыту больного в реальности связано с возникновением идей «моральной экологии» в клинической практике или обустройства окружающей среды больного, в терминологии Свено, «как дома». То есть таким образом, чтобы уже само пространство медицинского учреждения, язык медицинских специалистов способствовали преодолению отчуждения, восстановлению целостности и автономии больного. Принципы, разрабатываемые в рамках феноменологического анализа болезни и медицины в последнее десятилетие используются на практике для

улучшения отношений врач-пациент, повышения качества ухода за больными, а так же для комплексной работы с тяжелобольными людьми, направленной на адаптацию к болезни, ре-интеграцию больных в жизнь общества.

Литература

1. Попова О. Телесность в модусах боли, страдания, смерти: биоэтический ракурс // Философская антропология 2015. Т. 1. № 2. С. 146–164.
2. Фукс Т. «Науки о жизни» и жизненный мир // Топос. 2007. № 2 (16). С. 5–22.
3. Frank A. At the Will of the Body. Boston: Mariner Books, 2002. Р. 158.
4. Good B. Medicine, Rationality and Experience: an Anthropological Perspective. New York: Cambridge University Press, 1994.
5. Hofmann B., Svenaeus F. How medical technologies shape the experience of illness // Life Sci Soc Policy, 2018, vol. 14.
6. Svenaeus, F. 2011. Illness as unhomelike being-in-the-world: Heidegger and the phenomenology of medicine. Medicine, Health Care and Philosophy. Р. 333–343.
7. Svenaeus F. What is phenomenology of medicine? Embodiment, illness and being-in-the-world / Health, illness and disease: philosophical essays / ed. by H. Carel, R. Cooper. New York: Routledge, 2014.

О.С. Хихлич

Новосибирский государственный медицинский университет (Новосибирск)
o.hihlich@yandex.ru

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ С ДЕТЬМИ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Многие факторы риска возникновения различных заболеваний начинают влиять уже в детском возрасте, поэтому именно в нем следует искать истоки возникновения большинства форм неинфекционной патологии. Особую важность приобретает широкое внедрение мер профилактики в отношении детей и подростков. В детстве и юношеском возрасте закладываются знания и навыки здорового образа жизни, формируются основные поведенческие установки, взгляды, вкусы, потребности, все то, что определяет дальнейшую жизнь человека. Кроме того, в детстве и юности первичная профилактика наиболее эффективна. Ребенок в возрасте 7–18 лет наиболее обучаем и способен воспринимать и использовать получаемую информацию в своей жизни. Формирование мировоззрения здорового образа жизни должно начинаться в детском возрасте и быть неотъемлемой частью системы воспитания в каждой семье.

Социальная направленность профилактической работы в этом возрасте носит воспитательный и санитарно-просветительный характер, позволяет относительно легко предупредить пристрастие к факторам, разрушающим здоровье, на-учить сдержанности, сформировать установки (потребности) на активный отдых и рациональное питание, двигательную активность. У детей сравнительно легко воспитать желание к двигательной активности, так как потребность в движении — базовая биологическая и проявляется ярче, чем у взрослых. Сформулиро-

ванные навыки здорового образа жизни будут противостоять влиянию неблагоприятных факторов, провоцирующих возникновение и развитие соматических заболеваний.

Состояние здоровья подрастающего поколения — важнейший показатель благополучия общества и государства. Поэтому дети школьного возраста являются одним из основных звеньев формирования здоровья населения. Дети школьного возраста больше всего подвержены воздействию различных биосоциальных факторов, способных оказывать негативное воздействие на функции и строение молодого организма, в основном это проявляется за счет неоптимальных физических и психологических нагрузок, а также несбалансированного питания и других внешних факторов.

Пропаганда здорового образа жизни во многом зависит и от того, насколько слаженно будут участвовать в ней наряду с медработниками сотрудники органов и учреждений просвещения, культуры, высшего и среднего специального образования, социальные работники, средства массовой информации, широкая общественность.

Эффективность организации медицинской профилактики со школьниками зависит не только от вовлеченности и понимания педагогическими работниками того, что здоровый образ жизни является фактором укрепления здоровья населения, а так же от необходимости и целесообразности проведения работы по его формированию. Эффективность работы педагогических работников по формированию здорового образа жизни школьников во многом зависит от компетентности и готовности проводить занятия по медицинской профилактике.

В зависимости от возраста, школьник проводит в учебном учреждении в среднем от 21 до 37 часов в неделю, именно в школе он может получить знания не только по учебным дисциплинам, входящих в школьную программу, но и в том числе по вопросам профилактики, включающей в себя здоровый образ жизни, правильное питание, профилактику вредных привычек, профилактику травматизма и несчастных случаев, инфекционную безопасность и оптимальную двигательную активность.

В настоящее время существует необходимость повышения доступности медицинской профилактики для детей школьного возраста путем создания системы, при непосредственном активном участии педагогических работников, на основе применения интернет-ресурсов профилактической направленности, к которым следует относить информационные материалы, размещенные на сайтах медицинских организаций.

Таким образом, необходимо разработать систему совершенствования медицинской профилактики с детьми школьного возраста на основе информационных технологий. Такая система позволит повысить уровень грамотности педагогических работников в вопросах, связанных с медицинской профилактикой, а также уровень осведомленности детей школьного возраста, относительно правил личной гигиены, вопросов питания, здоровой организации режима сна, физической активности и профилактики вредных привычек.

Для разработки такой системы необходимо в первую очередь сформировать методику комплексной социально-гигиенической оценки организации профилактической работы с детьми школьного возраста в образовательных учреждениях и определить методы ее совершенствования. Изучить мнения руководителей медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь на амбулаторном уровне, врачей-педиатров участковых и специалистов по медицинской профилактике об объемах и методах предоставления информации профилактической направленности в образовательном учреждении. Изучить мнения руководителей и педагогических работников средних образовательных учреждений и родителей школьников, с целью определения оптимальных методов предоставления информации профилактической направленности обучающимся в школе детям.

Социологический опрос руководителей медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь на амбулаторном уровне, позволит оценить необходимость совершенствования организации медицинской профилактики с детьми школьного возраста, необходимость вовлечения педагогических работников в процесс формирования здорового образа жизни школьников. Также позволит узнать их мнение о необходимости повышения доступности первичной медицинской профилактики для населения, о наличии потребности в получении информации по первичной медицинской профилактике, о целесообразности обучения педагогических работников по вопросам первичной медицинской профилактики. А также о наиболее актуальных вопросах первичной медицинской профилактики, об эффективности использования сети Интернет для проведения первичной медицинской профилактики с населением с целью повышения доступности первичной медицинской профилактики и о готовности населения к восприятию информационных материалов о первичной медицинской профилактике по сети Интернет.

Социологический опрос руководителей и педагогических работников средних образовательных учреждений также о частоте обращении к педагогическим работникам родителей по вопросам здорового образа жизни, о компетентности в вопросах здорового образа жизни. Также узнать о целесообразности прохождения обучения по вопросам здорового образа жизни по их мнению, о наиболее актуальных вопросах здорового образа жизни и наиболее удобной форме повышения компетентности в вопросах здорового образа жизни. И узнать об их готовности участвовать в формировании информационных материалов по вопросам здорового образа жизни.

Анализ результатов опроса родителей детей школьного возраста необходим для выявления наиболее интересующих их тем по вопросам здорового образа жизни, профилактике заболеваний, влиянию вредных привычек на здоровье, питанию и воспитанию, о частоте возникновения у них вопросов профилактической направленности.

Далее необходимо разработать комплекс мероприятий и структурно-организационную модель формирования, распределения и предоставления информации профилактической направленности педагогическим работникам средних общеобразовательных учреждений для преподавания основ здорового образа жизни

обучающимся. И по завершении оценить эффективность комплекса мероприятий по совершенствованию медицинской профилактики с детьми школьного возраста на основе информационных технологий.

Таким образом, такое исследование позволит выявить наиболее важные и интересующие вопросы профилактической направленности, на которые необходимо будет сделать акцент в работе с детьми и педагогическими работниками. Также, предполагается, что полученные результаты помогут усовершенствовать существующую систему профилактической работы с населением и повысить уровень медицинской грамотности детей школьного возраста, родителей и педагогических работников.

E.B. Шекунов

Федеральный исследовательский центр фундаментальной
и трансляционной медицины (Новосибирск)
e.shekunov@alumni.nsu.ru

HELA – БОМБА БИОЭТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

«Даже великим творцам мешает писать чужое невежество»
Станислав Ежи Лец.

XX в. являлся поистине временем великих потрясений. Для меня, клеточного биолога, особенно важно событие, датирующееся 8 февраля 1951 г.. Именно в этот день американский ученый по имени Джордж Гай выделил первую бессмертную клеточную линию. Эти клетки получили имя HeLa, что является сокращением имени Генриетта Лакс, которая явилась донором этих клеток и по совместительству пациенткой Гая [3]. На данный момент более тысячи научных исследований, так или иначе, связаны с этой клеточной линией. Благодаря HeLa ученые установили количество хромосом в человеческих клетках, открыли препараты для лечения герпеса, лейкемии, болезни Паркинсона и т. д., на основании вышеперечисленного можно смело сказать, что эти клетки внесли гигантский вклад в науку [4]. Однако, в связи с тем, что Д. Гай получил этот материал без согласия своей пациентки, данное открытие породило и вывело на новый уровень целый пласт биоэтических проблем, которые до сих пор не нашли своего решения, а современное развитие медицины, биологии и прочих смежных наук еще больше усугубляет и без того печальное положение.

«Технология всегда была клином с двумя лезвиями — расширение наших возможностей и творческого потенциала, но это и разрушение нашей природы. Новые технологии дали нам долгую жизнь и здоровье, освободили от тяжелого физического труда и открыли новые возможности для творчества. Однако они таят и новые опасности» — Рэймонд Курцвел [1, с.12].

Одна сторона медали, как уже говорилось выше, принесла людям десятки прорывных технологий, сотни спасенных человеческих жизней и бесчисленное количество сохраненных лабораторных животных. Вторая же сторона медали этого события спрашивает нас, с чем конкретно отождествляется понятие лично-

сти с биологической точки зрения и можно ли использовать „телесную собственность“ без согласия индивида. Чтобы стали более понятны детали этой проблемы используем следующие примеры: мировое законодательство запрещает торговлю человеческими органами, ведь они являются частью организма и неотъемлемой составляющей личности. Любое оперативное вмешательство отражается на психоэмоциональном состоянии человека и несет в себе определенные переживания. Однако если взять на рассмотрение процесс биопсии, или сдачи рутинных анализов, то результат становится уже не так очевиден, ведь мы перестаем отождествлять себя с парой клеток нашего организма. Более того, миллионы клеток в результате процессов старения и дегенерации ежедневно остаются на нашей одежде, предметах личной гигиены, и нас это совершенно не беспокоит. Как следствие, из первого вопроса вытекает и второй: если мы не приравниваем себя как личность к нескольким клеткам своего организма или как к продуктам его жизнедеятельности, то необходимо ли наше личностное согласие на то, чтобы этот биологический материал был использован в научных целях? Так же изучение данного вопроса усложняется внешними обстоятельствами, одним из которых является коммерческий успех деятельности. Известно, что благодаря клеткам HeLa большое количество различных корпораций смогли заработать немалое состояние, однако самой Генриэтте Лакс и ее ближайшим родственникам не было сделано ни единой денежной компенсации, несмотря на то, что именно ее клетки способствовали данной прибыли.

С момента возникновения данных вопросов сложилось несколько точек зрения относительно решения данной проблемы. Так Дэвид Корн (заместитель проректора по исследованиям Гарвардского университета) полагает, что: «люди морально обязаны позволять использовать свои кусочки и частички во имя прогресса знания, чтобы помочь другим. Поскольку всем от этого только польза, то каждый может взять на себя небольшой риск и согласиться с тем, что кусочки его тканей будут использованы для исследований». Тем самым, он полностью выступает на стороне прогресса и считает, что ответственность человечества перед наукой куда больше, чем проблема информационного согласия. Отличное мнение, на этот счет высказывает Уэйн Гроди (директор диагностической лаборатории молекулярной патологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе). По его словам, процедура получения согласия при подобной деятельности необходима, но ее применять ее стоит только к вновь полученным образцам. Подобная позиция является промежуточной и совмещает в себе стремление развития науки с общечеловеческими этическими нормами. В свою очередь, Лори Эндрюс (директор Института науки, права и технологий в Иллинойском технологическом институте) высказывает более радикальные взгляды, основу которых составляет именно этика и личностная свобода: «Наука не является высшей ценностью для общества» [2].

Не смотря на большое количество дебатов, мыслей и высказываний на данную тему, в настоящее время на законодательном уровне ни одна страна мира полностью не регламентирует биоэтические вопросы, касающиеся исследований тканей человеческого тела. Безусловно, относительно второй половины

XX в. ситуация стала лучше. В США, которая является родоначальницей подобных дискуссий, действуют нормы общего права (Common Rule). Согласно им, для получения биологического материала требуется согласие пациента, однако хранение и исследование полученных тканей не регулируется. Как следствие, каждый отдельный случай при жалобе со стороны пациента по данной тематике рассматривается индивидуально, а результат судебного разбирательства становится субъективным и зависимым от мнения судьи.

Относительно положения этих проблем в России, на мой взгляд, выражение «счастье в неведении» исчерпывающе отвечает на оба вопроса. В то время как в 1984 г. в США состоялось первое слушание о правах собственности пациента на его ткани, а в 2008 г. принят закон о недопущении дискриминации в связи с генетической информацией, в нашей стране все еще отсутствует минимальная биоэтическая культура среди широких слоев населения, которая, по моему мнению, и является основным источником решения данных вопросов. Именно высокий уровень осведомленности в области биоэтики, а так же повышение социальной ответственности людей, не связанных с исследовательской деятельностью, являются ключом к решению нравственных проблем научной сферы. Вместо того, что бы менять степень участия каждого элемента системы и пытаться определить, кто же имеет решающее мнение в вопросе изучения человеческих тканей, пациент или ученый, необходимо переключиться на изменение восприятия эксперимента обеими сторонами. Только в случае, когда каждый перестанет „перетягивать одеяло на себя“ дело сдвигается с мертвой точки. Однако, применение такого варианта на практике, выглядит слишком идеалистическим и наивным, вследствие чего, более реалистичной альтернативой является введение некой системы дотаций донорам, чьи биологические образцы представляют научный интерес, например бесплатное медицинское обслуживание в странах с платной системой медицинских услуг, предоставление социальных льгот и прочее. Помимо этого, необходимо ограничить коммерциализацию науки, которая извращает саму ее суть и заставляет заниматься вещами, отвлеченными от поиска новых знаний и технологий.

Литература

1. Коровин А.Л. Сложносистемный подход и прогнозирование развития технологий / под ред. д-ра филос. наук ДИ Дубровского канд. филос. наук Е.А. Никитиной. 2011. С. 12.
2. Склут Р. Бессмертная жизнь Генриетты Лакс. М.: Карьера Пресс, 2011.
3. Gey G.O. Tissue culture studies of the proliferative capacity of cervical carcinoma and normal epithelium //Cancer Res. 1952. Т. 12. С. 264–265.
4. Hoyer K. Hannah Landecker: Culturing Life: How Cells Became Technologies // Tidsskrift Antropologi. № 59/60.

Т.Г. Шинко

Новосибирский государственный медицинский университет (Новосибирск)
shinko.tatiana@yandex.ru

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ЭТИКА В АПТЕЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: МЕЖДУ ПАЦИЕНТОМ И ПЛАНОМ

Фармацевтическая биоэтика — это область биоэтики, изучающая моральные, правовые, социальные, экологические и юридические проблемы, возникающие при создании, клинических испытаниях, регистрации, производстве, доведении до потребителя и использовании фармацевтических, парофармацевтических и других аптечных товаров, а также при оказании фармацевтических научно-консультативных услуг с целью защиты здоровья населения и отдельных людей, качества их жизни, физической и психической неприкосновенности личности, защиты человеческого достоинства и обеспечения доступности фармацевтической помощи для широких слоев населения. В самостоятельный раздел биоэтики фармацевтическая биоэтика выделилась сравнительно недавно — в 1996 г., что было связано в первую очередь бурным развитием фармацевтической промышленности и накоплением определенных проблем в данной отрасли.

Сегодня очевидно, что выделение фармацевтической биоэтики было совершенно необходимой и оправданной мерой, поскольку все участники данной отрасли находятся в ситуации конфликта интересов: с одной стороны, социальная миссия и сохранение и поддержание здоровья населения, с другой — коммерческие цели и получение прибыли. В соответствии с концепцией социально-этического маркетинга фармацевтический маркетинг предполагает акцент на фармацевтической помощи. Его конечной целью должно выступать удовлетворение нужд пациента, а не производителя или фармацевта [1]. Данные положения прописаны и контролируются государством на уровне Государственной стратегии, Федеральных законов и Приказов Министерства здравоохранения, однако все же значительная часть ответственности остается, что называется «на совести» участников системы разработки, испытаний, производства и доведения до потребителя лекарственных препаратов.

Рассмотрим данную ситуацию применимо к аптечным организациям и фармацевтам/привозорам, работающим в них. С изменением концепции розничной торговли лекарственными препаратами и появлением аптечных сетей, вопрос следования постулатам социально-этического маркетинга встает более остро — теперь сотрудник аптечной организации должен не только выполнить план продаж в денежном выражении, но и по конкретным наименованиям товаров аптечного ассортимента. Кроме того, по аналогии с крупными продовольственными сетями в аптечных сетях появляются товары (обычно БАД) под собственной торговой маркой, которые являются приоритетом продажи. В сложившейся ситуации возникает разумный предположение о том, что удовлетворение потребности пациентов в получении качественной фармацевтической помощи в условиях заинтересованности аптечных организаций в продаже определенных наименований товаров невозможно.

Для начала необходимо разобраться с тем, что же понимать под качественной фармацевтической помощью. Будем считать, что качественной фармацевтической помощь будет являться в том случае, когда пациент приобретает в аптечной организации эффективное средство. В каком случае сотрудник аптечной организации может быть уверен, что предлагает пациенту действительно эффективный препарат? И может ли вообще быть в этом уверен? Согласно Федеральному закону 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [3] все лекарственные препараты при прохождении процедуры регистрации на территории Российской Федерации обязаны пройти процедуры доклинических и клинических исследований. Это гарантирует эффективность и безопасность регистрируемых лекарственных препаратов. Однако, как известно, существует разница между объемом указанных испытаний для разных категорий препаратов. Оригинальные препараты, впервые созданные и выводимые на рынок, проходят доклинические и клинические исследования в полном объеме в течение нескольких лет. За этот период происходит полная всесторонняя оценка свойств препарата, его эффективности и профиля безопасности. Воспроизведенные препараты (дженерики) являются копией оригинальных препаратов по действующему веществу, дозировке и лекарственной форме и потому проходят стадии исследований в сокращенном объеме. Как правило, в ходе таких исследований оценивается сравнимая с оригинаром биодоступность, что является мерой количественного содержания действующего вещества в крови пациента после приема лекарственного препарата, но не мерой терапевтической эквивалентности. Таким образом, о гарантии эффективности препарата-дженерика можно говорить довольно условно. В то же время среди товаров аптечного ассортимента, особенно среди товаров «собственной торговой марки» распространено явление выпуска биологически активных добавок с содержанием действующих веществ известных лекарственных препаратов. Такие товары могут вводить в заблуждение невнимательных пациентов, считающих, что они покупают лекарственный препарат. Биологически активные добавки — природные (идентичные природным) биологически активные вещества, предназначенные для употребления одновременно с пищей или введения в состав пищевых продуктов [4]. БАД не являются лекарственным средством и не предназначены для лечения различного рода заболеваний. Замена лекарственного препарата на БАД неравноцenna. Из вышеизложенного следует, что относительную гарантию должного терапевтического эффекта можно получить при приобретении/продаже оригинального лекарственного препарата.

С другой стороны очевидно, что данная ситуация продажи/приобретения исключительно оригинальных лекарственных препаратов невозможна. Подавляющее большинство пациентов, приходящих в аптеки не готовы из-за высокой стоимости приобретать оригинальные препараты. Как должен поступить сотрудник аптеки в такой ситуации с точки зрения деонтологии и оказания качественной фармацевтической помощи, чтобы соблюсти права пациента? Предложить препарат-дженерик известного бренда, дорожащего своей репутацией и ответственно подходящего к вопросу терапевтической эффективности выпускаемых им препаратов, а также все препараты с данным действующим веществом, которые

есть в аптеке и оставить выбор покупателю, как того требуют Правила надлежащей аптечной практики [5].

В то же время владелец аптечной организации требует, чтобы были проданы отдельные конкретные товары на определенную сумму и вне зависимости от репутации производителя, статуса товара и его доказанной эффективности. Сотрудникам аптеки остается два варианта — подчиниться данным условиям или найти другую работу. А какие варианты есть у пациентов? В конечном итоге все столкнутся с навязчивым маркетингом, не имеющим отношения к социально-этическому. Правила надлежащей аптечной практики требуют в процессе фармацевтического консультирования предоставлять пациенту описания лекарственных препаратов с уточнением способа применения, а также право выбора лекарственного препарата [5]. При «правильном» расставлении акцентов аптека вполне может реализовывать товары, в продаже которых она заинтересована и не идти против действующего законодательства. Считать ли такую ситуацию обманом и нарушением прав пациентов или нет — выбор, который ложится тяжелым бременем на плечи провизоров и фармацевтов. Как показывает практика — многие провизоры и фармацевты считают, отсюда большая текучка кадров в аптечных сетях на наиболее агрессивным маркетингом.

Однако, справедливости ради, стоит отметить, что отсутствие клинически подтвержденного терапевтического эффекта у некоторых лекарственных препаратов-дженериков и у биологически-активных добавок вовсе не является доказательством того, что данный эффект у них отсутствует. Проведение клинических исследований очень длительное и затратное мероприятие и не все производители могут себе это позволить, в то время как использовать в производстве качественную субстанцию и рациональный состав вспомогательных веществ в идеальном варианте должны все. В таком случае снижаются риски для пациента приобрести неэффективный препарат и личная внутренняя ответственность сотрудников аптечных организаций за реализацию подобных товаров. Но идеал от реальности настолько далек, что иногда выявляются случаи приобретения и использования крупными известными фармацевтическими компаниями субстанций лекарственных веществ, вызывающих при длительном применении серьезные нежелательные реакции у пациентов. Так же не прошли времена, когда компании выводили на рынок недостаточно изученные оригинальные препараты и в постклинических исследованиях выявлялись серьезные нежелательные реакции среди пациентов. Так, совсем недавно были изъяты из всех аптечных организаций лекарственные препараты с МНН Флутиприн, в связи с накопившейся информацией о том, что соотношение польза/риск при применении данного препарата складывается не в сторону пользы.

Таким образом, аптечное звено не может ответственно гарантировать эффективность и безопасность любых товаров аптечного ассортимента для пациента. Использовать ли это в качестве оправдания/обоснования применения агрессивного маркетинга в аптечном звене — на данный момент вопрос этических взглядов работников и особенно владельцев аптечных организаций, ведь в конечном итоге, именно они развивают подобные явления в фармации.

Литература

1. Володин В.М., Кунев С.П., Мальченков Е.Н. Современный фармацевтический маркетинг // Экономика и социум : электрон.журн. 2013.
2. Лопатин П.В. Фармацевтическая биоэтика — морально-нравственная основа философии фармацевтической деятельности XXI века/ Московские аптеки. 2004. № 6.
3. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».
4. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «Об качестве и безопасности пищевых продуктов».
5. Приказ Минздрава России от 11.07.2017 № 403н «Об утверждении правил отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения, в том числе иммунобиологических лекарственных препаратов, аптечными организациями, индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на фармацевтическую деятельность».

Список принятых сокращений

Алтайский государственный университет (Барнаул) — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет» (Барнаул).

Белорусский государственный университет (Минск) — Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск.

Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ (Волгоград) — Волгоградский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва) — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», г. Москва.

Институт государства и права РАН (Москва) — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт государства и права Российской академии наук», г. Москва.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук», г. Улан-Удэ.

Институт развития образования Иркутской области (Иркутск) — Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования Иркутской области «Институт развития образования Иркутской области», г. Иркутск.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск) — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук», г. Новосибирск.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН (Махачкала) — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук», г. Махачкала.

Иркутский государственный университет (Иркутск) — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет», г. Иркутск.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Калуга) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга.

Мурманский государственный технический университет (Мурманск) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский государственный технический университет», г. Мурманск.

Научно-исследовательский институт молекулярной биологии и биофизики (Новосибирск) – Научно-исследовательский институт молекулярной биологии и биофизики (НИИМББ) – структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный исследовательский центр фундаментальной и трансляционной медицины» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, г. Новосибирск.

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск) – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск.

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, (Новокузнецк) – Новокузнецкий институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк.

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ (Новосибирск) – Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации», г. Новосибирск.

Новосибирский государственный медицинский университет (Новосибирск) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Новосибирск.

Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», г. Новосибирск.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск.

Российский новый университет (Москва) – Автономная некоммерческая организация высшего образования «Российский новый университет», г. Москва.

Рязанский государственный радиотехнический университет (Рязань) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный радиотехнический университет», г. Рязань.

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (Рязань) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань.

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (Самара) – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург.

Саратовская государственная юридическая академия (Саратов) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов.

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (Новосибирск) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Новосибирск.

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ (Новосибирск) – Сибирский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Новосибирск.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург.

Федеральный исследовательский центр фундаментальной и трансляционной медицины (Новосибирск) – Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный исследовательский центр фундаментальной и трансляционной медицины», г. Новосибирск.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Омск) – Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), г. Омск.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан.

Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Югорский государственный университет», г. Ханты-Мансийск.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль) – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль.

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk) – The Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod) – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ННГУ), г. Нижний Новгород.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>A.C. Бреславский.</i> Пригороды крупных городов России: источники, масштабы и направления демографического и территориального роста.....	3
<i>B.B. Петров.</i> Университет и квоты: право двойного выбора.....	6
<i>Г.И. Чернавин.</i> «Нечленораздельные звуки» феноменологии: Людвиг Витгенштейн и тезис «ничто ничтожит».....	10

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>К.С. Арутюнян.</i> Научные подходы в формировании понятия управление.....	15
<i>А.С. Ашер.</i> Интерпретация жертвоприношений у Жоржа Батая и Рене Жирара	21
<i>А.Э. Бахметьев.</i> Проблема интуитивного познания в контексте объективной философии	24
<i>S.V. Berdaus.</i> Husserl's phenomenology as a merging of metaphysics and ethics....	29
<i>C.B. Воробьева.</i> Критическое мышление и дискурсивная аналитика в трансдисциплинарной методологии.....	32
<i>H.B. Головко.</i> Р. Байд и натуралистическая интерпретация аргумента «чудеса не принимаются».....	36
<i>A.V. Golubinskaya.</i> From knowledge society to the society of beliefs.....	40
<i>К.Н. Евдокимова.</i> Полемика Ж.-П. Сартра и Р. Аrona.....	43
<i>А.С. Зайкова.</i> Логическое соотношение элементов темпорального опыта.....	46
<i>А.Л. Каулинь.</i> Эволюция наук о духе в неогегельянстве.....	49
<i>И.С. Кудряшов.</i> Онтология медиа: позиция Петера Слотдердайка и Дитера Мерша.....	54
<i>Д.К. Маслов.</i> Равновесие аргументов в социальной эпистемологии.....	58
<i>А.Ю. Моисеева.</i> X. Патнэм, истина и pragmatическое обоснование.....	60
<i>А.П. Никитин.</i> Основания pragmatической семиотики денег.....	65
<i>С.Е. Овчинников.</i> Научная объективность и эволюционная эпистемология.....	68
<i>A.A. Sanzhenakov.</i> The correspondence of metaphysics and ethics of Aristotle.....	71
<i>А.А. Стоян.</i> Феномен насилия в постидеологическом обществе.....	74
<i>Э.В. Тарасенко.</i> Статус субъекта во взаимодействии с кинообразом: концепции коллективного и индивидуального субъекта.....	77
<i>Е.С. Хаблова.</i> Историк философии на перекрестке традиций: складки историко-философской практики.....	81
<i>М.Н. Шалдяков.</i> Постметафизика Витгенштейна и проблема следования правилу.....	84

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>К.К. Абзалутдинов, Чжан Чэнъцзи.</i> Развитие туризма в северо-западных районах КНР.....	89
<i>Т.К. Булагай.</i> Образ жизни советской женщины: презентация в литературе.....	94
<i>В.Н. Буртонова.</i> Внутренние пригороды Улан-Удэ: адаптационные практики освоения городского пространства.....	98
<i>М.В. Гавриленко.</i> Влияние эсхатологических представлений на повседневную жизнь старообрядцев верховья Енисея.....	102
<i>М.В. Евдокимова.</i> Информатизация образования как фактор генезиса фальсификаций.....	105
<i>А.И. Евдокимов.</i> Основные тренды социокультурного влияния внешней миграции на принимающее сообщество Республики Хакасия.....	109
<i>А.А. Ефанов.</i> Феномен информационной войны в современной медиа-повестке	112
<i>Л.Г. Зайнуллина.</i> «Go knights go!»: медиевализм в организации спортивного бренда.....	117
<i>Е.И. Заседателева.</i> Особенности жизненных стратегий сельской молодежи..	120
<i>Е.М. Лбова.</i> Реформа РАН и проблема публикации научных результатов в гуманитарных науках.....	124
<i>Д.М. Магомедов.</i> Актуальные проблемы изучения дагестанских языков.....	127
<i>С.А. Мадюкова, О.А. Персидская.</i> Эрзатизация этнической традиции: опыт Тувы.....	131
<i>А.Е. Пискунова.</i> «Сибирь комическая»: возможности интернет-коммуникации.	135
<i>Д.В. Руденкин, А.С. Зотова.</i> Анализ ценностных предпочтений российской молодежи: кейс Екатеринбурга.....	141
<i>М.А. Рябова.</i> Реализация права новосибирской молодежи на участие: проблемы и пути решения.....	145
<i>Р.Д. Сакоева.</i> Идея происхождения в идентификации современных алтайцев.	150
<i>И.В. Сапон.</i> Типы личной информации в профиле социальной сети «ВКонтакте»: гендерный аспект.....	154
<i>А.А. Симбирцева.</i> Экологическая культура современной студенческой молодежи (на примере учащихся НГУЭУ).....	158
<i>Е.И. Синицына.</i> Проблема соблюдения договора о РСМД по документам Конгресса США.....	162
<i>В.А. Скуденков.</i> Экономические притязания в городской среде (на примере Иркутска).....	165
<i>П.А. Трескин.</i> Роль некоммерческих организаций в построении диалога с органами власти.....	170
<i>И.Д. Украинцева.</i> Доступность образования для детей с ограниченными	

возможностями здоровья в Российской Федерации.....	176
<i>Ю.С. Филаретова, Б. Атие.</i> Анатомия сирийского конфликта: взаимосвязь внутриполитического и международного аспектов.....	180
<i>В.М. Филатова.</i> Ценностные ориентиры современного, студенческого сообщества в концепции «Университет 3.0».....	185
<i>И.И. Щемелева.</i> Отношение студенческой молодежи к социальной активности в вузе.....	188

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>M.Р. Арпентьева.</i> Технологизация и информатизация криминального профилирования и верификации.....	193
<i>A.Н. Артемова.</i> Ответственность лиц, контролирующих юридическое лицо, за злоупотребление правом в гражданском праве РФ.....	198
<i>О.А. Брашинина.</i> Корыстная цель как признак специальных видов хищений .	202
<i>A.К. Варданян.</i> Оценка перспектив налога на имущество физических лиц.....	207
<i>A.Б. Дицкин.</i> Различие права и закона: аргументы современного юридического неопозитивизма.....	212
<i>A.В. Крылова.</i> Развитие института доверительного управления наследственным имуществом.....	215
<i>Э.И. Лескина.</i> Аксиомы в трудовом праве: аксиологический аспект.....	219
<i>E.Ю. Моисеева, A.С. Белоусов.</i> Право на криоконсервацию человеческого тела: конституционно-правовой аспект.....	222
<i>A.Ю. Пелых.</i> Проблемы определения пределов деликтоспособности обществ с ограниченной ответственностью.....	226
<i>О.А. Петрова.</i> Неустойка как мера гражданско-правовой ответственности по денежным обязательствам.....	231
<i>M.М. Полунина.</i> Регистрация нетрадиционных товарных знаков в России и за рубежом.....	233
<i>E.В. Семьянов.</i> Правосудие и справедливость в эпоху постмодерна.....	238
<i>E.Н. Суворкина.</i> Законодательные проекты в области детства во взаимосвязи с молодежной политикой.....	242
<i>K.А. Тимонин.</i> Проблемы взыскания компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумные сроки в рамках уголовного судопроизводства....	247

БИОЭТИКА

<i>H.М. Воеводин.</i> Этические аспекты коммуникации «врач (стоматолог) – пациент».....	253
<i>T.С. Калинина.</i> Актуальность использования.....	256
<i>B.В. Конончук.</i> Развитие корректных нравственно-правовых представлений у учебно-вспомогательного персонала и студентов в отношении работы	

с лабораторными животными.....	259
<i>С.С. Сергеев.</i> Биоэтическая проблематика и функции животных.....	262
<i>Н.А. Синюкова.</i> Феноменологическая интерпретация болезни и медицины.....	266
<i>О.С. Хихлич.</i> Роль социологических опросов в процессе совершенствования организации медицинской профилактики с детьми школьного возраста.....	270
<i>Е.В. Шекунов.</i> Hela – бомба биоэтического характера.....	273
<i>Т.Г. Шинко</i> Фармацевтическая этика в аптечных организациях: между пациентом и планом.....	276
Список принятых сокращений.....	280

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы XVI Всероссийской научной конференции
молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук

Редакционная коллегия
*B.B. Петров, A.H. Артемова,
O.A. Персидская, A.A. Санженаков*

Публикуется в авторской редакции

Верстка, допечатная подготовка
B.B. Введенский

Подписано в печать 22.11.2018 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура Academy Old
Уч.-изд. л. 18. Усл.-печ. л. 16,56
Тираж 300 экз. Заказ № 266

Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2